

А 246

ДВОРЯНСТВО
И КРЕПОСТНОЙ
СТРОЙ
РОССИИ
XVI - XVIII ВВ.

АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ
НОВОСЕЛЬСКИЙ

36
246
K

ДВОРЯНСТВО И КРЕПОСТНОЙ СТРОЙ РОССИИ XVI - XVIII ВВ.

Сборник статей,
посвященный памяти
АЛЕКСЕЯ АНДРЕЕВИЧА
НОВОСЕЛЬСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА • 1975

1617700

Тематический сборник статей посвящен памяти крупного советского исследователя истории России XVII века — Алексея Андреевича Новосельского. Авторы статей впервые в советской историографии освещают ряд важных вопросов истории господствующего класса России XVI—XVIII веков. В статьях затронуты генезис различных групп дворянства и судьба отдельных прослоек класса русских феодалов, зарождение дворянской интеллигенции в XVIII веке; прослеживаются различные формы дворянского землевладения, хозяйства и имущественного положения дворян. Выясняется влияние дворянства как на правительственную политику, так и на развитие крепостнических отношений внутри страны. Авторами статей исследуются характер и масштабы участия дворян в государственном управлении.

Сборник завершается двумя публикациями документов: впервые издаются 13 коллективных дворянских челобитных 2-й половины XVII века, обнаруженные А. А. Новосельским и представляющие большой интерес для изучения внутренней политики этого периода. Публикуется также приговор Земского собора 1639 года.

Книга представит интерес для историков-специалистов, аспирантов, студентов исторических вузов, учителей, интересующихся периодом феодализма в России.

Редколлегия:

Н. И. ПАВЛЕНКО (ответственный редактор),
И. А. БУЛЫГИН, Е. И. ИНДОВА, А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
С. М. ТРОИЦКИЙ

10604-098
Д 042(02)-75 — 11 — 74

1618361

© Издательство «Наука», 1975 г.

Государственная
публичная библиотека
им. В.Г. Белинского
г. Свердловск

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Советская историография плодотворно изучает положение трудящихся в период феодализма. В то же время в исследовании истории господствующего класса существуют пробелы. Класс феодалов на протяжении многих веков занимал господствующее положение в обществе России. Дворянство, оттесняя родовитую знать и духовных феодалов, постепенно стало играть руководящую роль в социальной и политической жизни страны.

Если бросить общий взгляд на социально-экономическую историю России XVI—XVIII вв., то нетрудно заметить неуклонный рост влияния в ней дворянства. В XVI в. оно, еще недостаточно окрепшее, нуждалось в защите своих прав от «сильных людей» и обращалось за ней к самодержавию. В следующем столетии оно уже набрало силы и в иных случаях диктовало свою волю правительству. В XVIII в. влияние дворянства возросло настолько, что оно распоряжалось тронном, безгранично расширило свои права на труд и личность крестьянина, приобрело обширные привилегии и освободилось от службы.

Рука об руку с ростом социально-политического влияния дворянства шел процесс развития крепостного права. История дворянства неразрывно связана с утверждением крепостного строя в России. Недаром понятия «дворянин» и «крепостник» часто воспринимаются как синонимы. Поэтому все важнейшие вехи в расширении дворянских прав и привилегий сопровождались массовыми выступлениями закрепощенного крестьянства.

Другой стороной истории дворянства являлась его консолидация. В XVI в., когда протекал интенсивный процесс формирования дворянства, в его структуре прослеживаются следы феодальной раздробленности. По мере развития централизации в XVII в. стираются различия между отдельными прослойками дворянства, с одной стороны, и между дворянством и боярством — с другой. XVIII столетие имеет дело с единым классом-сословием, когда юридические различия, отделявшие одну его прослойку от другой, отошли в прошлое.

Дворянство хотело быть, но так и не стало замкнутым сословием. На протяжении своей истории оно принимало в свои ряды представителей других сословий, причем в разные периоды менялись критерии, удовлетворяя которые «подлый» человек мог бы стать «благородным» дворянином.

Из рядов дворянства рекрутировалась военная и большая часть высшей и средней гражданской бюрократии абсолютизма, из его же среды выходили апологеты существующих порядков и его противники, душители свободы и революционеры, выдающиеся полководцы и бездарные военачальники, ревнители просвещения и мракобесы. Все они являлись порождением своей эпохи и отражали глубинные процессы, протекавшие в толще социально-экономической жизни феодального общества России.

Настоящий сборник статей не претендует на освещение всех аспектов истории дворянства, являющейся главной темой предлагаемого издания. Его скромная задача состоит в том, чтобы привлечь внимание исследователей на комплекс вопросов, без изучения которых не может быть полно воспроизведен исторический процесс во всей его сложности и многообразии. Нельзя считать нормальным, что до сих пор приходится довольствоваться работами по истории дворянства дореволюционных специалистов, не удовлетворяющими советских историков ни в методологическом отношении, ни по собранному фактическому материалу.

Подавляющее большинство статей сборника освещает источники формирования дворянства в широком смысле этого понятия, характеризует ту социальную среду, из которой в разное время пополнялись его ряды. Авторы ряда статей характеризуют притязания дворянства, проникают во внутреннюю жизнь дворянских вотчин и прослеживают происходившие в них изменения. История дворянства в широком смысле слова была тесно связана с развитием крепостничества, поэтому несколько статей сборника посвящено различным аспектам этой проблемы.

В приложении публикуются две подборки документов. Первая из них связана с деятельностью Земского собора 1639 г. Материалы этого собора, открытые А. А. Новосельским, полностью подготовлены к печати [В. Н. Шумиловым]. Челобитные дворян были обнаружены в архиве А. А. Новосельского, который, видимо, намеревался их опубликовать. Окончательная подготовка их к печати, сверка с оригиналами и археографическая обработка осуществлены С. М. Троицким.

Вся научно-организационная подготовка сборника к печати проведена В. Г. Шерстобитовой. Корректурa проведена В. С. Румянцевой. Редколлегия благодарит В. И. Буганова и А. Н. Сахарова за помощь в подготовке сборника к печати, выразившуюся в рецензировании статей.

О НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ А. А. НОВОСЕЛЬСКОГО

Алексей Андреевич Новосельский (1891—1967) принадлежал к тому поколению советских историков, научное формирование которых протекало в дореволюционные годы. Склонность к научно-исследовательской работе он проявил, еще будучи студентом историко-филологического факультета Московского университета. На пятом семестре ему за сочинение «Верховный тайный совет в России» была присуждена золотая медаль. С золотой медалью он в 1915 г. окончил университет и был оставлен при нем для подготовки к профессорскому званию.

Трудовую деятельность Алексей Андреевич начал в 1918 г. после успешной сдачи экзаменов на степень магистра русской истории. С этого года по 1930 г. он работал научным сотрудником в Древлехранилище (ныне — ЦГАДА). Одновременно он в течение полутора лет (1919—1921) был преподавателем факультета общественных наук МГУ, научным сотрудником I ряда Института истории РАНИИОН (1922—1929) и научным сотрудником Государственного Исторического музея (1922—1926).

1920-е годы составили важную веху в творческой биографии Новосельского. В эти годы проходил процесс овладения марксистско-ленинской методологией, определился круг научных интересов ученого, были написаны четыре работы, в том числе монография «Вотчинник и его хозяйство XVII века»¹, опубликование которых прочно закрепило за автором репутацию серьезного и одаренного исследователя.

Затем наступает период работы в библиотеке им. В. И. Ленина (1930—1935) и библиотеке Антропологического музея МГУ (1935—1942). Близко знавшим Алексея Андреевича хорошо известно его чувство огромной ответственности за порученное дело, готовность отдать ему все силы. Выполнение обязанностей, стоявших в стороне от столбовой дороги развития советской исторической науки, значительно ослабило творческую активность Алексея Андреевича — за 12 лет он опубликовал одну статью² и принимал участие в подготовке к изданию «Актов хозяйства боярина Б. И. Морозова»³.

¹ А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. М., 1929.

² А. А. Новосельский. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в.— «Исторические записки», т. 4.

³ «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», т. I—II. М.—Л., 1940.

За четыре года пребывания в докторантуре (1942—1946) Алексей Андреевич написал и успешно защитил докторскую диссертацию, стал профессором Московского историко-архивного института. Все последующее время вплоть до ухода на пенсию в 1963 г., он работал в Институте истории АН СССР. Плодотворная творческая деятельность сочеталась с большой научно-организационной работой, руководством коллективами ученых, исследовавших проблемы истории СССР периода феодализма, источниковедения, археографии.

Приступая к характеристике научного наследия Новосельского, я должен сделать оговорку: для меня оценить это наследие в полной мере, определить его место в историографии вдвойне затруднительно — слишком свежи еще воспоминания о живом Алексее Андреевиче; он был, кроме того, моим заботливым наставником, учителем, научный авторитет которого я всегда уважал и высоко ценил. Быть может, будущие историографы обнаружат в трудах Новосельского промахи, упущения, сочтут возможным проследить эволюцию взглядов и т. д. Свою задачу я вижу в общем обзоре трудов учителя и попытке дать этим трудам логическую систематизацию, отрешась при этом от времени их опубликования.

Начну анализ научного наследия с первой монографии Алексея Андреевича.

Монография Новосельского «Вотчинник и его хозяйство в XVII веке» является третьей по счету попыткой монографически исследовать структуру и хозяйственную жизнь вотчины XVII в. Его предшественники — И. Е. Забелин и А. И. Заозерский изучали своего рода уникальные хозяйственные комплексы, основанные на крепостном труде — боярскую вотчину Б. И. Морозова и вотчину царя Алексея Михайловича. Объектом исследования Новосельского, как он сам пишет, была «рядовая вотчина» стольника А. И. Безобразова. Она уступала названным выше по размерам, была примитивнее по организации, ее владелец занимал более скромное место в феодальной иерархии того времени и не располагал ни политическим влиянием, ни экономическими ресурсами, чтобы подобно царю и боярину организовать многоотраслевое хозяйство. Короче, вотчина Безобразова в известной мере типичное крепостное хозяйство России второй половины XVII в. Тем больший интерес представляют наблюдения о его функционировании для характеристики процессов, протекавших в экономическом и социальном строе страны.

В распоряжении автора находился ограниченный круг источников. В фонде не оказалось многих документов, характерных для вотчинного архива XVIII—XIX столетий: челобитных, подававшихся вотчинниками в правительственные инстанции, систематических учетных данных о скоте, посевах и урожае, месячных и годовых сводок о доходах и расходах, сборе повинностей, подворных описей. Безобразов держал все нити управле-

ния хозяйством в своих руках, обходился без вотчинной конторы и лично отправлял приказчикам-холопам распоряжения по каждому конкретному случаю. Все, чем располагал исследователь, в значительной мере можно отнести к эпистолярному наследию стольника Безобразова — это его переписка с родственниками и знакомыми, с московскими и деревенскими приказчиками. «Чуждый всякой официальности и литературности язык» такого рода документов, как пишет Новосельский, дает обильный материал для личной характеристики Безобразова, его духовных запросов, позволяет вскрыть эмоциональные порывы, стимулировавшие кипучую деятельность вотчинника, короче, нарисовать его портрет. Портрет под пером автора получился запоминающийся и колоритный. В характере Безобразова доминировало грубое, примитивное и мелочное стяжательство, перед которым отступали соображения нравственного, морального и религиозного свойства. Неприкрытый эгоизм отчетливо выражен в отношениях Безобразова к родственникам и соседям, друзьям и знакомым. Свои отношения он строил на одном — возможности извлечь меньшую или большую выгоду, ради которой он готов поступиться всем.

О боярине Б. И. Морозове современник заметил, что он был проникнут «такой же жадностью к золоту, как обыкновенна жажда пить». Жадность к деньгам была присуща и Безобразову, но утолял он ее примитивным способом. Безобразов был еще далек от предпринимательства, в его вотчинах отсутствовали промыслы, не занимался он и торговлей. Непрестанные требования увеличить доходы не подкреплялись соответствующими вложениями в производство, вотчиннику не приходила в голову элементарная мысль, что для осуществления его планов недостаточно попукания приказчиков. Но именно попуканием, однообразной грубой бранью, которая, как иронически писал Алексей Андреевич, «никогда не может быть лишней», Безобразов стимулировал энергию приказчиков. Перед читателем проходит галерея приказчиков, холопское усердие каждого из которых отличалось индивидуальными чертами.

Крутой и необузданный нрав вотчинника проявлялся во всем, но особенно в отношении к холопам и крестьянам. Их наказания были столь жестокими, что вызывали осуждение даже родственников и знакомых.

В своей основе вотчинный комплекс, разбросанный в различных уездах страны, носил типичные черты натурального хозяйства. Все, что требовалось почти не тронутому европейской цивилизацией барину, доставлялось из вотчин. Силами крепостных строились церкви, хоромы, разнообразные хозяйственные сооружения. Эти же крестьяне изготавливали все необходимое для экипировки двора. Связь с рынком носила случайный характер — изредка, при крайней нужде в деньгах, вотчинник продавал хлеб, яблоки, орехи. Часть крестьян нечерноземных вотчин

находилась на денежном оброке. Деньги Безобразов расходовал на приобретение одежды для себя и супруги, украшений, икон для церкви.

В рассматриваемой монографии есть разделы, содержание которых тесно связано с предшествующими и последующими научными интересами Алексея Андреевича. Речь идет об освещении стремления А. П. Безобразова утвердиться в южных уездах, перенести центр своих владений из малопродуктивных земель Замосковья во вновь основанные вотчины в украинских деревнях. На этом поприще стяжательству вотчинника сопутствовал успех. Безобразов шаг за шагом округлял свои южные владения: скупал мелкие участки у «боярских детишек», при удобном случае бесцеремонно сгонял с земли служилую мелкоту, из-за земли постоянно сутяжничал со своими соседями. Чернозем новых владений приносил более высокие и устойчивые урожаи, ради которых Безобразов оставлял невозделанными поля замосковских вотчин и переселял крестьян на юг.

Проблема изучения колонизации, земледельческого освоения южных уездов надолго приковала внимание Новосельского. Ученого с полным основанием можно назвать исследователем колонизации южной окраины страны, причем колонизационный поток рассматривается на широком фоне социально-экономических процессов в Русском государстве, внутренней и внешней политики его правительства.

В научном наследии Алексея Андреевича, посвященном изучению колонизации, нетрудно обнаружить по крайней мере три взаимно связанных между собой аспекта исследуемой проблемы: 1) народная колонизация, перемещение населения на юг в форме бегства, выселение районов, откуда совершалось «сползание» населения и районов оседания крестьян на землю; 2) влияние бегства крестьян на взаимоотношения между различными группами господствующего класса, соперничество между ними на почве борьбы за крепостной труд, изучение форм воздействия дворянства на правительственную политику в вопросе сыска беглых и изучение реальных шагов правительства в этом направлении; 3) внешнеполитические акции правительства в связи с продвижением на юг, борьба Русского государства с Крымом и влияние ее успехов на освоение южных земель. Остановимся подробнее на выводах и наблюдениях по каждому из названных аспектов.

Для исследования бегства крестьян Алексей Андреевич использовал открытый им новый тип источника — отдаточные книги, ранее неизвестные историкам. В специальной источниковедческой статье дана обстоятельная характеристика делопроизводства сыскных приказов, классифицированы отдаточные книги, составляющие наиболее ценную часть этого делопроизводства, установлена возможность их статистической обработки.

Исследование отдаточных книг Новосельский осуществил дважды: в своей ранней работе он изучил движение населения

на территорию «понизовых» городов, позже его внимание было сосредоточено на анализе отдаточных книг по Тамбовскому уезду. Основной вывод автора, опубликованный в статьях, отдельных двадцатилетним промежутком времени, одинаков, что дает основание убедиться в его прочности. «Побеги были ограничены некоторыми определенными радиусами и не простирались слишком далеко от места первоначального жительства беглецов»⁴, — писал автор в 1926 г. К аналогичному наблюдению автор пришел, анализируя данные отдаточных книг по Тамбовскому уезду: «передвижение населения было постепенным сползанием населения, а не происходил в форме далеких перекочевок и «перелетов». В Тамбовский уезд крестьяне бежали из близлежащих западных и северных уездов»⁵.

Установленная общность, однако, не исключала различий в судьбах беглых. Если в Среднем Поволжье беглецы находили приют преимущественно в вотчинах крупных титулованных владельцев (бояр Н. И. Одоевского, Б. И. Морозова, В. И. Троекурова и др.), то в Тамбовском уезде пришлые устраивались в дворцовых селах и деревнях, записывались в полковые казаки, становились бобылями. Лишь незначительная часть беглых сохраняла положение частно-владельческих крестьян, что свидетельствует о стремлении беглецов полностью освободиться от крепостной неволи.

Обработка данных об имущественном положении беглых позволила сделать вывод о том, что на юг переселялись крестьяне целыми семьями, со всем домашним скарбом, скотом, запасами хлеба. Нередко насиженные места покидало все население деревни во главе со старостой. Среди беглецов отсутствовали беднейшие элементы деревни — таков заключительный вывод автора, правда, оговоренный необходимостью его проверки на более обширном материале⁶.

Некоторые исследования Алексея Андреевича посвящены истории антагонистического крестьянству класса — дворянству. Изучение нетронутых архивных пластов позволило сделать наблюдения, прочно вошедшие в научную и учебную литературу. Корпоративное устройство провинциального дворянства, точнее, его верхушки в лице «выбора» или городских дворян, рассмотрено в статье «Правящие группы в служилом городе XVII в.»⁷.

⁴ А. А. Новосельский. Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века. — Труды Института истории РАН ИОН, т. I. М., 1926, стр. 337.

⁵ А. А. Новосельский. Отдаточные книги беглых как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII веке. — Труды Историко-архивного института, т. II. М., 1946, стр. 20.

⁶ А. А. Новосельский. К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII века. — «Исторические записки», т. 16. М., 1945.

⁷ «Ученые записки Института истории РАН ИОН», т. V. М., 1928.

Дворянские челобитные первой половины XVII в. давно известны в литературе, результаты их анализа помогают уяснить истоки соперничества между различными группировками феодального класса в связи с установлением срока давности сыска беглых крестьян. Предшественники писали о диаметрально противоположном отношении крупных и мелких феодалов к урочным годам. Алексей Андреевич в небольшом этюде наметил еще одну линию противоречий. Оказывается, что мелкие феодалы не противостояли крупным как единый отряд, что «сохранение коротких урочных лет было выгодно служилым людям южных уездов, куда в 20—50-е годы XVII в. направлялся значительный поток беглых крестьян»⁸. Интересы дворян и детей боярских южных уездов, протестовавших против увеличения срока сыска беглых, в данном вопросе смыкались с интересами крупных феодалов.

Новосельский впервые ввел в научный оборот дворянские челобитные второй половины XVII в. Одна группа челобитных касалась сыска беглых, другая — межевания земель. Сопоставление содержания челобитных первой и второй половины XVII в. привело Алексея Андреевича к выводу, что дворяне, добившись права бессрочного сыска беглых, домогались неукоснительной реализации этого права, организованного силами правительства сыска беглых и сурового наказания за прием беглых. Автор установил, что коллективные челобитные по традиции составлялись в годы сосредоточения служилых людей в Москве для участия в очередных военных походах, т. е. в ситуациях, наиболее благоприятных для оказания давления на правительство. Традиционным осталось и размежевание сил. «Челобитья исходили от средних слоев служилого класса, — писал Алексей Андреевич, — среди челобитчиков не было титулованных имен, думных чинов, на запись которых и жаловались широкие круги служилых людей»⁹.

Новосельский не ограничился анализом содержания челобитных и констатацией наличия соперничества между прослойками феодального класса. Он поставил челобитные дворян в прямую связь с правительственной политикой, подвергавшейся воздействию в противоположных направлениях. Именно этим обстоятельством объяснены колебания законодательства в вопросе о наддаточных: «...под напором средних владельческих слоев правительство устанавливало «страшную государеву заповедь», а под влиянием крупных владельцев, стоявших у власти, следом же аннулировало ее»¹⁰.

---

⁸ А. А. Новосельский. К вопросу о значении «урочных лет» в первой половине XVII в. — «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». Сб. статей. М., 1952, стр. 179.

⁹ А. А. Новосельский. Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века, стр. 331, 332.

¹⁰ Там же, стр. 346.

В других челобитных служилые люди требовали защиты своих прав на землю, поддержки со стороны правительства против притязаний «спльных» людей, своей «мочью» бесцеремонно захватывавших участки. Правительство, как и в первом случае, стремилось удовлетворить притязания челобитчиков. Правда, повсеместного межевания проведено не было, решение этой задачи оказалось непосильным правительству только три четверти столетия спустя, но установлена связь частично проведенного описания и межевания спорных земель в 80-х годах XVII в. с дворянскими челобитными этого времени ¹¹.

Не менее интересны наблюдения Новосельского относительно правительственной политики по вопросу о распространении крепостнического землевладения на территорию южных уездов страны. В десятилетия, когда эти уезды подвергались опасности крымских вторжений и правительство организовывало оборону границы силами приборных служилых людей, оно сдерживало распространение крепостнического землевладения. Ряд городов был объявлен «заказными», в интересах организации обороны запрещалось там поместье бояр и московских служилых людей.

В 70-х годах XVII в. в правительственной политике наступил перелом: угроза нападений уменьшилась, сказались результаты обороны южных границ, в связи с чем были сняты ограничения для помещичьей колонизации, и южные уезды в течение последних десятилетий XVII в. превращаются в типичные районы помещичьего землевладения с преобладанием крепостного населения. Значительная часть земли коренного одподворческого населения путем захватов и скупки переходит в руки крепостников, однодворцы ставятся в такие невыносимые условия, что сами оставляют свои владения ¹².

Из рассмотренных выше работ Новосельского, на мой взгляд, вытекает общий вывод о том, как антагонистические противоречия между основными классами феодального общества создают сложный клубок противоречий внутри феодального класса. Такая распространенная форма крестьянского сопротивления феодальной эксплуатации, как бегство крестьян, вызывала неодинаковую реакцию со стороны крупных феодалов и массы средних и мелких землевладельцев. Но и среди последних не было единства относительно продолжительности урочных лет и организации сыска беглых: интересы служилых людей южных уездов не совпадали в этом вопросе с интересами служилых людей, чьи земельные владения находились в давно обжитых районах. Наконец, нельзя игнорировать самостоятель-

¹¹ А. А. Новосельский. Коллективные дворянские челобитья по вопросам межевания и описания земель в 80-х годах XVII в.— «Ученые записки Института истории РАН ИИОН», т. IV. М., 1929.

¹² А. А. Новосельский. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в.— «Исторические записки», т. 4.

ные интересы государства, ради обороны границ не рисковавшего удовлетворять притязания различных групп феодалов, чьи крестьяне бежали на юг страны. Наличие внутриклассового соперничества в повседневной, так сказать обыденной, жизни оказывало воздействие как на социальную политику правительства, так и на переход от сословно-представительной монархии к абсолютизму.

Значение рассмотренных работ в научной биографии Алексея Андреевича состояло также в том, что они являлись своего рода подготовительным этапом к написанию фундаментального исследования «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века»¹³.

Изменение колониционных потоков, смена спадов периодами интенсивного заселения южных уездов в конечном итоге определялись русско-крымскими отношениями. Таким образом, внимание к изучению борьбы Русского государства с татарами логически вытекало из давних интересов ученого. Тема нового исследования пришла не извне, а как бы завершала предшествующие разыскания, раздвигала рамки изучения колонизации южных уездов как внутреннего социально-экономического процесса привлечением материала внешнеполитического содержания. Было бы, однако, неправильно ограничивать значение монографии только выяснением влияния борьбы с Крымом на освоение южных районов. Тема поставлена шире, исследование осуществлено во многих аспектах.

Русско-крымские отношения в тот период стояли в центре внешнеполитических акций Русского государства. На протяжении столетия Русское государство вело тяжелую и изнурительную борьбу, в отдельные периоды лишь затихавшую, но никогда не прекращавшуюся. Даже в годы относительного затишья разрозненные отряды крымцев проникали на русскую территорию. В периоды обострений отношений набеги были массированными, на Русь двигались десятки тысяч татар, грабя и уничтожая все на своем пути. По подсчетам автора, только в первой половине XVII в. татары увели из пределов Русского государства не менее 150—200 тыс. человек полона, а расходы на поминки, содержание крымских послов в Москве, выкуп пленных за это же время составили около 700 тыс. руб. Ясырь и поминки были лишь малой долей общего ущерба, наносимого стране хищными соседями. Урон от угона скота, уничтожения посевов, разорения городов и деревень не поддается учету. А сколько народной энергии тратилось на строительство засечной черты, содержание гарнизонов! Невозможно, наконец, выразить в цифрах ущерб от ударов «в спину» крымцев в годы, когда Русскому государству приходилось в тяжелых условиях отста-

¹³ А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.—Л., 1948.

пвать свою национальную независимость от западных соседей или бороться за возвращение захваченных земель: непрерывные татарские вторжения в 1607—1617 гг. осложнили борьбу с польско-шведскими интервентами, а два массированных похода крымцев в 1632 и 1633 гг. оказали огромное влияние на неблагоприятный для России исход Смоленской войны. Именно поэтому нельзя не признать вполне обоснованным утверждение автора о том, что «ни одна страна не требовала от Московского правительства такой бдительности и внимания, как Крым»¹⁴.

Русско-крымские отношения Алексей Андреевич исследует на широком фоне международной обстановки того времени. Преодоление татарской опасности стояло в центре забот русского правительства не только вследствие того, что татары занимали выгодное стратегическое положение, долгое время обеспечивавшее их неуязвимость, но и потому, что за их спиной стояла могущественная Турция, а также Речь Посполитая, выступавшая в роли союзника Крыма. В монографии уделено много внимания анализу русско-турецких и русско-польских отношений, с одной стороны, и исследованию крымско-турецких и крымско-польских отношений — с другой.

Внешняя политика изучена Алексеем Андреевичем под углом зрения ленинских указаний о том, что «всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает»¹⁵. Раскрытие этого положения привело автора к необходимости искать истоки постоянной военной активности татар в социально-экономической и политической структуре Крыма. «Ссылка на «хищничество» татар не есть объяснение», — заключает Новосельский¹⁶. Автор связывал активность татар с низким уровнем развития производительных сил, не обеспечивавших соответствующего уровня жизни ни ханов, ни многочисленных мурз, выразительные портреты которых даны на страницах исследования. Роскошный быт князей и мурз, как и богатство крымских царей, обеспечивался отнюдь не внутренними ресурсами и эксплуатацией массы улусных татар. Взоры крымских феодалов были устремлены на своих соседей, грабежом которых они восполняли недостающее. Интенсивность татарских нападений находилась в прямой зависимости от экономических и политических затруднений в Крыму. «Стимулы к набегам рождались беспрестанно внутри самого Крыма» — таков вывод автора.

Оборонительные меры русского правительства, эффективность борьбы с татарскими вторжениями тоже поставлены в прямую связь с социально-экономическими процессами, протекавшими в Русском государстве. В период слабости Русского государства, обусловленной «смутой», походы крымцев оставались безнака-

¹⁴ Там же, стр. 106.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 79.

¹⁶ А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами..., стр. 419.

занными и их притязания на поминки безоговорочно удовлетворялись правительством. Однако по мере ликвидации последствий «смуты» и восстановления хозяйства страны менялся тон дипломатических переговоров с крымцами — русское правительство переходило от обороны к наступлению. Московская система обороны, писал Алексей Андреевич, «была тяжеловесной, не приносила значительных побед, но она лучше охраняла украинное население и хотя медленно и постепенно, но неуклонно отодвигала линию борьбы все далее к югу»¹⁷. Характеризуя это продвижение, автор отчасти использовал свои наблюдения в ранее опубликованных исследованиях, отчасти привлек новые материалы.

В беседе с автором этих строк Алексей Андреевич как-то сказал по поводу рассматриваемой монографии, что она «не заржавеет». Под этим подразумевались долговечность исследования, покоящегося на прочном фундаменте широко использованных архивных источников, удовлетворенность автора итогами своей многолетней работы. Действительно, научная добросовестность автора, его бережное отношение к историческому факту, стремление строить выводы на максимальном привлечении самых разнообразных источников могут быть поставлены в образец. Достаточно напомнить, что дела крымские и турецкие, составляющие огромный массив фонда Посольского приказа, подверглись почти сплошному изучению.

В связи с работой над монографией Алексей Андреевич написал три статьи, являющиеся как бы побочным продуктом выявления и изучения материалов для нее. Содержание одной из них излагает суть крупного открытия. Речь идет о Земском соборе 1639 г., фактически до этого неизвестном, ибо предшественники всего лишь предположительно писали о каком-то соборе между 1634 и 1640 гг. Обнаруженный приговор земского собора, созванного в связи с беспрецедентно жестоким обращением крымцев с русскими послами, превратил догадку в точно установленный факт. Документ оказался в руках исследователя, великолично осведомленного об обстановке, предшествовавшей созыву собора, и о влиянии его деятельности на последующие события. Это обеспечило глубину анализа и обоснованность выводов. «Мнения, высказанные на соборе, — как писал Алексей Андреевич, — не оказали влияния на деятельность правительства». Земский собор скорее всего был средством мобилизации общественного мнения против жестокостей крымцев. Правительству «нужна была моральная поддержка и возможность сослаться на эту поддержку»¹⁸.

¹⁷ А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами..., стр. 368.

¹⁸ А. А. Новосельский. Земский собор 1639 г.— «Исторические записки», т. 24, стр. 28, 29.

Несомненный интерес представляет источниковедческая статья «Разновидности крымских статейных списков XVII в. и приемы их составления»¹⁹. Этот тип источников широко использован еще в первом томе монографии, там же дана ему лаконичная оценка: «Наиболее ценными из состава дипломатических документов являются статейные списки; о значении этого первоклассного источника нет надобности распространяться»²⁰. Вернуться к этому вопросу и более подробно раскрыть значение статейных списков для изучения дипломатических отношений с Крымом Алексея Андреевича вынудили появившиеся в литературе утверждения, что эти списки составлялись в Москве и подвергались редактированию в Посольском приказе. В статье доказана ошибочность подобных суждений, подтверждена репутация статейных списков как первичного источника, составившегося по горячим следам только что происходивших событий на месте этих событий, в результате их непосредственного восприятия, а не в Москве.

Третий этюд посвящен характеристике торговых связей украинских городов с Доном. Отсутствие компактного источника затрудняет исследование вопроса. В статье размером в три четверти печатного листа использованы, судя по ссылкам, материалы десяти архивных фондов, содержание которых было изучено в процессе работы над монографией. С присущей Алексею Андреевичу осторожностью сформулирован вывод о том, что хотя торговые сношения между Доном и внутренними областями «не имели вполне спокойного и регулярного характера, но все же они отличались довольно значительной интенсивностью и на протяжении XVII в. несомненно усиливались»²¹.

Видное место в научном наследии Новосельского занимают главы и параграфы, написанные им для коллективных работ — «Истории Москвы», «Очерков истории СССР. Период феодализма. XVII в.», а также первого тома учебника по истории СССР для университетов. В перечисленных трудах Алексей Андреевич выступал и в качестве редактора. Его участие в коллективных трудах происходило в пору научной зрелости, наличия огромных знаний и опыта исследовательской работы. Именно эти обстоятельства позволили ему с успехом справиться со сложной задачей переосмысления наследия, оставленного дореволюционными историками, обобщения исследований советских ученых и уточнения собственных, ранее добытых наблюдений.

Среди работ этого плана прежде всего должны быть отмечены разделы «Очерков истории СССР». Почти треть первой части тома написана Алексеем Андреевичем либо самостоятельно, либо в соавторстве с другими специалистами. Ему принадлежит вве-

¹⁹ «Проблемы источниковедения», т. IX. М., 1961.

²⁰ А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами..., стр. 7.

²¹ А. А. Новосельский. Из истории донской торговли XVII в.— «Исторические записки», т. 26, стр. 216.

дение к тому, излагающее концепцию исторического развития Русского государства в XVII в., а также вводные параграфы к основным главам, где сжато охарактеризована суть процессов, протекавших в сфере социальных отношений, эволюции государственного строя, внешней политики и т. д. Ряд параграфов освещает эти процессы в конкретно-историческом плане. Глубина их содержания определяется прежде всего тем, что в них Алексей Андреевич изложил многолетние собственные наблюдения, отчасти опубликованные ранее, отчасти специально добытые для данного издания. Таковы параграфы о сельском хозяйстве, дворянах и крестьянах, классовой борьбе, внешней политике России. Алексею Андреевичу удалось не только отразить современный ему уровень достижений науки в разработке освещаемых проблем, но и заглянуть вперед. Именно эта черта, несмотря на обильный поток литературы в последующие годы, придает тексту свежесть и оригинальность и в наши дни.

Несколько слов о манере подачи материала, литературной обработке текста. Труды Алексея Андреевича могут служить образцом культуры стиля, умелого пользования неисчерпаемым богатством русского языка. Он писал просто, филигранно отточенными фразами, без нарочитой вычурности и патетики и в то же время ярко. Колорит эпохи, вотчинного быта XVII в. раскрыт в живом портрете Безобразова, вылепленного из тонко подмеченных черт его характера. Эти черты не декларируются. Они вытекают из поступков и действий вотчинника, находящихся под наблюдением автора.

В ином ключе написана серия статей о сыске беглых, дворянских челобитиях и др. В них отсутствуют портретные зарисовки и описание повседневного быта. Материал иного характера подвергался другим приемам анализа, социальные процессы рассмотрены не через призму действий конкретных личностей, а изучены на фоне взаимоотношений между классами и социальными группами.

В другом плане написаны разделы учебника. Здесь обращают внимание лаконизм, четкость, отсутствие шаблонных фраз, умение выделить то главное, что определяло сущность явления.

В научном наследии Новосельского почетное место занимает публикация источников. При его участии была осуществлена подготовка к изданию двух томов «Актów хозяйства боярина Б. И. Морозова» — подборки архивных документов, характеризующих хозяйственную деятельность крупнейшего феодала России XVII в. В качестве заведующего сектором источниковедения и публикации источников Института истории АН СССР Алексей Андреевич осуществлял научно-археографическое руководство работой по составлению трехтомного сборника документов и материалов, освещающих важнейшую веху во взаимоотношениях русского и украинского народов — воссоединение Украины с Россией.

Крупный вклад в расширение источниковой базы по второй крестьянской войне внесла трехтомная публикация документов «Крестьянская война под предводительством Степана Разина». Алексей Андреевич редактировал 3-й том этого издания. Имя Новосельского связано с рядом многотомных изданий документов по истории советского общества: «Декретов Советской власти», «Документов внешней политики СССР», «Переписки председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министром Великобритании». Он был членом редколлегии журнала «Исторический архив», а также издания «Исторический архив», печатавшегося в 1939—1954 гг. Участие Алексея Андреевича в подготовке документов к публикации обеспечивало изданиям строгий отбор источников, имеющих подлинно научную ценность, и высокую археографическую культуру.

Один источник Алексей Андреевич подготовил к печати и опубликовал самостоятельно. Речь идет об открытой им «Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей по переписным книгам 1678 г.»²² Достоинно сожаления, что этот источник до сих пор не подвергся разностороннему анализу специалистами истории СССР XVII в. Между тем опубликованная Алексеем Андреевичем «Роспись» в сочетании с аналогичными источниками, введенными в научный оборот в предшествующее время, дает богатейший материал для характеристики как землевладения, так и эволюции государственного строя в России.

Три типа источников, в подготовку которых к печати Алексей Андреевич вложил много труда, к сожалению, остались неопубликованными. К ним относятся открытые Алексеем Андреевичем еще в 20-х годах дворянские челобитные второй половины XVII в., а также в те же годы открытый им архив стольника А. И. Безобразова. Подготовка к печати этого архива, документы которого имеют первостепенное значение не только для историков, но и для лингвистов, осуществлялась совместно с научными сотрудниками Института русского языка АН СССР. Важность третьего сборника — «Актов Русского государства XVI — начала XVII в.» — вряд ли нуждается в аргументации.

Руководя сектором источниковедения и публикации источников головного научно-исследовательского института страны, Алексей Андреевич, естественно, оказался в центре как разработки теоретических проблем источниковедения, так и практики публикации документов. При его активном участии разрабатывались «Правила издания исторических документов», опубликованные в 1955 г. Перу Новосельского принадлежит ряд статей, подводивших итоги развития советской археографии²³.

²² «Исторический архив», 1949, т. 4.

²³ А. А. Новосельский, В. И. Шунков. Издание исторических документов в СССР. — Доклады советской делегации на X Международном кон-

Место ученого в науке определяется прежде всего его личным вкладом в разработку научных проблем, сосредоточением исследовательских усилий на тематике, имеющей общественно-научное значение и вследствие этого подхватываемой другими учеными, наличием учеников, продолжающих начатое дело. Все эти качества как бы концентрируются в высоком чувстве гражданского долга, в ответственности за судьбы науки, которой отдавались творческие силы.

О личном вкладе Новосельского в науку сказано выше. Показателем научного значения проблематики и актуальности изучения источников, на базе которых исследовалась эта проблематика, является постоянный интерес к ней исторической науки. Например, проблема колонизации страны и бегства крестьян на окраины, изучение этих явлений по источникам, впервые введенным в научный оборот Алексеем Андреевичем, стала предметом исследования как его учениками, так и молодыми научными работниками, не находившимися с ним в личном контакте до выбора темы²⁴.

Мастерство исследователя у Алексея Андреевича сочеталось с высоким педагогическим мастерством. Доступность и благожелательность, личное обаяние и внутренняя культура, скромность и готовность поделиться своими знаниями влекли к нему и начинающих ученых, и товарищей по работе. У него было немало учеников, которых он терпеливо обучал навыкам исследовательской работы, помогал стать учеными, не жалел сил и времени при редактировании их кандидатских и докторских монографий.

Заслуги ученого-коммуниста Новосельского в развитии советской исторической науки отмечены высшей правительственной наградой — орденом Ленина. Историческая общественность выразила любовь и уважение к научным заслугам Алексея Андреевича выпуском в 1961 г. сборника статей, посвященных его 70-летию.

грессе историков в Риме». М., 1955; А. А. Новосельский, В. А. Кондратьев. О публикации исторических источников в СССР за 40 лет.— «История СССР», 1958, № 3.

²⁴ См. А. Г. Маньков. Побег крестьян в вотчинах Троице-Сергиева монастыря в первой четверти XVII в.— «Ученые записки ЛГУ», серия ист. наук, 1944, вып. 10; С. М. Каштанов. Отдочные книги Троице-Сергиева монастыря 1649—1650 гг.— «Исторический архив», 1955, т. VIII; И. А. Булыгин. Беглые крестьяне Рязанского уезда в 60-е годы XVII в.— «Исторические записки», т. 43; Т. И. Смирнова. Побег крестьян накануне выступления С. Разина.— «Вопросы истории», 1956, № 6; И. М. Скляр. Из истории политики правительства царя Алексея Михайловича по крестьянскому вопросу накануне восстания Степана Разина.— «Ученые записки Кирг. гос. заочн. пед. ин-та», 1959, т. IV; А. А. Преображенский. Сын беглых на Урале.— «Из истории Урала». Свердловск, 1961; В. Б. Павлов-Сильванский. Отказные книги Поместного приказа как источник по истории служилого землевладения.— «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966; Г. Н. Анпилогов. Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. М., 1967, т. др.

ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ АНДРЕЕВИЧА
НОВОСЕЛЬСКОГО

Когда, прожив большую жизнь, окидываешь взглядом прошлое, в памяти встает много лиц, с которыми в разное время сводила судьба. И с особой теплотой и благодарностью вспоминаешь о тех людях, встречи с которыми не были простой случайностью, общение с которыми обогатило и разум и душу. К числу таких людей принадлежал Алексей Андреевич Новосельский.

Я не могу сказать, что был его близким другом, но наши жизненные пути неоднократно соприкасались на протяжении срока с лишним лет, мне не раз приходилось с ним вместе работать, я наблюдал его в разных условиях. И его облик запечатлелся в моем сознании как облик человека большого интеллекта и душевной чистоты.

16/8361
Впервые я встретился с Алексеем Андреевичем в самом начале 20-х годов. Нас познакомил наш общий учитель Алексей Иванович Яковлев, известный ученый, профессор Московского университета, член-корреспондент Академии наук СССР. В доме Яковлева я не раз виделся с Алексеем Андреевичем. Он принадлежал к числу любимых учеников Алексея Ивановича и сам относился к нему с большим уважением. Это были люди во многом разные по характеру, психологическому складу, образу научного мышления. Но думаю, что в значительной мере у своего учителя Алексей Андреевич воспринял интерес к социально-экономической тематике, не без его влияния стал изучать историю Русского государства XVII в., как и он, много сил положил на публикацию источников. Я помню, как после смерти А. И. Яковлева в 1951 г., Алексей Андреевич произнес в Институте истории на заседании сектора истории феодализма очень теплую речь, посвященную памяти своего учителя, в которой отдал ему дань благодарности.

В начале 20-х годов А. И. Яковлев задумал многотомную публикацию новых архивных материалов по истории крестьян в XVII в. Время было тяжелое. Только что окончилась гражданская война. Рассчитывать на издание документов типографским способом было трудно. И Алексей Иванович решил распространять их в виде машинописных копий. Изготавливалось до 20—25 таких копий, они сброшюровывались в отдельные тома и рассылались по ряду библиотек. К сожалению, сейчас найти их

почти невозможно. Почти все тома куда-то исчезли. Редакторами этого несколько необычайного по типу издания выступали Яковлев и Новосельский. К участию в работе в качестве составителей (как сейчас говорят) А. И. Яковлев пригласил меня и моего товарища Д. М. Банина (он вскоре умер еще молодым).

Я пошел в архив — так называемое Древлехранилище (ныне Центральный государственный архив древних актов) и под непосредственным руководством Алексея Андреевича стал изучать столбцы XVII в. Тогда в архиве все было не так, как теперь. Посетителей было мало. Особый читальный зал появился не сразу, и читатели одно время работали вместе с сотрудниками. Я был еще очень молод, готовился в аспирантуру и с трепетом взирал на маститых архивистов — В. В. Шереметевского, Н. П. Чулкова, на таких крупнейших представителей исторической науки, регулярно посещавших архив, как М. М. Богословский, А. Н. Филиппов, Ю. В. Готье и др.

Алексей Андреевич помог мне не только научиться читать скоронись и готовить столбцы к публикации, он помог мне преодолеть страх перед неведомым доселе ученым миром и почувствовать себя в нем если не своим (на это я еще не имел права), то во всяком случае не чужим. Небольшого роста, в сером рабочем халате, с маленькой бородкой клинышком, которую он изредка пощипывал, с глазами ласково глядевшими на мир, на людей, Алексей Андреевич очень привлекал к себе. От него веяло большим доброжелательством, радушием, приветливостью. Прошло уже свыше сорока лет, но перед моим мысленным взором и сейчас встает образ Алексея Андреевича тех лет, несущего ученым по их требованию толстые рукописные книги в старинных переплетах.

По возрасту, рангу, положению в науке Новосельский был ниже и Богословского, и Филиппова, и многих других, но они очень ценили его как большого знатока архивного материала и относились к нему с уважением.

В то время я еще не понимал, что значит архив для Алексея Андреевича, какой отпечаток он наложит на всю его дальнейшую жизнь как ученого. Архив был школой, не пройдя которой, он, конечно, не дал бы науке того, чем она ему обязана. По-настоящему я понял это через много лет, увидевшись с Алексеем Андреевичем в последний раз в жизни. Это было в конце 1967 г. на заседании ученого совета Центрального государственного архива древних актов, посвященного пятидесятилетию Великой Октябрьской революции. Алексей Андреевич сказал тогда небольшое слово, которое оказалось прощальным. Он был уже болен и слаб, говорил тихо и его было трудно слушать, но говорил проникновенно. И главная мысль, которую он хотел довести до присутствующих, особенно до молодежи, заключалась в том, что историк, не работающий в архиве, не может называться ученым. Алексей Андреевич вспомнил тех архивистов — Шереметевского, Чулкова, Богоявленского, чьим примером руководствовался всю

жизнь, ибо, смолоду пойдя работать в архив, он там провел и последние свои годы, когда уже вышел на пенсию.

Архивные изыскания, производившиеся Новосельским в 20-х годах, дали ему возможность сделать важные научные открытия. Он нашел коллективные дворянские челобитные, лежшие в основу первой же его статьи «Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века». А. И. Яковлев хотел опубликовать эту статью Алексея Андреевича в виде машинописного текста во введении к «Памятникам истории крестьян и холопов в Московском государстве XVII в.» Но Алексей Андреевич отказался, чтобы не закрыть своей работе путь к напечатанию типографским способом. В 1926 г. она увидела свет в «Ученых записках Института истории РАНИИОН» (Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук).

Работа в архиве натолкнула Алексея Андреевича и на другой первоклассный источник по русской истории XVII в. — документы вотчинного хозяйства стольника А. И. Безобразова, на основе которых он написал очень интересную книгу.

После появления в печати указанных и некоторых других трудов Новосельского в научном мире о нем стали говорить как о сложившемся талантливым исследователе, от которого надо много ждать в будущем. Это была крепкая, устойчивая репутация. Я вспоминаю очень лестные для Алексея Андреевича отзывы и М. М. Богословского, и С. Б. Веселовского, и Ю. В. Готье, не говоря уже об А. И. Яковлеве.

Важную страницу в жизни Новосельского составляют годы его работы в качестве старшего научного сотрудника в РАНИИОН (1924—1929). Учреждение РАНИИОН представляло собой попытку организации исследовательской работы и подготовки через аспирантуру кадров для высшей школы в области общественных наук в масштабе всей страны. Ассоциация, возглавляемая сначала М. Н. Покровским, затем В. М. Фриче, объединяла ряд институтов, среди которых видное место занимал Институт истории. Его директором был Д. М. Петрушевский. В Институте истории (как и в РАНИИОН в целом) работали и ученые старшего поколения, сложившиеся в дореволюционное время, обладавшие большими знаниями, профессиональными навыками, но далекие от марксизма, и видные историки-марксисты — М. Н. Покровский, В. И. Невский, В. П. Волгин и др. Здесь шла идейная борьба, происходили теоретические споры. Носители марксистско-ленинского мировоззрения прокладывали новые пути в науке. Молодежь проявляла иногда излишнюю нетерпимость в отношении старых ученых, которым было не так-то легко отказаться от привычных представлений. В условиях общего обострения классовой борьбы в стране подобная нетерпимость понятна. Но в среде профессуры дореволюционной формации совершалось размежевание, и ее лучшие представители (такие, как А. Е. Пресняков,

В. И. Пичета, С. В. Бахрушин и др.) все более приближались к марксизму.

В такой атмосфере мне пришлось провести несколько лет вместе с Новосельским в РАНИИОН. В конце 1925 г. я был принят в Институт истории в качестве аспиранта по секции русской истории, где Алексей Андреевич выполнял обязанности ученого секретаря. Председателем секции был М. М. Богословский. В то время не было еще специальных научно-организационных подразделений для изучения разных периодов прошлого нашей Родины. Лишь впоследствии выделилась подсекция истории русского революционного движения во главе с Невским.

Новосельский был одним из наиболее активных и творческих работников института. Достаточно сказать, что в составе не столь уж большой ранионовской продукции его труды занимают весьма значительное место. Мне приходилось слышать его доклады по тематике истории крестьян и вотчинного хозяйства России в XVII в., которые всегда вызывали живые отклики со стороны присутствовавших. Обычно разворачивались интересные прения. Бросалась в глаза спокойная уверенность, с которой Алексей Андреевич отвечал своим оппонентам, а среди них были крупные знатоки источников той эпохи, изучением которой он занимался. Алексей Андреевич не горячился, в своих ответах был немногословен. Но его лаконизм, являвшийся результатом сведения к немногим четким определениям наблюдений над большим фактическим материалом, убеждал больше, чем поток общих рассуждений.

Особенно памятен мне один доклад Новосельского по документам архива Безобразова, сделанный им на пленарном заседании Ученого совета института. Туда выносились вопросы как русской, так и всеобщей истории, имеющие наиболее широкий интерес. Председатель совета Петрушевский очень строго подходил к докладам на совете. Он как-то выразился, что заседания последнего должны быть «праздником науки». Закljučая прения по выступлению Алексея Андреевича, Петрушевский был скуп в оценках. Он не сказал докладчику ни одного трафаретного комплимента. Но чувствовалось, что он был удовлетворен и что заседание прошло не буднично.

К своим обязанностям ученого секретаря Алексей Андреевич относился по-особому, неказенно. Даже в такое обыденное дело, как написание протоколов обсуждения научных докладов, он вносил творческое начало. В секции русской истории существовал порядок, по которому перед началом каждого заседания прочитывался и утверждался протокол заседания предыдущего. Протоколы, составленные Алексеем Андреевичем, носили характер глубоких научных отчетов. Я помню, как М. К. Любавский как-то публично заметил, что это прекрасный материал для будущего историка исторической науки. Я не знаю, в какой степени сохранился и где теперь хранится архив РАНИИОН. Но

если бы кто-нибудь сейчас мог посмотреть дела секции русской истории, он, вероятно бы, убедился, что Любавский был прав в своей оценке деятельности Алексея Андреевича.

Обстановка идейных споров, проходивших в РАНИИОН, не могла не оказать воздействия на формирование мировоззрения Новосельского как историка-марксиста. Но к теоретическим вопросам он относился очень серьезно и не любил скороспелых суждений, которые иногда допускались в то время. К марксизму он пришел через глубокое объективное изучение конкретной исторической действительности, оснащая это изучение теорией. В 20-х годах марксистская концепция исторического процесса часто отождествлялась целиком с построениями М. Н. Покровского. Я не могу сказать, насколько близко Алексей Андреевич знал лично Покровского, но в работах последнего он многое воспринимал критически. Зато Алексей Андреевич не принял участия и в «разоблачении» концепции Покровского, когда она была признана «антимарксистской». Все это говорит о большой научной честности и принципиальности Новосельского, о том, что его отношение к научным вопросам всегда было глубоко продуманным, не менялось под воздействием временных обстоятельств.

В начале 30-х годов пути наши с Алексеем Андреевичем разошлись, и надолго. Правда, мы встречались, но редко, и встречи были случайными, мимолетными. Лишь в конце 1942 г. судьба свела нас снова. Оба мы поступили в докторантуру Института истории Академии наук СССР. Алексею Андреевичу было уже за пятьдесят. Время наложило на него свой отпечаток. Лицо его несколько изменилось из-за того, что он снял бородку, столь памятную мне с моей юности. Но был он бодр, здоров и полон творческих сил.

Рабочим местом для Алексея Андреевича служил по-прежнему Центральный государственный архив древних актов. Мне также часто приходилось бывать там в связи с подготовкой докторской диссертации, и мы довольно регулярно виделись. Диссертация Алексея Андреевича явилась плодом многолетней работы. Годы докторантуры были лишь временем завершения его труда. Первоначальный творческий замысел автора был большой и широкий. Монографию о борьбе Московского государства с крымскими татарами в XVII в., представленную к защите, он предполагал первоначально довести до конца столетия или по крайней мере до Чигиринских походов. Но задача оказалась слишком сложной. И Алексею Андреевичу посоветовали разбить материал на две книги, что он и сделал, ограничившись для докторской диссертации хронологическими рамками первой половины столетия. Но и для ведения до конца этой темы в трехгодичный срок, предоставляемый докторантам, приходилось работать напряженно и целеустремленно. Алексей Андреевич умел это делать, хотя был врагом всякой спешки и долго вынашивал свои труды.

Докторская диссертация Алексея Андреевича явилась произведением зрелой научной мысли, капитальным исследованием, которые создаются не столь часто. 17 июня 1946 г. состоялась защита. Она происходила на заседании Ученого совета Института истории АН СССР, в том здании на Волхонке, где тогда помещался институт. Председательствовал Б. Д. Греков. Оппонентами выступали В. И. Пичета, С. К. Богоявленский, С. В. Бахрушин. Это был интересный, серьезный диспут, причем и оппоненты и все присутствующие ясно сознавали, что положения, развиваемые диссертантом, возведены на солидном фундаменте. Алексей Андреевич отвечал на сделанные ему возражения отточенными, чеканными фразами. Это был вообще присущий ему полемический стиль. Он как бы закреплял в сознании слушателей определенные, выношенные им идеи. Говорил без дипломатии, не боясь кого-либо задеть, не облекая свои ответы в обтекаемую форму. Я вспоминаю, как, заканчивая свой спор с Богоявленским и как бы ставя точку, Алексей Андреевич машинально взял стоявшее перед ним пресс-папье и сильно ударил им по столу. Богоявленский, человек умный и добрый, потом шутя говорил: «Вот какой сердитый, я думал — он меня хочет побить».

Ученый совет единодушно присудил Алексею Андреевичу степень доктора исторических наук. По принятому в то время в институте обычаю председателем счетной комиссии постоянно избирался Богоявленский как старейший член совета. Он и объявил принятое решение.

Еще до защиты диссертации, с 1943 г. Новосельский стал вести преподавательскую работу в Историко-архивном институте сначала по кафедре вспомогательных исторических дисциплин, затем — по кафедре истории СССР. Во главе кафедры вспомогательных исторических дисциплин в то время стоял А. И. Андреев, работали там такие крупные специалисты, как В. К. Лукомский — редкий знаток сфрагистики и геральдики, человек большой культуры и личного обаяния, и С. Н. Валк, оказавшийся на некоторое время в Москве по дороге из эвакуации в Ленинград. По окончании войны вернулся с фронта Н. В. Устюгов. Пребывание в Историко-архивном институте сыграло, по моему, большую роль в дальнейшем развитии у Алексея Андреевича интереса к проблемам источниковедения. Любовь к источникам зародилась у него очень давно, когда еще в молодости он погрузился в архивное море. Теперь Алексей Андреевич стал много размышлять над теоретическими вопросами источниковедения. Имело здесь значение и его общение со специалистами-ленинградцами — Андреевым, Валком, Лукомским, ибо в Ленинграде разработка этих вопросов всегда велась на очень высоком уровне. Вместе с Андреевым Алексей Андреевич собирался написать курс русской дипломатики и серьезно готовился к этому, изучая и акты, и русскую, и западноевропейскую литературу. Но трудно было одновременно писать диссертацию и готовить

другую работу, а после защиты отвлекли новые дела. Курс так и не был написан.

В течение нескольких лет Новосельский вел практические занятия по вспомогательным историческим дисциплинам в ряде студенческих групп. В других параллельных группах то же делал я. Естественно, что мы и бывали на занятиях один у другого, и делились друг с другом своим педагогическим опытом. Приходилось слышать и студенческие отзывы о преподавании Алексея Андреевича. Студентам было на его занятиях всегда интересно. И главная причина его успехов, мне думается, заключалась в том, что он не просто учил читать скоропись, разбираться в актовых формулярах, датировать тексты и т. д., он всегда стремился показать, что все это дает историку. Он не только старался привить своим ученикам технико-методические навыки, необходимые для работы с источниками, но и показывал, какие исторические выводы можно сделать, пользуясь ими. Педагогическим успехам Алексея Андреевича содействовали и его качества как человека: большая благожелательность к молодежи, выдержанность и спокойствие в отношениях с ней, в сочетании с ответственностью к себе и к другим. Все это создавало между учителем и учениками атмосферу доверия и уважения.

Защитив диссертацию, Алексей Андреевич перешел на кафедру истории СССР, которую возглавлял П. П. Смирнов, а после смерти последнего стал его преемником в качестве заведующего кафедрой. Здесь Алексей Андреевич начал читать общий курс отечественной истории периода феодализма, который многие годы вел Смирнов. Выступать после Смирнова было делом нелегким. Павел Петрович был первоклассным лектором. Студентов завораживали его темпераментность, яркая манера подачи материала, оригинальность трактовок целого ряда сюжетов. На первом курсе на людей, только что сошедших со школьной скамьи, лекции Павла Петровича производили особенно сильное впечатление. Я помню, как горько переживали студенты его неожиданную смерть.

К Алексею Андреевичу (а он начал вести общий курс еще при жизни Смирнова, параллельно с ним) слушатели, естественно, отнеслись с некоторым предубеждением. Но предубеждение это быстро испарилось и сменилось большой заинтересованностью и чувством удовлетворения. Манера читать лекции у Новосельского была иная, чем у Смирнова, но не менее яркая и своеобразная. Это были как бы вдумчивые размышления над ходом истории, логически последовательное изложение прошлых судеб родной страны. Изложение строилось на умело отобранных и сведенных в систему фактах.

Алексей Андреевич, может быть, меньше, чем Смирнов, давал новых, еще не апробированных наукой находок, но его лекции не уступали лекциям Смирнова по глубине и фундаментальности.

Проработав в Историко-архивном институте до 1956 г., т. е. до своего шестидесятипятилетия, Алексей Андреевич дал очень много

молодому поколению. Из ряда студентов, слушавших Алексея Андреевича, выросли серьезные ученые, труды которых достаточно известны. Ученики Алексея Андреевича, конечно, лучше меня могут рассказать, как он работал с ними, и когда они были студентами, и когда они были аспирантами. Мы же все видим результаты этой работы — результаты больше и положительные.

Уйдя из Историко-архивного института, Алексей Андреевич не потерял с ним связи. Даже в последние годы своей жизни, находясь на пенсии, он аккуратно посещал заседания Ученого совета института, членом которого являлся, и его присутствие всегда было радостным и облагораживающим для людей различных поколений.

Основные силы после окончания докторантуры Алексей Андреевич отдавал Институту истории АН СССР, где в разное время работал на разных участках: в качестве заведующего Сектором истории СССР периода феодализма, заместителя директора, заведующего Сектором источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. И какие бы организаторские функции не выполнял Алексей Андреевич, он никогда не прекращал научно-исследовательской работы и никогда не покидал на долгое время архив; всегда он старался выкроить часы для его посещения.

Сектор истории СССР периода феодализма Новосельский возглавил после смерти в 1950 г. С. В. Бахрушина — ученого широкого профиля и большой эрудиции. При жизни Бахрушин очень ценил Новосельского и вряд ли можно было бы найти ему более достойного преемника. Заведующим сектором Алексей Андреевич пробыл недолго, менее двух лет, но в жизни сектора оставил неизгладимый след. И дело не только в том, что он был душой всех больших начинаний в области изучения эпохи феодализма — и монографий, которые создавались при его поддержке, и коллективных трудов типа «Очерков истории СССР периода феодализма» или «Истории Москвы», и публикаций источников. Дело прежде всего в том, что он, продолжая традиции бахрушинского времени, сумел сплотить коллектив, сохранить его творческий характер, обеспечивая непрерывность в передаче накопленного опыта, закрепляя в сознании молодежи все лучшее, добытое трудом предшествующих поколений. Много сил положил Алексей Андреевич на то, чтобы побороть распространённый предрассудок, согласно которому изучение феодальной эпохи — дело якобы неактуальное.

Авторитет Новосельского как ученого и как организатора науки был настолько высок, что в 1951 г. он был выдвинут на пост заместителя директора Института истории. Я помню, как, отмечая шестидесятипятилетие Алексея Андреевича, на заседании Ученого совета директор Б. Д. Греков с мягким юмором, прикрывающим искреннее уважение к юбиляру, говорил Алексею Андреевичу, что его «юность прошла», «наступила зрелость» — та пора жизни, когда он сможет особенно плодотворно приме-

нить свой опыт в деле организации работы в институте. Алексей Андреевич ответил тогда, что готов отдать этому делу свои силы. И он был верен своему слову.

Как заместитель директора (а временами и исполняющий обязанности директора) Новосельский был доступен и прост в обращении. К нему легко было зайти поговорить, получить совет, помощь. Он всегда имел свое мнение и не боялся его защищать, не уходил от решения сложных вопросов. Ему была присуща большая житейская мудрость, заставлявшая его не принимать поспешных решений. Природная мягкость и доброта сочетались у Алексея Андреевича с твердостью там, где нужно было отстаивать точку зрения, в правильности которой он был убежден. Ему было нелегко на большом административном посту. Он не мог относиться равнодушно к тому отрицательному, что встречал на своем пути и остро переживал, если ему не удалось побороть все нездоровое, мешавшее развитию исторической науки. Да и годы давали о себе знать. Здоровье пошатнулось. Тяжелый отпечаток на Алексея Андреевича наложила смерть его жены.

Последние годы своей работы в Институте истории Алексей Андреевич, освободившись от обязанностей заместителя директора, посвятил Сектору источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, который был организован по его инициативе и который он возглавлял. Научных сил в составе сектора было немного, а задачи перед ним стояли большие (и выпуск сборников «Проблемы источниковедения», и работа в области публикации источников, и подготовка историко-географического атласа). Отсюда возникало много трудностей, и это угнетало Алексея Андреевича.

Особенно увлекала Алексея Андреевича задача создания общающего труда по теоретическому источниковедению. На своем семидесятилетнем юбилее Алексей Андреевич выступил с докладом, посвященным проблемам теоретического источниковедения, а в ответном слове на приветствия подчеркнул, что разработкой этих проблем займется в последующие годы жизни. Если Алексею Андреевичу не удалось выполнить свое намерение, то за него это теперь делают его ученики.

Скоро после своего семидесятилетнего юбилея Алексей Андреевич ушел на пенсию. Но он не ушел от науки. До последних дней своей жизни Новосельский постоянно работал в архиве, его можно было видеть на заседаниях различных ученых советов, он руководил работой аспирантов, вел научно-исследовательский кружок. Он по-прежнему отдавал всего себя любимому делу, людям, молодому поколению.

Последние годы жизни Алексея Андреевича мы прожили с ним в одном доме, я — несколькими этажами выше его. Иногда (хотя и редко) встречались в домашней обстановке и беседовали; особенно сразу после смерти жены Алексея Андреевича,

когда он очень переживал одиночество и тосковал. Запомнились мне некоторые высказывания Алексея Андреевича, характеризующие его отношение к науке, к людям, ею занимающимся. Как-то речь зашла о С. Д. Сказкине, о его обобщающем труде по истории средневекового крестьянства, над которым он работал много лет и выхода которого в свет с нетерпением все ждали. Алексей Андреевич сказал тогда, что на примере Сказкина видно, что иногда на одну книгу ученый затрачивает значительную часть своей жизни, и дело не в том, чтобы написать побольше книг, а чтобы созданное было доведено до совершенства. И сам Новосельский ведь работал именно так.

Он любил вспоминать профессоров, с которыми был связан с юности, у которых многому научился. Алексей Андреевич ценил в ученом не только специальные знания, но и общую культуру. Не раз он упоминал Ю. В. Готье, человека широко и разносторонне образованного, восторгался его блестящим знанием иностранных языков (по-французски, например, Готье говорил как уроженец Парижа).

С большим уважением отзывался Алексей Андреевич о медицисте Д. Н. Егорове. Сейчас это имя, кроме специалистов, уже мало кому известно. Но в свое время это был яркий профессор Московского университета, импозантный внешне, с холеной бородой, красиво говоривший и любивший, чтобы его слушали. Алексея Андреевича привлекали в Егорове большая эрудиция, хорошее знание иностранной литературы, любовь к библиотечному делу, которому и Алексей Андреевич отдал несколько лет жизни.

Добрую память хранил Алексей Андреевич об известном революционере — большевике В. И. Невском, с которым он проработал ряд лет в Ленинской библиотеке.

Вообще, мне кажется, Новосельский был щедр к людям. Он стремился найти в тех, с кем сводила его судьба, то хорошее, что в них есть. Это не значит, что он был безразличен или снисходителен к чужим недостаткам. Нет, он разбирался в людях, но ему по натуре были свойственны скорее мягкая прония, чем сарказм, скорее юмор с оттенком добродушия, чем негодование. И когда он сердился и раздражался (что тоже бывало), это привлекало к нему, а не отталкивало, как привлекает все искреннее.

Когда пришло известие о смерти Алексея Андреевича, это было большим горем для всех, кто его знал. И много теплых слов было сказано при прощании с ним.

Истинный ученый всегда скромнен. Это качество было в полной мере присуще Алексею Андреевичу. Я помню, как в 40-х годах Алексей Андреевич, встретившись со мной в архиве, с застенчивой улыбкой рассказывал мне, что его наградили медалью «За оборону Москвы». Он говорил, смущаясь, что ему дорога эта награда, которая, вероятно, останется для него единствен-

ной. Алексей Андреевич ошибался, ошибался именно потому, что недооценивал себя. В дальнейшем он удостоился и других медалей и высшей правительственной награды — ордена Ленина.

Уже в пожилом возрасте, шестидесяти лет, Новосельский был принят в члены КПСС. Вступление в партию было для него сознательным шагом, подготовленным предшествующей деятельностью ученого-гражданина. И он всегда с большой ответственностью относился к званию коммуниста.

СЛУЖИЛЫЕ КНЯЗЬЯ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ КОНЦА XV — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI В.

Проблема служилых князей в структуре господствующего класса России конца XV — первой трети XVI в. сравнительно новая. В старой дореволюционной литературе она почти не ставилась. Образование правящей аристократии рисовалось как процесс слияния потомков удельных и иных княжат со старомосковским боярством¹. Впервые С. Б. Веселовский дал обстоятельный очерк, посвященный судьбам владений князей Воротыньских, Одоевских, Бельских и Мстиславских в XVI в.² Однако различий между «служебными» и удельными княжатами он по существу не видел. Сравнительно недавно было обращено внимание на то обстоятельство, что служебные князья очень поздно, во всяком случае не ранее 1530 г., начали входить в состав Боярской думы³. Наконец, М. Н. Тихомиров выделил «уделы служебных князей» из общей массы уделов XVI в. Он высказал интересное предположение, что статут служебных князей в Москве определялся примерно теми же нормами, которые мы находим в докончании Казимира с новосильскими и одоевскими князьями 1459 г.⁴ Никакой разницы между уделами князей московского дома и «вотчинами» служилых людей не усматривает Р. Г. Скрынников⁵.

Задача настоящей работы сводится к выявлению судеб всех служилых княжат на Руси в первой трети XVI в. Принцип изложения избран хронологический — по мере включения удельных княжеств в состав Русского государства в конце XV — начале XVI в., а также перехода княжат на великокняжескую службу.

¹ В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси. Пг., 1919, стр. 227. Ср. В. И. Сергеев. Русские юридические древности, т. 2. СПб., 1900, стр. 302—319.

² С. Б. Веселовский. Последние уделы в Северо-Восточной Руси.— «Исторические записки», т. 22, стр. 104—131.

³ А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI вв. (далее — А. А. Зимин. Состав...)— «Археографический ежегодник за 1957 г.» М., 1958, стр. 42—87.

⁴ М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962, стр. 46—52.

⁵ «Творцы опричнины,— пишет он,— никогда не выступали противниками крупнейшего удельно-княжеского землевладения» (Р. Г. Скрынников. Опричнина и последние удельные княжения на Руси.— «Исторические записки», т. 76, стр. 160—174). Сходную точку зрения см.: С. П. Мордовина. Служилые князья в конце XVI века.— «Труды МГИАИ», т. 28. М., 1970, стр. 326—341.

У князя Романа Семеновича Одоевского (Новосильского) было три сына. От первого (Василия) в дальнейшем пошли белевские князья. От младшего (Юрия) — Воротынские (дети его второго сына Федора) и Одоевские⁶. К последним в конце XV в. принадлежали третий сын Юрия Семен и его дети. Князь Семен Юрьевич ранее других северских князей перешел на русскую службу. Он был убит уже осенью 1473 г.⁷ Одоев и Новосиль в 1459 г. принадлежали старшему брату Семена князю Ивану⁸. Его сын Федор позднее владел только половиной Одоева, второй распоряжались дети Семена — Иван Сухой, Василий Швих и Петр. «Братья-разбойники» уже в 1492 г. захватили половину вотчины Федора⁹. Службу одоевских князей московскому государю признал Александр Литовский в докончании 1494 г.¹⁰ В декабре 1502 г. князь Иван Семенович возглавлял передовой полк в войске Семена Стародубского и Василия Шемячича, отправленном в Литовскую землю¹¹. Последний раз он упоминается в походе 1508 г. Василия Шемячича «из Северы» (как второй воевода большого полка) в Литву на помощь М. Глинскому¹².

Второй из братьев Одоевских — Василий Семенович — в упоминавшемся уже походе 1502 г. возглавлял полк правой руки¹³. Летом 1507 г. он отбивал под Одоевом и Белевом нападение крымских татар («а из вотчин служилые князи», в их числе князь В. С. Одоевский)¹⁴. Затем в конце 1512 г. он шел «с Лук Великих» в большом полку к Браславлю во время первого Смоленского похода. В 1515 г. в армии, стоявшей на Вошане, а затем направившейся в Тулу, возглавляет большой полк. То же самое повторилось в 1516 и 1517 гг.¹⁵ Князя Василия (как, впрочем, и других северских княжат) все время сопровождает во вторых военачальниках кто-нибудь из московских воевод. Князь Василий стоял вместе с другими воеводами в Серпухове. Во время набега Мухаммед-Гирея на Москву в 1521 г. он воз-

⁶ Князь Иван Юрьевич в ноябре 1463 г. сделал вклад в Зачатьевский монастырь, находившийся в 10 км к северу от Лихвина по дороге в Перемышль (М. Т. Преображенский. Памятники древнерусского зодчества в пределах Калужской губернии. СПб., 1891, стр. 64).

⁷ ПСРЛ, т. 28, стр. 136.

⁸ ДДГ, № 60, стр. 192—193.

⁹ Сб. РИО, т. 35, стр. 57, 59, 65. Федор в 1494 г. «держал» Дорогобуж (там же, стр. 141). К лету 1497 г. он уже умер (там же, стр. 232).

¹⁰ ДДГ, № 83, стр. 330.

¹¹ «Разрядная книга 1475—1598 гг.» (далее — РК). М., 1966, стр. 34.

¹² Там же, стр. 39, 40. Тогда же он с В. Шемячичем встречал М. Л. Глинского. [ОР ГПБ, Эрмитажное собрание, № 390 (далее — ГПБ, Эрм. собр., № 390), л. 39]. В Крымских делах под 1517 г. упоминается Иван Одоевский (Сб. РИО, т. 95, стр. 391).

¹³ РК, стр. 35.

¹⁴ ГПБ, Эрм. собр., л. 37 об.

¹⁵ РК, стр. 48, 56, 58, 60.

главлял часть русских войск, расположенных на Угре. Здесь же в «головах» впервые упоминается его племянник князь Федор Иванович Одоевский. В августе князя Василия перебрасывают в Серпухов, где уже были крупные соединения русских войск. Летом 1527 г. князь Василий Одоевский стоял с отрядом в Коломне, осенью — в Ростиславле, а летом 1528 г. — снова в Коломне, основной базе русских войск, защищавших южные границы России¹⁶. Земли Василия Швиха Одоевского в 1504 г. находились в Можайском уезде¹⁷.

Племянники князя Василия Федор и Роман Ивановичи несли службу летом 1527 г. в Туле, где князь Роман продолжал находиться и летом 1528 г. Летом 1530 г. Роман Иванович находился «под Окатовым», а Федор тогда же послан был в Одоев. В начале 1531 г. оба брата возглавляли полк правой руки русской армии князя И. М. Воротынского. Летом того же года князь Федор сначала возглавлял в Одоеве большой полк, а затем был там вторым воеводой при князе И. М. Воротынском (полком правой руки командовал там его брат Роман). Очевидно, в первом случае князь Федор командовал своими, одоевскими полками, а затем с ними был включен центральной властью в более крупную армию¹⁸. Летом 1533 г. в Одоеве располагался с войсками, вероятно, уже престарелый дядя Федора и Романа Василий Семенович, а князь Роман нес службу «на Бобрике»¹⁹. После этого Василия Семеновича в источниках мы не находим; впрочем, вскоре пропадают известия и о его племянниках (Роман последний раз в разрядах упоминается в 1541 г., а Федор — в 1544 г.)²⁰. На дочери Василия Одоевского был женат видный деятель времени Ивана IV Петр Иванович Головин²¹.

Второй дядя Федора и Романа — Петр Семенович — исчезает из источников очень рано. Ему во время похода 1508 г. на помощь М. Глинскому в полках Якова Захарыча поручен был сторожевой, а позднее полк правой руки²². По разрядам 1522—1523 гг. он также возглавляет сторожевой полк²³.

Остается не вполне ясным, когда Одоев был потерян одоевскими князьями. Во всяком случае часть Одоева (два жребия и жребий Петра Семеновича) к 1525—1526 гг. принадлежала уже

¹⁶ РК, стр. 64, 66, 67, 70—72.

¹⁷ ДДГ, № 96, стр. 396.

¹⁸ РК, стр. 70, 72, 76—78; ГПБ, Эрм. собр., № 390, л. 101 об. По разрядам Пространной редакции они еще в 1512 г. возглавляли полк правой руки в рати И. М. Воротынского, из Козельска и Калуги преследовавший крымских татар (ГПБ, Эрм. собр., № 390, л. 49).

¹⁹ РК, стр. 82, 83.

²⁰ Там же, стр. 102, 108. Сын Василия Семен уже в мае 1533 г. возглавляет с окольничим И. В. Ляцким рать на Туле (там же, стр. 81). Последний раз в разрядах 1543 г. (там же, стр. 104).

²¹ П. К[азанский]. Село Новоспасское. М., 1843, стр. 115—116.

²² Там же, стр. 39, 40, 42.

²³ ГПБ, Эрм. собр., № 390, лл. 81, 82.

князю И. М. Воротынскому²⁴. В. Д. Назаров полагает, что два жребья в Одоеве достались Ивану III еще в конце 80-х — начале 90-х годов XV в. после смерти М. И. и Ф. И. Одоевских.

Остатки Одоевского княжества находились во владении князя Никиты Романовича Одоевского (на его сестре был женат Владимир Старицкий), опричного боярина, казненного в 1573 г.²⁵

КНЯЗЬЯ БЕЛЬСКИЕ

Князь Федор Иванович Бельский выехал на Русь из Литвы еще в 1481—1482 гг. и получил «город Демон в вотчину да Мореву со многими волостями»²⁶. В 1493 г. он по оговору был заточен, но через четыре года (в январе 1497 г.) освобожден и женился на княгине Анне Васильевне Рязанской²⁷. Тем самым он вступил в родственные связи с самим великим князем (на сестре Ивана III был женат отец княгини Анны). В удел Ф. И. Бельский на этот раз получил далекий от порубежья г. Лух (на средней Волге)²⁸. Впрочем, в своем завещании Иван III (конец 1503 г.) обеспечивал верховные права, как свои, так и своего старшего сына, на вотчину Ф. И. Бельского: в случае «отъезда» князя Федора или его детей к меньшим сыновьям Ивана III «или к кому нибуди», их вотчина должна была перейти к княжичу Василию²⁹.

Литовские земли князя Федора перешли к его брату Семену³⁰, который в 1500 г. также переехал в Москву, но уже со своею «отчиною»³¹. Его жена — дочь И. Ю. Патрикеева³². Сам он был близок к Иосифо-Волоколамскому монастырю, куда делал щедрые вклады³³. После его смерти Белая была взята на великого князя³⁴.

²⁴ В своей челобитной И. М. Воротынский писал: «...пожаловал меня... в старом Одоеве своим жалованьем — своими двумя жребья да княж Петровским жеребьем Семеновича» (В. Д. Назаров. Тайна челобитной Ивана Воротынского. — «Вопросы истории», 1969, № 1, стр. 211). В одном из ящиков Царского архива хранились «списки судные Воротынских князей и Одоевских» (ДДГ, стр. 448).

²⁵ Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Указ. статья, стр. 167; С. Б. Веселовский. Указ. статья, стр. 114—115.

²⁶ ПСРЛ, т. 28, стр. 152; НПК, т. II, стлб. 908 и сл.

²⁷ ПСРЛ, т. 28, стр. 324, 330. О его женитьбе см.: С. Герберштейн. Записки о Московитских делах. СПб., 1908, стр. 72—73 (ошибочно назван Василием).

²⁸ ДДГ, № 89, стр. 357.

²⁹ Там же.

³⁰ АЗР, т. I, № 126.

³¹ ПСРЛ, т. 28, стр. 333. Упоминается как «слуга» Василия III на своих землях до 1507 г. (Сб. РИО, т. 35, стр. 483).

³² ДДГ, № 86, стр. 348.

³³ «Послания Иосифа Волоцкого». М.—Л., 1959, стр. 182, 210.

³⁴ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 113.

Князь Федор Иванович Бельский, владения которого находились на «казанском рубеже», участвовал в неудачном походе 1506 г. на Казань. Тогда он был вторым воеводой большого полка в судовой рати князя Дмитрия Ивановича Углицкого, чей удел также располагался на Волге³⁵.

Князь Федор имел трех сыновей — Дмитрия, Ивана и Семена³⁶.

Князь Дмитрий женился на дочери близкого к Василию III конюшего И. А. Челяднина³⁷. Это, пожалуй, было самое приближенное к великому князю лицо из северских княжат. Еще весной 1519 г. он вместе с М. Ю. Захарьинным ездил «сажать» на царство в Казань Шигалея³⁸. Летом 1521 г., возглавляя во время набега Мухаммед-Гирея русскую оборону на р. Оке, он не пострадал (в отличие от других воевод) за то, что допустил вторжение крымских войск в глубину русских земель — якобы «по молодости лет»³⁹.

Первым среди воевод назван Д. Ф. Бельский и во время похода русских войск к Коломне 1522 г.⁴⁰. Не попав в опалу, Д. Ф. Бельский все же за «тихие успехи» на ратном поприще надолго отстраняется от участия в военных делах. 20 сентября он с братом Иваном даже вынужден принести присягу на верность Василию III в связи с каким-то проступком⁴¹. Но уже в январе 1526 г. он — «дружка» на свадьбе московского государя⁴². В феврале 1527 г. Д. Ф. Бельский вместе с В. В. Шуйским, Б. И. Горбатым и И. Д. Пенковым принимает поруку группы представителей высшей знати по М. Л. Глинском, сам в свою очередь отвечая перед Василием III в случае побега князя Михаила⁴³.

В декабре 1528 г. вместе с великим князем и его окружением Д. Ф. Бельский ездил на богомолье в Кириллов монастырь⁴⁴. В этой записи Д. Ф. Бельский впервые, причем единственным из «служивых князей», назван боярином. В августе 1530 г. он впервые после восьмилетнего отсутствия появляется в полках: вместе с И. М. Воротынским возглавляет рать, стоящую «против Осетра»⁴⁵. 31 июня 1531 г. великий князь велел «быти и спати переменясь» у князя Д. Ф. Бельского четырем детям боярским. Оружничий Н. И. Карнов должен был взять его

³⁵ РК, стр. 36.

³⁶ «Родословная книга». М., 1785, ч. 1, стр. 47—48.

³⁷ Н. П. Лихачев. Заметки по родословию некоторых княжеских фамилий. — «Известия Русского генеалог. об-ва», вып. I, СПб., 1900, стр. 70—71

³⁸ ПСРЛ, т. 8, стр. 266—267.

³⁹ РК, стр. 65, 67; С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 108, 148, 151—152.

⁴⁰ РК, стр. 80.

⁴¹ СГГД, ч. 1, № 152, стр. 420—422.

⁴² РК, стр. 9.

⁴³ СГГД, ч. 1, № 155, стр. 428—430.

⁴⁴ ЛОИИ, Собр. Лихачева, № 365, л. 852 об. Сообщено А. И. Копаневым.

⁴⁵ РК, стр. 74.

доспех, а В. Беззубый — копя⁴⁶. Очевидно, в это время князь Дмитрий (как и его брат Иван) находился в опале⁴⁷. Летом 1532 г. Д. Ф. Бельский стоял с войсками «против Колычовского острова»⁴⁸.

Включение Д. Ф. Бельского в состав думы, возможно, объясняется тем, что его удел находился не на рубежах, а в середине Русского государства⁴⁹, а также, очевидно, расположением к нему Василия III. Ведь именно он вместе с М. Л. Глинским объявлен был в 1533 г. опекуном малолетнего наследника престола княжича Ивана⁵⁰. Умер Д. Ф. Бельский в январе 1551 г.⁵¹.

В источниках второй из сыновей Федора Бельского, Иван, появляется позднее старшего брата. Он был, судя по всему, более крупной фигурой. В 1522 г. он с младшим братом Семеном среди других воевод сопровождает Василия III на Коломну⁵². Во время неудачного летнего похода 1524 г. Шигалея на Казань он уже первый воевода большого полка⁵³. Очевидно, в связи с этим фиаско он и брат Дмитрий дают запись на верность Василию III (20 сентября 1524 г.)⁵⁴. Прошло около пяти лет, и весной — летом 1529 г. князь Иван с братом Семеном несут службу на южных рубежах страны⁵⁵. Казань снова стала камнем преткновения для князя Ивана в 1530 г., когда он, возглавляя судовую рать, повздорил с М. Глинским и не смог взять город⁵⁶. На этот раз служебная карьера князя Ивана при дворе Василия III кончилась. Только в январе 1533 г. он появляется как «дружка» на свадьбе князя Андрея Старицкого⁵⁷. После смерти Василия III летом 1534 г. он назначается одним из главнокомандующих русских войск, причем уже с боярским титулом⁵⁸. В годы боярского правления он играл видную роль, возглавляя сторонников централиза-

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 146 (Приказные дела старых лет), № 5.

⁴⁷ Не к этому ли времени относится «сказка на князя Дмитрея да на князя Ивана Бельских и [очевидно, «и» лишнее.— А. З.] их человека Ивашка Баженина» («Описи Царского архива XVI века и архива Польского приказа 1614 года» (далее — «Описи»). М., 1960, стр. 23, ящик 42.

⁴⁸ РК, стр. 80.

⁴⁹ Впрочем, не вполне ясно, кто владел Лухом — сам ли Дмитрий или его братья Иван и Семен. В последнем случае получается, что Д. Ф. Бельский фактически потерял свою «вотчину-княжешне» и уже ничем не отличался от обычных ростовских, ярославских и других княжат Северо-Восточной Руси.

⁵⁰ ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 3, стр. 553.

⁵¹ А. А. Зимин. Состав..., стр. 52.

⁵² РК, стр. 68.

⁵³ Там же, стр. 69.

⁵⁴ СГГД, ч. 1, № 155, стр. 428—430.

⁵⁵ РК, стр. 72, 73.

⁵⁶ Там же, стр. 74; ПСРЛ, т. 6, стр. 265.

⁵⁷ РК, стр. 13.

⁵⁸ РК, стр. 83.

торского курса правительственной деятельности⁵⁹. Убит по приказу Шуйских в мае 1542 г. Князь Иван, по словам А. М. Курбского, «не токмо быв мужеством, но и в разуме мног и в священных писаниях в некоторых искусен»⁶⁰. Женат он был на дочери князя М. Д. Щенятева⁶¹.

Наконец, последний сын князя Федора Бельского — Семен — летом 1532 г. стоял с войсками «против устья Осетрского», а в сентябре — в Коломне. Весною 1533 г. послан оттуда в Муром. Летом 1534 г., находясь на службе в Серпухове, бежал в Литву⁶².

Род Бельских вскоре «извелся» (на сыне Дмитрия Иване)⁶³.

КНЯЗЬЯ ВОРОТЫНСКИЕ

Еще осенью 1487 г. в Москву переехал служить сын Михаила Федоровича Воротынского Иван⁶⁴. Вскоре за ним поспешили его дядья Дмитрий (декабрь 1489 г.)⁶⁵ и Семен (в конце 1492 г.)⁶⁶. Великий князь литовский Александр Казимирович признал службу Воротынских московскому государю по договору 1494 г.⁶⁷

Воротынском, очевидно, дядья и племянник владели, согласно старинным русским традициям, по третям. Кроме того, Иван Михайлович владел Перемышлем (он так и назывался в источниках — Перемышльским)⁶⁸, а Семен Федорович — Мосальском, Серпейском, Залидовом, Опаковом, Городечной и Лучином⁶⁹. Однако вскоре две трети Воротынска (очевидно, после смерти бездетных Семена и Дмитрия)⁷⁰ попали в распоряжение Ивана III. Эти доли вместе с Серпейском, Залидовом, Опаковом он завещал сыновьям Юрию и Дмитрию, а Лучин — Василию⁷¹.

И. М. Воротынский при дворе Василия III занимал высокое положение «слуги», сохраняя остатки былой независимости.

⁵⁹ А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. М., 1960, стр. 449 и сл.; С. М. Каштанов. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967, стр. 344 и сл.

⁶⁰ РИБ, т. 31, стб. 167.

⁶¹ Н. П. Лихачев. Указ. статья, стр. 71.

⁶² РК, стр. 80, 81, 83, 84; ПСРЛ, т. 26, стр. 317.

⁶³ Владения И. Д. Бельского находились во Владимире, Ростове и Бежецке (С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897, стр. 204).

⁶⁴ Сб. РИО, т. 35, стр. 4—5; К. В. Василевич. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952, стр. 291—292.

⁶⁵ ПСРЛ, т. 28, стр. 319; Сб. РИО, т. 35, стр. 39—40, 47; РК, стр. 22. Упоминается в 1497—1498 гг. (Сб. РИО, т. 35, стр. 232—237).

⁶⁶ Сб. РИО, т. 35, стр. 80—84; АЗР, т. 1, № 109.

⁶⁷ ДДГ, № 83, стр. 330.

⁶⁸ РК, стр. 23; ПСРЛ, т. 24, стр. 221.

⁶⁹ Сб. РИО, т. 35, стр. 136 (1494 г.).

⁷⁰ Последний раз упоминается в разрядах 1496 г., причем Семен «был болен» (РК, стр. 83).

⁷¹ ДДГ, № 89, стр. 355, 359, 360.

В военных действиях он принимал участие только тогда, когда речь шла о южных и западных границах Руси, т. е. о территориях, непосредственно связанных с его уделом. Так, летом 1507 г. он отражал нападения крымцев под Одоевом⁷², в сентябре 1507 г. в походе двух Василиев (Можайского и Шемячи ча) был вторым воеводой передового полка⁷³ (при князе Александре Владимировиче Ростовском). В мае 1508 г. он шел «из Северы» в Литву во главе передового полка⁷⁴ (в походе В. Шемячи ча), встречал князя М. Глинского⁷⁵. Снова вторым воеводой передового полка был Воротынский в большом походе осенью того же года (после В. А. Шуйского)⁷⁶. В 1510—1511 гг. он в Туле возглавлял большой полк⁷⁷.

В летнем походе на Угру «двух князей Васильев» в 1512 г. Воротынский по-прежнему второй воевода передового полка⁷⁸. Затем в конце года, когда начинался первый Смоленский поход, он прибыл в Можайск, и в общерусской армии в передовом полку уже был третьим (после князя В. И. Можайского и В. В. Шуйского)⁷⁹.

Во время третьего Смоленского похода 1514 г. И. М. Воротынский находился в Туле в армии А. В. Ростовского первым воеводой передового полка, прикрывая южные рубежи России от возможных татарских набегов. Отсюда его направили под Смоленск. В 1515 г. он снова на юге («на Вошане») в передовом полку. То же самое повторилось в 1516, 1517 и 1519 гг. («на берегу»)⁸⁰.

Во время пабега Мухаммед-Гирея 1521 г. он находился в Тарусе, а позднее в Серпухове при боярине князе М. Д. Щенятеве⁸¹. После этого его вместе с другими прощтрафившимися воеводами постигла опала: 17 января 1522 г. он был «пойман»⁸². В феврале 1525 г. он дал запись в верности и был прощен⁸³. Летом 1527 г. И. М. Воротынский находился с полками в своем Одоеве⁸⁴, а в мае 1529 г. — в Почепе⁸⁵. В 1530 г. он сопровождал боярина князя Д. Ф. Бельского в его службе «в поле»⁸⁶. Ле-

⁷² ГПБ, Эрм. собр., № 390, л. 37 об. Разряд сомнителен.

⁷³ РК, стр. 38.

⁷⁴ Там же, стр. 39, 40.

⁷⁵ ГПБ, Эрм. собр., № 390, л. 39.

⁷⁶ РК, стр. 42.

⁷⁷ ГПБ, Эрм. собр., № 390, л. 43.

⁷⁸ В походе из Козельска к Калуге он возглавлял большой полк (ГПБ, Эрм. собр., № 390, л. 49).

⁷⁹ РК, стр. 48, 49, 50.

⁸⁰ Там же, стр. 53, 55—61, 63.

⁸¹ Там же, стр. 66, 67. Есть неясное сведение, что М. И. (?) Воротынский был в 1521 г. наместником в Костроме (ГПБ, Эрм. собр., № 390, л. 77 об.).

⁸² ПСРЛ, т. 24, стр. 221.

⁸³ СГГД, ч. 1, № 154, стр. 425—427.

⁸⁴ РК, стр. 71.

⁸⁵ Там же, стр. 73, позже — в Серпухове (стр. 74).

⁸⁶ РК, стр. 74.

том 1531 г. он снова в Одоеве, но уже первым воеводой большого полка⁸⁷. Медленно, но уверенно И. М. Воротынский с годами продвигался по иерархической лестнице военачальников.

Летом 1532 г. И. М. Воротынский служил в Серпухове⁸⁸.

В военных службах при князе Иване, как и при других служивших князьях, то в первых, то во вторых воеводах неотступно находились московские военачальники, как бы страхуя Василия III от возможной измены. Самостоятельное руководство крупными вооруженными соединениями И. М. Воротынскому, как и другим князьятам, не поручалось.

Остается не вполне ясным, когда Одоев перешел в его распоряжение. Это произошло не позже 1527 г., когда И. М. Воротынский находился в нем, а скорее всего значительно ранее. Во всяком случае «двумя жеребьями» Одоева он владел еще до 1516 г., когда, отбыв службу «на Вошане», получил распоряжение вернуться в Одоев⁸⁹. Как полагает В. Д. Назаров, это произошло в связи с прощением его после опалы, т. е. в 1525 г. В челобитной И. М. Воротынского он уже выступает владельцем Старого Одоева, точнее, двух великокняжеских жребьев и доли Петра Семеновича. Правда, Василий Семенович Одоевский с «братаничи» (племянниками) стремились получать доходы с «двух жребьев» Одоева. Чем кончилась распря, неизвестно⁹⁰. Сын Ивана Михайловича, известный полководец Михаил Воротынский, владел по-прежнему третью Воротынска, Перемышлем, Старым Одоевом, Новосильем и другими волостями⁹¹.

И. М. Воротынский женат был первым браком на Анастасии Ивановне Захарьиной (умершей в 1522 г.), а вторым — на дочери В. В. Шестунова⁹². Последний раз он упоминается летом 1534 г.⁹³ Вскоре в связи с бегством С. Ф. Бельского был «пойман» (в августе)⁹⁴ и 21 июля 1535 г. умер⁹⁵. Его дети — Алек-

⁸⁷ РК, стр. 77. В январе тоже первый воевода большого полка, но в Козельске (стр. 78), в феврале — в Туле.

⁸⁸ Там же, стр. 80.

⁸⁹ Там же, стр. 58.

⁹⁰ В. Д. Назаров датирует челобитную 1525 г. Но о поездке Василия III в Александровскую слободу, в 1525 г. летописи молчат, а именно в этой слободе был великий князь, когда была передана ему эта челобитная. Поэтому можно датировать этот документ и осенью 1526 г.

⁹¹ ДДГ, № 104, стр. 435; ПСРЛ, т. 13, стр. 344. Подробнее о нем см.: С. Б. Веселовский. Указ. статья, стр. 114—115; Р. Г. Скрынников. Указ. статья, стр. 163—167.

⁹² Г. А. Власьев. Потомки Рюрика, ч. I. СПб., 1906, стр. 53.

⁹³ РК, стр. 83. К 1531—1532 гг. был должен «за соболи» 20 руб. благовещенскому протопопу Василию (ГБЛ, Троицкие акты, № 281, л. 1).

⁹⁴ ПСРЛ, т. 13, стр. 79.

⁹⁵ И. Сахаров. История общественной мысли Тульской губернии, ч. 1. М., 1832, стр. 206—207. На эту работу обратил внимание и обосновал дату В. Д. Назаров. В копии с надгробной плиты — 21 июня 1535 г. (В. В. Гиршберг. Материалы для свода надписей. — «Нумизматика и эпиграфика», т. I. М., 1960, стр. 22—23).

сандр, Владимир и Михаил — видные деятели времени Ивана Грозного. Они владели Перемышлем совместно (по третям)⁹⁶

КНЯЗЬЯ БЕЛЕВСКИЕ

Перешедший на сторону Москвы в конце 1489 г. князь Иван Васильевич Белевский сохранил на время свою отчину (Белев)⁹⁷, а его братья Андрей и Василий, выехавшие вместе с ним на Русь, вскоре снова отъехали в Литву и только в конце 1492 г. окончательно перешли на русскую службу, став «слугами» (служилыми князьями) Ивана III⁹⁸. По договору 1494 г., службу белевских князей московскому государю признал Александр Казимирович⁹⁹.

Белевские князья не достигли тех высот, какие заняли позднее Бельские, Воротынские и другие северские княжата. В 1500—1507 гг. они отбивали нападение татар на белевские, одоевские и козельские места¹⁰⁰. В 1512 г. на Угре И. В. Белевский был вторым воеводой правой руки (при князе Б. И. Горбатом). В мае 1512 г., накануне первого Смоленского похода, он также находился на юге (в Туле) и был при князе А. И. Булгакове вторым воеводой все в той же правой руке. На следующий год там же И. В. Белевский был уже первым в передовом полку, а вторым в большом полку служил его сын Иван¹⁰¹. Вторым воеводой в правой руке значился Петр Яковлевич (Копкин), дочь которого была женой Ивана Ивановича Белевского¹⁰². Андрей Васильевич Белевский во время первого Смоленского похода в ноябре 1512 г. в передовой рати князя И. М. Оболенского командовал передовым полком (при Ф. Н. Бутурлине во вторых воеводах). Последнее известие о нем относится к 1516 г., когда он возглавлял сторожевой полк «на Вошане» в рати князя В. С. Оболенского и позднее был отпущен к себе в Белев¹⁰³.

Больше известно об Иване Ивановиче Белевском. Во время набега Мухаммед-Гирея в 1521 г. он был «головою» (как Ф. И. Одоевский и В. С. Мезецкий) у воевод, стоявших на Угре. Летом 1531 г. он находился среди одоевских воевод (главою сторожевого полка). В 1532 г. князь Иван — один из воевод «на Сенкине». Весною 1533 г. И. И. Белевский упомина-

⁹⁶ ЦГАДА, ГКЭ, № 9552, л. 21 (1561 г.). На этот источник обратил внимание и обосновал дату В. Д. Назаров. О земельных владениях Воротынских; см. также: С. П. Мордовина. Указ. статья, стр. 328 и сл.

⁹⁷ ПСРЛ, т. 28, стр. 319; Сб. РИО, т. 35, стр. 47—51, 58.

⁹⁸ Сб. РИО, т. 35, стр. 58, 152, 262; АЗР, т. I, № 109; РК, стр. 22.

⁹⁹ ДДГ, № 83, стр. 330.

¹⁰⁰ ГПБ, Эрм. собр., № 390, л. 37 об.

¹⁰¹ РК, стр. 45, 47, 50.

¹⁰² «Родословная книга», ч. I, стр. 181.

¹⁰³ РК, стр. 47, 58. Полагают, что А. В. Белевский в 1525 г. основал Спасо-Преображенский монастырь в Белеве (В. В. Зверинский. Материалы о православных монастырях, т. II. СПб., 1892, стр. 331).

ется в Белеве вместе с Р. И. Одоевским и другими воеводами¹⁰⁴. Вскоре он сходит с исторической сцены¹⁰⁵. В 1558 г. его ссылают в Вологду¹⁰⁶. Так окончил существование Белевский «удел-вотчина». В завещании 1572 г. Иван IV передает Белев своему сыну Ивану¹⁰⁷.

Необходимо рассеять одно недоразумение. С. Б. Веселовский, используя показание шереметевского списка думных чинов, говорит, что князь Иван Васильевич Белевский умер в 1514 г. «После его смерти,— продолжает С. Б. Веселовский,— великий князь Василий Иванович согнал «в опале» белевских князей с удела и дал им вместо него Волок Лямский. Однако через несколько лет он вернул им Белев»¹⁰⁸. Это построение опирается на показание Государева родословца: «...князь Федор да князь Василий Белевские, а свел было их князь великий Василий с вотчины их с Белева, в опале, и дал им Волок, и жили на Володе долго, и пожаловал им князь великий вотчину их Белев им отдал; а сестра их княгиня Опракса была за князем Васильем Ивановичем за Косым»¹⁰⁹. Речь в данном случае идет об эпизоде, который относится ко времени княжения Василия I, а не Василия III. Очевидно, после того как литовские войска сожгли в 1407 г. Одоев, белевские князья вместе со Свидригайлом в 1408 г. выехали на Русь. Волок они получили после отъезда в Литву Свидригайла (т. е. не ранее 1410 г.). Вероятно, они владели им до 1524 г., когда Василий I «отступился» им в пользу Новгородца. Затем они выехали в Литву¹¹⁰. Во всяком случае, в 1459 г. они служили уже в Литве¹¹¹. Их сестра вышла замуж за князя Василия Ивановича Оболенского¹¹².

¹⁰⁴ РК, стр. 66, 76, 78, 80, 82, 83.

¹⁰⁵ Он упоминается в походе 1534—1535 гг. в качестве первого воеводы сторожевого полка (РК, стр. 86), и летом 1535 г. вторым воеводой передового полка (стр. 87), и летом 1536 г., когда должен был находиться в Коломне (вторым воеводой левой руки), но был «у себя в Белеве» (стр. 89).

¹⁰⁶ Г. А. Власьев. Указ. соч., ч. I, стр. 467. По С. Б. Веселовскому — до 1555 г.

¹⁰⁷ ДДГ, № 104, стр. 435.

¹⁰⁸ С. Б. Веселовский. Указ. статья, стр. 121.

¹⁰⁹ «Родословная книга», ч. 1, стр. 180.

¹¹⁰ М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929, стр. 89; К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 292—293; А. А. Зимин. Новгород и Волоколамск в XI—XV вв.— «Новгородский исторический сборник», вып. 10. Новгород, 1962, стр. 112.

¹¹¹ ДДГ, № 60, стр. 192—193.

¹¹² «Временник ОИДР», т. X. М., 1851, стр. 157, 164; «Родословная книга», ч. II. М., 1787, стр. 440. Сын В. И. Оболенского Иван Стрига умер в 1478 г., будучи боярином уже с начала 60-х годов XV в.

КНЯЗЬЯ ВЯЗЕМСКИЕ

После смерти великого князя литовского Казимира (июнь 1492 г.) борьба за русские земли, входившие в состав Литвы, обострилась. В августе — октябре 1492 г. в Москву со своей вотчиной отъехал князь Андрей Юрьевич Вяземский, который был оставлен на своем княжении¹¹³. К концу сентября русские войска взяли г. Хлепень, принадлежавший другому вяземскому князю — Михаилу Дмитриевичу¹¹⁴. Наконец, зимой того же года была взята и сама Вязьма, при этом вяземских князей привезли в Москву. Иван III «пожаловал их же вотчиною, Вязмою, и повеле им себе служить»¹¹⁵. По договору 1494 г., Александр Казимирович обещал «не вступатися... в город у Вязму... ни князей... вяземских к себе не приимати»¹¹⁶. Впрочем, уже в 1495 г. в Вязьме сидел великокняжеский наместник¹¹⁷, а в конце 1503 г. Иван III завещал этот город своему сыну Василию¹¹⁸.

Ключевое положение Вязьмы на путях к литовским рубежам объясняет стремление московского правительства укрепить в ней свое влияние. Существование сильной корпорации вяземских князей препятствовало бы этому. Поэтому вяземские княжата лишаются своих старых владений и переводятся в другие районы России.

Измельчавшие князья Вяземские служили к середине XVI в. среди «литвы дворовой» по Костроме и Романову, а также среди детей боярских Ярославца (бывшего одно время вотчиною Михаила Глинского)¹¹⁹.

КНЯЗЬЯ МЕЗЕЦКИЕ

Князь Михаил Романович Мезецкий, как и Андрей Вяземский, отъехал в Москву в августе — октябре 1493 г.¹²⁰, «поимав» при этом брата Семена и двоюродного брата Петра Федоровича. По русско-литовскому договору 1494 г., г. Мезецк оставался в «сместном» (совместном) владении Федора Сухого и Василия (детей Федора Андреевича Мезецкого), находившихся

¹¹³ РК, стр. 22; АЗР, т. I, № 109; Сб. РИО, т. 35, стр. 81, 107 (лето 1493 г.); К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 300.

¹¹⁴ Сб. РИО, т. 35, стр. 73.

¹¹⁵ ПСРЛ, т. 28, стр. 158. Правда, князь Михаил в этом же году был сослан на Двину, где он и «умре в железех» («Устюжский летописный свод». М.— Л., 1950, стр. 99).

¹¹⁶ ДДГ, № 83, стр. 330.

¹¹⁷ Сб. РИО, т. 35, стр. 199.

¹¹⁸ ДДГ, № 89, стр. 355.

¹¹⁹ «Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.» М.— Л., 1950, стр. 146, 150, 208. Михаил Черный Вяземский в 1519 г. служил в сторожевом полку «на берегу» (РК, стр. 62).

¹²⁰ ПСРЛ, т. 28, стр. 157, 158; РК, стр. 22; АЗР, т. I, № 109. Роман Андреевич Мезецкий выдал свою дочь за Андрея Васильевича примерно в 1470 г. (ПСРЛ, т. 6, стр. 190).

на литовской службе, а также Михаила Романовича и детей его двоюродного брата Ивана Федоровича Говдыревского, Василия и Федора. Князь Семен отпущен был по договору на московскую службу, а Петр Федорович — на литовскую¹²¹. Петр и Федор Сухой Федоровичи продолжали служить в Литве еще в 1498 г. В этом же году «дольницами» в Мезецке продолжали владеть и мезецкие князья на русской службе¹²². Однако в конце 1503 г. Иван III завещал Мезецк своему сыну Дмитрию. Иван III, очевидно, из-за важности военно-стратегического положения Мезецка выменял его на село Олексин в Стародубе Ряполовском, причем «суд и дань» с этого села шли в великокняжескую казну¹²³. Так мезецких князей низвели из служилых до положения обычных княжат. Измельчавшие к середине XVI в. мезецкие князья никакой политической роли не играли¹²⁴. Так, Семен Романович в походе к Угре 1512 г. находился во вспомогательных войсках, приданных к большому полку, и должен был оборонять одоевские и белевские места, если бы возникла для этого надобность¹²⁵. На Угре в сторожевом полку он стоял и в 1513 г. Отсюда его послали в Стародуб¹²⁶. Его сын Петр упоминается только под 1512 г., а Андрей Семенович — вторым воеводой правой руки в передовой рати, направленной в 1513 г. под Смоленск¹²⁷. Долго, но без какого-либо успеха служили Иван, Федор и Василий Семеновичи Мезецкие.

Сын князя Семена Иван (умер до 1539 г.) находился в 1515 г. под началом В. С. Одоевского «на Вошане» вторым воеводой левой руки, а при отправлении рати на Тулу переведен вторым же в правую руку. В 1516 г. он у того же В. С. Одоевского «на Вошане» всего только третий воевода левой руки. В 1517 г. в Мещере — второй в сторожевом полку. В 1527 г. он снова в Мещере, на этот раз с князем И. М. Воротынским, а в 1529 г. с ним же идет под Серпухов из Почепы¹²⁸. Его дочь вышла замуж за князя Ю. И. Шемякина Пронского¹²⁹.

Сын князя Семена Федор появляется в разрядах впервые в 1516 г., когда он был вторым воеводой сторожевого полка в вой-

¹²¹ ДДГ, № 83, стр. 330.

¹²² Сб. РИО, т. 35, стр. 230, 248. Петр Федорович купил у своего дяди Ивана Андреевича его треть в Мезецке, которую до 1494 г. отнял у него Михаил Романович (Сб. РИО, т. 35, стр. 147).

¹²³ ДДГ, № 89, стр. 355, 360.

¹²⁴ См. Ю. В. Тагищев. Род князей Мезецких. — ИРГО, вып. II. СПб., 1903, стр. 48—71.

¹²⁵ РК, стр. 45, 46. Князь Михаил Романович при Василии III не упоминается. По данным родословных книг, убит под Казанью с сыном Андреем (?) в 1506 г. («Родословная книга», ч. I, стр. 211). Его дети — Иван, Мария, Иван Меньшой, Петр и Семен — в 1522—1523 гг. владели землями в Суздальском уезде (ГВЛ, Троицкие акты, № 266, 267).

¹²⁶ РК, стр. 50.

¹²⁷ Там же, стр. 45, 46.

¹²⁸ РК, стр. 56, 58, 60, 71, 73, 74.

¹²⁹ Н. П. Лихачев. Указ. статья, стр. 85.

ске, направленном к Витебску. В 1519 г. его встречаем среди воевод «в Мещере». Возможно, именно тогда и был убит «в Мещере» его старший брат Андрей¹³⁰.

Затем Ф. С. Мезецкий с младшим братом Василием в 1529 г. стояли «на Сенкине»¹³¹. В конной рати, отправленной в 1530 г. под Казань, он — второй воевода сторожевого полка. В 1531 г. снова с братом Василием он служит в Рязани «за городом» с воеводами передового полка. При Р. II. Одоевском князь Василий в 1532 г. служил в Серпухове, а в 1533 г. — в Белеве¹³². В середине XVI в. Иван, Федор и Василий Мезецкие числились дворовыми детьми боярскими по Можайску¹³³.

Мезецкие, как мы видим, типичные воины, для которых военная деятельность является единственным родом занятий. Это в значительной мере объясняется тем, что они порастеряли свои земли в ходе русско-литовских распрей¹³⁴.

КНЯЗЬЯ ТРУБЕЦКИЕ

Весной 1500 г. в связи с началом второй войны России с Литвой при Иване III на сторону московского государя перешли князья Трубецкие¹³⁵. Трубевск сохранялся за ними на протяжении всего XVI в.¹³⁶ В конце XV в. существовали две ветви Трубецких: одну представляли дети Ивана Семеновича Трубецкого (Андрей, Иван, Федор), другую — их дядя Иван Юрьевич с сыном Семеном «Персидским». Обе они владели Трубевском «по половинам» еще в 1499 г.¹³⁷

По русско-литовскому договору 1503 г., Трубецкие признава-

¹³⁰ РК, стр. 59, 62; «Родословная книга», ч. I, стр. 210.

¹³¹ РК, стр. 73. Князь Василий впервые в разрядах упомянут среди воевод на Угре во время набега Мухаммед-Гирея 1521 г. (там же, стр. 66).

¹³² РК, стр. 75. Василий в 1529—1530 гг. — второй наместник в Путивле (ГПБ, Эрм. собр., № 390, л. 98); РК, стр. 76, 77, 81—83.

¹³³ «Тысячная книга...», стр. 210.

¹³⁴ Их владения находились в Стародубе Рязоловском и Бежецком верхе (см. С. В. Рождественский. Указ. соч., стр. 208—209). Сын М. Р. Мезецкого Иван Меньшой в 1522—1523 гг. купил три «жребия» села Глумова Суздальского уезда у своих братьев Ивана Шапцы, Петра и Семена (ГБЛ, фонд, кн. 531; Суздаль, № 6—7) и в 1523 г. заложил село благовецкому протопопу Василию (там же, № 9).

¹³⁵ К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 451.

¹³⁶ См., например, шерстные грамоты татарских ханов с упоминанием об этом (Сб. РИО, т. 95, стр. 59, 1519 г.), духовную Ивана IV (ДДГ, № 104, стр. 432). Подробнее см.: С. В. Рождественский. Указ. соч., стр. 202—203; С. П. Мордовина. Указ. статья, стр. 333—334. В Троицком соборе Трубевска находилась усыпальница Трубецких (В. П. Левенок. Надгробие князей Трубецких. — «Советская археология», 1960, № 4, стр. 245—253).

¹³⁷ Е. Э. Трубевская. Сказание о роде князей Трубецких. М., 1891, стр. 307—308; АЗР, т. 1, № 125. Сохранилась надгробная плита некого князя Ивана (Семеновича или Юрьевича) Трубецкого, умершего 15 января 1520 г. (В. П. Левенок. Указ. статья, стр. 245).

лись «слугами» московских государей¹³⁸. Андрей (сын Ивана Семеновича) и Семен «Персидский» Трубецкие еще в 1508 г. вместе с В. Шемяичем встречали М. Глинского¹³⁹. Затем они упоминаются в разрядах только в 1535 г.¹⁴⁰ Богдан Алексапдрович (сын родного брата Ивана Юрьевича) впервые упоминается среди воевод только летом 1531 г.¹⁴¹

Возвышение Трубецких началось в годы опричнины, когда боярство получили Федор Михайлович и Никита Романович¹⁴².

КНЯЗЬЯ МОСАЛЬСКИЕ

Весною 1500 г. вместе с Трубецкими перешли на сторону Москвы и Мосальские князья Дмитрий и Семен Ивановичи¹⁴³. По русско-литовскому договору 1503 г. князья Мосальские признавались московскими «слугами»¹⁴⁴. Оба пазванные выше князя в Смоленском походе 1512—1513 гг. были «приданы» к большому полку М. Л. Глинского¹⁴⁵. Размножившиеся к середине XVI в. Мосальские не играли существенной роли в придворной жизни, тем более что часть их продолжала служить в Литве¹⁴⁶. Впрочем, еще в середине XVI в. они не включались в общую массу дворовых детей боярских, а составляли особую корпорацию¹⁴⁷. Их потомки во второй половине XVI — начале XVII в. продолжали владеть землями в Мосальском уезде¹⁴⁸.

СТАРОДУБСКОЕ КНЯЖЕСТВО СЕМЕНА ИВАНОВИЧА МОЖАЙСКОГО И ЕГО СЫНА ВАСИЛИЯ

Владения «украинных князей» Семена Можайского и Василия Шемяича¹⁴⁹ представляли собой нечто среднее между уделами родичей Василия III и вотчинами служилых князей. Оба

¹³⁸ Сб. РИО, т. 35, стр. 399.

¹³⁹ ГПБ, Эрм. собр., № 390, л. 39.

¹⁴⁰ РК, стр. 87, 88. Князь Семен умер 20 января 1566 г., Андрей — 16 мая 1576 г. (*В. П. Левенко*. Указ. статья, стр. 247, 249), братья Андрея Иван и Федор умерли соответственно в 1538 и 1540 гг. О последнем также упоминается в духовной А. И. Шадрина 1525 г. (ГБЛ, Троицк, кн. 518, л. 434 об.).

¹⁴¹ Там же, стр. 75, 77, 80.

¹⁴² *В. Б. Кобрин*. Состав опричного двора Ивана Грозного. — «Археографический ежегодник за 1959 год». М., 1960, стр. 78—79; *Р. Г. Скрынников*. Указ. статья, стр. 167—168.

¹⁴³ Сб. РИО, т. 35, стр. 300; *К. В. Базилевич*. Указ. соч., стр. 451.

¹⁴⁴ Сб. РИО, т. 35, стр. 399.

¹⁴⁵ РК, стр. 49.

¹⁴⁶ *Г. А. Власьев*. Указ. соч., т. I, стр. 118, 123—124.

¹⁴⁷ «Тысячная книга...», стр. 124.

¹⁴⁸ *Г. А. Власьев*. Указ. соч., т. I, стр. 133, 144; *С. В. Рождественский*. Указ. соч., стр. 204—205.

¹⁴⁹ См. термин «украинные князья» под 1503 г. (Сб. РИО, т. 35, стр. 357).

князя происходили из той же семьи, что и московский государь. Их владения отличались внушительными размерами. Они в войнах возглавляли ополчения северских князей. И вместе с тем оба они считались «слугами» Василия III.

В 1454 г. в Литву бежал князь Иван Андреевич Можайский (внук Дмитрия Донского)¹⁵⁰. Здесь он женился на дочери Федора Юрьевича Воротынского¹⁵¹. Его сын Семен в 1499 г. получил жалованную грамоту великого князя Литовского Александра на пожалованную ему в Литве вотчину с городами Стародуб, Гомель, Чернигов, Карачев и Хотимль¹⁵². Весной 1500 г. князь Семен со своей вотчиной перешел на русскую службу¹⁵³. Это был крупный властелин, с которым Ивану III приходилось считаться. Русско-литовский договор 1503 г. признал его «слугою» великого князя всея Руси¹⁵⁴.

Последний раз в источниках князь Семен Иванович упоминается в феврале 1504 г.¹⁵⁵ Наследником Семена стал его сын Василий. С тем чтобы прочнее привязать этого князя к себе, Василий III в 1506 г. женил его на сестре своей супруги¹⁵⁶. Вероятно, именно тогда он «придает» В. С. Стародубскому «отчины»¹⁵⁷. В дальнейшем более десяти лет Василий Семенович верой и правдой служил Василию III. Так, уже в период восстания Михаила Глинского он вместе с Василием Шемячиным отправляется с войсками в Литву на выручку к новому союзнику московского государя¹⁵⁸. Весной 1512 г. Стародубский и Шемячиц прикрывали на юге от крымцев тылы русской армии, готовившейся к походу на Смоленск¹⁵⁹. В этом случае, как и в походе 1507—1508 гг., с ними вместе находились и московские воеводы. То же самое повторилось и перед вторым походом на Смоленск в 1513 г.¹⁶⁰ Во время первого похода на Смоленск в конце 1512 — начале 1513 г. Василий Семенович сопровождал московского государя¹⁶¹.

Весной 1515 г. на вотчину Василия Семеновича, когда князь отправился по вызову Василия III в Москву, напали войска Менг-

---

¹⁵⁰ ПСРЛ, т. 28, стр. 412.

¹⁵¹ О нем подробнее см.: *А. В. Экземплярский*. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г., т. II. СПб., 1891, стр. 321—327.

¹⁵² АЗР, т. I, № 139, 167.

¹⁵³ Сб. РИО, т. 35, стр. 399; «Описи», стр. 22, ящик 36-II.

¹⁵⁴ АЗР, т. I, № 180; ПСРЛ, т. 28, стр. 33; Сб. РИО, т. 35, стр. 299—300.

¹⁵⁵ РК, стр. 32—33.

¹⁵⁶ Там же, стр. 16.

¹⁵⁷ «Описи», стр. 22, ящик 36-II.

¹⁵⁸ РК, стр. 38, 41. О нем упоминалось в договоре Литвы и России 1508 г. (АЗР, т. II, № 43).

¹⁵⁹ РК, стр. 45; ГПБ, Эрм. собр., № 390, л. 45 об.

¹⁶⁰ РК, стр. 50.

¹⁶¹ «Иоасафовская летопись». М., 1957, стр. 191.

ли-Гирея¹⁶². В сентябре 1518 г. в Крым сообщалось, что князь Василий Стародубский умер¹⁶³. Его громадная вотчина перешла к Василию III.

В. Д. Назаров выдвинул весьма правдоподобное предположение, что князь В. С. Стародубский владел некоторое время Хотунской волостью. Так, в межевой грамоте 1518/19 г. упоминается, что дворцовый дьяк Александр «межи чнил и ямы копал со князем Васильем Стародубским в Хотунской волости»¹⁶⁴. Вместе с тем в февральской грамоте 1519 г. Василий III выдавал льготы Троицкому монастырю на село Дубошню Хотунской волости, которую дал в монастырь «слуга наш князь Василий Семенович»¹⁶⁵. Очевидно, князь Василий Семенович (Стародубский) обладал в Хотуни какими-то суверенными правами. Позднее Хотунь была дворцовой волостью, и в 1565 г. ее включили в состав опричной территории.

ПОВГОРОД-СЕВЕРСКОЕ КНЯЖЕСТВО ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА ШЕМЯЧИЧА

В том же 1454 г., что и Иван Андреевич Можайский, в Литву бежал сын злейшего врага Василия II Дмитрия Шемяки Иван¹⁶⁶. Здесь он получил в кормление громадную вотчину, которую унаследовал его сын Василий. Весной 1500 г., так же как и Семен Можайский, Василий Шемячич перешел на сторону Ивана III¹⁶⁷ и занял положение «слуги»¹⁶⁸. Это закреплено было русско-литовским договором 1503 г.¹⁶⁹ Именно Василий Шемячич, а не Семен и Василий Стародубские, явился главной политической фигурой на юге России. В его вотчину входили Новгород-Северский, Рыльск и Радогощ¹⁷⁰. Входил ли в состав его вотчины Путивль, ключевой пункт сношений России с Крымом¹⁷¹, остается не вполне ясным. Известно только, что В. Шемячич обязан был доводить великокняжеских послов в Крым до Путивля

¹⁶² Сб. РИО, т. 95, стр. 104. О Стародубских упоминалось позднее, в 1526 г. (там же, стр. 292, 300, 304) и до ноября 1517 г. (там же, стр. 393, 395). См. также: Сб. РИО, т. 35, стр. 728, 729, 752, 759.

¹⁶³ Сб. РИО, т. 95, стр. 554, 555.

¹⁶⁴ ОР ГБЛ, Троицк., кн. 518, лл. 283 об.—284.

¹⁶⁵ Там же, л. 282. Пользуясь случаем, выражаю свою признательность В. Д. Назарову, обратившему мое внимание на эти материалы.

¹⁶⁶ «Псковские летописи», вып. I. М.—Л., 1941, стр. 52.

¹⁶⁷ ПСРЛ, т. 28, стр. 333; АЗР, т. I, № 180.

¹⁶⁸ Об этом названии см.: Сб. РИО, т. 41, стр. 557; т. 35, стр. 399; РК, стр. 34; «Иоасафовская летопись», стр. 191; См. «Тетрати,— писал князь,— Семена Стародубского и Шемячичев презд» («Описи», стр. 22, ящик 36-11).

¹⁶⁹ Сб. РИО, т. 35, стр. 399.

¹⁷⁰ О Радогощи см.: АИ, т. I, № 124, стр. 178.

¹⁷¹ О торговом значении Путивля см.: М. В. Фехнер. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1956, стр. 47, 49.

и сообщать в Москву о прибытии в Путивль крымских посланцев¹⁷². Один «путивлец» значился человеком Шемячича¹⁷³.

Центром владений Шемячича был Новгород-Северский¹⁷⁴. И в то же время в январе 1516 г. Шемячич сообщал, что «к нему писал из Путивля наместник его Василий Митюков»¹⁷⁵. В ноябре 1517 г. Шемячич получил распоряжение послать «из Путивля своих казаков»¹⁷⁶. Осенью того же года Шемячич сообщал в Москву, что татары напали «на их отчину, на путимльские места»¹⁷⁷. Надо иметь в виду также, что в Москве находился в «поиманьи» князь Богдан Федорович Глинский, который в Литве с 1495 по 1500 г. занимал пост путивльского наместника¹⁷⁸. С конца 1509 г. шли затяжные переговоры о его освобождении¹⁷⁹. Князь Богдан, очевидно, умер еще в 1512 г.¹⁸⁰ До его смерти вряд ли вопрос о судьбе Путивля мог быть как-то окончательно решен.

Впрочем, и позднее вряд ли Василий III склонен был полностью передавать суверенитет над этим важным городом Шемячичу. Так что известия 1516—1517 гг., возможно, рисуют только кратковременный эпизод из истории взаимоотношения Шемячича с Путивлем. К тому же С. Герберштейн сообщал, что «Путивлем... владел некий государь Димитрий»¹⁸¹. Действительно, весной 1522 г. в Путивль прибыл великокняжеский дьяк Третьяк Губин, который отсюда послал грамоту Шемячичу¹⁸². Отсюда М. Н. Тихомиров делает вывод, что Шемячич Путивлем не владел¹⁸³.

Кроме громадных южных владений Шемячичу принадлежал некоторое время и Малый Ярославец. Так, когда в 1526 г. князь Ф. М. Мстиславский выехал на Русь, ему Василий III дал «княж Васильевские городки Шемячича в вотчину Ярославец да Каменец да волость Мышегу да дал ему город Коширу в кормление»¹⁸⁴. В дворовой тетради 50-х годов XVI в. сохранилась запись о детях боярских «из Ярославца же княж Васильевские Шемячевского»¹⁸⁵. Очевидно, Ярославцем Шемячич владел с самого вы-

¹⁷² Сб. РИО, т. 95, стр. 69, 187 и др.

¹⁷³ Там же, стр. 69.

¹⁷⁴ Там же, стр. 509.

¹⁷⁵ Там же, стр. 239.

¹⁷⁶ Там же, стр. 493.

¹⁷⁷ ПСРЛ, т. 13, стр. 28.

¹⁷⁸ *O. Vacus. Motives of West Russian Nobles in Deserting Lithuania for Moscow. 1477—1514. Lawrence, 1957, p. 139.*

¹⁷⁹ Сб. РИО, т. 35, стр. 490—498, 660—663.

¹⁸⁰ АЗР, т. II, № 76.

¹⁸¹ *С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 109.*

¹⁸² *В. И. Дунаев. Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. М., 1916, стр. 34.*

¹⁸³ *М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 50.*

¹⁸⁴ ПСРЛ, т. 26, стр. 313.

¹⁸⁵ «Тысячная книга...», стр. 208.

езда и около октября 1505 г.¹⁸⁶ и потерял его в 1508 г., когда Ярославец оказался при выезде на Русь у М. Л. Глинского. После того как Глинский был «пойман» в 1514 г., Ярославец снова перешел к Шемячичу: к нему он тянул «судом» и «данью» в феврале 1516 г.¹⁸⁷ Поэтому мнение М. Н. Тихомирова, считавшего, что Шемячичу только пообещали Ярославец, чтобы заманить его в 1523 г. в Москву¹⁸⁸, надо считать недоразумением.

В. Шемячич участвовал в крупных политических акциях Василия III. Осенью 1507—1508 гг. он ходил вместе с В. С. Стародубским в поход в Литву на помощь М. Л. Глинскому¹⁸⁹. В 1508 г. встречал отъехавших на Русь М. Л. Глинского «с братьею»¹⁹⁰. 18 января 1511 г. ему написаны были три опасные грамоты. В одной из них Василий III снимал с него обвинения в измене, возложенные на Шемячича князем Василием Стародубским¹⁹¹, в другой — митрополит гарантировал князю безопасный проезд в Москву, третью давали великокняжеские бояре¹⁹². Воспользовался ли этой гарантией Шемячич, остается неясным. Весной 1512 г. оба князя обороняли русские «украины» на юге¹⁹³. Весной 1513 г. Шемячич даже настолько проник в пределы Великого княжества Литовского, что смог сжечь посады Киева¹⁹⁴.

В это время повгород-северский князь держался вполне независимым. Московский посол в Турцию Иван Ивашков писал (январь 1513 г.), что он «ни царя (крымского), ни великого князя обеих не смотрит»¹⁹⁵. Оба Василия во время второго Смоленского похода 1513 г. держали оборону на Угре¹⁹⁶. В 1512—1513 гг. Шемячич с Василием Стародубским находился в Стародубе и даже писал оттуда Василию III. Судя по этому, именно Шемячич в это время распоряжался самим князем Василием. Летом 1515 г. Сигизмунд писал в Крым, чтобы Мухаммед-Гирей вступил в переговоры с Шемячичем, дабы тот «королю дружбу учинил»¹⁹⁷. Крымский хан, очевидно, пользовался известным кре-

¹⁸⁶ АСЭИ, т. I, № 659, стр. 584—585. В царском архиве хранились «Татрати, как жаловал князь велики дву князев Васильев — придал им отчины» («Описи», стр. 22, ящик 36-II).

¹⁸⁷ ЦГАДА, ГКЭ, Малый Ярославец, № 6/7696. О грамоте см.: С. М. Каштанов. Указ. соч., стр. 265.

¹⁸⁸ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 49.

¹⁸⁹ РК, стр. 38—40.

¹⁹⁰ ГПБ, Эрм. собр., № 390, л. 39.

¹⁹¹ «Что будтось наперед слуга наш князь Василий Семенович обговорил тебя нам, что уряживаешся королю служити» (СГГД, ч. 2, № 28, стр. 34—35).

¹⁹² СГГД, ч. 2, № 29, стр. 36. ср. «Описи», стр. 52; ЦГАДА, ф. 197 (Малиновского), портфель II, № 38.

¹⁹³ РК, стр. 45.

¹⁹⁴ ПСРЛ, т. 8, стр. 253.

¹⁹⁵ Сб. РИО, т. 95, стр. 88.

¹⁹⁶ РК, стр. 50.

¹⁹⁷ Сб. РИО, т. 95, стр. 167.

дитом у новгород-северского князя. В том же году Менгли-Гирей посылал грамоты Шемячичу¹⁹⁸. В поябре 1517 г. В. Шемячич разбил крымских татар, нападавших на путивльские места¹⁹⁹. Зато в августе 1518 г. его вотчина подверглась разорению во время нападения Менгли-Гирея²⁰⁰. Самого князя в это время в Новгород-Северском не было, так как он находился на пути в Москву. Дело в том, что 25 июля 1517 г. В. С. Стародубский (Можайский) прислал к Василию III донос, в котором сообщалось о сговоре В. Шемячича с киевским воеводой Ольбрехтом Гаштольтом. Шемячич якобы предлагал Ольбрехту вместе с крымскими царевичами идти на его города, чтоб он, воспользовавшись этим, мог изменить Василию III. Этот донос подтвердил позже князь Федор Пронский, который воеводствовал в это время в Стародубе.

Очевидно, уже летом 1518 г. к Шемячичу были посланы доверенные лица Василия III — Шигона Поджогин и дьяк Василий Телешов, которые вместе с Григорием Федоровичем (Кошкиным) должны были расследовать дело. Узнав об этом, Шемячич послал в Москву своего человека Степана Рагозина, сообщая, что Стародубский его оговорил. При таких обстоятельствах Шемячича вызвали в Москву. Он прибыл сюда 14 августа 1518 г., и все обвинения на этот раз с него были сняты²⁰¹. Но проблема Шемячича этим не снималась. Новгород-северский князь продолжал находиться на полусамостоятельном положении. Крымский «царь» и царевич писали особо от Василия III Шемячичу не только в 1515, но и в 1518 г.²⁰² В 1519 г. в Новгороде у В. Шемячича находились уже московские воеводы²⁰³. Очевидно, это связано с «изветом» Стародубского. Шемячича оправдали, но на всякий случай взяли под присмотр²⁰⁴.

12 мая 1523 г. Шемячич был «пойман»²⁰⁵. Это произошло после набега Мухаммед-Гирея в 1521 г. в связи с активизацией крымской угрозы. Историю этого события подробно рассказал С. Герберштейн. По его словам, Шемячич — «человек храбрый на войне и гроза татар»²⁰⁶, довел Василия Стародубского

¹⁹⁸ Там же, стр. 175, 176.

¹⁹⁹ ПСРЛ, т. 13, стр. 28.

²⁰⁰ Сб. РИО, т. 95, стр. 555.

²⁰¹ АИ, т. 1, № 124. Год прибытия устанавливается по крымским посольским делам (Сб. РИО, т. 95, стр. 555)

²⁰² Сб. РИО, т. 95, стр. 175—176, 527.

²⁰³ РК, стр. 62.

²⁰⁴ Возможно, в связи с этим делом была взята «Запись целовальная, на чем целовали послы князя Василья Шемячича великого князя бояром» («Описи», стр. 52).

²⁰⁵ ПСРЛ, т. 4, стр. 544; т. 6, стр. 364, 284; т. 8, стр. 270; т. 13, стр. 43; т. 20, стр. 402; т. 22, стр. 519; т. 23, стр. 203; т. 24, стр. 222 (11 мая); т. 26, стр. 312; т. 30, стр. 146; А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв.— «Исторический архив», 1950, т. V, стр. 37; С. О. Шмидт. Продолжение хронографа 1512 г.— «Исторический архив», 1951, т. VII, стр. 281.

²⁰⁶ О храбрости Шемячича писал и А. Курбский (РИБ, т. 31, стр. 326).

«до последней крайности» и после изгнания Василия захватил его княжество. Насколько справедливо это сведение, сказать трудно. Во всяком случае, в 1519 и 1521 гг. в Стародубе находились московские воеводы²⁰⁷. После этого Шемячич донес на Дмитрия (Путивльского) и по поручению Василия III схватил его, после чего тот в оковах был доставлен в Москву, где он тогда же, т. е. в 1519 г., и умер. Юный сын Дмитрия (также носивший имя Дмитрия) бежал к татарам. Его там убили родители девушки, в которую он был влюблен. Внушению Василия Шемячича Герберштейн приписывает «пойманье» Василием III (до Дмитрия) «владыки Каширского» (Абдул-Летифа в ноябре 1517 г.) и брата государя, умерщвленных якобы в тюрьме (очевидно, речь идет о Семене, умершем в июне 1518 г.).

Между тем дошло дело и до самого Шемячича. Это надо связывать с походом Мухаммед-Гирея 1521 г. Шемячич ничего не сделал для его предотвращения. В 1522 г. Василий III, прибыв в Коломну, «восхоте» послать Шемячича и воевод на Мухаммед-Гирея²⁰⁸, но поход не состоялся. Тогда новгород-северского князя обвинили в измене и вызвали в Москву. Он согласился приехать туда лишь после того, как получит охранную грамоту, скрепленную «клятвою государя и митрополита». Митрополит Варлаам не согласился пойти на клятвопреступление и в конце 1521 г. оставил митрополичий престол. Его место занял податливый Даниил, который согласился дать «крестоцеловальную запись» с тем, чтобы заманить «запазушного врага» в столицу. 18 апреля 1523 г. Шемячич прибыл в Москву, с почетом был принят Василием III, но через несколько дней схвачен и брошен в тюрьму. Причиной гибели Шемячича Герберштейн, ссылаясь на слухи, называет письмо, будто бы посланное Шемячичем киевскому наместнику и адресованное польскому королю. В письме якобы содержалось сообщение о готовности перейти на сторону Польши. Киевский наместник будто бы переслал это письмо в Москву. Вариант, близкий к тому, что являлось предметом расследования в 1518—1519 гг. Скорее всего это полуофициальная версия. Сам же Герберштейн склонялся к другой версии. Один Шемячич оставался на Руси крупным властителем, и, «чтобы легче изгнать его и безопаснее властвовать, выдуманно было обвинение в вероломстве, которое должно было устранить его»²⁰⁹.

Во время февральского процесса 1525 г. Федька Жареный рассказывал о том, как ему говорил Берсень Беклемишев о своем разговоре с митрополитом. Даниил воздавал хвалу богу, что тот избавил Василия III от «запазушного врага» (Шемячича), по-

²⁰⁷ РК, стр. 62, 67.

²⁰⁸ М. Н. Тихомиров. Новый памятник московской политической литературы XVI века.— «Московский край в его прошлом», ч. 2. М., 1930, стр. 410.

²⁰⁹ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 109—111.

забыв, что он сам вероломно нарушил присягу, пообещав в грамоте, которую он писал к Шемячичу, полную неприкосновенность новгород-северскому князю ²¹⁰.

Но не все деятели церкви были столь беспринципны и наглы. В 1524 г., когда Василий III находился в Троицком монастыре, с просьбой о помиловании северского князя выступил игумен Перфирий. Дело, однако, кончилось ссылкой самого строптивого владыки ²¹¹. Умер Шемячич в заточении 10 августа 1529 г. ²¹² Сохранилась любопытная запись на надгробной плите, что в 1561 г. в Троицком монастыре умер «севрюк», «больничный старец», инок [Ива]н сын Васильевского Шемя[чича] ²¹³. Обычно он считается сыном В. Шемячича. Но П. А. Садиков полагал, что это был один из севрюков, «людей» князя Василия ²¹⁴. Троицкий монастырь продолжал оказывать знаки внимания потомкам того самого Дмитрия Шемяки, которого он энергично поддерживал еще в годы феодальной войны второй четверти XV в. Жена Шемячича и две дочери князя Василия были пострижены в монахини и отправлены в Суздальский Покровский монастырь, где и умерли ²¹⁵.

КНЯЗЬЯ ГЛИНСКИЕ

Летом 1508 г. на Русь выехал один из крупнейших магнатов Великого княжества Литовского — Михаил Львович Глинский. Он при этом получил «вотчину Ярославец и Боровек в кормление» ²¹⁶. Соседнюю Мединь получили в вотчину братья князя Михаила Иван и Василий, а другие выехавшие с ними князья и дворяне получили поместья в кормление ²¹⁷. Пожалование князя Михаила Глинского в прибавок «кормлением» было новостью в практике награждения служилых князей, известным шагом ограничения их суверенитета. В данном случае московское правительство использовало опыт обеспечения выезжавших на Русь татарских царевичей, получавших города «в кормление».

Но Боровск и Ярославец, отобранный у Шемячича, были только временным владением Михаила Глинского. Его честолюбивные планы простирались значительно дальше. Самое дея-

²¹⁰ ААЭ, т. I, № 172, стр. 144.

²¹¹ РИБ, т. 31, стб. 326—329.

²¹² ПСРЛ, т. 22, стр. 522; т. 30, стр. 203.

²¹³ Т. В. Николаева. Новые надписи на каменных плитах XV—XVII вв. из Троице-Сергиевой лавры. — «Нумизматика и эпиграфика», т. VI. М., 1966, стр. 229.

²¹⁴ П. А. Садиков. Последние Шемячичи (ЛОИИ, ф. 263, № 8).

²¹⁵ «Записки отдела русской и славянской археологии Археологического общества», т. I. СПб., 1851, стр. 105; АИ, т. I, № 146.

²¹⁶ ПСРЛ, т. 8, стр. 250.

²¹⁷ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VI, примечание № 40; ЦГАДА, ф. 201 (Собрание Оболенского), д. 46, лл. 421 об.— 422.

тельное участие принимал М. Л. Глинский в походах на Смоленск²¹⁸. В первом походе 1512—1513 гг. он состоял в большом полку у царевича Петра и Д. В. Щени. Во втором и третьем походах 1513 и 1514 гг. М. Л. Глинский в рати В. Д. Щени возглавлял передовой полк²¹⁹. Являясь инициатором Смоленских походов, Глинский полагал, что, присоединив Смоленск, великий князь пожалует его этим крупным городом. И когда этого не случилось, Глинский попытался осенью 1514 г. бежать в Литву, был пойман и брошен в заточение²²⁰.

21 января 1526 г. Василий III женился на племяннице князя Михаила Елене Глинской, тем самым приобретая некоторые права на борьбу за главенство в Великом княжестве Литовском, которую в свое время вел ее дядюшка²²¹. Сам же князь Михаил был выпущен из «нятства» только в феврале 1527 г. и женился на дочери князя Ивана Немого Оболенского²²². К тому же большая группа московской знати в свою очередь поручилась за Глинского перед Василием III (в случае побега Глинского они обязались уплатить громадную по тем временам сумму — 5000 руб)²²³. В вотчину-княжение на этот раз бескомпромиссный князь, очевидно, получил Стародуб Ряполовский. Возможно, его пожаловали и Юрьевцом Поволжским в «кормление» (городок, находившийся в кормлении у татарских царевичей)²²⁴.

В последние годы княжения Василия III Михаил Глинский пользовался полным доверием великого князя, хотя не всегда его оправдывал. Так, в 1530 г. он как один из князей, чьи владения находились на Волге, послан был во главе конной рати на Казань с заданием взять город. Но князь Михаил повздорил с главой судовой рати И. Ф. Бельским, и цель похода осталась недостигнутой²²⁵. В отличие от Бельского князь Михаил на этот раз не пострадал. Литовские планы Василия III заставляли великого князя сквозь пальцы смотреть на некоторые оплошности его дядюшки. В 1531/32 г. князь Михаил Глинский выступил одним из душеприказчиков великокняжеского духовника протопопа Варлаама²²⁶.

²¹⁸ Он дал особую запись «во королеве и великой княгине Олене, как ей зелье давал Конегин [Сонегин.—А. З.] человек» («Описи», стр. 21, ящик 27). «Поимание» княгини Елены Ивановны явилось поводом русско-литовской войны за Смоленск.

²¹⁹ РК, стр. 49, 52, 53.

²²⁰ *С. Герберштейн*. Указ. соч., стр. 169—170; ПСРЛ, т. 8, стр. 257—258. О его супруге см.: АИ, т. I, № 120.

²²¹ ПСРЛ, т. 8, стр. 274.

²²² Там же, стр. 272; СРГД, ч. 1, № 155, стр. 428—429.

²²³ ПСРЛ, т. 22, стр. 521.

²²⁴ В Царском архиве хранились «книги Юрьевца, что было за князем за Михайлом за Глинским» («Описи», стр. 28—29, ящик 110). В 1526—1527 г. М. Л. Глинский купил у И. Г. Морозова село Звягино Московского уезда (ГБЛ, Троицк, кн. 518, л. 447 об.).

²²⁵ РК, стр. 75; ПСРЛ, т. 6, стр. 265.

²²⁶ ГБЛ, Троицк, кн. 530, лл. 1040—1045.

В январе 1533 г. князь Михаил наряду с другими крупнейшими русскими вельможами присутствовал на свадебной церемонии у князя Андрея Старицкого²²⁷. Во время предсмертной болезни Василия III назначил его и князя Д. Ф. Бельского опекунами малолетнего наследника престола Ивана²²⁸. Однако в ходе придворной борьбы он как крупная политическая фигура внушал опасения различным группировкам московской знати. Поэтому осенью 1534 г. он оказался в заточении, где и умер в 1536 г.²²⁹ В 38 км от Александровой слободы находилось село Глинское, одно из владений князя Михаила²³⁰. Вероятно, сам князь Михаил на положение боярина не перешел²³¹, но его племянники получили боярство около 1547 г.²³²

КНЯЗЬЯ МСТИСЛАВСКИЕ

Позднее других русских князей Великого княжества Литовского на московскую службу перешли Мстиславские. Еще в августе 1514 г. вскоре после взятия Смоленска, после того как под стенами Мстиславля появилась рать князя М. Д. Щенятева и И. М. Воротынского, «бил челом» Василию III князь Михаил Иванович Мстиславский²³³. Однако военное счастье переменчиво, и после разгрома русских войск под Оршей князь Михаил изменил Василию III²³⁴. Только сын Михаила Федор Ижеславский (по матери Мстиславский) в июле 1526 г. окончательно выехал на Русь, но без своей вотчины²³⁵. Василий III пожаловал ему «в вотчину» злополучный Ярославец, который уже был дважды во владении князей слуг (В. Шемячича и М. Глинского). В «кормление» Мстиславский получил Каширу²³⁶. И именно Кашира в течение ряда лет становится его местопребыванием (в 1527, 1528 и весной 1529 г.), причем сначала он называется в разрядах просто воеводой в Кашире, а в 1529 г. — наместником²³⁷. Как мы видим, сделан еще один шаг к слиянию служилых князей с массой других княжат. Князь-кормленщик исполняет обязанности простого наместника, а не суверена.

²²⁷ РК, стр. 14.

²²⁸ ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 3, стр. 558.

²²⁹ Подробнее см.: А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, стр. 230—232.

²³⁰ Н. Г. Стромилов. Александрова слобода.— «Чтения ОИДР», 1883, кн. 3, стр. 78.

²³¹ Боярином князь Михаил назван только в летописном рассказе о болезни Василия III (ПСРЛ, т. 13, стр. 79).

²³² А. А. Зимин. Состав..., стр. 59. О владениях М. Л. Глинского см.: С. В. Рождественский. Указ. соч., стр. 209—210.

²³³ «Иоасафовская летопись», стр. 164.

²³⁴ Там же, стр. 166.

²³⁵ В 1527 г. Сигизмунд дал жалованную грамоту на Мстиславль М. И. Мстиславскому (до смерти), а 19 августа 1528 г. Яну Ильину (АЗР, т. II, № 148, 155).

²³⁶ ПСРЛ, т. 8, стр. 271.

²³⁷ РК, стр. 70, 72, 73. Летом 1529 г. в Кашире уже другие воеводы (там же).

Очевидно, летом 1529 г. на Мстиславского поступил донос. «...сказали государю моему,— писал позднее сам Ф. Мстиславский,— что язмышлю ехати к Жигомонту королю», великий князь вовсе «опалы своей на меня не положил»²³⁸.

В августе 1529 г. Мстиславский дал запись на верность Василию III, в которой он писал, что Василий III «дал за меня свою сестричну княжну Настасью»²³⁹. По Продолжению Хронографа 1512 г., 11 июня 1530 г. дочь царевича Петра и сестры Василия III Анастасии была выдана замуж за князя Федора Мстиславского²⁴⁰. Очевидно, свидетельство Продолжения Хронографа неточно.

Основное содержание записи князя Федора сводилось к отказу от всяких сношений с Литвою, обязательству верно служить Василию III, не отъезжать с московской службы. Возможно, князь Федор должен был в случае смерти Василия стать его наследником (каковым, вероятно, был царевич Петр). Но во всяком случае женитьба Мстиславского на дочери царевича Петра и племяннице великого князя также имела цель крепче привязать князя Федора к его новой отчизне.

Уже вскоре Михаил Мстиславский впал в немилость, и только после рождения наследника престола Ивана в августе 1530 г. ему были прощены «грехи»²⁴¹.

Правда, позднее после рождения наследника престола Иоанна князь Федор все-таки решил изменить Василию III («хотел ехати к его недругу к Жигомонту королю»). И снова князь отделался сравнительно легким испугом: в феврале 1531 г. он дал вторую запись на верность Василию III (на этот раз и сыну его Ивану) под угрозой церковного проклятия²⁴². Во время опал, очевидно, Мстиславский и потерял свою вотчину в Ярославце, получив вместо нее сравнительно небольшие волости Юхоть и Черемху в Ярославском уезде²⁴³. В августе 1533 г. Ф. М. Мстиславский был послан к воеводам в Коломну во время нападе-

²³⁸ СГГД, ч. I, № 159, стр. 439.

²³⁹ Там же, № 157, стр. 433—435.

²⁴⁰ ПСРЛ, т. 22, стр. 522; ср. стр. 520.

²⁴¹ ПСРЛ, т. 28, стр. 159.

²⁴² СГГД, ч. I, № 159, стр. 439—443. В Царском архиве хранились «списки князя Федоровы Мстиславского, как приехал в Можаяск, и прежнее дело, что было ему ехать в Литву» («Описи», стр. 21, ящик 27). Как видим, в первом случае было только «дело», а во втором (1531 г.) Мстиславский добрался уже до Можайска.

²⁴³ Первая жалованная грамота Ф. Мстиславского на ярославские земли датируется 22 июня 1533 г. (ЦГАДА, ГРЭ, Ярославль, № 8 (14756)). См. также: С. В. Рождественский. Указ. соч., стр. 206—207; С. Б. Веселовский. Указ. статья, стр. 117—118; С. П. Мордовина. Указ. статья, стр. 332—333. В Ярославском владении князя И. Ф. Мстиславского по писцовым книгам 60-х годов XVI в. было около 20 тыс. десятин пашни, перелога и леса, а сена — 16 577 копен (И. В. Левочкин. Сельское хозяйство Ярославского Поволжья второй половины XV и XVI вв. Канд. дисс. М., 1971, стр. 42—43).

ния Сафа-Гирея на рязанские земли²⁴⁴. Последний раз он упоминается в разрядах летом 1539 г.²⁴⁵ На положение боярина он так и не перешел. Боярский титул получил только его сын Иван (1549 г.)²⁴⁶.

*

Итак, в ходе предшествующего изложения читатель мог убедиться, что в конце XV — первой трети XVI в. в Русском государстве существовала влиятельная прослойка так называемых «слуг» или «служилых князей», образовавшаяся в основных своих чертах в результате присоединения к России западнорусских земель. Она занимала как бы промежуточное положение между удельными князьями и князьями Северо-Восточной Руси, потерявшими к концу XV — началу XVI в. суверенные права на старые княжения. Основное отличие «удела» от княжения служилых князей сводилось к тому, что это княжение рассматривалось как наследственная вотчина (перешедшая от предков «слуги» или пожалованная ему великим князем) и обуславливалось несением военной службы московскому государю. Удел — часть общерусских земель, завещанная великим князем своим прямым потомкам (как правило, детям). В отличие от удельного служилый князь не имел даже формальных прав на занятие великокняжеского стола.

Для характеристики прав и обязанностей служилых князей еще М. Н. Тихомиров привлек докончание 1459 г. новосильского и одоевского князя Ивана Юрьевича и его братаничей Федора и Василия Михайловичей с великим князем Литовским Казимиром²⁴⁷. Княжата прежде всего обязывались верно служить Казимиру и его детям и вообще тем, «кто будет великим князем на Литовской земли». Они отныне будут в «воли Казимиrove», в частности будут его союзниками в борьбе с врагами. В свою очередь Казимир обязывался их «боронити». Великий князь Литовский объявлялся сюзереном Ивана Юрьевича и его братаничей. Без его воли они не могли впредь вступать ни с кем в договорные отношения. Сам же Казимир обязывался «не всту-

²⁴⁴ РК, стр. 82.

²⁴⁵ Там же, стр. 96.

²⁴⁶ А. А. Зимин. Состав..., стр. 61. Подробнее о нем см.: М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии, стр. 51—52; Р. Г. Скрынников. Указ. статья, стр. 161—162 (ошибочно считает его «удельным» князем). И. Ф. Мстиславский получил от Ивана IV жалованные грамоты 27 августа 1548 г. и 2 декабря 1550 г. (ГИМ, Симонов, кн. 58, лл. 398—401; Н. П. Лихачев. Сборник актов. СПб., 1895, стр. 206). Следовательно, к лету 1548 г. князь Иван потерял уже суверенные права служилого князя. Поэтому нельзя отождествлять его положение в 1548—1550 гг. с положением его отца в 1538 г., который сам выдавал иммунитетные грамоты (Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, стр. 103).

²⁴⁷ ДДГ, № 60, стр. 192—193; ср. договор с Казимиром 1442 г. новосильского и одоевского князя Федора Львовича (ДДГ, № 39, стр. 117—118).

паться» в повосильские и одоевские земли даже после смерти князя Ивана и его братаничей. Суд по спорным вопросам должен быть совместный — великого князя и княжат-слуг.

Очень важно было то, что земли княжат-слуг не должны ни в каком случае выходить из-под великокняжеского суверенитета (даже в случае, если у княжат не будет «отрода», т. е. при выморочности владений).

Все эти порядки были близки к тем, которые устанавливались по докончаниям русских великих князей с их удельными братьями, ибо они также своими корнями уходили в права феодальной аристократии периода раздробленности. Но были и существенные отличия. О них мы частично говорили выше. В договоре Василия III с его братом Юрием 1531 г. последний обязывался «князей... служилых с вотчинами не примати»²⁴⁸. Следовательно, удельные князья (каким был Юрий) считались рангом выше служебных. В частности, ни о каком «сместном» суде с великим князем в договоре 1531 г. не говорилось: удельный князь был полным хозяином в делах, касающихся его поданных. С. М. Каштанов полагает, что князь Ф. М. Мстиславский в 1533 г. был уже лишен права собирать дань со своих земель, которое он присвоил в 1538 г.²⁴⁹

Великий князь брал на себя ведение внешнеполитических сношений, связанных с интересами служилых князей. Когда в 1518 г. с ним заключил договор Мухаммед-Гирей, то в «шерть» вставлен пункт с обязательством крымского царя не воевать земель «княжат, которые тебе [Василию III.— А. З.] служат и твоим детям — князь Василий Шемячич и князи Трубецкие»²⁵⁰.

По неписаному праву служилые князья обязаны были участвовать только в тех войнах великого князя, которые так или иначе затрагивали их непосредственные интересы как владельцев определенных территорий. Такими для северских князей, чьи владения находились на южных окраинах России, были войны с Крымом и Литвою, но, скажем, не с Казанью (см., например, разряд Казанского похода 1506 г.). Но вот в Казанском походе 1530 г. Ф. Мстиславский и И. Бельский участвовали, ибо их владения находились на Волге. При отправке войск им предоставлялся самим выбор своих воевод²⁵¹.

Служилые князья в первой трети XVI в. не составляли единой сплоченной корпорации. Так, среди них выделялись Василий Шемячич, Семен и Василий Можайские, занимавшие особое место между служилыми и удельными князьями. Формально числясь «слугами», по существу они считались как бы патронами

²⁴⁸ ДДГ, № 101, стр. 417.

²⁴⁹ С. М. Каштанов. Дипломатика как специальная историческая дисциплина.— «Вопросы истории», 1965, № 1, стр. 43.

²⁵⁰ Сб. РИО, т. 95, стр. 659.

²⁵¹ Так, в разряде осеннего похода 1506 г. на Литву указывалось, что в левой руке «велено быть северских князей людем, кого они пошлют» (ГПБ, Эрм. собр., № 390, л. 36).

северских княжат, часто находившихся во время войн на Юге и Западе под их командованием. По существу же их владения по размерам и военно-политическому значению мало чем уступали уделам, да и формально они принадлежали к князьям московского дома. Бельские, Глинские и Мстиславские отличались по своему положению от Трубецких и Одоевских. Первые получили земли в «жалованье», причем в центральных районах страны (они перешли на Русь без вотчин), а вторые сохраняли корпоративные связи на местах. Естественно, что первые были более привязаны к великокняжеской власти, которая им и платила своим преимущественным вниманием. Промежуточное положение между этими группами занимали Воротыцкие: им земли пожалованы великим князем, но в районах их старинных вотчин.

Московское правительство имело много средств, обеспечивших в конечном счете полное включение служилых князей в состав представителей старомосковской аристократии, но этот процесс растянулся на всю первую половину XVI в. К числу этих средств относилась замена старых владений «слуг» новыми, где связи с землевладельцами у этих княжат не были столь прочными. Позднее стала практиковаться раздача слугам земель не в «вотчину», а только в «кормление». Частое привлечение слуг на военную службу способствовало ликвидации у них элементов политической обособленности. Участие в полках служилых князей воевод московских ставило первых под бдительный контроль центра. Частые опалы, которым подвергались все крупнейшие князья-слуги (В. Шемячич, В. Можайский, Ф. Мстиславский, М. Глинский, И. Бельский, И. Воротыцкий), все более и более ограничивали их власть после того, как немилость великого князя проходила. Поручные записи также закрепляли узы, подчинявшие «слуг» воле монарха. Браки северских князей с представительницами старомосковской знати преследовали ту же цель.

Обратим внимание и еще на одно обстоятельство. Сохранив за «слугами» часть старинных привилегий в их вотчинных землях на южных и восточных окраинах Руси, московское правительство поставило их формально выше старомосковского боярства. Не случайно с княжатами-слугами старомосковская знать не местничала в первой трети XVI в. (те их были выше по лестнице чинов). И вместе с тем служилые князья были оттерты от участия в реальном управлении страной. Они не входили в Боярскую думу, не участвовали в переговорах с послами, не посылались наместниками (кроме Мстиславского в его «кормлении»). Тем самым их политическая роль постепенно, по мере укрепления престижа Русского государства, все уменьшалась.

Включение служилых княжат в Думу растянулось на долгие десятилетия и началось только с перехода в Думу князя Д. Ф. Бельского в 1528 г. Значительная часть их так и не попала ни в состав бояр, ни даже в состав окольничих. Многие попали в Думу только потому, что к их знатному роду прибави-

лись личные заслуги при дворе или на поле боя. Раньше других боярами стали Бельские. Вслед за князем Дмитрием боярство получил его брат князь Иван в 1534 г., а много позднее его сын, также Иван (1550 г.). В 1550 г. боярином стал В. И. Воротынский²⁵², а его брат Александр в 1560 г. И. Ф. Мстиславский вступил в Боярскую думу в 1549 г.²⁵³, а братья Михаил и Юрий Глинские — в 1547 г.²⁵⁴, когда реальная власть в стране перешла в их руки. Борьба в малолетство Ивана Грозного Бельских и Шуйских во многом объясняется еще соперничеством служилых князей со старой княжеской аристократией Северо-Восточной Руси.

След обособленного положения «служилых князей» среди московской знати находим и позднее в Дворовой тетради 50-х годов XVI в. Здесь после перечня лиц, входивших в думные чины, помещен раздел «князи и дети боярские дворовые»²⁵⁵. Итак, в середине XVI в. слуги считались уже более низким разрядом служилых людей, чем бояре и окольные. Среди служилых князей находятся в это время И. Д. Бельский, Трубецкие, М. И. и А. И. Воротынские, В. М. Глинский, Д. С. Одоевский, а также А. В. Черкасский, Иван и Богдан воеводи Мутьянские²⁵⁶. Другие слуги в этой рубрике отсутствуют. Это были те, которые уже потеряли остатки своих вотчин-княжений. Некоторые из них (Мезецкие, Вяземские), влились в уездные корпорации дворовых детей боярских, а Мосальские сохранили отдельную корпорацию.

Следующий этап, когда некоторые из потомков служилых людей снова начинают играть видную политическую роль, — это опричнина. Афанасий Вяземский — один из виднейших опричников. Никита Романович Одоевский — опричный боярин в 1571 г. (на его сестре женат Владимир Андреевич Старицкий). Из Трубецких думных чинов достигли опричники Федор Михайлович и Никита Романович. Но это уже связано с личными заслугами Трубецких, Одоевских и Вяземских и фактически ничего общего с судьбами их как «служилых князей» не имело. В годы опричнины и в более позднее время эта корпорация уже не существовала, хотя особенности их владельческого положения служилых князей сохранялись²⁵⁷. Звание «служилый князь» выходит из употребления в самом конце XVI в.²⁵⁸

²⁵² А. А. Зимин. Состав..., стр. 63.

²⁵³ Там же, стр. 61.

²⁵⁴ Там же, стр. 59.

²⁵⁵ «Тысячная книга...», стр. 117.

²⁵⁶ С. Б. Веселовский считает, что Богдан Александрович, Стефан и Радул приехали в Москву около 1565 г. (С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 121—122). См. также: Р. Г. Скрынников. Указ. статья, стр. 169. В Царском архиве хранилась «грамота завещательная волошская Ильиаша воевода со царем и великим князем Иваном» («Описи», стр. 31, ящик 141). Мутьянский воеводич Радул и волошский Стефан упоминаются в походе Ивана IV в Новгород в 1572 г. (РК, стр. 243).

²⁵⁷ Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Указ. статья, стр. 152—174.

²⁵⁸ С. П. Мордовина. Указ. статья, стр. 327, 338.

РАЗВИТИЕ ПОМЕСТНОЙ СИСТЕМЫ В XVI В.

Проблема поместья — одна из «старых» в историографии русского феодализма. В том или ином аспекте поместье изучалось едва ли не всеми исследователями истории нашей страны XV, XVI и позднейших веков. Одно перечисление имен этих исследователей, названий их трудов и высказанных в них точек зрения на происхождение, социальную и юридическую природу и значение поместной системы в истории России заняло бы достаточно много места. В этой статье мы попытаемся, не вдаваясь по возможности в историографические дискуссии, коснуться только двух вопросов обширной проблемы поместья: роли поместной системы в истории класса феодалов и влияния этой системы на аграрную и социальную историю страны в целом.

С образованием в конце XV в. Русского централизованного государства идет процесс дальнейшей консолидации господствующего класса — укрепление его экономических и политических позиций.

Основой экономического могущества класса феодалов является феодальное землевладение. Новым этапом в развитии феодального землевладения в условиях централизованного государства была поместная система. Условное землевладение характерно для феодализма вообще и для русского в частности. Известны факты условного феодального держания на землях князей, митрополитов, бояр и монастырей еще с XII в.¹ Однако поместная система, начавшая создаваться с конца XV в., имеет свои существенные особенности. Первая особенность — массовый характер помещения служилых людей. С самого начала своего существования поместная система охватила обширные районы Северо-Западной России, на последующих этапах своего развития она распространилась на все государство. Вторая особенность заключается в самом характере отношений помещика к феодальному государству. Если в прошлый период дача земли в условное держание чаще всего носила «внутриотчинный» характер, т. е. преследовала цель и имела результатом обеспечение службы частному лицу — феодальному сенюру, то с конца XV в. в условиях централизованного государства поместные раздачи преследовали цель обеспечения государственных потребностей в форме службы государю всея Русн.

¹ См. М. Н. Тихомиров. Условное феодальное держание на Руси XII в.— «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». Сб. статей. М., 1952, стр. 100—104.

Таким образом, поместную систему можно рассматривать как качественно новое явление в истории русского феодализма. В своем развитии этот институт проходит три этапа. На первом этапе (конец XV в.) поместная система создается и растет за счет земель, конфискованных у новгородских бояр и монастырей. Она еще не ломает традиционного строя земельных отношений на основной территории государства. На втором этапе (первая половина XVI в.) ее развитие идет главным образом за счет оброчных и дворцовых земель северо-запада и черных волостей центра. Таким образом, крестьянское землевладение разрушается, а феодальная вотчина остается без существенного изменения. На третьем этапе (вторая половина XVI в.) происходит, наряду с поглощением остатков свободного крестьянства в центре и на северо-западе, разрушение старой феодальной вотчины. Поместное землевладение становится доминирующим, бурно развивается на вновь присоединенных землях Поволжья и активно просачивается за Оку. В данном случае превращение окраинных земель в поместья на отвоеванных у неприятеля территориях, производимое посредством правительственного акта — дачи, было осуществлением суверенных прав государства.

В исторической литературе, особенно учебной, имеется порой слишком прямолинейное, на наш взгляд, противопоставление поместья и вотчины². Во-первых, считается, что вотчинник — это «боярин», а помещик — «дворянин», тем самым подчеркивается, что поместья и вотчины принадлежат разным слоям класса феодалов. Во-вторых, подчеркивается условный характер владения поместьем и безусловный — вотчиной. В действительности, однако, взаимоотношения между поместьем и вотчиной были гораздо сложнее. С самого начала в составе помещиков можно различить три основных слоя. Это, во-первых, представители высшего слоя московских феодалов — бояре и окольные, во-вторых, дети боярские, составляющие основную массу класса феодалов, и, в-третьих, бывшие холопы-послужильцы из распущенных боярских дворов³. Следует подчеркнуть, что холопы-послужильцы в своей массе это, по-видимому, вовсе не рядовые холопы — выходцы из крестьян (деловые, страдные люди), а холопы-министериалы, по условиям своего быта и службы в боярской сеньории уже сложившиеся феодалы⁴. Включение их в состав помещиков означало расширение и унификацию в какой-то мере класса феодалов. Такова питательная среда личного состава помещиков на всех трех этапах развития поместной системы в XVI в. Осо-

² См., например: «История СССР», т. I. М., 1956, стр. 208—209; Л. П. Бушук. История СССР. М., 1954, стр. 314—315; П. П. Епифанов, И. А. Федосов. История СССР, учебное пособие для IX—X классов средней школы. М., 1963, стр. 71, и др.

³ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение Северо-Восточной Руси, т. I. М.—Л., 1947, стр. 288 и сл.

⁴ Е. И. Кольчева. Холопство и крепостничество (конец XV—XVI в.). М., 1971, стр. 241; А. А. Зимин. Холопы на Руси. М., 1973, стр. 283.

бенностью третьего этапа является, по-видимому, относительно большой удельный вес государевых дворцовых слуг и крещеных татар и иноземцев. Но отсюда следует, что нет достаточных оснований для противопоставления помещиков и вотчинников с точки зрения их места в составе класса феодалов.

Что касается объема прав помещика и вотчинника на их владения, то здесь можно наметить некоторую эволюцию. На раннем этапе развития поместной системы элементы условности владения поместьем сказывались сильнее, чем на последующих этапах. Эта условность проявлялась в отсутствии у владельца права распоряжения поместьем, в частности права завещания. В этот период великокняжеская власть нередко отписывает поместье у одного помещика и передает его другому или переводит поместье в разряд оброчных земель⁵. Но и на этом этапе основная масса поместий переходит от отцов к детям на условиях службы с этих же поместий. Более того, помещики имели право меняться поместными землями в одном и даже в разных уездах⁶. По мере развития поместной системы элементы условности все более отходят на задний план, все чаще случаи наследственного владения старым отцовским поместьем⁷.

Кроме того, основное условие поместного владения — обязанность несения службы — по существу распространяется и на вотчину. Известное Уложение о службе 1556 г. прямо уравнивает поручение службы с поместий и вотчин. В этом смысле вотчина XVI в. такая же служилая земля, как и поместье. Необходимо, однако, иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, служба с вотчины начинается отнюдь не в XVI в., а является, по-видимому, одной из характерных черт феодально-вотчинного строя предшествующей эпохи. Во-вторых, несмотря на значительное сближение вотчины и поместья, до конца XVI в. и позднее между

⁵ Так, в разряд оброчных земель были переведены в конце XV в. поместья О. Борщова и С. Линева в Городенском погосте Новгородского уезда (НИК, т. III, стлб. 183—186, 190—191), И. Телешова в Кельтушском погосте Ореховского уезда (ВОИДР, т. XI, стр. 235); поместье И. А. Супонева в Ижорском погосте после смерти помещика также было передано в оброчные земли (там же, стр. 351).

⁶ В 1540 г., например, по словам писцов, 14 поместий Новгородского уезда принадлежали детям старых помещиков, 22 — представителям других фамилий. В Ладожском уезде в это же время 18 поместий перешло от отцов к детям, 7 — к другим лицам. Помещики В. Нелединский, Частов и Ф. В. Кушелев обменялись землями в Солецком погосте Новгородского уезда и в Теребужском погосте Ладожского уезда; помещики Сабуровы менялись землями в Новгородском и Ореховском уездах, и т. д. (См. А. М. Гневушев. Писцовая книга Водской пятины 1539 г. Новгород, 1917).

⁷ А. Я. Дегтярев, исследовав массовые данные о продолжительности владения поместьями в Новгородском уезде Шелонской пятины, установил распространенность практики «наследования поместных владений» уже в первой половине XVI в. (А. Я. Дегтярев. Поместное землевладение и хозяйство Новгородских земель в XVI веке. Автореф. канд. дисс. Л., 1973, стр. 10).

ними сохраняется известное различие в отношении полноты прав распоряжения. Вдовы, малолетние дети, увечные и отставленные от службы феодалы владели зачастую неполными поместными наделами — часть поместья у них отписывалась и передавалась другим лицам. Владение вотчиной было в этом смысле более стабильным и лучше обеспечивало интересы членов семьи служилого человека. Отсюда стремление служилого человека превратить поместье в вотчину, отсюда и особая форма царской милости — пожалование поместий в вотчину⁸. Окончательное слияние вотчины и поместья — дело будущего. Нам представляется, что постепенно отмирающие (хотя и сохранившиеся частично до конца рассматриваемого периода) отличия поместья от служилой вотчины не дают оснований для резкого противопоставления их в историографии как двух существенно различных организмов: в действительности между ними происходит процесс своего рода «диффузии» — две формы феодального землевладения, отражающие два этапа развития русского феодализма, постепенно сливаются. Сближение поместья с вотчиной означало укрепление феодальной собственности и отвечало интересам господствующего класса⁹.

Было бы неверным, однако, представлять это сближение как гладкий равномерный процесс, без напряженной внутриклассовой борьбы. Хотя наиболее крупными помещиками с самого начала были бояре, однако в развитии поместной системы была прежде всего заинтересована средняя прослойка класса феодалов.

⁸ После «смуты», например, жаловались поместья в вотчины за «московское осадное сиденье» (при Василии Шуйском), за «московское осадное сиденье в королевичев приход», за «Троицкое и Тихвинское осадное сиденье» (см. ЦГАДА, ф. 1209, Писцовые книги, № 812, 7646, 7647 и др.). Размер пожалования, как правило, $\frac{1}{5}$ поместного оклада.

⁹ С точки зрения эволюции форм светского феодального землевладения в XVI в. представляет интерес развитие соответствующей писцовой терминологии. Новгородские писцовые книги конца XV — начала XVI в. различают земли: 1) поместные, 2) своеземческие. Никаких дополнительных сведений о происхождении владения эти писцовые книги, как правило, не сообщают (см. НПК, т. I — VI). Значительно более дифференцированный подход к землям проявляют позднейшие писцы. Писцовые книги 1620-х годов различают среди земель светских феодалов: 1) поместья; 2) выслуженные вотчины; 3) вотчины родовые, старинные, приданные, купленные, меновые и закладные; 4) вотчины, проданные из порозжих земель Поместного приказа и Приказа Большого двorca. Среди поместий в свою очередь различаются старые, отцовские (и других родичей: дядьев, братьев, племянников), меновные, «из порозжих земель», прожиточные (у вдов, недорослей и увечных), «что осталось за вотчиною дачей», «что дано из лишних земель» (такого-то владельца). Писцовая терминология свидетельствует, таким образом, о дифференциации в течение XVI в. самих категорий поместья и вотчины с точки зрения их происхождения. В то же время эта терминология говорит о сближении поместья с вотчиной в целом ряде актов: и поместье, и вотчина теперь переходят по наследству и от родичей, меняются, даются из порозжих земель и т. д. (см. ЦГАДА, ф. 1209, Писцовые книги, № 812, 7646, 7647 и др.).

лов — московские дети боярские и феодальная мелкота — боярские министералы. Именно их точку зрения высказывает И. С. Пересветов, обличая «ленивых богатин» и противопоставляя им «простых воиновичков», служилых людей, он одобряет и включение в состав служилых людей вчерашних послужильцев, которые «у вельмож царевых в неволе были», а благодаря пожалованию царя «стали у царя лутчие люди»¹⁰.

Как отмечено выше, программа Пересветова начинает осуществляться фактически уже с конца XV в. и означает перестройку старого боярского вассалитета, несовместимого с новым централизованным государством. По существу этот процесс совершается на протяжении всего XVI в. В 60—70-х годах, в период опричнины, этот процесс приобретает форму массовых конфискаций вотчин, имевших следствием перераспределение земли в руках класса феодалов и ликвидацию старинной вотчины, основанной на традиционных отношениях¹¹. После опричнины окончательно торжествует помещичье-дворянская собственность, основа складывающегося самодержавия и крепостнического строя. В свою очередь укрепление этих институтов имело следствием дальнейшее развитие и укрепление дворянско-поместного землевладения.

Развитие поместной системы столкнулось и с церковно-монастырским землевладением. Противоречие между земельными интересами церкви и светских феодалов нашло отражение уже в проповеди нестяжателей¹². С точки зрения класса феодалов суть учения нестяжателей состояла в требовании раздачи церковно-монастырских земель светским лицам. Хотя программа нестяжателей и не нашла своего осуществления, необходимо отметить, что в конце XV — начале XVI в. наблюдается довольно длительный перерыв (порядка 30—40 лет) в развитии монастырского землевладения¹³.

¹⁰ «Сочинения И. Пересветова». М.—Л., 1956, стр. 157.

¹¹ Р. Г. Скрынников. Начало опричнины. Л., 1966, стр. 271—307.

¹² Проповедь нестяжательства, начатая Нилом Сорским в XVI в., стала острейшим политическим орудием в руках борющихся партий. Идеологами нестяжательства выступают и представители боярства, и представители дворянства. То скрыто, то открыто нестяжательские идеи поддерживаются великокняжеской властью, так как государство стремилось за счет церкви увеличить земельный поместный фонд (Н. А. Казакова. Очерки по истории русской общественной мысли первой трети XVI в. Л., 1970). Критика церковного землевладения с нестяжательских позиций ведется и в таком литературном произведении, как «Беседа валаамских чудотворцев», произведении, созданном, по-видимому, в крестьянской среде (И. И. Смирнов. «Беседа валаамских чудотворцев» и ее место в русской публицистике XV в.—«Исторические записки», т. 15).

¹³ С. В. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, стр. 90; А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края в XV—XVII вв. Л.—М., 1951, стр. 86—88; Ю. Г. Алексеев. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. М.—Л., 1966, стр. 95; Л. И. Пвина. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца

Несмотря на победу посифлян, идея ограничения церковного землевладения находила свое отражение в правительственной практике и законодательстве всей второй половины XVI в.¹⁴ Однако до 80-х годов (до приговоров 1580—1584 гг.) существенных результатов эта политика правительства не имела. Более того, именно в 50—70-х годах наблюдается наиболее интенсивный рост землевладения ряда крупнейших монастырей¹⁵. В этом факте отразилось одно из противоречий опричной политики, приводившей к острому кризису в аграрных и социальных отношениях, в условиях которого резко возросла тяга различных элементов общества к поискам защиты у богатых и могущественных духовных корпораций, облеченных высоким религиозно-нравственным авторитетом¹⁶.

Приостановка роста монастырского землевладения в послеопричный период может быть объяснена двумя обстоятельствами: во-первых, прекращением террористической политики и, во-вторых, что не менее важно, отменой в 80-х годах монастырских тарханов. Эта отмена означала по существу уничтожение монастырского патроната, одного из важнейших средневековых институтов. В результате церковно-монастырские земли были фактически уравнианы с помещико-вотчинными и тем самым потеряли привилегированное положение. Это было значительной победой помещика-дворянина.

При всей важности борьбы за землю внутри класса феодалов генеральной линией развития феодального землевладения является все же захват феодалами крестьянских земель. На всех этапах развитие феодального землевладения происходит в острой классовой борьбе между феодалами и крестьянами¹⁷.

Общезвестно, что генезис феодализма — в крестьянской общине. В центре внимания историков, изучающих Киевскую Русь X—XII вв., — свободная община — вервь, противопоставляемая феодальной вотчине. Но когда те же исследователи обращаются к более позднему времени, они говорят почти исключительно о

XIV — первой половины XVI в. Автореф. канд. дисс. Л., 1959; А. Д. Горский. Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI века. М., 1974, стр. 86.

¹⁴ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, стр. 86—93, 99—109.

¹⁵ Там же, стр. 94—97.

¹⁶ А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, стр. 418.

¹⁷ Л. И. Ившин. Судебные документы и борьба за землю в Русском государстве второй половины XV — начала XVI в. — «Исторические записки», т. 86, стр. 326—356; Ю. Г. Алексеев. Крестьянская волость в центре феодальной Руси XV в. — «Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России». Л., 1972, стр. 88—101. Новейшее исследование А. Д. Горского, основанное на изучении актового материала, дает яркую картину борьбы крестьян за землю (А. Д. Горский. Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI века). С нашей точки зрения, собранные автором факты убедительно показывают, что крестьяне борются за свою земельную собственность (А. Д. Горский черных крестьян собственниками земли не считает) как основу своей свободы.

феодалном землевладении и зависимом крестьянстве. История крестьянства в их трудах выглядит как пирамида, поставленная на вершину: установив зачатки феодальных отношений в Киевской Руси, авторы изучают их дальнейшее развитие, расширение и углубление. При этом из их внимания в значительной мере выпадает сама основа этого процесса — свободное крестьянство¹⁸, постепенно попадающее в феодальную зависимость, крестьянское землевладение, поглощаемое феодальной вотчиной. Но постепенное поглощение свободного крестьянского землевладения феодальной вотчиной является основным процессом аграрной истории феодализма, так как крестьянские (впоследствии «черные») земли являются «материальной основой свободы паляющих их крестьян»¹⁹.

Большинство дворянско-буржуазных историков считало черную землю, как и всю территорию княжества, личной собственностью князя. Наиболее ярко эти взгляды выражены Б. Н. Чичериным и В. И. Сергеевичем. Так, первый из них пишет: «Вся земля принадлежала князю и называлась его вотчиной. Черные же волости оставались свободными общинами, поселенными на чужой земле». В другом месте Чичерин развивает это положение: «...черные земли всегда называются землями великого князя; здесь его право собственности не сталкивалось с другим, ибо крестьяне считались только владельцами земли, а не вотчинниками...»²⁰. Эта принадлежность земли князю — факт чрезвычайно важный.

Еще более откровенно эту же мысль излагает В. И. Сергеевич. На поставленный им самим вопрос: «Чью собственность составляют земли, на которых сидят черные, тяглые волостные люди?», — он без обиняков отвечает: «Эти земли составляют собственность великих князей московских», а крестьяне только «съемщики земель»²¹. Для В. И. Сергеевича «совершенно ясно» «отсутствие у нас в древности земельной собственности крестьянских общин, все крестьянское землевладение возникло у нас из земель, отписанных на государя. Все конфискованные Иваном Васильевичем земли составляют его собственность и предоставляются им или в условное владение помещиков или в оброчное владение крестьян»²². Отправление крестьянами государствеп-

¹⁸ Говоря здесь и ниже о свободном крестьянстве, мы, разумеется, имеем в виду «свободу» относительную — свободу в рамках феодального общества, в котором крестьянство в целом занимает низшую ступень социальной лестницы и является непривилегированным приниженным классом в противоположность привилегированному господствующему классу феодалов.

¹⁹ *И. И. Смирнов*. Заметки о феодальной Руси.— «История СССР», 1962, № 2, стр. 151.

²⁰ *Б. Н. Чичерин*. Опыты по истории русского права. М., 1858, стр. 11, 90—92.

²¹ *В. И. Сергеевич*. Древности русского права, т. I. СПб., 1909, стр. 251.

²² Там же, т. III. СПб., 1914, стр. 32.

ных повинностей, с точки зрения этих историков, не что иное, как плата князю-землевладельцу за пользование землей²³.

Противоположной точки зрения, в основном сводящейся к признанию крестьянской собственности на землю, придерживались И. Д. Беляев, М. Ф. Владимирский-Буданов и некоторые другие исследователи²⁴. Вполне определенные выводы о природе черного землевладения на основании изучения богатого актового материала XV—XVI вв. сделала А. Я. Ефименко: «Владел ли крестьянин целой деревней или даже несколькими деревнями... владел ли он только участком, жеребьем, долей деревни — он одинаково был собственником своей земли»²⁵. Наиболее правильные взгляды, с нашей точки зрения, на сущность крестьянского землевладения в дореволюционной историографии высказал Н. П. Павлов-Сильванский. Он отметил, что крестьянское землевладение включает два обязательных элемента: 1) собственность крестьян на их участки и 2) высшую территориальную власть волости на все земли в ее границах²⁶.

В советской историографии вопрос о природе крестьянского землевладения является также предметом дискуссии.

Согласно точке зрения И. И. Смирнова, земли, не входившие в состав собственно феодальных владений, являются собственностью крестьян, населяющих эти земли. В частности, для XV—XVI вв. И. И. Смирнов следующим образом определяет свою позицию: «Собственником «черных земель» является крестьянская община...; «черные земли» это русская форма общинной собственности...; черносошные крестьяне это собственники, а не пользователи черных земель»²⁷.

Другая точка зрения высказана Л. В. Черепниным. Согласно этой точке зрения, черные земли являются лишь одной из разновидностей феодальной собственности²⁸. Собственником этих земель является князь, который как глава феодального государства непосредственно эксплуатирует черносошных крестьян. Отсюда вытекает, что выражением феодальной зависимости черносошных крестьян являются выплачиваемые ими государственные налоги. К точке зрения Л. В. Черепнина примыкает А. Д. Горский, для которого «собственность частных феодалов на частновладельческие земли и собственность великого князя,

²³ Б. Н. Чичерин. Указ. соч., стр. 11, 24.

²⁴ См., например: И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси. М., 1903; М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. Киев, 1907.

²⁵ А. Я. Ефименко. Исследования народной жизни, вып. I, М., 1884, стр. 250.

²⁶ Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси.— Н. П. Павлов-Сильванский. Соч., т. III. СПб., 1910, стр. 22—24, 58—59.

²⁷ И. И. Смирнов. Заметки о феодальной Руси, стр. 150.

²⁸ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1958, стр. 182. Эта же точка зрения высказана Л. В. Черепниным в его новейшем исследовании «Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.» («Пути развития феодализма». М., 1972, стр. 126—251).

как представителя класса феодалов в целом, на черные земли — явления принципиально однородные»²⁹. Отсюда следует, что государственные повинности черных крестьян принципиально однородны с феодальной рентой. «Эксплуатация крестьян феодальным государством по своей сущности не отличалась от эксплуатации частными феодалами зависимых от них крестьян»³⁰.

На наш взгляд, эта концепция имеет два недостатка. Во-первых, из нее выпадает понятие государственного суверенитета, подменяемое понятием всеобъемлющей «верховой собственности» князя-короля на всю территорию государства. Во-вторых, эта концепция не содержит ответа на вопрос, когда же в сущности Русская земля стала реально собственностью феодальной, хотя и «верховой», князя-государя. С этой точки зрения процесс образования суверенного феодального государства равносителен процессу феодализации, т. е. распространению феодальной земельной собственности в виде собственности отдельных феодалов или в виде собственности феодального государства³¹. Промежуточную теорию о разделенной земельной собственности между крестьянином и государством развивает в новейшее время А. Л. Шапиро³².

Мы полностью присоединяемся к точке зрения И. И. Смирнова. Нам представляется, что именно эта точка зрения позволяет наиболее удовлетворительно объяснить как генезис феодализма на Руси в X—XI вв., так и его дальнейшее развитие.

К концу XV в. на территории нашей страны существовало два различных по своей природе социальных организма — феодальная вотчина и черная волость. Феодальная вотчина, являясь основной ячейкой феодального общества, базировалась на труде зависимых крестьян, лишенных земельной собственности и ограниченных в правах, и несвободных холопов. Черная волость представляла собой совокупность крестьянских аллодов, объединенных общинными институтами.

Четкую характеристику земельных отношений внутри волости дал В. И. Ленин. В конспекте книги Каутского «Аграрный вопрос» он дает следующую характеристику форм крестьянского землевладения: «компромисс м[ежду] общинным и частным з[емле]-вл[а]д[е]нием.

в частн[ой] соб[ственности]: усадьба, дом; полосы земли в различных «концах» поля.

²⁹ А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960, стр. 135; он же. Борьба крестьян за землю на Руси..., стр. 32.

³⁰ А. Д. Горский. Очерки..., стр. 120.

³¹ Развернутую критику этой концепции дал Н. Е. Носов в статье «О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси» («Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России», стр. 63—65).

³² А. Л. Шапиро. О природе феодальной собственности на землю. — «Вопросы истории», 1969, № 12.

15[9—10]. в общ[инной] собств[енности]: выгон.

(NB). Inde: Flurzwang.

15[10]. Это консерват[ивная] система х[озяйт]ва преобл[адает] везде, все равно и у своб[одных] и у зависимых кр[естьян]»³³.

Это ленинское положение полностью подтверждается актовым материалом XVI—XVII вв.

В нашем распоряжении имеются тысячи актов, по которым черносошные крестьяне продают, закладывают, меняют, завещают, дарят, дают в приданое, делят и т. д. свои земли. И все эти сделки совершаются без всякого участия государства и его органов³⁴. В этих сделках реализуется право крестьянской собственности на землю. Фактический материал, таким образом, не содержит каких-либо данных о государственной собственности на землю в XV—XVI вв. Частая в крестьянских актах формула «земли великого князя, а моего владения» означает, на наш взгляд, указание на принадлежность земли к территории данного княжения.

Что касается общинных институтов, то множество указаний на них мы встречаем как в актах, так и в Судебнике 1589 г., созданном в среде черносошного крестьянства Севера³⁵.

Дуализм крестьянской общины, отмеченный Марксом и Лениным, послужил базой для феодальной экспроприации крестьянской собственности в процессе распада общины. В XVI веке наряду с такой спонтанной феодализацией изнутри решающее значение приобрела феодализация крестьянской земли «сверху» — путем раздачи земель феодалам актами государственной власти.

Намеченные выше три этапа развития поместного землевладения, естественно, определяют основные периоды и в истории черного землевладения. В конце XV в. черная волость сохраняется на значительных территориях центральной части страны. В последней четверти XV в. не известно каких-либо значительных раздач черных земель светским и духовным феодалам. Наоборот, можно отметить меры по охране черных земель от расхищения их феодалами. К этим мерам можно отнести разводы и разъезды земель, которые, всегда с участием заинтересованных сторон — феодалов и черных крестьян, производились представителями великого князя и имели целью точную фиксацию границ земельных владений³⁶. Особенностью этого времени являются

³³ «Ленинский сборник», XIX. М., 1932, стр. 31.

³⁴ Из этого положения сторонник «княжеской собственности» В. И. Сергеевич выходил так: «Дело идет о волостной, т. е. государевой земле, но оно так ведется, что и подумать нельзя, что в нем затронуты интересы государя». (В. И. Сергеевич. Указ. соч., т. I, стр. 254). И действительно — нельзя и подумать.

³⁵ «Судебники XV—XVI веков». М.—Л., 1952.

³⁶ Примером могут служить отводы земельных владений монастырей Белоозера: Кириллова (АСВР, т. II, № 290), Ферапонтова (АСВР, т. II, № 338) и Троице-Сергиева (АСВР, т. I, № 420—422, 425 и др.).

массовые обращения крестьян к суду великого князя о землях, в надежде вернуть утраченные земли и воспрепятствовать новым феодальным захватам³⁷. На наш взгляд, эти апелляции сами по себе свидетельствуют в отраженном виде об определенном отношении великокняжеской власти к черному землевладению. С этим может быть связана и ст. 63 Судебника 1497 г., предусматривающая судебный иск о земле черного крестьянина к помещику. (Характерно, что впервые в русском законе помещик упомянут как антагонист свободного еще крестьянина³⁸. Важным правительственным мероприятием этого времени является создание новой категории оброчных земель, в состав которых вошли земли, конфискованные у новгородских бояр и монастырей³⁹. В социально-экономическом отношении эти земли были близки к черным землям. Их сближали прежде всего отсутствие феодала-землевладельца с его аппаратом и выплата оброка непосредственно великому князю. Близки к оброчным были и обширные дворцовые земли нового типа, в отличие от старых подклетных сел. Жители этих земель, возникших так же, как и оброчные, на месте прежних боярщин и монастырщин, выплачивали великому князю денежный оброк⁴⁰.

Таким образом, в конце XV в. правительство не было, видимо, заинтересовано в уничтожении крестьянского землевладения. В период образования централизованного государства правительство Ивана III не могло не считаться с интересами черных крестьян, составлявших значительную часть населения страны. На втором этапе, в первой половине XVI в., положение меняется.

³⁷ А. Д. Горский. Борьба крестьян за землю на Руси..., стр. 115—168.

³⁸ «Судебники XV—XVI вв.», стр. 28.

³⁹ О масштабах раздач земель на оброк можно судить по тому факту, что из 36 тыс. дворов, учтенных писцами 1495—1505 гг., в трех новгородских пятинах (Деревской, Водской и Шелонской) более 9 тыс. принадлежало оброчным крестьянам (подсчет произведен нами на основании данных А. М. Гневушева (см. А. М. Гневушев. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве, т. I. Киев, 1915. Приложение V, стр. 362—439). На территории одной только Водской пятины крестьянам на оброк были розданы земли 158 светских и 87 церковных волосток (всего 2275 дворов, 17% всех учтенных писцами дворов пятины). По данным коллективного труда «Аграрная история северо-запада России» в категорию оброчных земель было переведено в 5 пятинах более 17 тыс. беж, что составило 44,8% всего учтенного земельного фонда. Для сравнения можно указать, что в поместную раздачу поступило в то время 36,3% земель («Аграрная история северо-запада России. Вторая половина XV — начало XVI в.», Л., 1971, стр. 89, 133, 212, 236, 273, 333).

⁴⁰ По далеко не полным данным, к началу XVI в. в дворцовых землях более 3 тыс. крестьянских дворов (см. А. М. Гневушев. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве, т. I, Приложение II, стр. 292—297). Лишь по нескольким погостам Деревской пятины, по подсчетам Г. А. Победимовой, в состав дворцовых земель перешло 716 беж, бывших владычных, Юрьева монастыря и новгородских бояр («Аграрная история северо-запада России», стр. 190).

Идя навстречу интересам класса феодалов, правительство приступает к раздачам крестьянских земель в поместья, причем в первую очередь в раздачу попадают оброчные и дворцовые земли на территории Новгородских пятин⁴¹. Постепенно та же судьба постигает черные земли центральных уездов.

Преобразование крестьянских земель в феодальную собственность, и в частности в поместья, через акт государственной власти есть осуществление суверенного права феодального государства. Проявлением этого же суверенного права были и акты обратного порядка, широко практиковавшиеся в конце XV и реже в XVI в., превращение феодальных вотчин в оброчные крестьянские земли и земли черносошные⁴².

Однако и к середине XVI в. черные земли сохраняются еще во многих центральных уездах — поместная система здесь еще не разрушила черную волость⁴³.

Третий период в истории черного землевладения можно назвать трагедией русского крестьянства. Торжествующий в эпоху опричнины помещик, используя всю мощь государственного аппарата, уничтожил черную волость и оброчные земли на основной территории страны. Процесс захвата черных земель и превращение крестьянина из относительно свободного в феодально зависимого сопровождался резким усилением феодальной эксплуатации внутри поместья и в конечном итоге закрепощением крестьянства.

К концу рассматриваемого периода черное крестьянское землевладение сохранилось преимущественно на Севере. Экономическое положение черносошных крестьян в течение XVI в. значительно ухудшилось. Возрастание государственных потребностей, связанных с внутренней и внешней политикой правительства, обусловило огромное повышение налогового бремени.

⁴¹ Этот процесс прослежен в коллективном труде «Аграрная история северо-запада России».

⁴² Мы уже указывали, что значительная часть феодальных вотчин новгородских бояр была переведена в оброчные земли и оставалась такой в течение десятилетий. Вотчины новгородских феодалов на Двине стали впоследствии черносошными крестьянскими землями (см. «Аграрная история северо-запада России», стр. 280—289). Интересный пример превращения вотчинных земель в черные земли отмечен на Белоозере. В 1564 г. вотчины князей Кемских села Успенское и Вознесенское и другие земли по р. Кемь были «отписаны на государя» и перешли в состав черных земель. Именно как черные земли они были розданы помещикам в начале XVII в. (см. А. И. Копанев. История землевладения Белоозерского края в XV—XVI вв., стр. 165).

⁴³ Как свидетельствуют сохранившиеся писцовые и межевые книги этого времени, а также актовый материал, черные земли в середине XVI в. встречаются в Бежецком, Белоозерском, Галицком, Костромском, Московском, Переяславском, Ростовском, Суздальском, Торопецком, Углицком, Юрьевском уездах. Этот перечень, вероятно, далеко не полон.

К концу века черносошные крестьяне платили налогов примерно в два с половиной раза больше, чем в начале его ⁴⁴.

*

Торжество поместной системы — наиболее характерная черта в истории феодального землевладения XVI в. В своем развитии поместье, теряя черты условности, приближается к полной собственности. Существенно не только расширение феодального землевладения, но и перестройка всей структуры класса феодалов. Разрушив боярский вассалитет, подорвав привилегии церкви, уничтожив черную волюсть, поместная система стала наиболее общин выражением феодальных отношений в стране. Помещик стал ведущей социальной и политической фигурой государства.

Таким образом, развитие поместной системы в XVI в. привело не только к огромному количественному росту феодального землевладения в стране, но и вызвало глубокие качественные сдвиги в аграрной и социальной истории обоих основных классов феодального общества. Вековая борьба феодала и крестьянина за землю, проходившая красной нитью через всю историю Руси XII—XV вв., закончилась теперь полной победой феодала. Этого не могла сделать за несколько веков старая вотчина с ее вассальными отношениями «вольного слуги» к князю-сенюру и «вассальными» же отношениями полусвободного крестьянина к боярину-землевладельцу, старая вотчина с ее хозяйственной основой в виде натурального оброка и небольшой примесью денежных платежей и почти без крестьянских обработок. Эту задачу за сравнительно короткий срок — меньше, чем за сотню лет, — решило новое поместье, основанное на обязательной, строго регламентированной службе владельца и обязательной же, но ничем не ограниченной беспощадной барщинной эксплуатации крестьянина ⁴⁵.

Торжество поместно-крепостнических отношений означает уничтожение остатков старой крестьянской свободы и тем самым начало нового этапа русской истории, определяя вместе с тем основное направление развития страны на века вперед. Именно победа поместно-крепостнической системы в конце XVI в. определила характерный для последующего времени мучительно медленный процесс зарождения и развития капиталистических отношений в рамках крепостничества, растянувшийся на века и обусловивший длительную отсталость России.

⁴⁴ А. И. Копанев. Крестьяне русского Севера XVI в. Автореф. докт. дисс. Л., 1974.

⁴⁵ Новейшая концепция происхождения крепостного права, отмечающая тесную связь его с развитием поместного землевладения, принадлежит В. И. Корецкому (см. В. И. Корецкий. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970; см. также: Р. Г. Скрынников. Заповедные и урочные годы царя Федора Ивановича.— «История СССР», 1973 г., № 1, стр. 99—129).

ПРАВЯЩАЯ ГРУППА СВЕТСКИХ ФЕОДАЛОВ
В РОССИИ В XVII В.

«Русское самодержавие XVII века с боярской Думой и боярской аристократией,— указывал В. И. Ленин,— не похоже на самодержавие XVIII века...»¹ Указание на специфичность самодержавия с Боярской думой и боярской аристократией обязывает более подробно, чем это было сделано до сих пор, исследовать состав правившей группы феодалов и ее экономическую мощь.

Публикуя роспись владений думных чинов по переписным книгам 1678 г., А. А. Новосельский высказал мнение о том, что сопоставление содержащихся в этом источнике точных сведений «о личном составе Боярской думы, ее аристократической части (бояр и окольных) и представителей нарождающейся бюрократии (думных дворян и думных дьяков)... о территориальном размещении боярского землевладения... с аналогичными сведениями уже опубликованных росписей за более ранние годы дает основание для ряда ценных выводов»².

В настоящей работе сделана попытка осуществить рекомендацию А. А. Новосельского. К сожалению, рамки статьи вынуждают ограничиться изучением только состава верхушки правящей группы светских феодалов (без царя), и то в самых общих чертах.

В. О. Ключевский писал, что бояре удельных князей «стали забирать в свои руки главную силу в народном хозяйстве тех веков — земельную собственность, и это помогло им потом сомкнуться в цельный усидчивый класс и стать правительственной силой», а в XVII в. они оказались вынужденными поделиться «с другими слоями служилого класса», что привело к «растворению» боярства в дворянской массе. В. О. Ключевский выяснил количество дворов у правящей верхушки в 1678 г. и их удельный вес, отметил численное преобладание в Боярской думе родовитых фамилий, изменчивость личного состава вследствие назначения членов по усмотрению царя и уменьшение числа старых фамилий к концу XVII в.³

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 346.

² А. А. Новосельский. Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей по переписным книгам 1678 г.— «Исторический архив», 1949, т. IV, стр. 88.

³ В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси. Пг., 1919, стр. 382—385, 395; он же. Курс русской истории, т. 3.— В. О. Ключевский. Соч., т. 3. М., 1957, стр. 232.

Указания В. О. Ключевского на экономическую причину политического могущества бояр, на рост значения и земельных владений дворянства в XVII в. и на численное преобладание в Думе членов родовитых (в том числе не только боярских) фамилий находят подтверждение в источниках, опубликованных позднее и, вероятно, неизвестных В. О. Ключевскому в период работы над книгой о Боярской думе. Но его тезисы об уменьшении числа представителей старых фамилий в Думе к концу XVII в. и о «растворении боярства» среди дворянства нуждаются в уточнении.

С. В. Рождественский, исследуя земельную мобилизацию в XVI в. и ее результаты, привлек роспись поместий и вотчин думных чинов на 1647 г. и пришел к следующим двум основным выводам: 1) существовала сильная раздробленность земельных владений феодалов по многим уездам (до 18 уездов) и 2) «ни князья, потомки самостоятельных владетелей, ни старое московское нетитулованное боярство, ни какой другой слой московского служилого общества не могли образовать плотной, замкнутой землевладельческой аристократии. Если этим именем обозначить вообще известное число крупных землевладельцев государства, то такая земельная аристократия под действием постоянной мобилизации ее владений, оказывалась бессословной». В появлении вследствие родственных связей с царем или личных заслуг новых, неродовитых фамилий он усмотрел «сословное безразличие в области служилого землевладения в середине XVII в.»⁴

Первый вывод С. В. Рождественского о разбросанности земельных владений крупных феодалов беспорен, но нуждается в дополнении — это не исключало сосредоточения в одних руках огромных территориально объединенных владений. Второй вывод, как будет показано далее, тоже не может быть принят без существенных оговорок.

А. И. Яковлев, проанализировав данные о дворовладении думных людей и дворянства на 1638 г., пришел к выводу, что московское служебное положение обеспечивало в 6—8 раз лучше, чем «городовое»⁵.

А. А. Новосельский уточнил данные В. О. Ключевского о количестве дворов у боярства и их удельном весе⁶.

Впервые списки думных людей (исключая думных дьяков) были составлены В. Берхом. Эта работа, как объяснено в пред-

⁴ С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897, стр. 227—230.

⁵ А. И. Яковлев. Служилое землевладение по данным Приказа сбора ратных людей. — «Сергею Федоровичу Платонову». Сб. статей. СПб., 1911, стр. 450—454; он же. Приказ сбора ратных людей. М., 1917, стр. 257—260.

⁶ А. А. Новосельский. Указ. статья, стр. 88; он же. Феодальное землевладение. Боярство, дворянство и церковь. — «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век». М., 1955, стр. 140.

словии к ней, носила исключительно справочный характер. В «Списках» В. Берха были перечислены бояре по царствованиям с 1468 по 1682 г. и приложен алфавитный список бояр, окольных и думных дворян. «Главным и основным материалом, — писал В. Берх, — служил мне XX том «Древней Российской Виллиофики»⁷, а последующими «Опыт Трудов Вольного Российского Собрания», сочинения незабвенного историографа нашего Миллера, списки воеводам, описания: коронаций, брачных торжеств, похоронных обрядов и все грамоты и летописи, доселе нам известные»⁸. К данным В. Берха следует относиться острожно и с оговоркой об их возможной неточности.

В 1853 г. был издан алфавитный указатель имеп, записанных в боярские книги 1626, 1628, 1635, 1639, 1657, 1667, 1675, 1676, 1685 и 1692 гг.⁹

В 1864 г. С. И. Елагин опубликовал списки дворовладельцев (в том числе и думных людей) на 1696 г., участвовавших в «кумпанствах» по постройке кораблей, но в них были включены только владевшие не менее чем 100 дворами¹⁰. В 1897 г. вышел в свет список думных людей на 1653 г. с указанием количества дворов у них, напечатанный Н. Никольским¹¹, а в 1911 г. — список их же на 1638 г., составленный А. И. Яковлевым по материалам Приказа сбора ратных людей, но без учета дворов в Московском уезде¹². Характерной особенностью этих списков было то, что в них указывалось только общее количество дворов, без обозначения, в каких уездах они находились.

В 1913 г. С. В. Рождественский опубликовал неполный список думных людей и их владений на 1647 г., который он проанализировал в своей цитированной выше работе. В этом списке были даже перечислены селения и число дворов в них¹³. Менее подробно (без селений, но с указанием уездов) роспись

⁷ В нем напечатан так называемый Шереметевский список думных чинов, составленный в конце XVII в. и требующий проверки (см. указания А. А. Зимина на его недостатки. — А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV — XVI веках. — «Археографический ежегодник за 1957 год». М., 1958, стр. 41—62).

⁸ В. Берх. Систематические списки боярам, окольным и думным дворянам с 1468 года до уничтожения сих чинов. СПб., 1833.

⁹ «Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях». М., 1853.

¹⁰ С. И. Елагин. История русского флота. Период азовский. Приложения, ч. I. СПб., 1864, стр. 181—202.

¹¹ Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в., т. I. СПб., 1896. Приложение I, стр. III.

¹² А. И. Яковлев. Указ. статья, стр. 451—452.

¹³ С. В. Рождественский. Роспись земельных владений московского боярства 1647—8 года. — «Древности. Труды Археографической комиссии имп. Московского археологического общества», т. III. М., 1918, стлб. 193—238.

на 1678 г., о которой уже упоминалось, напечатал в 1949 г. А. А. Новосельский¹⁴.

К этим напечатанным спискам и росписям мы добавим обработанный нами неопубликованный источник, содержащий данные о дворовладении правившей феодальной верхушки и в том числе думных чинов, на 1700 г. Это «сказки» дворовладельцев, поданные в 1699—1700 гг. на Генеральный двор, ведавший сбором рекрут пропорционально количеству крепостных дворов. Число дворов в «сказках» приводилось по переписи 1678 г. «Сказки» были сгруппированы по отдельным группам владельцев и записаны в особые книги — «реестры». В 1852—1855 гг. в архиве были составлены алфавитные списки владельцев, в которых указаны фамилия, имя, отчество владельца, его «чин» или сословное положение, названия селений и уездов, число дворов в каждом селении (или группе их) и общее количество дворов¹⁵. В настоящей статье использован алфавитный список думных и высших чинов, содержащий сведения о 334 владельцах¹⁶.

Кроме того, мы привлекли также для выяснения родов думных людей в XVI в. составленный А. А. Зиминим список членов Боярской думы XVI в.¹⁷

Таким образом, привлекаемые источники для XVII в. можно условно разделить на четыре группы:

1) списки бояр, окольных и думных дворян на 1613—1644, 1645—1675, 1676—1682 гг. и далее до начала XVIII в., опубликованные В. Берхом, и списки лиц, занесенных в боярские книги 1626, 1628, 1635, 1639, 1657, 1667, 1675, 1676, 1685 и 1692 гг. — из «Алфавита» к боярским книгам (без указания в обоих источниках числа дворов);

2) списки думных людей (с указанием числа дворов у них) на 1647, 1653 и 1678 — из напечатанных росписей;

3) список думных чинов на 1638 г., составленный А. И. Яковлевым по материалам Приказа сбора ратных людей;

4) дополнительно привлеченные источники — списки феодалов на 1696 г., изданные С. И. Елагиним, неопубликованный «Алфавит» 1700 г., писцовые книги Московского уезда 1629—1635 гг. и т. п.

Рассмотрим численность думных людей и количество у них крепостных дворов на 1638, 1653, 1678 и 1700 гг. (табл. 1). Хотя выбор этих дат обусловлен наличием сводных источников,

¹⁴ А. А. Новосельский. Указ. статья, стр. 122—139.

¹⁵ В. В. Шереметевский. История московских сенатских архивов и архива министерства юстиции с 1843 по 1888 год. — «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции», кн. 7. М., 1890, стр. 166—168.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ), кн. 6195 — «реестр» и кн. 664 — «алфавит».

¹⁷ А. А. Зимин. Указ. статья, стр. 83—87. Список А. А. Зимина основан на источниках до 1584 г. Сопоставления дат упоминаний членов Думы в источниках у В. Берха и у А. А. Зимина мы не производили.

Таблица 1

Численность думных людей и количество у них крепостных дворов в 1638—1700 гг.*

Думные чины	1638 г.			1653 г.		
	Человек	У них дворов	На цело- века	Человек	У них дворов	На цело- века
Бояре	19	16 769	882	32	50 145	1 567
в %	54	82	—	52	80	—
Окольничие	12	2 645	20	22	11 562	526
Итого	31	19 414	626	54	61 707	1 142
в %	88	95	—	89	97	—
Думные дворяне	1	438	438	5	1 787	357
Думные дьяки	3	619	206	2	275	138
Итого	4	1 057	264	7	2 062	294
в %	12	5	—	11	3	—
Всего (100%)	35	20 471	584	61	63 769	1 045
в том числе князей	15	8 947	596	29	25 996	896
в %	48	45	—	47	40	—

Таблица 1 (окончание)

Думные чины	1678 г.			1700 г.		
	Человек	У них дворов	На цело- века	Человек	У них дворов	На цело- века
Бояре	42	36 212	862	37	41 049	1 109
в %	43	79	—	40	76	—
Окольничие	28	6 096	218	30	9 306	310
Итого	70	42 308	604	67	50 355	751
в %	71	91	—	71	93	—
Думные дворяне	19	2 846	150	18	2 197	122
Думные дьяки	9	832	92	9	1 253	139
Итого	28	3 678	131	27	3 450	128
в %	29	9	—	29	7	—
Всего (100%)	98	45 986	469	94	53 805	572
в том числе князей	34	27 469	807	29	25 383	875
в %	49	65	—	44	47	—

* На 1638 г. сведения А. И. Яковлева о числе дворов дополнены данными по Московскому уезду, подсчитанными мною по писцовым книгам (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 9805—9807). Сведения за 1647 и 1696 гг. неполны и поэтому не включены в таблицу.

он должен быть признан относительно удачным, так как дает сведения на вторую, третью и четвертую четверти столетия и его конец.

Как видно из данных табл. 1, численное преобладание в Думе на протяжении всего XVII в. сохранялось за боярами и окольными, а в 1638 г.— за боярами, которых было больше, чем остальных думных чинов, вместе взятых. Только в последней четверти XVII в. мы видим резкое увеличение числа думных дворян и думных дьяков (что уже было отмечено в литературе). Удельный вес боярства снизился, но все же составлял 39%, а вместе с окольными — 71%. В то же время боярство имело подавляющее количество дворов (из общего числа, принадлежавшего членам Думы), удельный вес которых снизился очень незначительно. Соответственно и количество дворов, приходившихся в среднем на одного члена Думы, было у бояр все время намного выше.

Следует иметь в виду, что цифры табл. 1 имеют относительное значение (как и данные прочих таблиц в статье), так как состав Думы на каждую отдельно взятую дату носил до некоторой степени случайный характер вследствие назначения ее членов по усмотрению царя. Так, например, в Думе в 1678 г. еще не было М. Я. Черкасского, вследствие чего общее количество дворов у членов Думы оказалось меньше на 9 тыс. дворов¹⁸. В росписях, а следовательно, и в нашей таблице отсутствуют представители старинного рода князей Оболенских, хотя известен окольный В. А. Оболенский, умерший в 1651 г., и т. д.

Учитывая решительное преобладание в Думе бояр и окольных, мы ограничим наш дальнейший анализ только этими двумя разрядами думных чинов.

В Приложении I приведен перечень бояр и окольных, составленный в виде таблицы по охарактеризованным выше источникам.

Перечень требует некоторых пояснений. В него включены все представители родов бояр и окольных, носивших ту же родовую фамилию и входивших в Думу в любом чине¹⁹. Родственные связи с другими фамилиями во внимание не приняты, потому что, во-первых, они еще мало изучены, а во-вторых, и без их учета

¹⁸ Вопрос о том, становились ли думные люди крупными землевладельцами после своего назначения в Думу или до этого, требует отдельного изучения с привлечением источников XVI в. и выяснением формирования земельных владений отдельных родов. Несомненно, что назначение в Думу и связанные с этим получение крупного поста и близость к царю облегчали приобретение земель.

¹⁹ Возможно, хотя и маловероятно, что имелись и однофамильцы. Но выяснение этого составляет особую задачу, а для темы настоящей статьи не имеет значения, так как в XVII в. таких случаев не могло быть много.

картина оказывается ясной. Родов, представители которых не упомянуты в наших источниках в чинах бояр или окольных, в перечне нет. Хронологические рамки перечня охватывают период с 1613 по 1700 г. Отдельно выделены 1638, 1647, 1653, 1678, 1696 и 1700 гг., так как только на эти даты мы имеем сведения о числе дворов у членов Думы. Обособление периода с 1613 по 1625 г. вызвано тем, что сведения о членах Думы за эти годы взяты только из списков В. Берха и нуждаются в дальнейшей проверке. Поэтому они дополнительно отмечены звездочкой. Ею же и по той же причине отмечены сведения в других графах, тоже взятые у Берха за годы, которые не отражены в боярских книгах²⁰. Принадлежность данного лица к Думе в 1613—1637, 1639—1646, 1654—1677 и 1679—1692 гг. отмечена словом «да» и означает, что это лицо упомянуто в источниках под одним или под несколькими годами этого периода. В перечне указаны княжеские роды, а также роды, представители которых входили в Думу в XV—XVI вв. (данные за XVI в.— до 1584 г.— взяты нами у А. А. Зимины). Не включен в перечень гетман И. М. Брюховецкий. Прочерки означают, что в использованных источниках за данный период сведений не встретилось. Всего в XVII в. (по нашим, повторим еще раз, не вполне полным данным) в Думе насчитывалось 369 представителей 108 родов (а с князем В. А. Оболенским — 370 человек 109 родов), имевших чин бояр и окольных (родственников их, имевших чины думных дворян и думных дьяков, среди них было всего несколько человек, и наличие их картины не меняет).

Ценность такого перечня, как нам представляется, заключается в том, что, во-первых, он является сводкой данных из перечисленных в начале статьи источников, которая может послужить основой для дальнейшего изучения состава Думы на всем протяжении столетия, во-вторых, служит материалом для анализа состава правившей верхушки светских феодалов, к которому мы и переходим.

Выделим из 108 родов, включенных в перечень, те роды, члены которых входили в Думу не только в XVII, но и в XV—XVI вв. Таких было 40 родов (в скобках указано число думных людей в XVII в.):

1. Бутурлины (8)	5. Годуновы (3)	9. Засекины, кн. (3)
2. Вельяминовы (2)	6. Голицыны, кн. (12)	10. Зюзины (2)
3. Волынские (6)	7. Головины (9)	11. Карповы (2)
4. Воротынские, кн. (1)	8. Долгоруковы, кн. (10)	12. Квашнины (1)
		13. Колычевы (1)

²⁰ Хотя данные Берха, относящиеся к XVII в., еще не проверены, автор, учитывая, что их недостоверность пока не доказана, счел себя не вправе отбросить их.

14. Куракины, кн. (6)	24. Ромодановские, кн. (9)	33. Трубецкие, кн. (5)
15. Лыковы, кн. (3)	25. Ростовские, кн. (8)	34. Хворостинины, кн. (2)
16. Морозовы (5)	26. Сабакны (4)	35. Хилковы, кн. (5)
17. Нагие (1)	27. Салтыковы (11)	36. Черкасские, кн. (7)
18. Одоевские, кн. (8)	28. Сицкие, кн. (3)	37. Шеины (2)
19. Плещевы (1)	29. Сукины (1)	38. Шереметевы (10)
20. Пронские, кн. (4)	30. Татищевы (1)	39. Шуйские (1)
21. Репнины, кн. (3)	31. Траханиотовы (1)	40. Шербаты, кн. (5)
22. Ржевские (2)	32. Троекуровы, кн. (3)	

Выделим теперь из перечня роды, представители которых не входили в Думу в XV—XVI вв., но в XVII в. были представлены в Думе более чем одним членом. Таких было 33 рода (в скобках — число думных людей в XVII в.):

1. Борятинские, кн. (4)	12. Матвеевы (2)	23. Ртищевы (2)
2. Волконские, кн. (10)	13. Матюшкины (4)	24. Савеловы (3)
3. Голохвастовы (2)	14. Милославские (8)	25. Соковнины (3)
4. Елизаровы (2)	15. Нарбековы (5)	26. Стрешневы (12)
5. Змеевы (2)	16. Нарышкины (9)	27. Урусовы, кн. (5)
6. Измайловы (3)	17. Нащокины (3)	28. Хитрово (8)
7. Кондыревы (5)	18. Пожарские, кн. (3)	29. Хованские, кн. (9)
8. Леонтьевы (5)	19. Полибины (2)	30. Чеглоковы (2)
9. Лихачевы (3)	20. Прозоровские, кн. (10)	31. Чириковы (2)
10. Лопухины (6)	21. Прончищевы (3)	32. Шаховские, кн. (2)
11. Львовы, кн. (10)	22. Пушкины (10)	33. Языковы (3)

Представители прочих 35 родов имели в Думе не более одного своего члена и то только в XVII в.

Следовательно, из 108 родов, внесенных в перечень, более одного представителя имели в Думе 73 рода, из них 40 родов дали 175 думных людей, а 33 рода — 162 членов Думы. Всего эти 73 рода имели в Думе в XVII в. 337 представителей (91%).

Учитывая родственные связи между этими 73 родами, вряд ли можно сомневаться в наличии определенной группы людей, связанных между собою родством, которая правила страной и в XVI и в XVII в.

²¹ Точнее, Романовы-Захарьины-Юрьевы.

Таблица 2
Список 34 родов, входивших в Думу на протяжении XVII в.

№ п/п		Княжеских родов	Роды бояр и окольных	Крайние даты упоминания в источниках	Число членов в XVII в.	Количество дворов за годы					
общие	родов, представители которых были в Думе и в XVI и в XVII в.					1638	1647	1653	1678	1696	1700
1	1		Бутурлины	1513—1696	8	374	401	936	576	1 073	—
2		1	Волконские	1634—1699	9	132	709	602	—	819	555
3	2		Волынские	1559—1692	6	207	—	—	356	—	—
4	3	2	Голицыны	1574—1699	12	819	880	906	3 541	1 518	2 928
5	4		Головины	1552—1699	9	—	—	285	—	1 115	1 903
6	5	3	Долгоруковы	1579—1699	10	—	—	—	2 733	564	1 099
7	6		Зюзины	1577—1664	2	—	—	643	—	—	—
8	7		Карповы	1517—1660	2	240	747	1 047	—	—	—
9	8	4	Куракины	1570—1684	6	—	1 297	1 802	2 828	—	—
10			Лихачевы	1626—1699	3	116	283	—	—	582	590
11			Лопухины	1639—1699	4	—	—	90	—	1 835	1 329
12	9	5	Лыковы	1565—1699	3	829	—	—	—	480	536
13	10	6	Львовы	1628—1699	7	738	615	3 172	198	552	574
14	11		Морозовы	1464—1677	5	999	10 213	11 636	—	—	—
15		7	Мосальские	1606—1664	1	161	396	387	—	—	—
16	12	8	Одоевские	1506—1696	8	—	1 728	1 934	4 248	2 185	—
17		9	Пожарские	1613—1668	3	1 449	180	324	—	—	—
18		10	Прозоровские	1630—1699	11	149	817	829	—	3 833	3 611
19			Пушкины	1600—1699	7	—	238	623	705	1 223	287
20	13	11	Репнины	1535—1692	3	102	718	1 234	1 336	—	—
21	14		Романовы	1480—1699 *	2	3 473	7 012	7 689	—	—	—

22	15	12	Ромодановские	1501—1699	9	—	343	1 085	1 411	1 462	1 488
23	16	13	Ростовские	1501—1692	8	—	608	1 360	—	—	—
24	17		Сабакны	1572—1699	4	—	576	589	206	178	272
25	18		Салтыковы	1511—1699	11	1 013	2 736	3 066	3 019	5 403	1 340
26			Стрешневы	1606—1699	12	1 430	3 895	3 116	1 074	1 058	1 015
27	19	14	Троекуровы	1556—1699	3	—	—	—	1 551	1 375	1 444
28	20	15	Трубецкие	1535—1699	5	—	1 104	1 490	695	629	629
29	21	16	Хворостинины	1554—1656	2	—	—	1 231	—	—	—
30	22	17	Хилковы	1557—1681	5	130	378	795	67	—	—
31		18	Хованские	1615—1699	8	—	—	692	374	1 123	1 128
32	23	19	Черкасские	1568—1699	7	3 031	5 173	6 790	203	9 083	9 628
33	24		Шейны	1501—1696	2	—	—	—	—	1 889	—
34	25		Шереметевы	1549—1699	10	2 417	3 446	1 169	2 106	2 312	1 748
			Всего бояр и окольных и дворов у думных людей (включая дворы думных дворян и думных дьяков)		369	20 471	47 358	63 769	45 986	64 985	53 805
			В том числе								
			родов, указанных в перечне, и у них дворов		207	17 809	44 493	55 522	27 227	39 991	32 104
			%		56	87	94	87	59	61	60
			родов, указанных в перечне, представители которых входили в Думу и в XVI и в XVII в., и у них дворов		142	11 928	31 676	48 859	25 074	29 518	23 589
			%		40	58	67	77	54	45	44
			княжеских родов и у них дворов		120	7 540	14 946	23 941	19 185	23 623	23 620
			%		32	37	31	38	41	36	44

* Во второй половине XVII в. представителем Романовых в Думе был сам царь.

Указание Г. И. Котошихина на то, что в XVII в. многие старинные роды «без остатку миновались»²², не противоречит этому выводу: новые роды, вошедшие в Думу в XVII в., как раз и заняли освободившиеся места.

Но полученные данные недостаточно конкретны, а основанный на них вывод носит слишком общий характер: ведь члены некоторых родов первой группы (40 родов) не упоминаются в наших источниках второй половины XVII в., а из второй группы (33 рода) некоторые не встречаются в первой половине столетия.

Выделим из 108 родов, включенных в перечень, группу таких родов, представители которых входили в Думу на всем протяжении XVII в. (1613—1700 гг.), и выясним их обеспеченность крепостными дворами (табл. 2).

В табл. 2 перечислены 34 рода, члены которых входили в Думу как в первой, так и во второй половинах XVII в. Даже если мы исключим из этого списка Зюзиных, Карповых, Мосальских, Пожарских и Хворостининых (которые в наших источниках не встречаются в последней четверти XVII в.), это не изменит того факта, что в руках оставшихся 29 родов было сосредоточено не менее $\frac{2}{3}$ крепостных дворов, принадлежавших всем членам Думы. Эти роды дали 207 бояр и окольных (56%).

Из 34 родов 25, т. е. большинство, заседали в Думе и в XVI в. Эти 25 родов (или 22 — без Зюзиных, Карповых и Хворостининых) имели в XVII в. около или больше половины всех дворов у думных людей. Они дали 142 чел. бояр и окольных (38%).

Среди них было 18 княжеских родов. 13 из них правили и в XVI в. В XVII же столетии в Думе было 120 бояр и окольных с княжеским титулом (32%), имевших не менее $\frac{1}{3}$ всех крепостных дворов, принадлежавших думным людям.

Обратимся к выяснению удельного веса дворовладения думных людей (относительно дворовладения светских феодалов).

Для середины XVII в. этот расчет будет гипотетичным, так как общее число дворов у светских феодалов достоверно еще не выяснено. Единственный имеющийся в литературе подсчет П. П. Смирнова основан на дефектном изданном источнике (сметах военных сил 1661—1663 гг.) и нуждается в поправках²³. Мы поэтому возьмем более точное издание этих смет, осуществленное С. Б. Веселовским²⁴.

²² Г. И. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906, стр. 23.

²³ П. П. Смирнов. Движение населения Московского государства. — «Русская история в очерках и статьях», т. I. Киев, 1916, стр. 67—68.

²⁴ С. Б. Веселовский. Сметы военных сил Московского государства 1661—1663 гг. — «Чтения ОИДР», 1914, кн. 3.

В сметах военных сил 1661—1663 гг. приведена выписка из Поместного приказа о числе дворов во всем государстве, основанная на данных переписи 1646 г. В ней указано, что общее число тяглых дворов, включая дворы во владениях светских феодалов, духовенства и царя, дворы черносошных крестьян и посадских людей (кроме ясачных людей), составляло 548 866. По данным П. П. Смирнова, у черносошных крестьян было 48 359 дворов, а у посадских людей — 41 432 двора²⁵. По сведениям Г. К. Котошихина, в дворцовом ведомстве числилось около 30 тыс. дворов²⁶. За духовенством по росписи, опубликованной Н. Никольским и относящейся к 1653 г. (но, вероятно, по данным переписи 1646 г.), значилось за патриархом, митрополитами, архиепископами и монастырями 109 167 дворов²⁷. Итак, получаем у светских феодалов округленно 320 тыс. дворов (необходимо подчеркнуть, что итог этот, возможно, занижен и требует проверки, основанной на изучении материалов переписи 1646 г.).

В 1678 г. у светских феодалов было около 436 тыс. дворов²⁸. Следовательно, удельный вес дворовладения членов Боярской думы составлял в 1653 г. — 19%, в 1678 г. — 11, в 1700 г. — 12%. Но, как уже говорилось выше, общее количество дворов у думных людей на отдельные даты могло значительно меняться, так как назначение в Думу зависело от воли царя.

Необходимо поэтому выяснить численность и состав слоя высшего дворянства, окружавшего думных людей, и определить долю крепостных дворов, принадлежавших думным людям и этому слою (т. е. правившей верхушке в более широком смысле слова).

По данным А. И. Яковлева, тремя высшими группами светских феодалов в 1638 г. являлись думные люди, высшие придворные чины и стольники (мы исключаем сибирских и касимовских царевичей, их князей и мурз). Между ними и московским дворянством, не говоря уже об остальном дворянстве, существовал резкий разрыв в средней обеспеченности крепостными дворами: у стольников было в среднем по 78 дворов, у московских дворян — по 29 дворов. Следовательно, мы имеем основание считать в составе правившей верхушки в 1638 г. именно указанные три

---

²⁵ П. П. Смирнов. Указ. соч.; он же. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. II. М.—Л., 1948, стр. 590.

²⁶ Г. К. Котошихин. Указ. соч., стр. 143.

²⁷ Н. Никольский. Указ. соч. Итог дворов за монастырями проверен П. П. Смирновым и увеличен на 3 двора (П. П. Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII века, т. I, вып. 2. Киев, 1919, стр. 299).

²⁸ Я. Е. Водарский. Численность населения и количество поместно-вотчинных земель в XVII в. (по писцовым и переписным книгам).— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 год». Кишинев, 1966, стр. 222.

группы феодалов. Всего в них насчитывалось 309 человек, владевших 43 тыс. дворов.

Прибавив к ним 131 вдову и недоросля (6 тыс. дворов), получим 440 человек, имевших 49 тыс. дворов. У прочих групп столичных чинов, насчитывавших 1354 человека, было всего 40 тыс. дворов.

На 1696 г. мы имеем сведения (в росписях участников «кумпанств» по постройке кораблей, напечатанных С. И. Елагинным) о 521 владельце, имевшем не менее 100 дворов каждый. У них было 163 тыс. дворов, да у 41 вдовы и недоросля имелось 13,7 тыс. дворов. Всего, следовательно, 562 человека владело 177 тыс. дворов, или 40% всех крепостных дворов, принадлежавших светским феодалам по переписи 1678 г.²⁹

В 1710 г. была составлена справка о количестве дворов у отдельных групп феодалов, подавших в 1700 г. «сказки». В ней за думными людьми, комнатными стольниками и стряпчим с ключом числится 121,6 тыс. дворов, но не указывается, сколько было владельцев³⁰. Обращаясь к «Алфавиту» 1700 г., мы находим, что у думных людей, высших придворных чинов, стольников и включенных в эту же группу некоторых лиц без указания чина значилось 120,6 тыс. дворов. Разница со справкой 1710 г., составленной по этим же «сказкам», равна менее чем 1%, что дает нам основание пренебречь ею и считать, что перечисленные в «Алфавите» 1700 г. лица действительно составляли правившую верхушку³¹. Всего их насчитывалось 330 человек, владевших 120 тыс. дворов, а без вдов и недорослей — 291 человек (109 тыс. дворов).

Известно, что в 1681 г. в «московский список» входило 6385 думных людей, стольников, стряпчих, жильцов и московских дворян. По справке 1710 г. у людей этих групп в 1700 г. было 254 тыс. дворов. Значит, 330 человек владело 120 тыс. дворов, а 6 тыс. человек прочих «людей по московскому списку» имело только 134 тыс. дворов.

Таким образом, численность правившей верхушки, т. е. думных людей, высших придворных чинов и стольников можно определить только на 1638 и 1700 гг., тогда как на 1696 г. мы располагаем сведениями о владельцах, имевших не менее 100 дво-

²⁹ См. также подсчет Е. П. Кушевой («Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в.»). М., 1954, стр. 186).

³⁰ См. ее в статье Я. Е. Водарского «Служилое дворянство в России в конце XVII — начале XVIII в.» («Вопросы военной истории России». М., 1969, стр. 235). За думными людьми в ней указано 68 717 дворов, но, вероятно, сюда включены вдовы и недоросли (10 953 дв.). Если так, то все же итог расходится с итогом по «Алфавиту» 1700 г. на 4 тыс. дворов.

³¹ Разумеется, в 1700 г. это стало уже в известной мере условным, так как на руководящие посты Петр I назначал, не особенно считаясь со знатностью и принадлежностью к высшим чинам. Но все же этот слой пока еще во многом сохранял свое значение.

Таблица 3

Год	Количество дворов у светских феодалов, в тыс.	Численность правившей верхушки (чел.)	Количество дворов у правившей верхушки, исключая вдов и недорослей	
			в тыс.	%
1638	320 *	309	43	13
1696	436 **	521	163	37
1700	436 ***	291	109	25

* По переписи 1646 г. (итог приблизителен)
 ** По переписи 1678 г.
 *** Совладельцы приняты за одного владельца.

ров, т. е. о правившей верхушке в более широком составе. Удельный вес дворовладения этих групп в общем дворовладении светских феодалов составлял соответственно (см. табл. 3).

Следуя группировке дворовладельцев по числу дворов, принятой А. И. Яковлевым для 1638 г., и сведя ее к трем группам, получим соотношения для 1638 и 1700 гг.:

	1638 г.	1700 г.
До 30 дворов	96 человек (30%)	43 человека (15%)
30—100 »	122 человека (40%)	42 » (15%)
Свыше 100 дворов	91 человек (30%)	195 человек (70%)
Итого	309 » (100%)	280 » (100%)

Эти данные говорят о большом удельном весе в правившей верхушке крупных дворовладельцев в 1638 г., их преобладании в 1700 г. и об увеличении их числа к концу XVII в.

Перейдем к изучению личного состава правившей верхушки.

В числе ее членов можно выделить группу членов родов, представители которых в XVI и XVII в. были боярами и окольными, и группу прочих лиц из родов, никто из членов которых не упоминается в использованных нами источниках в составе Думы в XVII в.

В Приложении II дан список родов первой группы на 1638 и 1700 гг. Звездочкой отмечены роды, представители которых входили в Думу и в XVI в.

Как видно из Приложения II, членов родов, из которых в XVII в. назначались бояре и окольные, в 1638 г. было 224 человека (73%), а в 1700 г. — 203 человека (69%). В их руках в 1700 г. находилось почти 24% всех крепостных дворов, которыми владели по переписи 1678 г. светские феодалы. 129 человек из них (42%), в 1638 г. имевшие 24 тыс. дворов, или более половины всех дворов у правившей верхушки, принадлежали

к родам, члены которых входили в Боярскую думу и в XVI в. в 1700 г. число их сократилось до 97 человек (33%).

Чтобы уменьшить влияние случайностей на назначение бояр и окольных, выдвиг членом родов, представляющих которых входили в состав правящей верхушки и в 1638 и в 1700 гг., с указанием количества принадлежавших им дворов³². Таких в 1638 г. оказалось 176 человек (58%), в 1700 г. — 143 (49%), а членом из родов, входивших в Думу и в XVI в., было 104 человека (34%) в 1638 г. и 89 (31%) — в 1700 г.

Эти данные свидетельствуют, что в 1638 и 1700 гг. представляли одних и тех же родов занимали руководящие посты и составляли около половины правящей верхушки, что они имели в своих руках больше 50% крепостных дворов, находившихся во владении этой верхушки, и что большинство представителей этих родов принадлежали к родам, правившим и в XVI в. (Не удивительно поэтому, что почти 1/3 членом правящей верхушки имела княжеский титул.)

Следует также иметь в виду, что проанализированные данные относятся к отдельным годам XVII в. и поэтому неполны. Действие изучение генеалогии бояр, окольных и дворян полагает состав бояр и окольных членами тех родов, представлятели которых имели эти чины в XVI и в XVII вв. Но это не покоеблет, а лишь укажет сделанный вывод, уточняющий приведенные в начале статьи тезисы В. О. Ключевского и С. В. Рождественского о личном составе Думы.

Реформы Петра I подорвали политическую мощь знати, но обладание огромным количеством крепостных дадо ей большое преимущество, и в XVIII в. мы видим представителей многих родов бояр и окольных XVI—XVII вв. на высших постах в государстве.

³² Источником для 1638 г. является книга № 2 по Москве из фонда Боярских и городских книг, хранящаяся в ЦГАДА и использованная А. И. Яковлевым для установления списка думных людей и группировки владельцев по числу дворов. Источником для 1700 г. послужили «Адфавит» 1700 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Перечень бояр и окольных за отдельные годы XVII в.

(Прочерк означает отсутствие сведений. «Да» означает сведения, почерпнутые из документов; «Да*» — заимствованные у В. Берха).

№ п/п	лиц	Члены Боярской думы	Годы и количество дворов										
			1613—1625	1626—1637	1638	1639—1646	1647	1653	1654—1677	1678	1679—1692	1696	1700
1	1	Акинфов Никита Иванович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	380	403
2	2	Апраксин Петр Матвеевич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	352	484
3	3	Боборыкин Никита Михайлович	—	—	—	—	—	—	—	Да	99	—	—
4		Борятинские, кн.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	4	Данило Афанасьевич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—
	5	Иван Петрович	—	—	—	—	—	—	—	Да	216	—	—
	6	Федор Юрьевич	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—	—
	7	Юрий Никитич	—	—	—	—	—	—	—	Да	751	—	—
5		Бутурлины (с XVI в.)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	8	Андрей Васильевич	—	—	—	—	—	—	—	Да*	—	—	—
	9	Борис Васильевич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да*	—	—
	10	Василий Васильевич	—	—	—	—	—	—	791	Да*	—	—	—
	11	Иван Васильевич	—	—	—	—	—	—	—	Да	576	Да	1 073
	12	Иван Федорович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—
	13	Михаил Матвеевич	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	14	Федор Васильевич	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	15	Федор Леонтьевич	Да*	Да	374	Да	—	—	145	Да	—	—	—
6	16	Бухвостов Василий Борисович	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	44
7		Велико-Гагин, кн.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	17	Данило Степанович	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—	—

Продолжение

№ п/п		Члены Боярской думы	Годы и количество дворов										
родов	лиц		1613— 1625	1626— 1637	1638	1639— 1646	1647	1653	1654— 1677	1678	1679— 1692	1696	1700
8		Вельяминовы (с XVI в.)											
	18	Мирон Андреевич	—	—	—	Да	—	—	—	—	—	—	—
9	19	Николай Дмитриевич	—	—	64	—	—	—	—	—	—	—	—
		Волконские, кн.											
	20	Василий Богданович	—	—	—	—	—	—	Да *	—	—	—	—
	21	Григорий Афанасьевич	—	—	—	—	—	—	Да *	—	—	—	—
	22	Григорий Константинович	—	Да *	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	23	Дмитрий Петрович	—	Да *	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	24	Михаил Андреевич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	240	178
	25	Петр Федорович	—	—	—	—	252	—	—	—	—	—	—
	26	Федор Львович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	209	—
	27	Федор Федорович	—	Да	132	Да	457	602	Да	—	—	—	—
10	28	Федул Федорович	—	—	—	—	—	—	—	Да *	370	377	—
		Волконский (Чермный), кн.											
		Владимир Иванович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—
		Волынские (с XVI в.)											
	30	Василий Семенович	—	—	—	—	—	—	Да	356	Да *	—	—
	31	Иван Федорович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—
	32	Михаил Семенович	—	—	—	—	—	—	Да	—	—	—	—
	33	Федор Васильевич	—	Да	207	Да *	—	—	—	—	—	—	—
	34	Федор Львович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да *	—	—
	35	Яков Семенович	—	—	—	—	—	—	Да	—	—	—	—
11		Ворогынские, кн. (с XVI в.)											
	36	Иван Алексеич	—	—	—	—	—	—	Да	4609	Да *	—	—

Продолжение

№ п/п		Члены Боярской думы	Годы и количество дворов											
родов	лиц		1613— 1625	1626— 1637	1638	1639— 1646	1647	1653	1654— 1677	1678	1679— 1692	1696		
12	37	Иван Михайлович	Да *	Да *	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	38	Гавренев Иван Афанасьевич	—	—	214	—	—	—	Да *	—	—	—	—	
13	39	Глебов Михаил Иванович	—	—	—	—	—	—	—	Да	129	132	—	
14		Годуновы (с XVI в.)												
	40	Матвей Михайлович	Да *	Да	109	Да *	—	—	—	—	—	—	—	
	41	Никита Васильевич	Да *	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	42	Степан Степанович	Да *	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
		Голицыны, кн. (с XVI в.)												
	43	Алексей Андреевич	—	—	—	—	—	—	Да	822	Да	—	—	
	44	Алексей Васильевич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—	
	45	Андрей Андреевич	—	—	392	Да *	—	—	—	—	—	—	—	
	46	Андрей Иванович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	1189	1259	
	47	Борис Алексеич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	329	1669	
15	48	Василий Васильевич	Да *	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	49	Василий Васильевич	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	50	Иван Андреевич ¹	—	—	427	Да	880	906	Да *	—	—	—	—	
	51	Иван Андреевич	—	—	—	—	—	—	Да	1527	—	—	—	
	52	Иван Васильевич	Да *	Да *	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	53	Иван Иванович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—	
	54	Михаил Андреевич	—	—	—	—	—	—	Да	360	Да	—	—	
	16		Головины (с XVI в.)											
		55	Алексей Петрович	—	—	—	—	—	—	—	288	Да	—	—

Умер в 1654 г. (В. Берх.)

Продолжение

№ п/п		Члены Боярской думы	Годы и количество дворов										
родов	лиц		1613— 1625	1626— 1637	1638	1639— 1646	1647	1653	1654— 1677	1678	1679— 1692	1696	1700
	56	Иван Иванович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да *	642	881
	57	Михаил Петрович	—	—	—	—	—	—	Да	431	Да	—	—
	58	Петр Петрович	Да *	Да	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	59	Петр Петрович	—	—	—	—	—	285	—	—	—	—	—
	60	Семен Васильевич	Да *	Да	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	61	Семен Васильевич	—	—	—	—	—	—	Да *	—	—	—	—
	62	Федор Алексеевич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	473	1022
	63	Федор Васильевич	Да *	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
17	64	Головкин Иван Семенович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—
18	65	Василий Яковлевич	—	—	—	—	—	—	—	489	—	—	—
	66	Иов Демидович	—	—	—	—	—	—	—	195	Да	—	—
19	67	Горчаков, кн. Борис Васильевич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—
20	68	Долгоруковы, кн. (с XVI в.)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	68	Алексей Петрович	—	—	—	—	—	Да *	—	—	—	—	—
	69	Владимир Дмитриевич	—	—	—	—	—	—	Да	318	Да	564	565
	70	Владимир Тимофеевич	Да *	Да	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	71	Данило Иванович	Да *	Да *	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	72	Дмитрий Алексеевич	—	—	—	—	—	110	Да	—	—	—	—
	73	Михаил Юрьевич	—	—	—	—	—	—	Да	457	Да *	—	—
	74	Петр Алексеевич	—	—	—	—	—	119	Да	—	—	—	—
	75	Федор Федорович	—	—	—	—	—	—	Да *	—	—	—	—
	76	Юрий Алексеевич	—	—	—	—	—	293	Да	1958	Да *	—	—
	77	Яков Федорович	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	534

Продолжение

№ п/п		Члены Боярской думы	Годы и количество дворов										
родов	лиц		1613— 1625	1626— 1637	1638	1639— 1646	1647	1653	1654— 1677	1678	1679— 1692	1696	1700
21	78	Елизаров Федор Кузьмич	—	—	—	Да	—	—	Да	—	—	—	—
22	79	Еропкин Василий Михайлович	—	—	—	—	—	—	Да *	—	—	—	—
23	80	Желябужский Иван Афанасьевич	—	—	—	—	—	—	Да	208	Да	—	—
24	81	Заборовский Семен Иванович	—	—	—	—	—	—	Да	28	—	—	—
25	82	Засекины, кн. (с XVI в.) ²	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	82	Василий Федорович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да *	—	—
	83	Михаил Федорович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	153	162
	84	Иван Никитич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—
26	85	Змеевы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	85	Венедикт Андреевич	—	—	—	—	—	—	—	62	Да	261	—
	86	Василий Семенович	—	—	—	—	—	—	—	—	—	229	230
27	87	Зыковы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	87	Федор Андреевич	—	—	—	—	—	—	—	—	—	98	—
	88	Федор Тихонович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	274	279
28	89	Зюзины (с XVI в.)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	89	Алексей Иванович	Да *	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	90	Никита Алексеевич	—	—	—	—	—	643	Да	—	—	—	—
29	91	Измайловы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	91	Артемий Васильевич	—	Да	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	92	Матвей Петрович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—
	93	Семен Артемьевич	—	—	—	—	—	—	Да	—	—	—	—

² У В. Берха упомянут окольный Б. П. Засекин в 1585 и 1589 гг. У А. А. Зимина его нет, но напомним, что список А. А. Зимина составлен на основании источников до 1584 г.

Продолжение

№ п/п		Члены Боярской думы	Годы и количество дворов										
родов	лиц		1613— 1625	1626— 1637	1638	1639— 1646	1647	1653	1654— 1677	1678	1679— 1692	1696	1700
06	30	Карповы (Долматовы) (с XVI в.)											
	94	Лев Иванович	—	Да	240	Да	—	—	—	—	—	—	—
	95	Федор Борисович	—	—	—	Да	747	1047	Да	—	—	—	—
	31	Квашнины (Самарины) (с XVI в.)											
	96	Кирьян Иванович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	102	—
	32	Коданов Иван Михайлович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да*	—	—
	33	Козловский, кн.											
	98	Григорий Афанасьевич	—	—	—	—	—	—	Да	315	Да*	—	—
	34	Колунаев Михаил Петрович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—
	35	Колычев (с XVI в.)											
	100	Алексей Дмитриевич	—	—	—	—	—	—	Да	—	—	—	—
	36	Кондыревы											
	101	Ждан Васильевич	—	—	—	—	—	—	Да	—	—	—	—
	102	Иван Петрович	—	—	—	—	—	—	Да	179	Да	—	—
	103	Иван Тимофеевич	—	—	—	—	—	—	Да	187	Да	—	—
	104	Петр Тимофеевич	—	—	—	—	—	—	Да	116	Да	276	218
	105	Семен Тимофеевич	—	—	—	—	—	—	Да	103	—	—	—
	37	Коркодинов, кн. ³											
106	Иван Михайлович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—	
38	Коробин Василий Гаврилович	—	Да*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
39	Куракины, кн. (с XVI в.)												
108	Андрей Петрович	Да*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	

³ У В. Берха упомянут И. Ю. Коркодинов в списке бояр (под 1520 г.), но в списке А. А. Зимина он не значится.

Продолжение

№ п/п		Члены Боярской думы	Годы и количество дворов										
родов	лиц		1613— 1625	1626— 1637	1638	1639— 1646	1647	1653	1654— 1677	1678	1679— 1692	1696	1700
91	109	Григорий Семенович	—	—	—	—	—	552	Да	1694	—	—	—
	110	Иван Григорьевич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да*	—	—
	111	Иван Семенович	Да*	Да*	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	112	Федор Семенович	—	—	—	Да	1297	1250	Да*	—	—	—	—
	113	Федор Федорович	—	—	—	—	—	—	Да	1134	Да*	—	—
	40	Леонтьевы											
	114	Андрей Иванович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	275	286
	115	Василий Юрьевич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да*	410	—
	116	Замятня Федорович	—	—	—	—	—	—	Да*	—	—	—	—
	117	Иван Юрьевич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—
	118	Федор Иванович	—	—	—	—	—	—	Да	263	—	—	—
	41	Лихачевы											
	119	Алексей Тимофеевич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	205	205
	120	Михаил Тимофеевич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	377	385
	121	Федор Федорович	—	Да	116	Да	283	Да*	—	—	—	—	—
	42	Лопухины											
	122	Авраам Никитич	—	—	—	—	—	—	Да	18	—	—	—
	123	Василий Авраамович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	371	—
124	Ларион Дмитриевич	—	—	—	Да	—	90	Да	—	—	—	—	
125	Петр Авраамович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	444	490	
126	Федор Авраамович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	1020	839	
43	Лыковы, кн. (с XVI в.)												
127	Борис Михайлович	Да*	Да	829	Да	—	—	—	—	—	—	—	

Продолжение

№ п/п		Члены Боярской думы	Годы и количество дворов											
родов	лиц		1613— 1625	1626— 1637	1638	1639— 1646	1647	1653	1654— 1677	1678	1679— 1692	1696	1700	
44	128	Михаил Иванович	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	129	Федор Иванович	Да *	—	—	—	—	—	—	—	Да	480	536	
		Львовы, кн.												
	130	Алексей Михайлович	—	Да	738 ⁴	Да	93	—	—	—	—	—	—	
	131	Василий Петрович	—	—	—	—	—	1018	Да	—	—	—	—	
	132	Дмитрий Петрович	—	—	—	Да	522	862	Да	—	—	—	—	
	133	Михаил Иванович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да *	—	—	
	134	Михаил Никитич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	215	218	
	135	Никита Яковлевич	—	—	—	—	—	—	Да	—	—	—	—	
	136	Петр Григорьевич	—	—	—	—	—	—	—	—	—	202	200	
45	137	Петр Лукич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	135	156	
	138	Семен Петрович	—	—	—	—	—	1292	Да	—	—	—	—	
	139	Степан Федорович	—	—	—	—	—	—	Да	198	Да	—	—	
		Матвеевы												
	140	Андрей Артамонович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	800	963	
	141	Артамон Сергеевич	—	—	—	—	—	—	Да	—	Да *	—	—	
	46		Матюшкины											
		142	Афанасий Иванович	—	—	—	—	—	—	Да *	—	—	—	—
		143	Иван Афанасьевич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—
		144	Иван Павлович	—	—	—	—	—	—	Да	—	—	—	—
145		Петр Иванович	—	—	—	—	—	—	Да	108	Да	—	—	
47		Мезецкий, кн.												
	146	Данило Иванович	Да *	Да	—	—	—	—	—	—	—	—	—	

* В том числе 8 дворов совместно с кн. Тюфякиным

Продолжение

№ п/п		Члены Боярской думы	Годы и количество дворов										
родов	лиц		1613— 1625	1626— 1637	1638	1639— 1646	1647	1653	1654— 1677	1678	1679— 1692	1696	1700
48		Милославские											
	147	Иван Андреевич	—	—	—	—	—	318	Да	—	—	—	—
	148	Иван Богданович	—	—	—	—	—	—	Да	623	Да *	952	—
	149	Илья Данилович	—	—	—	—	—	2794	Да	—	—	—	—
	150	Иван Иванович	—	—	—	—	—	—	Да *	—	—	—	—
	151	Иван Михайлович	—	—	—	—	—	—	Да	694	Да *	—	—
	152	Ларион Семенович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—
	153	Матвей Богданович	—	—	—	—	—	—	Да *	314	Да	—	440
	154	Федор Яковлевич	—	—	—	—	—	—	Да	—	—	—	—
	49		Морозовы (с XVI в.)										
155		Борис Иванович	—	Да	330 ⁵	Да	6034	7254	Да	—	—	—	—
156		Василий Петрович	Да *	Да	—	—	—	—	—	—	—	—	—
157		Глеб Иванович	—	—	—	Да	1688	2410	Да	—	—	—	—
158		Иван Васильевич	—	—	669	Да	2491	2272	Да *	—	—	—	—
159		Михаил Иванович	—	—	—	—	—	—	Да	—	—	—	—
50		Мосальский, кн. (Литвинов-Мосальский)											
	160	Андрей Федорович	—	Да	161	Да	396	387	Да *	—	—	—	—
51		Мстиславский, кн. (с XVI в.)											
	161	Федор Иванович	Да *	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
52		Нагие (с XVI в.)											
	162	Андрей Александрович	Да *	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

* В том числе 11 дворов совместно с Г. И. Морозовым

Продолжение

№ п/п		Члены Боярской думы	Годы и количество дворов										
родов	лиц		1613— 1625	1626— 1637	1638	1639— 1646	1647	1653	1654— 1677	1678	1679— 1692	1696	1700
53		Нарбековы											
	163	Афанасий Самойлович	—	—	—	—	—	—	Да	34	—	—	—
	164	Богдан Федорович	—	—	—	—	—	—	Да*	—	—	—	—
	165	Василий Саввич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	167	201
	166	Степан Саввич	—	—	—	—	—	—	—	—	—	283	255
54	167	Федор Саввич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	156	178
		Нарышкины											
	168	Василий Федорович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	231	290
	169	Иван Иванович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да*	—	—
	170	Иван Кириллович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да*	—	—
	171	Кирилл Полуэктович	—	—	—	—	—	—	Да	569	Да*	—	—
	172	Кондратий Фомич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	431	—
	173	Лев Кириллович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	7618	7520
	174	Мартемьян Кириллович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—
	175	Матвей Филимонович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—
55	176	Федор Полуэктович	—	—	—	—	—	—	Да*	—	—	—	—
		Неплюевы											
56	177	Леонтий Романович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—
	178	Степан Прокофьевич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да*	—	—
56		Одоевские, кн. (с XVI в.)											
	179	Василий Федорович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—
	180	Иван Иванович	Да*	Да	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	181	Иван Никитич (Большой)	Да*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	182	Иван Никитич (Меньшой)	Да*	Да	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Продолжение

№ п/п		Члены Боярской думы	Годы и количество дворов										
родов	лиц		1613— 1625	1626— 1637	1638	1639— 1646	1647	1653	1654— 1677	1678	1679— 1692	1696	1700
57	183	Никита Иванович	—	—	—	Да	1728	1934	Да	1397	Да	—	—
	184	Федор Никитич	—	—	—	—	—	—	Да*	—	—	—	—
	185	Юрий Михайлович	—	—	—	—	—	—	Да	869	—	—	—
	186	Яков Никитич	—	—	—	—	—	—	Да	1982	Да	2185	—
		Ордины-Нащокины											
58	187	Афанасий Лаврентьевич	—	—	—	—	—	—	Да	—	—	—	—
	188	Богдан Иванович	—	—	—	—	—	—	Да	72	—	—	—
59	189	Павлов Родион Михайлович	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—	
60	190	Плещеевы (с XV в.)											
	191	Михаил Львович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да*	—	—
61		Пожарские, кн.											
	191	Дмитрий Михайлович	Да*	Да	1449	Да	—	—	—	—	—	—	—
	192	Иван Дмитриевич	—	—	—	—	—	—	Да	—	—	—	—
62	193	Семен Романович ⁶	—	—	—	—	180	324	Да	—	—	—	—
		Полибины											
	194	Артемий Федорович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да*	—	—
63	195	Богдан Федорович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	245	—
	196	Потемкин Петр Иванович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	102	96
64	197	Проестев Степан Матвеевич	—	Да*	410	—	163	—	—	—	—	—	
64		Прозоровские, кн.											
	198	Алексей Петрович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	1274	1152
	199	Андрей Петрович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	358	355
	200	Борис Иванович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	769	722

* У В. Берха — Семен Иванович, но это, видимо, ошибка

Продолжение

№ п/п		Члены Боярской думы	Годы и количество дворов										
родов	лиц		1613— 1625	1626— 1637	1638	1639— 1646	1647	1653	1654— 1677	1678	1679— 1692	1696	1700
	201	Василий Петрович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—
	202	Иван Семенович	—	—	—	—	—	—	Да	—	—	—	—
	203	Никита Петрович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	366	316
	204	Петр Иванович	—	—	—	—	—	—	Да	—	Да	1066	1066
	205	Петр Михайлович	—	—	—	—	—	—	Да *	—	—	—	—
	206	Петр Семенович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—
65	207	Семен Васильевич	—	Да	149	Да	817	829	Да	—	—	—	—
		Пронские, кн. (с XVI в.)											
	208	Иван Иванович	—	—	—	—	—	226	—	—	—	—	—
	209	Иван Петрович	—	—	—	—	—	—	Да	1373	—	—	—
	210	Михаил Петрович	—	—	—	—	—	618	—	—	—	—	—
	211	Петр Иванович	—	—	—	—	Да *	—	—	—	—	—	—
66		Прончищевы											
	212	Афанасий Осипович	—	—	—	—	—	—	Да	—	—	—	—
	213	Иван Афанасьевич	—	—	—	—	—	—	Да	330	Да	—	—
	214	Петр Иванович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	338	347
67	215	Протасьев Александр Петрович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	240	382
68		Пушкины											
	216	Богдан Федорович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да *	—	—
	217	Борис Иванович	—	—	—	Да *	238	351	Да *	—	—	—	—
	218	Григорий Гаврилович	—	Да	—	Да *	591	616	Да *	—	—	—	—
	219	Гаврила Григорьевич	—	Да	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	220	Иван Федорович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	283	287
	221	Матвей Степанович	—	—	—	—	—	—	Да	705	Да	406	401

Продолжение

№ п/п		Члены Боярской думы	Годы и количество дворов										
родов	лиц		1613— 1625	1626— 1637	1638	1639— 1646	1647	1653	1654— 1677	1678	1679— 1692	1696	1700
	222	Никита Михайлович	Да *	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	223	Степан Гаврилович	—	—	—	—	—	272	Да *	—	—	—	—
	224	Яков Степанович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	534	—
69	225	Пушкин (Мусин) Иван Алексеевич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	809	817
		Репницы, кн. (с XVI в.)											
	226	Борис Александрович	—	—	—	Да	718	1234	Да	—	—	—	—
	227	Иван Борисович	—	—	—	—	—	—	Да	1336	Да	—	—
	228	Петр Александрович	—	Да	102	Да *	—	—	Да	—	—	—	—
70		Ржевские (с XVI в.)											
	229	Алексей Иванович	—	—	—	—	—	—	—	120	Да	—	—
	230	Иван Иванович	—	—	—	—	—	—	Да	182	—	—	—
71		Романовы (с XV в.)											
	231	Иван Никитич	Да *	Да	3473	Да *	—	—	—	—	—	—	—
	232	Никита Иванович	—	—	—	Да *	7012	7689	Да *	—	—	—	—
72		Ромодановские, кн. (с XVI в.)											
	233	Андрей Григорьевич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да *	—	—
	234	Василий Григорьевич	—	—	—	—	—	343	668	Да	—	—	—
	235	Василий Григорьевич	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	236	Григорий Григорьевич	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	237	Григорий Петрович	Да *	Да	—	—	—	—	—	582	Да *	—	—
	238	Иван Иванович	—	—	—	—	—	417	Да	—	—	—	—
	239	Михаил Григорьевич	—	—	—	—	—	—	—	51	Да	1462	1488
	240	Федор Григорьевич	—	—	—	—	—	—	—	372	Да	—	—
	241	Юрий Иванович	—	—	—	—	—	—	—	406	—	—	—

Продолжение

№ п/п		Члены Боярской думы	Годы и количество дворов										
родов	лиц		1613— 1625	1626— 1637	1638	1639— 1646	1647	1653	1654— 1677	1678	1679— 1692	1693	1700
73		Ростовские, кн. (с XVI в.)											
		Бахтеяров-Ростовский											
	242	Владимир Иванович	Да *	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		Буйносов-Ростовский											
	243	Юрий Петрович	—	—	—	Да	398	405	Да	—	—	—	—
		Лобановы-Ростовские											
	244	Афанасий Васильевич	Да *	Да *	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	245	Алексей Иванович	—	—	—	—	—	—	Да	—	—	—	—
	246	Иван Иванович	—	—	—	Да	—	364	Да *	—	—	—	—
	247	Ник ⁷ Иванович	—	—	—	—	—	—	Да *	—	—	—	—
	Примков-Ростовский												
248	Никита Иванович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—	
	Темкин-Ростовский (с XVI в.)												
249	Михаил Михайлович	—	—	—	Да *	210	591	Да	—	—	—	—	
74		Ртищевы											
250	Григорий Иванович	—	—	—	—	—	—	Да *	—	—	—	—	
251	Федор Михайлович	—	—	—	—	—	—	Да	—	—	—	—	
75		Сабакины (с XVI в.)											
252	Василий Никифорович	—	—	—	—	—	—	Да	—	—	—	—	
253	Григорий Никифорович	—	—	—	—	—	—	Да	206	Да	—	—	
254	Михаил Васильевич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	178	272	
255	Никифор Сергеевич	—	—	—	Да	576	589	Да *	—	—	—	—	

* Так у В. Берха

Продолжение

№ п/п		Члены Боярской думы	Годы и количество дворов										
родов	лиц		1613— 1625	1626— 1637	1638	1639— 1646	1647	1653	1654— 1677	1678	1679— 1692	1693	1700
76		Савеловы											
	256	Иван Петрович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	181	—
	257	Павел Петрович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—
	258	Тимофей Петрович	—	—	—	—	—	—	—	Да	268	—	
77		Салтыковы (с XVI в.)											
	259	Алексей Петрович	—	—	—	—	—	—	—	Да	1100	1006	
	260	Борис Михайлович	Да *	—	462	Да	—	—	—	—	—	—	—
	261	Иван Иванович	—	—	—	—	339	439	Да	—	—	—	—
	262	Лаврентий Дмитриевич	—	—	—	—	476	177	Да	—	—	—	—
	263	Михаил Михайлович	Да *	Да	551	Да	1921	1907	Да	—	—	—	—
	264	Петр Михайлович	—	—	—	—	—	543	Да	3019	Да	—	—
	265	Петр Петрович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	1161	—
	266	Петр Самойлович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	636	334
	267	Степан Иванович	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1193	854
	268	Федор Петрович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	1649	—
	269	Юрий Иванович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—
78		Сицкие, кн. (с XVI в.)											
	270	Алексей Юрьевич	Да *	Да	564	Да	—	—	—	—	—	—	—
	271	Андрей Васильевич	Да *	Да	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	272	Юрий Андреевич	—	Да	—	Да	—	—	—	—	—	—	—
79	273	Скуратов Петр Дмитриевич	—	—	—	—	—	—	Да	298	Да	—	—
80		Соковнины											
	274	Алексей Прокофьевич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	255	—

Продолжение

№ п/п		Члены Боярской думы	Годы и количество дворов										
родов	лиц		1613— 1625	1626— 1637	1638	1639— 1646	1647	1653	1654— 1677	1678	1679— 1692	1696	1700
81	275	Прокофий Федорович	—	—	—	—	—	313	Да *	—	—	—	—
	276	Федор Прокофьевич	—	—	—	—	—	—	Да	139	Да	240	—
		Стрешневы											
	277	Василий Иванович	—	Да	171	Да	1485	1497	Да	—	—	—	—
	278	Василий Федорович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	233	245
	279	Дмитрий Яковлевич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—
	280	Иван Федорович (Большой)	—	—	—	—	—	—	Да	298	—	—	—
	281	Иван Федорович (Меньшой)	—	—	—	—	—	—	Да	—	—	—	—
	282	Лукьян Степанович	—	Да *	848	Да	1563	—	—	—	—	—	—
	283	Никита Константинович	—	—	—	—	—	—	—	14	Да	158	158
	284	Родион Матвеевич	—	—	—	—	—	—	Да	762	Да	—	—
	285	Семен Лукьянович	—	—	269	—	269	1619	Да	—	—	—	—
	286	Тихон Никитич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	667	770
287	Федор Степанович	—	Да	142	Да	578	—	—	—	—	—	—	
82	288	Сукин (с XVI в.) Осип Иванович	—	—	—	—	—	—	Да	—	—	—	—
83	289	Сулешев, кн. Юрий Яншеевич	Да *	Да	843	Да	—	—	—	—	—	—	—
84	290	Татищев (с XVI в.) Михаил Юрьевич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	54
85	291	Толочанов Семен Федорович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	611	642
86	292	Траханиотовы (с XVI в.)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
87	292	Петр Тихонович	—	—	—	Да	348	—	—	—	—	—	—
		Троекуровы, кн. (с XVI в.)											
	293	Борис Иванович	—	—	—	—	—	—	Да	—	—	—	—
	294	Иван Борисович	—	—	—	—	—	—	Да	1551	Да	1375	1444
	295	Иван Федорович	Да *	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Продолжение

№ п/п		Члены Боярской думы	Годы и количество дворов										
родов	лиц		1613— 1625	1626— 1637	1638	1639— 1646	1647	1653	1654— 1677	1678	1679— 1692	1696	1700
88		Трубецкие, кн. (с XVI в.)											
	296	Алексей Никитич	—	—	—	—	1104	1490	Да	—	—	—	—
	297	Андрей Васильевич	Да *	Да *	—	Да *	—	—	—	—	—	—	—
	298	Дмитрий Тимофеевич	Да *	Да *	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	299	Иван Юрьевич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	629	629
89	300	Юрий Петрович	—	—	—	—	—	—	Да	695	Да *	—	—
		Урусовы, кн.											
	301	Никита Семенович	—	—	—	—	—	—	—	32	Да	—	—
	302	Петр Семенович	—	—	—	—	—	—	Да	421	Да	—	—
	303	Семен Андреевич	—	—	—	—	—	—	Да	—	—	—	—
	304	Федор Семенович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—
90	305	Юрий Семенович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	527	569
	306	Ухтомский, кн. Иван Григорьевич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да *	—	—
	91	307	Хворостинины, кн. (с XVI в.)										
		Иван Дмитриевич	Да *	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
92	308	Федор Юрьевич	—	—	—	—	—	1231	Да *	—	—	—	—
		Хилковы, кн. (с XVI в.)											
	309	Андрей Васильевич	Да *	Да	130	Да	—	—	—	—	—	—	—
	310	Иван Андреевич	—	—	—	—	—	324	Да	67	Да *	—	—
	311	Иван Васильевич	—	—	—	—	Да *	96	Да *	—	—	—	—
	312	Федор Андреевич	—	—	—	—	378	375	Да	—	—	—	—
	313	Яков Васильевич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—
93		Хитрово											
	314	Авраам Иванович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	453	—

Продолжение

№ п/п		Члены Боярской думы	Годы и количество дворов											
родов	лиц		1613— 1625	1626— 1637	1638	1639— 1646	1647	1653	1654— 1677	1678	1679— 1692	1696	1700	
102	315	Александр Севастьянович	—	—	—	—	—	—	Да	511	Да	—	—	
	316	Богдан Матвеевич	—	—	—	—	—	490	Да	—	Да*	—	—	
	317	Иван Богданович	—	—	—	—	—	—	Да	452	—	—	—	
	318	Иван Севастьянович	—	—	—	—	—	—	Да	282	Да	—	—	
	319	Никита Саввич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да*	—	—	
	320	Петр Саввич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—	
	321	Яков Тимофеевич	—	—	—	—	—	—	Да*	—	—	—	—	
	94	322	Хлопов Кирилл Осипович	—	—	—	—	—	—	Да	—	Да	—	—
	95		Хованские, кн.											
		323	Андрей Иванович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—
		324	Иван Андреевич	Да*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		325	Иван Андреевич	—	—	—	—	—	—	Да	190	Да*	—	—
		326	Иван Иванович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	509	510
		327	Иван Никитич	—	—	—	—	—	692	Да*	—	—	—	—
		328	Иван Федорович	Да*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		329	Петр Иванович	—	—	—	—	—	—	Да	42	Да	461	618
	330	Петр Иванович	—	—	—	—	—	—	—	—	—	153	—	
	331	Семен Андреевич	—	—	—	—	—	—	Да	142	Да	—	—	
96		Хотетовский, кн.												
	332	Иван Степанович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	190	194	
97	333	Чаадаев Иван Иванович	—	—	—	—	—	—	—	312	Да*	—	—	
98		Чеглоковы ⁸												
	334	Василий Александрович	—	—	—	—	—	171	Да	—	—	—	—	

⁸ В источниках встречается «Чоглоковы»

Продолжение

№ п/п		Члены Боярской думы	Годы и количество дворов										
родов	лиц		1613— 1625	1626— 1637	1638	1639— 1646	1647	1653	1654— 1677	1678	1679— 1692	1696	1700
99	335	Тимофей Васильевич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	111	84
		Черкасские, кн. (с XVI в.)											
	336	Григорий Сунчалеевич	—	—	—	—	—	—	Да	—	—	—	—
	337	Дмитрий Мамстрюкович	Да*	Да	838	Да	—	—	—	—	—	—	—
	338	Иван Борисович	Да*	Да	2149	Да	—	—	—	—	—	—	—
	339	Михаил Алегукович	—	—	—	—	—	—	Да	203	Да	1814	739
	340	Михаил Яковлевич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	9083	8931
100	341	Яков Куденетович	—	—	—	—	5173	6790	Да	—	—	—	—
		Черкасский (Ахамашуков), кн.											
	342	Василий Петрович	—	Да	44	Да	181	—	—	—	—	—	—
		Чириковы											
101	343	Андрей Иванович	—	—	—	—	—	—	Да	—	Да	—	—
	344	Илья Иванович	—	—	—	—	—	—	Да	—	—	—	—
102		Шаховские, кн.											
	345	Перфилий Иванович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	—
	346	Федор Иванович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	—	224
102	347	Шенелев Аггей Алексеевич	—	—	—	—	—	—	—	—	Да*	—	—
103		Шейны (с XVI в.)											
	348	Алексей Семенович	—	—	—	—	—	—	—	—	Да	1889	—
	349	Михаил Борисович	Да*	Да	—	—	—	—	—	—	—	—	—
104		Шереметевы (с XVI в.)											
	350	Борис Петрович ⁹	—	—	—	Да	112	—	—	—	—	—	—

⁹ Умер в 1650 г.

Продолжение

№ п/п	Роды бояр и окольных	1638 г.		1700 г.	
		Число		Число	
		лиц	дворов	лиц	дворов
38	Львовы, кн.	13	1542	3	574
39	Матвеевы	—	—	1	963
40	Матюшкины	—	—	4	1205
41	Мезецкие, кн.	1	146	—	—
42	Милославские	1	46	3	1910
43	Морозовы*	3	1249	—	—
44	Мосальские, кн.	4	295	—	—
45	Нагие*	1	261	—	—
46	Нарбековы	—	—	3	634
47	Нарышкины	—	—	8	10 507
48	Неплюевы	—	—	1	80
49	Оболенские, кн.	1	27	2	598
50	Одоевские, кн.*	1	876	4	3693
51	Плещеевы *	16	784	1	885
52	Пожарские, кн.	3	1492	—	—
53	Потемкины	—	—	2	156
54	Проестевы	1	404	—	—
55	Прозоровские, кн.	2	470	7	4040
56	Пронские, кн.*	2	76	—	—
57	Прончищевы	—	—	1	347
58	Протасьевы	1	97	1	382
59	Пушкины	4	243	3	1505
60	Репнины, кн.*	2	301	1	1660
61	Ржевские*	—	—	2	412
62	Романовы*	1	3202	—	—
63	Ромодановские, кн.*	6	807	4	2992
64	Ростовские, кн.*	3	654	1	643
65	Ртищевы	—	—	1	424
66	Сабакины*	4	127	4	1439
67	Салтыковы*	3	1027	12	7515
68	Сицкие, кн.*	2	847	—	—
69	Скуратовы	1	68	—	—
70	Стрешневы	8	1274	6	3017
71	Сукнины*	1	139	—	—
72	Сулешевы, кн.	2	1122	—	—
73	Татищевы*	—	—	4	682
74	Толочановы	5	266	2	822
75	Траханиотовы*	2	37	—	—
76	Троекуровы, кн.*	1	525	2	1957
77	Трубецкие, кн.*	—	—	2	1132

Окончание

№ п. п.	Роды бояр и окольных	1638 г.		1700 г.	
		Число		Число	
		лиц	дворов	лиц	дворов
78	Урусовы, кн.	—	—	6	2276
79	Хворостинины, кн.*	1	176	—	—
80	Хилковы, кн.*	2	190	3	885
81	Хитрово	—	—	4	298
82	Хованские, кн.	2	330	3	1492
83	Хотетовские, кн.	—	—	2	226
84	Чаадаевы	—	—	1	416
85	Челлоковы	1	55	1	84
86	Черкасские, кн.*	5	3140	8	12 032
87	Чириковы	—	—	1	210
88	Шаховские, кн.	2	32	5	701
89	Шереметевы*	2	2345	5	2820
90	Щербатовы, кн.*	5	141	4	1034
91	Юшковы	3	27	1	618
92	Языковы	—	—	1	483
	Всего в правившей группе лиц и у них дворов (в тыс.) ¹ —100%	309	43	291	109
	Лиц в перечисленных родах и у них дворов (в тыс.)	224	35	203	104
	В %	73	82	69	95
	В том числе лиц в родах, бывших в Думе с XVI в. и у них дворов (в тыс.)	129	24	97	62
	В %	42	56	33	57
	Лиц в родах, упомянутых на обе даты, и у них дворов (в тыс.)	176	22	143	79
	В %	58	51	49	72
	В том числе лиц в родах, бывших в Думе с XVI в. и у них дворов (в тыс.)	103	16	89	53
	В %	34	37	31	49
	Князей и у них дворов	102	18	85	50
	В %	33	42	29	46
	В том числе в родах, упомянутых на обе даты	81	12	75	49
	В %	26	28	26	45

¹ Кроме сибирских и касимовских царевичей, их князей и мурз, вдов и недорослей и дворов у них, а также без учета дворов в Московском уезде на 1638 г. Итоги дворов округлены. Совладельцы в 1700 г. учтены.

ПРОМЫСЛОВАЯ ДЕРЕВНЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ КРЕПОСТНИЧЕСТВА

(вторая половина XVII в.)

Господство феодально-крепостнических отношений в переходный период, особенно в начальной его стадии, накладывало рельефный отпечаток на процесс накопления новых, первичных буржуазных явлений в экономике страны, в том числе в промышленной деревне.

В новый период истории феодально-крепостнические формы зависимости непосредственного производителя и их усиление становятся значительным препятствием успехам промышленной деревни и более глубокому ее влиянию на формирование промышленного производства, предопределив известную замедленность развития качественно новых явлений внутри деревни в направлении капиталистической эволюции.

В настоящей статье суммированы отдельные наблюдения об использовании результатов развития деревенской промышленности для расширения феодально-крепостнического хозяйства.

Под влиянием глубоких экономических сдвигов в стране в период складывания единого всероссийского рынка и укрепления политических позиций господствующего класса происходило расширение сферы феодально-крепостнической системы. Это нашло свое выражение прежде всего в интенсификации эксплуатации основных производителей. Изменения в хозяйственной жизни вотчин и поместий, связанные с развитием товарно-денежных отношений, вызвали повышение денежной ренты и одновременно расширение барщины и натурального оброка. При этом рост крепостнической эксплуатации осуществлялся в значительной степени за счет широкого использования труда крестьян, занятых промыслами и торговлей. Убедительное подтверждение этому дают прежде всего исследования хозяйств царя Алексея Михайловича¹, крупной вотчины боярина Б. И. Морозова² и рядовой вотчины стольника А. И. Безобразова³, в которых отчетливо проявились характерные черты времени. Изменение форм и методов эксплуатации, применяемых во второй половине XVII в.

¹ А. И. Заозерский. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пг., 1917.

² И. Е. Забелин. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве.— «Вестник Европы», 1871, № 1—2.

³ А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. М.—Л., 1929.

у этих представителей господствующего класса, самым тесным образом было связано с результатами торгово-промышленной деятельности среди крестьян, отражая новые условия экономического развития феодального хозяйства.

Широкое применение принудительного труда крепостных ремесленников имело место также в монастырских, дворцовых и других владельческих хозяйствах. Большое значение приобретает массовое обложение населения вотчин и поместий натуральным оброком — «всем, что миром делали». Сырье и продукты его переработки являлись наиболее распространенными оброчно-натуральными повинностями. Оброк сырьем и готовой продукцией платили вместе с крестьянами, сочетающими свои основные сельскохозяйственные занятия с домашними промыслами, также крепостные ремесленники и мелкие товаропроизводители. В местностях, где было развито среди крестьян разведение льна, оброк платился непосредственно льном или льняными тканями; крестьяне, занимавшиеся промыслом, связанным с обработкой металла, выплачивали оброк железными изделиями: косами, сохами, сошниками, сковородами и т. д.⁴

Отчетливо обозначается дифференциация в натуральном оброчном обложении вотчин и поместий в соответствии с профилем занятий местного населения. Такой характер обложения был принят в вотчинах А. И. Безобразова⁵. В подведомственных Тайному приказу владениях определилось сокращение разнообразия натуральных сборов вследствие их специализации, объясняющейся желанием приказа использовать местные особенности, применительно к нуждам царского хозяйства⁶. В связи с этим особый интерес представляют данные об оброчном окладе крепостных крестьян в промысловых селах с узко очерченной специализацией труда⁷.

Важную роль в использовании навыков крестьян, приобретенных в занятиях промыслами, играли трудовые повинности. Развитие хозяйственной жизни вотчин и поместий значительно расширило эксплуатацию крестьян по линии неземледельческих работ. Квалифицированный крестьянский труд обслуживал потреб-

⁴ Ю. В. Арсеньев. Ближайший боярин князь Н. П. Одоевский и его переписка с Галицкой вотчиной 1650—1685 гг.— «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1913, кн. 2, стр. 56; «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.» — «Материалы по истории феодально-крепостного хозяйства», вып. 2, ч. II. М.—Л., 1936, стр. 200; А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 149; И. В. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX вв. М.—Л., 1950, стр. 26; Л. Л. Муравьева. Деревенская промышленность центральной России во второй половине XVII в. М., 1971, стр. 107—108.

⁵ А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 149.

⁶ А. И. Заозерский. Указ. соч., стр. 176.

⁷ И. В. Соколовский. К вопросу о состоянии промышленности России в конце XVII — первой половине XVIII в.— «Ученые записки Казанского ун-та», 1890, № 3, стр. 22; Л. Л. Муравьева. Указ. соч., стр. 63—64, 108.

№ п/п		Члены Боярской думы
родов	лиц	
	351	Борис Петрович
	352	Василий Борисович
	353	Василий Петрович
	354	Иван Петрович
	355	Петр Васильевич
	356	Петр Васильевич
	357	Федор Иванович
	358	Федор Иванович
	359	Федор Петрович
105		Шуйский, кн. (с XVI в.)
	360	Иван Иванович
106		Щербатовы, кн. (с XVI в.)
	361	Дмитрий Нефедьевич
	362	Константин Осипович
	363	Осип Иванович
	364	Тимофей Иванович
	365	Юрий Федорович
107	366	Юшков Борис Гаврилович
108		Языковы
	367	Иван Максимович
	368	Павел Петрович
	369	Семен Иванович

Окончание

Годы и количество дворов

1613— 1625	1626— 1637	1638	1639— 1646	1647	1653	1654— 1677	1678	1679— 1692	1696	1710
								Да	732	1058
—	—	—	—	—	—	Да	—	—	—	—
—	—	—	Да *	—	738	Да	—	—	—	—
—	Да	262	Да	339	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	Да	1659	Да	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	863	—
Да †	Да	2155	Да	2995	—	—	—	—	144	—
—	—	—	—	—	—	—	—	Да	697	600
Да *	Да	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	Да	282	290
—	—	—	—	—	—	Да	199	Да	124	—
—	—	—	—	—	—	Да	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	Да	404	282
—	—	—	—	—	—	Да	205	Да	366	618
—	—	—	—	—	—	—	—	Да *	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	Да *	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	Да	382	488

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Список родов бояр и окольных в составе правившей верхушки на 1638 и 1700 гг.
(звездочкой отмечены роды, члены которых были думными людьми и в XVI в.).

№ п/п	Роды бояр и окольных	1638 г.		1700 г.	
		Число		Число	
		лиц	дворов	лиц	дворов
1	Акифовы	1	92	2	464
2	Апраксины	—	—	3	1165
3	Боборыкины	4	381	—	—
4	Борятинские, кн.	1	147	—	—
5	Бутурлины*	12	772	6	2314
6	Бухвостовы	—	—	2	94
7	Велико-Гагины, кн.	1	42	1	244
8	Вельяминовы*	3	79	1	49
9	Волконские, кн.	11	770	2	555
10	Волынские*	4	533	1	228
11	Воротынские, кн.*	1	1438	—	—
12	ГаврENEвы	2	280	—	—
13	Глебовы	2	83	3	231
14	Годуновы*	4	348	—	—
15	Голицыны, кн.*	1	427	9	7502
16	Головины*	4	296	6	3643
17	Головкины	—	—	1	443
18	Горчаковы, кн.	2	53	—	—
19	Долгоруковы, кн.*	8	246	9	5086
20	Заборовские	—	—	1	118
21	Засекины, кн.*	6	188	2	210
22	Змеевы	—	—	1	230
23	Зыковы	—	—	1	272
24	Зюзины*	2	171	1	161
25	Измайловы	2	67	3	450
26	Карповы (Долматовы)*	2	402	—	—
27	Квашнины*	4	79	—	—
28	Козловские, кн.	2	35	2	656
29	Колычевы*	7	374	2	420
30	Кондыревы	—	—	1	218
31	Коркодиновы, кн.	2	21	—	—
32	Коробьины	1	166	—	—
33	Куракины, кн.*	3	639	2	1926
34	Леонтьевы	8	419	2	480
35	Лихачевы	2	120	2	590
36	Лопухины	—	—	6	2373
37	Лыковы, кн.*	4	1044	1	536

ности многоотраслевых хозяйств Тайного, Патриарших Казенного и Дворцового приказов, монастырских и владельческих вотчин⁸. Нелегким бременем для крестьян оставалась повинность, где оброк натурой переплетался с «издельем». В этом случае крестьянин работал из сырья, раздаваемого феодалом-собственником, изготавливая сукно и епанчи из розданной шерсти, холст из его льна и т. д. Крестьянин, связанный с отбыванием и выполнением оброчно-натуральных повинностей, находился в более тесной зависимости от феодала, чем тот крестьянин, который платил денежный оброк. У него было меньше времени, возможностей и свободы действий для ведения и развития своего хозяйства. Расширение оброчно-натуральных повинностей среди крестьян отрицательно отражалось на развитии и подъеме уровня крестьянского хозяйства, обуславливало исключительную живучесть домашних промыслов, неразрывно связанных с земледелием. Устойчивое существование во второй половине XVII в. деревенско-домашней промышленности наблюдается на обширной территории центра России наряду с глубоко пустившим корни деревенским производством, ставшим на путь специализации.

Развитие оброчно-денежных отношений в условиях усиления личной зависимости непосредственного производителя от феодала в XVII в. сохраняло распространение в деревне также и других примитивных первичных форм торгово-промышленной деятельности, консервировало их, замедляло для массы крестьян выход на дорогу хозяйственной самостоятельности, особенно для тех, которые жили в местностях, далеких от влияния ведущих промышленных центров и торговых путей страны.

В сельских местностях центрального района вместе с работой на заказ в самом развитии ее виде прослеживается ремесленная деятельность, которая отличается исключительно узким характером, как и раздробленное патриархальное земледелие. С этим видом ремесла связана главным образом постоянная работа по обработке первичных продуктов, производство предметов одежды и хозяйственного обихода на нужды монастырей, приказов и отдельных владельцев, тех, непосредственно на землях которых сидели производители. Работой на заказ ремесленников своих вотчин пользовались Знаменский и Савво-Сторожевский монастыри. Мелкие деревенские производители выполняли заказы монастырских властей по обработке кож, сукна, валяную войлока, епанчей, подхомутников, и им платили «за дело монастырского сукна», «от дела и за те кожи» и т. д.⁹

Здесь продукты труда крепостного ремесленника, как и в домашних промыслах, фактически не выходят из области натураль-

⁸ А. И. Заозерский. Указ. соч., стр. 177; А. Н. Сахаров. Русская деревня XVII в. М., 1966, стр. 107—108; И. Катаев, А. Кабанов. Описание актов собрания графа А. С. Уварова. М., 1905, № 353; Л. Л. Муравьева. Указ. соч., стр. 110—111.

⁹ Л. Л. Муравьева. Указ. соч., стр. 114—115.

ного хозяйства, почти отсутствует товарное обращение, ремесло едва выделяется из домашней промышленности. При такой форме реализации труда рамки деятельности производителей значительно сокращены по сравнению с теми, кто выполнял заказы на стороне, включая отход в другие местности. С другой стороны, отходничество порождало знакомый с делом контингент наемных деревенских специалистов, которые были заметным явлением для центральной русской деревни второй половины XVII в. Монастыри и другие крупные феодальные хозяйства предъявляли большой спрос не только на вольное ремесло, но и на труд наемных ремесленников, которые по большей части являлись не вполне самостоятельными производителями, по словам источника, «теми, которые ходят по миру», и нередко не имели средств, необходимых для закупки материала, орудий труда. В работе по найму принимала участие целая армия феодально зависимых специалистов, включая крестьян собственных владений монастырей и приказов. Об этом свидетельствуют расходные книги Патриаршего Казенного приказа, Знаменского, Суздальского Покровского и Донского монастырей второй половины XVII в., в которые внесены записи о поденной оплате своих крестьян как «наемных каменщиков», «наемных плотников», «наемных кузнецов»¹⁰. Все эти крестьяне еще тесно связаны с подневольным характером труда, «домовым работничеством»¹¹, используемым и при сельскохозяйственных нуждах на патриарших и монастырских землях.

Существование оброчной системы в центральном районе России XVII в. способствовало усилению роста товарности крестьянского хозяйства, предоставляя деревенскому производителю благоприятные условия производства своей продукции на продажу. Сама форма реализации феодалами в свою пользу труда крепостных крестьян сделала необходимостью сбыт продуктов производства как сельскохозяйственного, так и промышленного непосредственно на рынок. Сельский базар или ярмарка — наиболее постоянные, но весьма узкие пределы рынка для мелкого деревенского производителя. Незначительное расстояние для сбыта деревенской продукции предполагает в основном еще зачаточные формы развития товарного производства в крестьянском хозяйстве, для большинства таких торгующих крестьян промысел не выделился из рамок натурального хозяйства и являлся, как правило, дополнением к сельским занятиям. Они составляли главную часть тех торгующих крестьян, которых источник специально определяет «пашенными» и «косящими» крестьянами. Промышленным трудом они заняты обычно в свободное от земледелия время. При этом нередко мелкий производитель ограничивался сбытом своей продукции даже не на сельском торжке, а непосредствен-

¹⁰ Там же, стр. 116—119.

¹¹ А. Н. Сахаров. Указ. соч., стр. 111.

но в руки потребителя. Непосредственно по деревням скупались, например, дмотканые товары. Правда, регулярность и большой размах такой скупки имели своим неизбежным следствием определенную товаризацию неземледельческих промыслов крестьян¹². Мелкий характер торговли крестьян промышленными изделиями нашел рельефное выражение в регулярной продаже их феодалам, на землях которых они сидели, — патриаршим, монастырским и другим крупным хозяйствам, являющимся постоянными потребителями целого ряда деревенских товаров. Будучи хорошо знакомыми с торгово-промышленной жизнью своих вотчин, монастыри, например, делали большие закупки у собственных монастырских крестьян, включая их промышленную продукцию по обработке дерева, ткачеству полотен и холстов, валянию сукон, выработке овчин и т. д.¹³ Такого рода сбыт промышленных изделий деревни в известной степени консервировал узкие пределы рынка, приближал его к работе на вполне определенного покупателя.

£ Оброчно-податная система была распространена на всю сумму доходов крестьянского хозяйства, что обуславливало особую фискальную заинтересованность феодала-крепостника в развитии промыслов мелких деревенских производителей. Среди условий, способствовавших выделению торгово-промышленных поселений из массы сел и деревень, для всего XVII в. сохраняется определенное значение сравнительно льготное положение жизни на землях крупных светских и духовных феодалов. В острой конкурентной борьбе крестьян, занятых промыслами и торговлей, с посадским населением, которая росла по мере интенсивности торгово-промышленной деятельности, феодал-земледелец энергично выступал в защиту интересов своих подданных; разбогатевшие крестьяне нередко вели торговые операции при непосредственной поддержке своих владельцев.

В обширной переписке Донского и приписных к нему монастырей за вторую половину XVII в. имеются отписи по торговым делам крестьян их вотчин, которым в разных городах «во всех делах волочат и чинят утеснение великое» и «великие убытки»¹⁴.

Интересы крупного феодала Я. К. Черкасского обусловили его поддержку местной крестьянской промышленности и представителей ее в лице зарождающейся зажиточной верхушки торгово-промышленных сел Иваново, Васильевское в их торговой конкуренции с посадскими людьми г. Шуи¹⁵.

¹² И. А. Булыгин, Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов, С. М. Троицкий. Начальный этап генезиса капитализма в России. — «Вопросы истории», 1966, № 10, стр. 80.

¹³ Л. Л. Муравьева. Указ. соч., стр. 123—126.

¹⁴ Там же, стр. 134—139.

¹⁵ П. М. Экземплярский. Из прошлого г. Иванова. — «Ивановский альманах», 1947, № 7, стр. 8; В. А. Борисов. Описание города Шуи и его окрестностей. М., 1851. Приложение № 26.

Успехи в развитии промысловой деревни в условиях товарно-денежных отношений стимулировали переход феодального хозяйства на денежный оброк. Участие в торгово-промышленной деятельности крестьян находит активную поддержку у феодальных владельцев. Становится практикой отпуск крестьян «на работу», разрешается «им наймоватца и за то имать денги»¹⁶. Поощрялось подрядное ведение работ и поставок разных материалов. Крестьяне постоянно выступают в роли подрядчиков в хозяйстве своих владельцев и на стороне¹⁷. Им предоставляют ссуды на торговые операции. По отношению ко всем промысловым занятиям крестьян, включая владение кузницами, мельницами, лавками, полками, строго проводился принцип, «чтоб никто ничем безоброчно не владел»¹⁸.

Перестройка экономики феодальных хозяйств проводилась без учета развития местных крестьянских промыслов и их профилирования. Само регулирование податной системы и методов эксплуатации непосредственного производителя в определенной степени было обусловлено занятиями местного населения и связанной с ними возможностью удовлетворения постоянно растущих нужд феодального хозяйства. Оброчные изделия крестьян становятся известной частью товарной продукции феодальных хозяйств. Массовые сборы натурой с деревенских промыслов шли не только на удовлетворение внутренних запросов феодальных владельцев. Такое предположение можно высказать в отношении тех оброчных изделий, которые являлись одновременно доходными статьями феодального хозяйства. В царском хозяйстве большое внимание уделялось продаже льна-сырца, извести, материалов деревообработки. Крестьяне выступали даже в роли посредников Тайного приказа по сбыту излишков льна. Вся эта продукция входила в состав натурального обложения местных крестьян. В важном мероприятии Тайного приказа по переселению населения вотчин лежал принцип отбора для подмосковных сел крестьян зажиточных или обладающих искусством какого-нибудь ремесла. По данным Записной книги 1667 г. с. Измайлово известно о выборе для его заселения 222 «крестьян мастеровых людей», проживающих в приписных дворцовых селениях¹⁹.

Развитие деревенской промышленности в XVII в. нашло отражение в законодательстве феодально-крепостнического государства. Торгово-промышленная деятельность крестьян в селах и городах впервые становится предметом специальной таможенной государственной политики. Государство в своей таможенной по-

¹⁶ А. И. Заозерский. Указ. соч., стр. 170—171.

¹⁷ А. Н. Сперанский. Очерки по истории Приказа каменных дел. М., 1930; Л. Л. Муравьева. О развитии крестьянского подряда во второй половине XVII в.— «Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова». М., 1967, стр. 281—289.

¹⁸ А. И. Заозерский. Указ. соч., стр. 171.

¹⁹ Там же, стр. 157, 166, 171, 182, 248.

литике начинает исходить из факта широкого участия крестьян в торговле и промыслах в стране и старается использовать и подчинить своему контролю связанную с ним активную деятельность крепостного населения. В законодательных актах второй половины века среди торговых людей упоминаются и крестьяне, в числе которых были свои «скупщики» и «закупщики»²⁰. Специальные акты касаются мер, предупреждающих возможность конкуренции между торгами в городах и на сельских торжках. Отметим указ о запрете уездным крестьянам в своих дворах заниматься винокурением, торговать вином, медом, пивом²¹. С развитием и ростом влияния сельских торгов появлялись новые указы о сборах с них пошлин и податей в казну²² и о наблюдении за «исправностью» этих сборов во «всех городах уездах», селах и деревнях, «где есть торжки»²³. В 1699 г. особым наказом было предписано прислать росписи торжков и ярмарок в Костромском уезде, в которых следовало указать «на тех торжках, какими товары торгуют и давно ль торгуют»²⁴. Целью этого наказа было обложение новых торжков «указными пошлинами» в районе, который отличался в середине XVII в. значительными успехами в развитии мелкой промышленности во внегородских местах. Оживленная торгово-промышленная жизнь в вотчине Николо-Песношского монастыря с. Рогачево Дмитровского уезда, располагавшегося на большой дороге, ведущей к Москве, вызвала к жизни в 1699 г. отдельный указ о запрещении взимания пошлин «со всяких товаров» в пользу монастыря для того, чтобы «писать тот сбор особом»²⁵.

С известной определенностью можно говорить о разработке во второй половине XVII в. дополнительных таможенных норм в связи с растущим поступлением, в том числе через крепостных производителей, в товарное обращение страны деревенской промышленной продукции. В серии наказов о сборах таможенных пошлин, прежде всего на Большой Московской таможене, перечисляется большое количество «указных» товаров сельских промыслов²⁶. Укажем память 1683 г. «О прилежном сборе пошлин с товаров»²⁷. Она была составлена по письму головы Большой Московской таможни в приказ Большой казны с выражением просьбы, «чтоб меж таможен по дороге чего в продаже не было». Речь шла о явке в Москву крестьянами «локотных товаров» (холста, крашенины, сермяжных сукон) по «зачетным выпшям»

²⁰ Полное собрание Законов Российской империи. Собрание первое (далее — ПСЗ-1), т. I. М., 1830, № 286; т. II, № 1480, 1675.

²¹ ПСЗ-1, т. II, № 879.

²² ПСЗ-1, т. I, № 72; т. II, № 859, 876, 879.

²³ ПСЗ-1, т. III, № 1704.

²⁴ Там же, № 1697.

²⁵ Там же, № 1721.

²⁶ ПСЗ-1, т. II, № 873; т. III, № 1644 и др.

²⁷ ПСЗ-1, т. II, № 1027.

уездных городов и не о занесении в них записей о характере и количестве приобретенного ими товара для продажи в Москве. С этим была связана возможность беспошлинной торговли крестьян в уездах и утечки таможенных доходов («истеря немалая») на Большой таможе Москвы.

Развитое производство строительных материалов в деревнях и вывоз этой товарной продукции (а также дров) на рынок Москвы возами и стругами по реке, «на плес», при участии крестьянских скупщиков и подрядчиков были причиной появления в 1686 г. акта о новом сборе пошлин «со всякого лесу»²⁸. С 90-х годов «лесные товары» — скалы, жерди, бочки, лопаты, корыта, решета, кади, сита, чашки, ложки, солонки и другие крестьянские деревянные изделия для домашнего обихода — были включены в состав «новоуказных статей». Непосредственным отражением глубокой специализации большого района центральных уездов, как-то: Звенигородского, Дмитровского, Волоколамского, Рузского, Клинского, Можайского — на производстве изделий из дерева с массовым их сбытом явился дополнительный указ 1698 г. о сборе мытных пошлин «с лесных товаров новоуказных статей» этого района²⁹. Интересами таможенной политики правительства была продиктована необходимость и другого акта о торговых крестьянах. В соответствии с предписанием Торгового устава в 1695 г. было назначено отдельно взимание пошлин «с продажных товаров» крестьян Благовещенского и Архангельского соборов³⁰.

Развитое отходничество крестьян в города в XVII в.³¹ на наемные работы, включая квалифицированную, обусловило появление указа об ограничении этих работ обязательным наличием у крестьян поручных записей и использовании их труда преимущественно для домашних работ в городских дворах помещиков и вотчинников³². Позднее это ограничение было усилено в отношении дворцовых крестьян; им разрешалось только «найматься в работу у своей братьи посадских людей и крестьян и бобылей»³³. Возможность участия в городской торговле для крестьян в пределах Гостиного двора, с возов и стругов была несколько расширена в 1699 г. разрешением осуществлять им оптовую торговлю («а не врознь») привозной деревенской продукцией³⁴. Это означало известное улучшение условий для активизации деятельности торговых крестьян, в том числе деревенских скупщиков,

²⁸ Там же, № 1176.

²⁹ ПСЗ-1, т. III, № 1646.

³⁰ Там же, № 1517.

³¹ Н. В. Устюгов. Предисловие к сб. статей «Русское государство в XVII веке». М., 1964, стр. 7.

³² ПСЗ-1, т. II, № 1072.

³³ ПСЗ-1, т. III, № 1614.

³⁴ Там же, № 1723.

С расширением роли крестьян в торгово-промышленной жизни страны связана выработка отдельных законодательных мер в отношении некоторой стимуляции их неземледельческих занятий, которая характеризует новые моменты в правительственной экономической политике. Обращает внимание группа указов об уравнении службами и податями «разных чинов людей», в число которых включались вместе с посадскими людьми и крестьяне. Конкретно это касалось, правда, прежде всего крестьян больших сел и деревень дворцового ведомства³⁵. Отметим две грамоты 1681 и 1698 гг., назначением которых в одном случае было регулирование мирского тягла между посадскими людьми и околгородными крестьянами, которые имели в Усольском уезде тяглые земли, варницы и «всякие угодыя»³⁶, в другом — раскладка податей и повинностей «по животам и по торгам их и по промыслам и по всяким заводам среди усольцев и уездных людей»³⁷. Грамота 1681 г. составлялась для защиты занятых промыслами крестьян Усольского уезда с тем, чтоб «усольским околгородным крестьяном в платеже лишних податей за белопоместцев не розориться». При учреждении в городах в конце XVII в. земских изб «для росправных дел между посадскими и торговыми людьми» указом 1699 г. в число торговых людей были определены и крестьяне дворцовых волостей, сел и деревень³⁸.

Рост оптовой торговли в Москве деревенской продукцией в середине XVII в. объясняет появление специального боярского приговора «О нечинении перекупа привозимых на рынки крестьянами припасов» и «всяких товаров». В этом боярском приговоре содержится «крепкий заказ» покупать всякие товары «вольно», «чтоб торговым приезжим людям и московским жителям от тех скупщиков обиды и разоренья отнюдь не было»³⁹. С разработкой регламентирующих мер непосредственно в отношении деятельности крепостных торговцев и мелких промышленников в городах, в частности в Москве, связан ряд указов. Указ 1685 г. дает с ограничением разрешение крестьянам с Покровское Московского уезда и других селений строить в Москве лавки, закреплять оброчные места, «где пристойно», вне Китай, Белого и Земляного города и больших проезжих дорог, «в порозжих местах»⁴⁰. О торговых людях, записанных оброчными крестьянами с Покровское, в том же году был дан дополнительный указ о высылке их из городов, где они занимались торговлей и промыслами в своих и наемных дворах, за неплатеж «в тягло податей»⁴¹. Большой привоз в Москву деревенского

³⁵ ПСЗ-1, т. II, № 874, 899.

³⁶ Там же, № 872.

³⁷ ПСЗ-1, т. III, № 1639.

³⁸ Там же, № 1675.

³⁹ Там же, № 1480.

⁴⁰ ПСЗ-1, т. II, № 1123.

⁴¹ Там же, № 1138.

производства кирпича и других строительных материалов вызвал необходимость регулирования движения крестьянских вozов. Специальным указом был запрещен проезд тяжелых вozов крестьян через Кремль; наблюдение за исполнением этого предписания было поручено караульным⁴².

Вопрос о связи промысловой деревни с городом в значительной степени лежит в области общего развития и углубления сферы крепостнических отношений в феодальном государстве XVII в.

Как известно, участие деревенского населения в торгово-промышленной жизни городов встречало в XVII в. противодействие государственной власти, которая стремилась ограничить свободу конкуренции и предпринимательства крестьян⁴³. После Посадского строения 1648—1649 гг. система, регламентирующая свободу торгово-промышленных занятий крестьян в городах, получила дальнейшее развитие: правительство на протяжении полувека неоднократно обращалось к разработке ее норм⁴⁴. Усилия правительства сосредоточить торговлю в одних руках, предоставив крестьянам только возможность продавать сельскую продукцию с вozов и на Гостином дворе, далеко не были успешными. Никакими мерами нельзя было удержать крестьянина на его пашне. В условиях роста товарно-денежных отношений возрастание роли мелкого деревенского производителя в торговле и промыслах городов было закономерным и неизбежным. Но борьба за влияние была упорной. Об этом говорит целый поток жалоб посадского населения городов, в том числе Ярославля, Костромы, Галича, Луха, в адрес правительства⁴⁵. Государственная власть, как правило, становилась на его сторону и принимала нередко энергичные меры против крестьян вплоть до уничтожения их городских торговых заведений с возвращением крестьян на «прежние тяглые жеребья».

Эти меры с системой сыска и запрет крестьянской собственности в пределах посада на тяглые двory и торгово-промышленные заведения были обусловлены и интересами закрепощения крестьян за феодалами. Однако в условиях формирования буржуазных связей в стране во второй половине XVII в. политика правительства в отношении торгово-промышленных занятий крестьян на посадах не оставалась неизменной, а, наоборот, пре-

⁴² ПСЗ-I, т. III, № 1546.

⁴³ П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. I—II. М.—Л., 1947—1948; А. Г. Маньков. Борьба посадков с феодалами во второй половине XVII в.— «Исторические записки», т. 64, стр. 217—232.

⁴⁴ А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.—Л., 1962, стр. 58—59, 77, 238—240.

⁴⁵ «Исторические акты Ярославского Спасского монастыря», т. I. М., 1896, стр. 196, 197, 207; «Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии», вып. 5. Кострома, 1912, стр. 56; Л. Л. Муравьева. Деревенская промышленность..., стр. 164.

терпела значительные изменения (после посадского строения с отчуждением частновладельческих слобод и сел)⁴⁶. Развитие принципа прикрепления к посадам по торгам и промыслам привело в это время к появлению и постепенному росту в городах численности крестьян-тяглецов. Потребности государства в дальнейшем укреплении городов, как плательщиков прямых налогов, вызывали к жизни эти новые тенденции в законодательной политике правительства. Практика определения торговых крестьян наравне с посадскими людьми в оброчный оклад появилась после 1649 г. и проводилась затем упорно, оставаясь постоянным источником пополнения городского торгово-промышленного населения. Сначала это коснулось дворцовых крестьян и затем постепенно распространилось и на другие его категории. Большое практическое значение имел указ 1658 г., который впервые юридически закрепил имевшиеся уже случаи перехода крестьян в посады. В литературе этот процесс иллюстрирован на примерах борьбы посадов Галича, Ярославля, Владимира, Суздаля, Луха, Вологды, Пскова, Старой Руссы и Москвы с феодалами за дворцовых, монастырских, частновладельческих крестьян-тяглецов⁴⁷. О приеме крестьян в состав городского населения свидетельствуют и другие данные о развитии посадов в Костроме, Городце, Ростове, Шус, Ново-Александровской слободе и т. д.⁴⁸

Важным результатом законодательной политики в отношении торгово-промышленной деятельности крепостного населения деревни к концу XVII в. явился акт 1699 г. «О записывании в купечество дворцовых, патриарших, монастырских, помещичьих крестьян, желающих жить для торговых промыслов в Москве»⁴⁹. Этот шаг феодального государства связан с официальным признанием его большого влияния на развитие социально-экономической жизни страны. Прикрепление деревенского населения к посадам и тяглу происходило строго в соответствии с его занятиями «торгами и промыслами», т. е. по линии успешного развития производственных отношений в крестьянском хозяйстве. Это прикрепление ставило крестьян юридически в разряд торгово-промышленного населения страны, но не означало свободу предпринимательства и инициативы для них; связанные круговой порукой крестьяне переходили в новое зависимое положение непосредственно от феодального государства.

---

⁴⁶ А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в., стр. 248—322.

⁴⁷ Там же, стр. 260—322.

⁴⁸ «Акты археографической экспедиции», т. IV. СПб., 1836, № 169; ПСЗ, т. I № 35; «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 26. СПб. 1913, № 684; «Русская историческая библиотека», т. XI. СПб., 1889, Приложение, стр. 82—83; «Владимирские губернские ведомости», 1854, № 19.

⁴⁹ ПСЗ-I, т. III, № 1666.

Итак, крепостная промысловая деревня стимулировала развитие феодального хозяйства XVII в. Квалифицированный крепостной труд был широко поставлен на его службу (прежде всего по линии расширения эксплуатации). Значительное поглощение в феодальном хозяйстве результатов торгово-промышленной деятельности крестьян имело своим следствием определенную замедленность смены последовательных ее форм, консервацию и живучесть старых, первичных форм наряду с последующим развитием, с которым было связано главное направление в эволюции деревенской промышленности начиная с нового периода истории страны.

ПОМЕСТНОЕ И ВОТЧИННОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ МЕЩЕРСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

Вопрос о формах и сущности земельной собственности в период феодализма продолжает оставаться дискуссионным как в плане общих закономерностей, так и в плане особенностей русского феодального землевладения. В теоретическом аспекте этот вопрос ставился в монографиях М. В. Колганова и Б. Ф. Поршнева, в статьях С. Д. Сказкина и А. Л. Шапиро; анализ большого конкретного и статистически обработанного материала имеется также в книге «Аграрная история северо-запада России. Вторая половина XV — начало XVI в.»¹

В данной статье делается попытка анализа складывания земельных отношений в процессе освоения новых земель феодальным государством, выяснения форм приобретения земли феодалами, их социального состава, характера владений, права фактического распоряжения землей. Статья основана на материалах юго-восточной окраины Русского государства.

Использованные нами источники относятся ко времени освоения Русским государством Мещерского края в XVII в. Процесс освоения земель прослеживается по материалам писцовых книг 1616, 1658 — 1661 гг. и переписных книг 1646 и 1678 гг.²

Писцовая книга по Мещерскому краю за первую четверть XVII в. относится к 1616 г.³ В этом источнике мы имеем дело еще с поземельным обложением; считалось, что в «живущее» кладется «пашня паханая», трехпольная около жилого двора, а перелог и дикое поле считались «в пусте» и обложению не подле-

¹ М. В. Колганов. Собственность. М., 1962; Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М., 1964; С. Д. Сказкин. Классики марксизма-ленинизма о феодальной собственности и внеэкономическом принуждении.— «Средние века», вып. V. М., 1954; А. Л. Шапиро. О природе феодальной собственности на землю.— «Вопросы истории», 1969, № 12. Историография вопроса имеется в указанных выше работах, а также статьях: Л. В. Черепнин. Изучение в СССР проблем отечественной истории периода феодализма.— «Вопросы истории», 1962, № 1; Л. В. Данилова. К итогам изучения основных проблем раннего и развитого феодализма в России.— «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС», ч. 1. М., 1962. Наиболее полный обзор историографической литературы имеется в «Аграрной истории северо-запада России. Вторая половина XV — начало XVI в.» Л., 1971.

² ЦГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ), Писцовые и переписные книги, № 530, 533, 12078, 12079, 12081—12084.

³ П. Н. Черменский. Материалы по исторической географии Мещеры.— «Археографический ежегодник за 1960 г.». М., 1962.

жали. Незначительные размеры указанной в этих писцовых книгах пашни подтверждают имеющееся в литературе мнение, что эти цифры не соответствовали реальному положению вещей, а были лишь чисто условным показателем для обложения, которое имело в виду экономические возможности крестьянских дворов в комплексе⁴.

Писцовые книги 1658—1661 гг. относятся к тому времени, когда правительство провело уточнение сошного оклада путем введения «живущей» или «дворовой» четверти, в которую включалось определенное количество крестьянских и бобыльских дворов (причем бобыльский двор облагался как $\frac{1}{2}$ крестьянского). Основным принципом по-прежнему оставалась посильность тягла, что достигалось неодинаковым количеством дворов «дворовой четверти». Было определено восемь разрядов, соответствовавших различному экономическому уровню крестьян⁵.

Новая форма обложения отразилась на форме описания земель. Если в писцовых книгах первой четверти XVII в. размеры «пашни паханой» являлись условной величиной и отражали только размеры тягла, то в писцовых книгах 1658—1661 гг. размеры пашни, по нашему мнению, отражают реальное количество земли во владении, в том числе соотношение пашни и перелога, поросшей лесом земли и сенокосных угодий (лес по-прежнему не описывался).

В писцовых книгах 1658—1661 гг. даются сведения о документах, на основании которых за владельцами записываются поместья и вотчины. Отличительной особенностью этих книг является и то, что они не ограничиваются сведениями о дворохозяевах, как это имело место в писцовых книгах 1616 г., а представляют сведения о населении в таком же объеме, как переписные книги, что нетрудно установить при сравнении с книгами 1646 г.

Указанные выше Мещерские писцовые книги содержат описания светских, монастырских и церковных владений по трем Мещерским станам: Подлесскому, Борисоглебскому и Замокошскому. Переписная книга 1646 г. содержит еще и сведения по дворцовой Конобеевской волости. В переписных книгах 1678 г. так же, как в переписи 1646 г., имеются данные только о населении Мещерских станов, без указания размеров земельных владений.

Помимо указанных писцовых и переписных книг наши сведения дополнялись материалами других источников. Отдельно описывались владения касимовских царевичей. Описание этих владений сохранилось за 1627, 1646, 1683 гг. в столбцах Посольского приказа, в россыли фонда Приказные дела старых лет,

⁴ С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. II. М., 1915, стр. 87—90.

⁵ Там же, стр. 489.

в отдаточной книге фонда Поместного приказа⁶. Нами были использованы также земельные дела в столбцах Поместного приказа и Вотчинной коллегии⁷, содержащие материал о раздаче земли государством, об обменных операциях между владельцами, о купле и других формах приобретения земли помещиками и вотчинниками.

Мещерский край составляли три стана (Подлесский, Замокошский и Борисоглебский), а также дворцовая Конобеевская волость и волости в районе р. Оки (Бабинская, Рубецкая и Давыдовская). Употреблявшееся понятие уезд в применении к этому краю было очень неточным и неустойчивым. В составе Мещерского края в XVII в. описывались Шацкий, Касимовский, Елатомский и Кадомский уезды. Территория Шацкого уезда условно отождествлялась в описании с территорией всего края. Все три стана часто назывались станами Шацкого уезда. В то же время на территории Борисоглебского стана располагались города Елатьма и Касимов, а на территории Замокошского стана — города Кадом и Темников. Елатомский и Кадомский уезды для XVII в. являлись по существу условными, так как их территория входила в состав Шацкого уезда. Касимовский уезд имел самостоятельное значение и в то же время являлся частью Борисоглебского стана, так же как Бабинская, Рубецкая и Давыдовская волости, являясь волостями Касимовского уезда, входили в территорию Борисоглебского стана и описывались как его часть. В целом территория Мещерского края состояла из территории Шацкого и Касимовского уездов, сюда же входили города Елатьма, Кадом и Темников⁸.

Наиболее густо население располагалось в Подлесском стане вдоль реки Цны, т. е. в местах, подвергшихся раньше другим колонизации, — во владениях Чернеева монастыря, дворцовой волости и на близлежащих землях. Здесь же находилось и большое количество крупных сел и деревень. Далее на восток население было реже и становились мельче селения (за исключением сел Пурдышского монастыря). Мелкие населенные пункты характерны были также для волостей Касимовского уезда. Такое расселение русских крестьян было связано с расположением мордовского населения, которое в XVII в. в основном находилось на землях Касимовского уезда, в районе г. Кадома (Замокошский стан) и в Темниковском уезде. Район Подлесского стана был уже полностью освоен русским крестьянством.

Говоря о крестьянском и бобыльском населении Мещерского

⁶ ЦГАДА, ф. 131. Татарские дела, 1695 г., д. 1; ф. 141 (Приказные дела старых лет), столбцовая роспись; ф. 1209, Отдаточные книги, № 12090, лл. 463—564.

⁷ ЦГАДА, ф. 1209. Столбцы по г. Шацку; ф. 1211 (Вотчинная коллегия). Книжки старых лет по Москве.

⁸ Территория Темниковского уезда не входила в Мещерские станы и описывалась самостоятельно.

края, мы называем его русским несколько обобщенно, так как в период колонизации происходило насильственное и всячески стимулированное правительством крещение мордовского и татарского населения⁹. По свидетельству рязанского митрополита Мисаила, впоследствии убитого мордвой в дер. Янбириной Конобеевской волости, в Шацком уезде в 1650—1651 гг. осталось 2 тыс. некрещеной мордвы: «...в Шацком и Тамбовском уездах крестил я, богомолец ваш, числом 4200 человек; а еще осталось в моем же владычестве в Шацком уезде некрещеной мордвы 250 дворов, а в них по числу будет 2000 с лишком человек, а в Кадомском уезде татарских и мордовских 520 дворов, а по числу будет 4200 человек»¹⁰.

По писцовой книге 1616 г. за Пурдышским монастырем значится 119 мордовских дворов, а по писцовой книге 1658—1661 гг.— уже только 8 дворов (24 души мужского пола). Очевидно, миссионерская деятельность монастыря шла довольно успешно. В Конобеевской волости переписная книга 1646 г. зарегистрировала 177 мордовских и 7 татарских дворов. По Темниковскому уезду за 1678 г. имеется переписная книга 35 мордовских деревень¹¹, расположенных в трех станах: Подгородном, Пичиполонском и Оксельском. Население их 1262 души м. п.— 751 двор. Из них тяглых — 635 дворов и 116 — дворы нетяглые — вдов, отставных солдат и др.

Часть неземледельческого мордовского населения — бортники, находившиеся на ясаке, не учитывалась писцовыми книгами; сохранившиеся о них сведения в архивных фондах очень скудны и отрывочны.

Освоение земель в Мещерском крае началось со второй половины XVI в. Пионером был Чернеев монастырь. Раздача земель помещикам в основном протекала в первой половине XVII в. Писцовые и переписные книги отражают актовую документацию раздачи земель. Наиболее ранние акты относятся к 1613 г.

В Подлесском стане (Шацкий уезд) в период описания земель в 1658—1661 гг. для обоснования права на владение поместьями и вотчинами были представлены следующие акты: ввозные, жалованные, послушные, вотчинные, данные и меновые грамоты (204 грамоты); 27 выписей из писцовых и приправочных книг, 13 выписей из отказных книг, 6 выписей из отдельных книг, 4 памяти из Поместного приказа, 3 купчих. В 27 случаях право на владение устанавливалось по сказкам старосты

⁹ Указ 1628 г. «о запрещении иноверцам иметь у себя во «дворе» лиц православного вероисповедания» («Соборное уложение», гл. XX, стр. 70.— ПСЗ-1, т. I). Указ 1654 г., подтверждавший, что наследовать иноверцам могут только их крещеные родственники (ПСЗ-1, т. II, № 814, стр. 5). Указ от 16 мая 1681 г. об отписи у мурз. земель, населенных людьми православного вероисповедания (ПСЗ-1, т. II, № 367, 870).

¹⁰ «Древние грамоты и акты Рязанского края, собранные А. Н. Пискаревым». СПб., 1854, стр. 77—78, № 30.

¹¹ ЦГАДА, ф. 1209. Писцовые и переписные книги, № 6454.

и в 4 — по наезду. Всего нами рассмотрено 288 случаев обоснованной помещиками своих прав на владения в Подлесском стане, из которых 257 обоснованы документами и поддаются датировке. Остановимся на вопросе о времени получения помещиками и вотчинниками юридических прав на их владения.

В 1613—1614 гг. помещикам было выдано две грамоты на владения, в последующие годы количество их увеличивается, и к 1621 г. было роздано не менее 47 грамот. Кроме того, 19 помещиков представили выписи из приправочных книг 1616 г. Итого за период 1613—1620 гг. было закреплено за владельцами 66 владений (25,8%) из 257. До 1631 г. было выдано еще 28 грамот на владение земель и 5 помещиков представили выписи из писцовых и приправочных книг 1616 г., т. е. 33 владения (12,9%) было оформлено за владельцами в 1621—1630 гг. До 1641 г. было выдано грамот на 43 поместья и 16 помещиков предъявили выписи из книг 1616 г. т. е. 59 владений (22,9%) оформлено в 1631—1640 гг. За время с 1641 до 1650 г. на владения были получены 73 грамоты и 2 памяти из Поместного приказа и 9 владений было оформлено по другим актам, т. е. 84 поместья, или 32,6%. С 1651 по 1660 г., т. е. к моменту составления нашего источника, владельцами было получено еще 13 грамот и 2 памяти, итого на 15 владений (5,8%). Приведенные данные позволяют считать, что наиболее интенсивно «раздача» поместий и вотчин или, вернее, юридическое их оформление в Подлесском стане происходила во втором десятилетии (25,8%) и в 40-х годах (32,6%), явный спад этого явления наблюдался в 50-х годах XVII в. — 5,8%.

В Борисоглебском стане нами рассмотрено 179 обоснований права на владение из находившихся там 193 вотчин и поместий. В Борисоглебском стане помещиками и вотчинниками была представлена 71 грамота (6 не датированы), 10 выписей из приправочных книг Леоптия Шаховского 1616 г., 7 выписей из отдельных книг, 6 выписей из отказных книг, 6 выписей различных лет из писцовых и переписных книг, 1 память из Поместного приказа. В 44 случаях право на землю устанавливалось по наезду и в 34 — по сказкам старост. Из 93 датированных грамот и актов ко второму десятилетию XVII в. относятся 8 грамот и 10 выписей из книг Шаховского, т. е. 18 документов, или 19,4%. К 20-м годам относятся 11 грамот и 1 выпись, т. е. 12 документов, или 12,9%. К 30-м годам — 23 грамоты и 3 выписи, т. е. 26 актов, или 28%. К 40-м — 23 грамоты и 11 других актов, т. е. 34 документа, 36,5%. К 50-м годам относятся только 1 память из Поместного приказа и 2 акта, т. е. 3 документа, или 3,2%.

Мы можем констатировать в Борисоглебском стане рост интенсивной «раздачи» земли государством до 50-х годов, после чего она почти прекращается. Наиболее оживленные раздачи осуществлялись в 40-е годы.

По Замокопскому стану имеются сведения о 47 владениях из 167, причем датировать можно только 27 случаев. Из 47 помещиков и вотчинников 15 представили грамоты, 1 — память из Поместного приказа, 1 — купчую, 11 — выписи из приправочных, писцовых и переписных книг, 11 — выписи из отказных книг, у 6 право было установлено по наезду и у 2 — по сказкам.

Из монастырских документов на право владения самые ранние были представлены Пурдышским монастырем (Замокопский стан): жалованные грамоты 1613 — 1614 и 1616 — 1617 гг. на устройство торжка в слободе Пурдышской и выпись от 1648 — 1649 гг. на с. Шигони.

Чернеев монастырь на свои владения предъявил выписи из писцовых книг 1616 г. Ко второму же десятилетию относятся акты, представленные Вышенской пустыней, Успенским монастырем и соборными церквами в г. Шацке.

Более поздние документы представили: Соловецкий монастырь — грамоту 1635—1636 гг. на Андриянову пустынь в Борисоглебском стане, Становой Московский монастырь — купчую от 1624 г. и Рязанский Воскресенский монастырь — послушную грамоту 1643—1644 гг. на земли в Борисоглебском стане.

Из рассмотренного материала вовсе не следует, что заселение Мещерского края началось только после 1613 г. Однако во втором десятилетии XVII в. шло оформление фактического владения и, очевидно, продолжалось заселение. Все, что было захвачено помещиками и вотчинниками до 1613 г., было оформлено к 1620 г. Очевидно, этим и объясняется уменьшение документации за 20—30-е годы.

Итак, к моменту составления писцовых книг 1658—1661 гг. из рассмотренных нами 514 поместий и вотчин на 397 были представлены документы, т. е. на 87,4%. Право на владение остальными поместьями было признано книгами 1658 г. То, что наравне с жалованными грамотами писцами признавались просто сказки старост или устанавливалось не столько право, сколько размеры владения, «по-наезду», подтверждает предположение, что немалая часть дворянства официально получала землю, уже фактически ими захваченную. Предъявленные 54 владельцами выписи из писцовых, переписных и приправочных книг (8,8%) тоже, очевидно, являются документацией на фактическое владение, зафиксированное предыдущими переписями.

Среди грамот встречаются меновые, которые отражают явления, связанные с фактическим распоряжением землею помещиком, как и некоторые выписи из отказных и отдельных книг. Очень незначительной была купля-продажа земли — 4 купчих.

По писцовым книгам 1658—1661 гг.¹², в трех станах Мещерского края можно отметить, что величина монастырских владений, учтенных в писцовых книгах, сравнительно невелика. Пур-

¹² ЦГАДА, ф. 1209. Писцовые и переписные книги, № 533, 12078, 12079.

дышский монастырь в Замокошском стане имел 414,5 десятин земли в поле, или 1243,5 десятины, причем пашни было 1192,5 десятины (в трех полях); сенокосных угодий монастырь имел 882,5 десятины. В Борисоглебском стане Успенский монастырь и Андреянова пустынь имели 168 десятин пашни средней земли в трех полях и сенокосных угодий 225 десятин. Воскресенский монастырь имел пашни средней земли и поросшей лесом земли — 60 десятин.

В Подлесском стане у Чернеева монастыря пашенной земли имелось 1116 десятин, сенокосных угодий — 1270 десятин. Успенский монастырь и Сергиева пустынь владели 73,5 десятинами пашенной земли, сенокосных угодий у них было 30 десятин. У Выпенской пустыни — 133,5 десятины пашни и 350 десятин сенокосных угодий.

Пашенная церковная земля, находившаяся во владении церковнослужителей, в Борисоглебском стане составляла 463,2 десятины средней земли (сенокосных угодий — 197,5 десятины); в Замокошском стане — 567 десятин доброй и 78 десятин средней земли (сенокосных угодий — 152,5 десятины). В Подлесском стане — 598,5 десятины доброй земли (207 десятин сенокосных угодий).

Итак, в трех станах за монастырями пашни (одобренной земли) было 2697,9 десятины в трех полях, сенокосных угодий — 2757,5 десятины, а церковной пашни — 1569 десятин (одобренной земли) и сенокосных угодий — 557 десятин. Кроме того, дворцовой пашни, по писцовой книге, примеренной (урезанной) от частных владений, в Борисоглебском стане значилось 648 десятин средней и 30 десятин худой земли или одобренной — 535 десятин. Земля, которая находилась в частном владении помещиков и вотчинников, составляла 62 777,6 десятины пашни одобренной земли и 49 947,5 десятины сенокосных угодий.

В Мещерских книгах отсутствуют сведения по владениям касимовских царевичей в Касимовском и Елатомском уездах (Борисоглебский стан). Однако они имеются в делах фондов Посольского приказа и Приказных дел старых лет. За касимовскими царевичами в Касимовском уезде значилось средней земли пашни 765,5 десятины (в трех полях), перелога 222,5 десятины, да «лесом поросло» 290,5 десятин и сенных покосов 1025 десятин. «Да в селах же Ерахтуре рыбные ловли, которые отдают в откуп, озерка Исыстой... Да в тех же озерках бобровые гоны. Да в селе Ерахторе 3 озерка особные, а ловят в них рыбу на царевича. Да на тех же озерках спуды и перевесье. Да села ж Ерахтор и Мышце з деревнями за крестьяны бортные ухотьье»¹³.

В Елатомском уезде за царевичами значилось пашни доброй, средней и худой земли 332 десятины, перелога 133 десятины,

¹³ ЦГАДА, ф. 141. Неописанные материалы, папка 741; ф. 131. Татарские дела, 1695 г., д. 1.

Таблица 1

Распределение земли и крестьян в Мещерском крае во второй половине XVII в.

Владельцы земли	Количество земли		Количество крестьянских дворов	%
	десятин	%		
Помещики и вотчинники	419 677,6	72,9	12 265	74,0
Дворцовое землевладение	37 022,5	22,5	2 653	16,1
Монастыри	5 455,4	3,3	1 641	9,9
Церкви	2 126,0	1,3	—	—
Итого	164 281,5	100	16 559	100

«лесом поросло» 153,5 десятины (всего 619 десятин), сенных покосов 4030 десятин и «...за крестьянином бортовой ухажей...»¹⁴

До 25 июля 1691 г., когда Конобеевская волость была передана во владение Л. К. Нарышкину (дяде Петра I), в дворцовом владении числилось пашни 17 242,5 десятины и сенокосной земли 19 245 десятин¹⁵, и «бортовые ухажьи», и «лов по реке Цне, по Вороне, по Хопру и по иным ручкам, а на сколько верст — не написано»¹⁶. Следовательно, во второй половине XVII в. дворцовое владение вместе с «примеренной» землей составляло 370 22,5 десятины.

Можно отметить близость процентного отношения различных форм землевладения и численности крестьянства, живущего на этих землях: светское землевладение составляло 72,9% (табл. 1)¹⁷, крестьянство — 74,0%, монастырское и церковное землевладение составляло 4,6%, крестьян на этих землях — 9,9%, дворцовое землевладение — 22,5%, а дворцовых крестьян — 16,2%.

Таким образом, основная масса мещерской земли и крестьян в конце XVII в. находилась в светском владении. Соотношение размеров помещичьей и вотчинной частной формы владения землей, изменение этого соотношения на протяжении XVII в. можно проследить по отдельным стапам.

Если процент крестьянских дворов на поместных землях составлял по писцовым книгам 1616 г.¹⁸ в Подлесском стане 90,3% (1745 дворов), а крестьянских дворов в светских вотчинах 5,1%

¹⁴ Там же.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 396 (Московская Оружейная палата), оп. 2, ч. 5, д. 3604, ч. 2, лл. 18—19 об.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, ф. 1209. Писцовые и переписные книги, № 533, 12079, 12083, 12084, 172, 6456, 6457; ф. 396, оп. 2, ч. 5, д. 3604, ч. 2.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 1209, Писцовые и переписные книги, № 530.

(99 дворов) от числа дворов в Подлесском стане (1933 двора), то в середине века это соотношение меняется. По переписным книгам 1646 г.¹⁹, процент крестьянских дворов на поместных землях составляет уже 66% (3820 дворов), а процент дворов на землях светских вотчин увеличивается до 27,7% (1603 двора) от общего количества дворов — 5789; в писцовых книгах 1658—1661 гг.²⁰ процент дворов на поместных землях увеличивается до 32% (1855 дворов) при общем количестве в 5794 двора. По переписным книгам 1678 г.²¹ мы наблюдаем полное равновесие этих двух форм владения: 44,9% составляют крестьянские дворы на помещичьих землях и 44,7% дворы на вотчинных землях (общее количество дворов 6584).

Процент монастырских крестьян в Подлесском стане был невелик: 4,4% (52 двора) от числа дворов в Подлесском стане в 1616 г., 6,3% (366 дворов) — в 1646 г. и в 1658 г., 10,4% (683 двора) — в 1678 г. Процент крестьянского населения в монастырских вотчинах тоже возрастал, но не становился преобладающим.

Рост светских вотчин еще более интенсивно происходил в Борисоглебском стане. Если в 1616 г. процент крестьянских дворов на поместных землях был здесь 87,2% (473 двора) при общем количестве в 542 двора и только 34 крестьянских двора принадлежали вотчинникам, то в 1678 г. процент вотчинных дворов уже получил преобладание и стал составлять 47,1% (1288 дворов), а процент дворов на поместных землях — 38,5% (1052 двора) при общем количестве в 2734 двора. Количество крестьянских и бобыльских дворов на церковных и монастырских землях повышалось незначительно: с 6,5% (35 дворов) в 1616 г. до 14,4% (394 двора) в 1678 г.

В Замокошском стане тоже наблюдалось снижение процента крестьянских дворов на поместных землях с 80,2% (608 дворов) в 1616 г. (всего 758 дворов) до 49,3% (708 дворов) в 1678 г., когда всего в стане насчитывалось 1437 дворов. Здесь процент крестьянского населения в светских и монастырских вотчинах увеличивался почти одинаково: 23,7% (341 двор) в 1678 г. — на монастырских землях и 27% (388 дворов) — в светских вотчинах. Следовательно, постепенное внедрение вотчинного права было повсеместным.

Каковы же были размеры светских владений в Мещерском крае?

По материалам писцовых и переписных Мещерских книг XVII в. можно установить среднее количество крестьянских дворов, приходящееся на одно поместье и светскую вотчину.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 1209. Писцовые и переписные книги, № 12081, 12082.

²⁰ Там же, № 533, 12078, 12079.

²¹ Там же, № 12083, 12084.

Таблица 2

Крестьянские дворы в поместьях и светских вотчинах Мещерского края в XVII в.

Год	Форма владения	Среднее число крестьянских дворов		
		Подлесский стан	Борисоглебский стан	Замокошский стан
1616	Поместье	5,6	4,0	7,3
	Вотчина	11,0	3,0	10,3
1646	Поместье	10,6	12,0	11,0
	Вотчина	19,5	51,4	85,8
1658—1661	Поместье	7,4	5,7	6,8
	Вотчина	18,7	23,3	39,8
1678	Поместье	6,7	12,7	7,7
	Вотчина	26,3	21,8	29,0

Безусловным, повсеместным и повсегодным являются значительно большие размеры вотчинных владений по сравнению с поместным (в среднем). Укрупнение поместных владений, наметившееся в середине века, быстро пошло на убыль и осталось к 1678 г. почти на том же уровне, что и в 1616 г. (табл. 2). Укрупнение вотчин было более значительным, но неравномерным. Если в Подлесском стане процесс укрупнения вотчин идет почти непрерывно в продолжение века, то в Борисоглебском и Замокошском станах к 1646 г. наблюдается резкое увеличение числа дворов в вотчинах, которое очень снижается к 1658 г. и еще более — к 1678 г., оставаясь, однако, в четыре-пять раз выше, чем в 1616 г. Явление оказалось сложным, нуждающимся в дальнейшем, более детальном исследовании.

Сравнительный анализ писцовых и переписных Мещерских книг XVII в. приводит к мысли, что переписными книгами учитывались не все поместья и вотчины, а только те, в которых имелись крестьянские и бобыльские дворы; позже, по переписной книге 1678 г., учитывались также те владения, в которых были дворы только задворных людей или просто дворовые люди в помещичьих и вотчинных дворах. Переписные книги 1646 и 1678 гг. учитывали поместья и вотчины, в которых крестьяне находились в бегах. Писцовыми же книгами поместья и вотчины учитывались более полно, в них включались те владения, в которых дворовые места были еще не населены крестьянами. Так, писцовая книга 1616 г. фиксирует 263 поместья без крестьянских дворов, что составляло 49,1% всех поместий и вотчин (табл. 3). В этих поместьях обычно был помещичий двор с дворовыми людьми, иногда 1—2 двора задворных людей. В 1658 г.

Таблица 3

Частное землевладение в Мещерском крае

Год	Количество поместий и вотчин (без крестьянских дворов)		Количество поместий и вотчин с числом крестьянских дворов													
	Поместья и вотчины	%	1—3		4—10		11—25		26—50		51—100		Более 100		Всего	
			Поместья и вотчины	%	Поместья и вотчины	%	Поместья и вотчины	%	Поместья и вотчины	%	Поместья и вотчины	%	Поместья и вотчины	%	Поместья и вотчины	%
1616	263	49,1	98	18,3	102	19,1	40	7,5	20	3,7	8	1,5	4	0,8	535	100
1646	4	0,6	221	33,7	237	36,2	113	17,2	40	6,1	24	3,7	16	2,5	655	100
1658	268	35,4	137	18,1	185	24,5	108	14,3	44	5,8	6	0,8	8	1,1	756	100
1678	75	8,3	137	37,4	282	31,4	126	14,0	47	5,3	22	2,4	11	1,2	900	100

количество таких поместий не уменьшается, но их удельный вес снижается до 35,4%.

Процент поместий с 1—3 крестьянскими дворами не меняется: 18,3% — в 1616 г. и 18,1% — в 1658 г. Вдвое увеличивается процент поместий и вотчин с 11—25 дворами. Но в 1616 и в 1658 гг. процент вотчин с числом дворов 51—100 и свыше 100 дворов незначителен (см. табл. 3).

Таким образом, почти половина поместий и вотчин по книге 1616 г. — это владения без крестьянских и бобыльских дворов, в 1658 г. они составляют уже только треть общего числа поместий и вотчин. В остальном картина меняется мало. Доминируют по-прежнему поместья и вотчины с 1—3, 4—10 дворами, которые вместе составляют в 1616 г. 37,4%, а в 1658 г. — 42,6%.

При сравнении переписных книг 1646 и 1678 гг. бросается в глаза увеличение в 1678 г. процента поместий без крестьянских дворов, а также поместий с 1—3 дворами и уменьшение по сравнению с 1646 г. количества поместий и вотчин с 4—10, 11—25 и т. д. дворами. Особенно заметно снижение числа вотчин с более чем 100 дворами: с 2,5 до 1,2% (см. табл. 3). По переписным книгам 1646 и 1678 гг. доминирующее положение занимают поместья и вотчины с 1—3 и с 4—10 дворами вместе с поместьями, не имеющими крестьянских или бобыльских дворов, они составляют в 1646 г. 70,5%, а в 1678 г. — 77,1%.

Итак, мы можем говорить о некотором укрупнении светских владений или, вернее, об увеличении их насыщенности рабочей силой к середине века и о прекращении этого процесса к последней четверти XVII в. Три стана Мещерского края сохраняют в течение всего века подавляющее преобладание мелкого частного владения.

Что касается монастырских вотчин, то тут наблюдается бурный рост населения. За Чернеевым монастырем в 1678 г. было 2389 душ м. п.²², тогда как в 1616 г. за ним значилось всего 89 крестьянских и бобыльских дворов.

Крупными владельцами в Мещерском крае были касимовские царевичи, за которыми к 1683 г. было 2391 душа м. п., тогда как в 1646 г. за ними значилось 1367 душ м. п.²³

Наблюдаемое на материалах Мещерского края явление постепенного уменьшения землепользования мещерских помещиков, не имеющих крестьянских и бобыльских дворов, постепенное внедрение вотчинного права и появление более крупных владений были уже отмечены в статье А. А. Новосельского на материалах южных уездов как процесс, сопровождающий русскую колонизацию²⁴.

Социальный состав мещерских землевладельцев был очень однороден. Характерной фигурой для Мещерского края был служилый человек, испомещенный обычным земельным окладом за службу. Целые группы близких и дальних родственников получали соседние жеребья: Барсуковы, Вышеславцовы, Глебовы, Любонниковы, Мерлины, Мертваго, Мищеринины, Мосоловы, Пополутовы, Свищевы, Суховы — в Борисоглебском стане; Алеевы, Алешкины, Антоновы, Богдановы, Болотниковы, Вышеславцевы, Давыдовы, Игнатьевы, Карачюрины, Любовниковы, Мантуровы, Мерлины, Мордвиновы, Москотиньевы, Мосоловы, Нестеровы, Протасьевы, Свищовы, Слепцовы, Стрешневы, Суховы, Татариновы, Трунины, Чарыковы — в Подлесском стане; Богдановы, Веденяпины, Жуковы, Лопатины, Никифоровы, Рогожины, Слепцовы — в Замокошском стане.

Обычно поместный жеребий оставался за той же фамилией после смерти служилого человека или его перехода на службу по другому городу, путем испомещения его ближних или дальних родственников. Так, Семен Чарыков (одна из самых распространенных помещичьих фамилий в Подлесском стане — 15 помещиков) получил жеребий своего брата Елистрата: «Мещерина Елистрата Гаврилова сына Чарыкова не стало тому ныне 10 лет и больше. А после его жены и детей и роду его ближе Семена Гаврилова сына Чарыкова не осталось — то мы ведем. А тот Семен ему, Елистрату, брат родной и поместье ево, Елистратово, лежит порозжо. То мы ведем жа, то наши и речи...»²⁵

Примером такого же испомещения земель родственников может служить и дело Мартемьяна Тимофеева сына Петина, получившего деревню Петину и пустошь Рюмину, оставленную предыдущими владельцами. «Сошли они в Козлов и служат по Коз-

²² ЦГАДА, ф. 1209. Писцовые и переписные книги, № 12083, л. 459.

²³ ЦГАДА, ф. 1209. Отдаточноые книги по г. Шацку, № 12090, стр. 463—564.

²⁴ А. А. Новосельский. Распространение крепостнического землевладения. — «Исторические записки», т. 4, стр. 21—40.

²⁵ ЦГАДА, ф. 1209. Столбцы по г. Шацку, № 34904, л. 54 (обычные речи).

лову и испомещены в Козловском же уезде. Да брата моего Ивана Микифорова сына Петина не стало дома в прошлых годах. А старые свои поместья отцовские покинули, и тебе, великому государю, о том поместье отцов своих о справке не били челом», — пишет он в своей челобитной²⁶. В челобитной Мартыяна Петина хорошо показана нелегкость службы на юго-восточной окраине, за которую он должен получить 300 четвертей земли: «В прошлом, государь, во 169 году на твоей, великого государя, службе в черкасских городах братьев моих Лаврентья да Федора Алексеевых детей Петинных крымские люди убили, а меня, холопа твоего, в то число... взяли в полон. И я, холоп твой, в полону в Крыму был 10 лет и всякую полонную нужу и голод терпел...»²⁷

Следует отметить, что при испомещении ему следует только незаселенная земля: «За Мартыном Тимофеевым сыном Петинным поместья 108 чети с третником — пусто. Поместной ему оклад в даче 156 году написан 300 чети. И у выписи Мартин Петин оприч того поместья за собой не сказал нигде. И добавить ему в оклад 192 чети без третника»²⁸. О рабочих руках помещики, очевидно, заботились сами, привлекая на пустые земли крестьян и поселяя в своих дворах дворовых людей.

Помимо рядовых служилых людей на юго-восточной окраине испомещались представители и крупных дворянских фамилий. Небольшие деревеньки и пустоши в Мещерских станах были только частью их земельных владений. «И в Шацких книгах... 154 и 155 и 156 года, и дописи и справки... 166 и 167 и 168 и 169 годов в Подлесском стану в поместьях написано за Иваном Степановым сыном Плещеевым треть сельца Матчина з жеребем на речке, на Контуре — пашни, добрые земли 72 чети бес третника; жеребий села Вострова Пластикова — пашни добрые земли 66 чети; жеребий пустоши Прудина — пашни добрые земли 35 чети. Да за Иваном же Плещеевым поместья вопче и братьями с Семеном да с Леонтьем по Вологодским книгам... Всего за Степаном Плещеевым было поместья и вотчин в Московском, в Шацком, в Володимерском, в Галицком, в Орзамасском, в Вологодском уездах 828 чети с полуосминой»²⁹.

За Василием Карбышевым, променявшим в 1677 г. свою вотчину в Звенигородском уезде на поместье в дер. Дракиной Темниковского уезда, числится поместий и вотчин «в разных городах», т. е. в Тульском, Рязанском, Ярославском, Елецком, Лебедянском, Епифанском, Вологодском, Суздальском и Веневском уездах 768 четвертей (65 крестьянских дворов)³⁰.

²⁶ ЦГАДА, ф. 1209, Столбцы по г. Шацку, № 34904, л. 60.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ ЦГАДА, ф. 1211 (Вотчинная коллегия). Книги старых лет по Москве, № 9865, д. 41, лл. 314—314 об., 322.

³⁰ Там же, № 9879, д. 28, лл. 443—453.

Среди мещерских землевладельцев встречаются, особенно к концу века, и фамилии феодальной знати, сосредоточившие в своих руках огромные земельные богатства. «За стольником за Васильем Григорьевым сыном Нарышкиным поместья по даче 201 году марта 16 числа, что ему дано жены его Анны, окольного Дмитрия дочери Яковлевича Стрешнева, пожиточное поместье в Касимовском уезде в Давыдовской волости з деревнями и с пустошми пашни 147 чети... Всего за Васильем Нарышкиным и за женою ево было поместий и вотчин в вышесказанных городах 2015 чети с осминою и с полчетвериком в поле, а в дву потому ж»³¹.

Таким образом, далеко не все хозяева мелких поместий Мещерского края принадлежали к мелкопоместному дворянству. Сведения писцовых книг по Мещерскому краю, сопоставленные с другими источниками, дают достаточно полное представление о социальном составе мещерских землевладельцев и характере их земельных владений.

Если статистический анализ писцовых книг дал нам возможность отметить процесс постепенного укрупнения поместных и вотчинных владений, насыщения их рабочей силой и очень заметного распространения вотчинной формы владения в крае, то «земельные дела» (делопроизводство Поместного приказа и Вотчинной коллегии, сохранившиеся в столбцах) позволяют раскрыть конкретные формы концентрации земель в руках отдельных фамилий путем мены, купли, наследования, получения приданого и т. п.

Так, в конце XVII в. «за окольным за Василием Федоровичем Стрешневым было родовых и купленных вотчин 1686 чети»³². Дочь Стрешнева продолжает скупать земли, о чем свидетельствует купчая от 16 марта 1706 г., данная ей стольником Н. Ф. Головиным, в которой читаем: «Продаю я окольному девице Татьяне Васильевне вотчину свою в Шацком уезде в Борисоглебском стану и жеребью села Кусмора и в жеребьях деревни Полутина и деревни Ларина со крестьяны с пашнею и с лесы и с санными покосы и со всеми угоды... А взял Иван у нее, у девицы Татьяны Васильевны, за ту свою вотчину денег 300 рублей...»³³

Затем имения Стрешневых в результате заключения брачного союза сливаются с владениями князей Хованских и Урусовых. В 1706 г. князь А. П. Хованский писал царю, что «зговорил я женитца окольного Василия Федоровича Стрешнева на дочери ево на девице Татьяне. А за нею вотчины, что после смерти отца ее окольного Василия Федоровича по разделу с сестрою ее, боярина князя Юрья Семеновича Урусова жены ево, боярыни

³¹ Там же, № 1278, д. 33, лл. 570, 595—595 об.

³² Там же, № 9872, д. 20, л. 192.

³³ Там же, л. 187.

княгини Ульяны Васильевны, ей, девице Татьяне, досталось в Московском уезде в Воре и в Корженеве стану деревня Евсейково, да в Ростовском уезде в Сотенском да в Екимовском станах село Никольское да село Сулот, да в Коломенском уезде в Большом Микулине стану сельцо Семибрацкое, да в Донском уезде на реке на Вязовке село Архангельское, да в Шацком уезде в Борисоглебском стану в жеребей села Кусмара з деревнями. Всемилостивейший государь, прошу вашего величества вели, государь, то вышеписанное поместье и вотчины по сей моей челобитной и по допросу ее, девицы Татьяны, за мною справиться и дать отказные грамоты»³⁴.

Таким образом, наблюдения над материалами Мещерского края приводят к выводу, что свободная, вновь осваиваемая земля захватывалась дворянством в фактическое владение, которое позднее оформлялось юридически как жалование верховного владельца — государства. Мы можем с уверенностью констатировать, что большая часть земли была захвачена помещиками или раздавалась государством «в пусте», т. е. незаселенной крестьянами. Около трех четвертей всей земли Мещерского края было в частном владении. Основной формой здесь было поместное землепользование, причем преобладали мелкие поместья. Однако наряду с мелкопоместными служилыми людьми земли были розданы и крупным землевладельцам. В течение XVII в. форма дворянского землевладения постепенно видоизменяется: наблюдается вытеснение поместной формы вотчинной, медленное укрупнение поместий и вотчин, заселение их крестьянами. Помещики приобретают право фактического распоряжения землей — осуществляют куплю, мену, отказывают наследникам и т. д.

---

³⁴ ЦГАДА, ф. 1211. Книги старых лет по Москве, № 9872, д. 20, л. 186 об.

ПОДМОСКОВНЫЕ ИМЕНΙΑ РУССКОЙ АРИСТОКРАТИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII — НАЧАЛЕ XVIII В.

Выяснение общего облика феодального поместья и вотчины имеет немаловажное значение для изучения основных черт и эволюции социально-экономического строя страны. В предисловии к своей содержательной монографии, посвященной хозяйству стольника Андрея Ильича Безобразова, А. А. Новосельский справедливо указывал на то, что «в организации и быту вотчин отражались общие хозяйственные условия страны, что внутри вотчин вырабатывались в значительной мере элементы социальных отношений и определялось положение крепостного населения — крестьян и холопов»¹. Важно также подчеркнуть, что всестороннее изучение имения и его внутренней жизни позволяет конкретно представить социальную структуру господствующего класса, выявить его общеклассовые интересы, наметить сдвиги в области феодальной культуры и быта. Нет нужды пространно объяснять, почему в первую очередь историка привлекают владения правящих кругов крепостнического Российского государства. Масса рядовых дворян в свободное от военных походов время оседала в своих селениях, представляющих поэтому собой и хозяйственные единицы и резиденции крепостников. Лица же думных и московских чинов постоянно находились на службе и не могли часто бывать в своих имениях.

К сожалению, отсутствие до последнего времени более или менее массового материала, включающего в себя конкретное описание имений светских феодалов², не позволяло исследователям всесторонне анализировать проблемы феодального хозяйства и быта в XVII в. Авторы имеющихся трудов о хозяйствах царя Алексея Михайловича, бояр Никиты Ивановича Романова и Бориса Ивановича Морозова, князей Черкасских, стольника Безобразова невольно были вынуждены обращать основное внимание на экономическое развитие имений по отдельным отраслям сельского хозяйства (зерновое земледелие, садоводство и огородничество, животноводство, рыбоводство, пчеловодство и др.) и промышленности (мукомольное дело, винокурение, поташное дело, металлургия и др.). Такой подход оказался весьма плодотворным, и проблема зарождения и развития феодального предпринима-

¹ А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М.—Л., 1929, стр. 3.

² Патриаршие и монастырские вотчины довольно специфичны по характеру владения и управления, так что исследование их хозяйства должно стать задачей специальных работ.

тельства в «новый период русской истории» заняла видное место в советской историографии. Получили также яркое освещение и такие темы, как управление светской вотчиной и связанный с этим крепостной режим. Немало сделано (хотя и недостаточно полно и повсеместно) в области изучения феодальных повинностей закрепощенного крестьянства. И все же наши конкретные представления о вотчинах и поместьях еще довольно далеки от необходимой полноты. Редколлегия сводного обобщающего труда «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век» (М., 1955), имея под рукой лишь описания царского, морозовского и безобразовского хозяйств, видимо, не решилась, хотя бы в основных чертах, нарисовать обычную картину имения и как хозяйственного центра, и как резиденции владельца (его усадьбы). В следующем томе «Очерков» была сделана попытка по опубликованным К. В. Сивковым источникам³ представить вид сельской вотчины, сохранившей (по мнению Е. Н. Кушевой) «в целом типичный старорусский характер»⁴.

До настоящего времени наши представления об имениях аристократии XVII в. сводились к следующему. До середины столетия те служилые люди, которые всецело были заняты придворной и государственной службой, обычно не имели возможности выезжать на длительное время в свои подмосковные имения. Так, боярин Н. И. Романов вел свое хозяйство в первой половине XVII в. по старине. Находясь постоянно при царском дворе, он не имел резиденции вне Москвы и не случайно при описаниях его сел мы находим «боярский двор, едва ли когда-нибудь видевший в своих стенах именитого хозяина и отличавшийся простотой»⁵.

Совсем по-иному стали выглядеть в середине XVII в. царское хозяйство Алексея Михайловича и владение его «дядьки». Царь имел несколько любимых резиденций под Москвой, но с. Измайлово занимало среди них особое место, ибо за 5—6 лет превратилось из захудалого селения в обширную усадьбу, представлявшую собой и место отдыха, и центр хозяйственной жизни и управления⁶. Такое внимание Алексея Михайловича к Измайлову и вообще ко всему хозяйству Тайного приказа являлось своего рода вызовом традиционному временипрепровождению монархов XVI — первой половины XVII в. в загородных дворцах и монастырях. Такую же картину можно наблюдать, обозревая обширное хозяйство боярина Б. И. Морозова по описным книгам 1667 г.

³ «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в.» М., 1951.

⁴ «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в.» М., 1954, стр. 203.

⁵ Е. И. Заозерская. Из истории феодальной вотчины и положения крестьян в первой половине XVII в.— «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», сб. IV. М., 1960, стр. 43.

⁶ А. И. Заозерский. Царская вотчина XVII в. М., 1937, стр. 188—189.

Облик всех его имений (за исключением с. Павловского Звенигородского уезда и, может быть, подмосковного с. Котельники) свидетельствует об их сугубо хозяйственном назначении. Сам временем никогда не посещал их, и обычно вотчинниковы дворы занимали приказчики⁷. А вот с. Павловское явно напоминает царское Измайлово. Наряду с хозяйственными функциями (и сельскохозяйственными и промышленными) «это село было подобием подмосковной дачи», куда Морозов «выезжал для развлечений, устраивая здесь пиры, приглашая в гости московских бояр, а иногда и самого царя»⁸.

Напрашивается вопрос, остались ли увлечения Алексея Михайловича и его воспитателя отдельным эпизодом или они упали на подготовленную почву и вызывали подражание. Для ответа необходимо привлечение новых источников, к каковым мы и обратимся.

В XVII в. поместья и вотчины знати недалеко от столицы располагались в основном в Московском и Звенигородском уездах, излюбленных для думных и московских чинов. Особняком стоит фигура А. И. Безобразова. Стольник устроил свою усадьбу довольно далеко от столицы в белевской вотчине (немаловажную роль при этом сыграло его умение отлынивать от службы и часто выезжать в свое имение для поправки здоровья). Описание этих владений попробуем взять из отписных и отказных книг Поместного приказа. Большинство таких книг по Московскому уезду (их свыше 5 тыс.) содержит лишь перечень населенных пунктов и дворов. Примерно в 200 книгах находим либо записи о постройках на господском дворе, либо сведения о происхождении дворовых людей, либо данные о поголовье помещичьего скота. И лишь около 100 книг содержат в себе более или менее подробные описания феодального хозяйства в целом (церкви и их убранство, хоромы землевладельца, служебные постройки, население господского, скотного, конюшенного дворов, поголовье скота и птицы, запасы обмолоченного и необмолоченного зерна, имущество и хозяйственный инвентарь, размеры господской запашки, сведения о садах, огородах, мельницах, прудах с рыбой, разного рода заведениях и т. д.). По Звенигородскому уезду описаний совсем мало (7 книг).

Для настоящего исследования выбраны 21 московское и одно звенигородское имение шести фамилий московской знати. Выбор обусловлен тем, что до нашего времени дошло несколько разновременных описаний селений этих феодалов в 23 отказных и отписных книгах. Это дает возможность наметить изменения в облике поместья и вотчины. Книги по подмосковным имениям других земельных собственников не вносят особых коррективов.

⁷ «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. I. М.—Л., 1940, стр. 11—84.

⁸ Д. И. Петрикеев. Крупное крепостное хозяйство XVII в. Л., 1967, стр. 46.

В 1666 г. отписали во Дворец четыре вотчины стольника Ивана Глебовича Морозова, которые он унаследовал от отца, брата воспитателя царя Алексея Михайловича.

В основном эти вотчины имели хозяйственное назначение. Село Усово на р. Москве Сегунского стана не являлось резиденцией владельца. На боярском дворе жил приказчик. В погребе хранился хозяйственный инвентарь (7 сох с полицами, 8 полиц сошных, 5 серпов, 7 хомутов). На конюшенном дворе имелись лишь пахотные лошади (2 мерина, 2 кобылы). Немало скота и птицы содержалось на скотном дворе (корова немецкая, 12 коров дойных и 5 яловых, 7 быков, 13 телят, баран и 2 овцы ордынские, баран и 24 овцы русские, коза и 3 козленка, 9 свиней, 3 гуся, 5 уток, петух и 2 курицы индейские, 11 кур русских). В восьми житницах, расположенных напротив боярского двора, было 18 четей с осьминой ржи, 1 четь яровой ржи, 105 четей овса, 15 четей житара, 9 четей пшеницы, около 3 четей гороха, 2 чети солода ячного, немного семени льняного и конопляного. Имелся и необмолоченный хлеб (скирд и одонье ржи, одонье ржи «ярой», одонье пшеницы, 2 скирда и одонье овса). На боярской пашне высеяно боярского хлеба 63 чети ржи на площади 31½ дес. Помимо барщины крестьяне (9 дворов — 37 человек м. п.) давали столовый доход с 5 осьмаков (с осьмака полагалось в год по барану, по пуду свиного мяса, по куренку, по 20 яиц)⁹.

В 1672 г. село отказали стольнику и московскому ловчему Афанасию Ивановичу Матюшкину. Облик вотчины почти не изменился. Житниц стало шесть, но, судя по хлебным запасам (36 четей ржи, 7 четей ржи «пушной», 19 четей ржи ярицы, 70 четей овса, 6 четей ячменя, 3 чети пшеницы, четь конопляного семени), барщина сохраняла свое значение¹⁰.

Чисто хозяйственный облик носило и сельцо Игнатовское, Гузынино тож, на р. Пахре Шахова стана. Все постройки вотчинникова двора состояли из трех избенок. Здесь же хранились 5 сошников с полицами. Лошади (9 мерин и 2 кобылы, пригнанные из другой вотчины), скот и птица (баран и 13 овец, 3 борова и 10 свиней, 2 гуся и 8 гусынь, 2 селезня и 8 уток племенных) содержались на боярском дворе. В трех житницах отмечено 3 осьмины ржи ярой, 8 четей пшеницы, 2 чети муки пшеничной, 15 четей ячменя, немного семени льняного и конопляного, а также привозного из Москвы овса 80 четей. На Пахре работала мельница. На владельца местные крестьяне (3 живущих и 2 пустых двора; в дер. Горка — 3 живущих и пустой)

⁹ ЦГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ), оп. 190, д. 9838, лл. 136—149 об.

¹⁰ Там же, д. 9836, лл. 718—723.

посеяли ржи 10 четей; деловые люди «пахали, приходя из иных вотчин», — 17 четей¹¹.

По дер. Высокая Грязь Звенигородского уезда (4 крестьянских двора — 11 человек м. п.) отписные книги 1666 г. не дают подробных сведений¹².

Судя по описаниям другого имения, боярин Глеб Иванович Морозов не остался в стороне от новшеств по благоустройству подмосковных имений как пригородных резиденций. Пример брата в первую очередь должен был затронуть его родню.

Сохранилось несколько описаний села Зюзино (Скрябино и Скарятино тож Почернева стана — ныне вошедшее в черту Москвы). Село было купленной вотчиной боярина князя Алексея Юрьевича Сицкого. В 1644 г. оно было отказано его тестю боярину Г. И. Морозову. В год отказа отмечены дворы вотчинника, приказчика, скотный, конюшенный, 8 дворов конюхов и псарей, 3 двора деловых людей, 3 крестьянских и 4 бобыльских. Очевидно преобладание дворни в подмосковном селе. После смерти Сицкого почти все дворы «конюховы и псарские» запустели, так как люди «сошли»¹³.

В 1666 г. вотчина, перешедшая к сыну боярина Глеба Ивановича, Ивану, была конфискована Дворцом. По отписным книгам, в селе стояла деревянная церковь. Боярские хоромы состояли из двух белых горниц на подклетах и двух сеней. В хоромах пол «писаной шахмат». На дворе отмечены также сушило (под ним погреб), 3 сарая конюшенных. В большом саду, занимавшем площадь до 2 десятин, стояли мыльня белая с сенцами и 2 избушки. На боярском дворе отписчик заметил 3 павлина и 2 «павы». В сушиле хранились 5 сох с полицами, 3 топора, 7 отрезов, 2 кочерги. Скот и птица содержались на скотном дворе (мерин, бычок, 9 коров, 6 телят и подтелков, баран, 12 овец, 2 козла, 5 коз, 8 свиней, 9 гусей, 2 гнезда кур индейских, петух и 12 кур русских). В том же саду устроили три житницы, в которых хранилось 8 четей с осьминой ржи, 8 четей с четвериком пшеницы, 30 четей овса, почти 31 четь ячменя, 2 четверти с осьминой ярицы, осьмина гречи (осьмина гороха и четь льняного семени отмечены на боярском дворе). На гумне хлеба не было, отмечен только стог сена. На боярской земле посеяли 37 четей ржи, а «на боярина денежного доходу и мельнишного заводу никакого не было» (по показаниям старосты и крестьян). В овраге было устроено 4 пруда с карасями. В селе стоял сарай в 15 сажен с ломаным кирпичом и 100 возами извести (очевидно, готовились к постройке каменной церкви). Крестьянских домов отмечено 10¹⁴.

¹¹ Там же, д. 9838, лл. 160—169.

¹² Там же, оп. 194, д. 11872, лл. 647—650.

¹³ Там же, оп. 190, д. 9833, лл. 835—837 об.

¹⁴ Там же, д. 9838, лл. 128—133.

Как видно, с. Зюзино, оставаясь хозяйственным центром, в то же время стало выделяться роскошным убранством боярских хоров и большим садом. Все это, равно как и наличие павлинов на боярском дворе, наглядно свидетельствует об устройстве здесь усадьбы.

Через 18 лет, в июне 1684 г., дворцовое село пожаловали боярину и дворецкому князю Василию Федоровичу Одоевскому. От боярского двора ничего не осталось. Сохранился сад на 1½ десятины с яблонями, грушами, сливами, вишнями. За садом следил садовник, получивший 4 чети пашни. В двух ветхих житницах хранились 14 четей с четвериком ржи, 4 чети овса. Гумно занимало $\frac{2}{3}$ дес. На вотчинной земле посеяли 6 дес. ржи и 6 дес. овса (хлеб был отдан человеку Одоевского). Отмечены заповедная роща сосновая ($10\frac{3}{4}$ дес.) и роща осиновая (60 дес.). Население осталось почти на том же уровне: в 11 дворах проживали 11 крестьянских и 2 бобыльских семьи¹⁵. За время нахождения в дворцовом ведомстве господское хозяйство явно шло на убыль.

Появление ряда описаний подмосковных имений связано с событиями московского восстания 1682 г., когда во Дворец перешли земли тех представителей правящих кругов, на которых обрушился гнев стрельцов. Рассмотрим владения братьев Грибоедовых и князей Долгоруких.

В Замыцкой волости стрелецкий полковник Семен Федорович Грибоедов владел сельцом Перфириха. Вотчинник здесь не жил, на его дворе отмечены приказчик, староста, деловой человек, сиротский сын, крестьянин с четырьмя сыновьями. Здесь же содержались 2 мерина, бык, корова дойная, 7 овец, 11 уток. Было посеяно 4 чети ржи и 5 четей овса¹⁶. В сентябре 1683 г. сельцо вернули стольнику Григорию Федоровичу Грибоедову. По осмотру на полудесятине людской пашни посеяли овес и ячмень¹⁷.

Такой же облик имела дер. Рюмино Жданского стана, где на вотчинниковом дворе в двух черных избах жил дворовый деловой человек с сыном. Под их присмотром были кобыла с жеребенком, 2 коровы дойных, бычок, теленок, 8 овец, 3 свиньи, 8 гусей, 3 курицы индейских. Отмечены хмельник и огород с коноплей (на пол-осьмины). Посевы составили 4 чети с осьминой ржи, 8 четей овса и ячменя. Деревня состояла из трех крестьянских дворов — 15 человек м. п.¹⁸

Опять перед нами обычные вотчины хозяйственного назначения. Иначе обстояло дело с одной подмосковной деревней.

В августе 1671 г. вотчина стольника Матвея Григорьевича Кокорева пустошь Перепечино и дер. Акишево Горетова стана

¹⁵ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 191, д. 9843, лл. 981—994 об.

¹⁶ Там же, д. 9844, лл. 738—739.

¹⁷ Там же, д. 9843, лл. 666—667 об.

¹⁸ Там же, д. 9844, лл. 735—738.

были отказаны полуголове московских стрельцов Ивану Федоровичу Грибоедову с братьями. Хоромы вотчинникова двора состояли из тройни на жилых подклетах и повалуши; отмечены также поварня, 2 чулана людских и 2 житницы. На скотном и конюшненном дворах стояли избы, сарай и чуланы людские. Всех крестьян (10 дворов) Кокорев вывез за день до отказа. Была увезена и сжатая рожь. Отказчик отметил посеvy пшеницы (полдесятины), ячменя (2¹/₂ дес.), овса (1 дес.); а в огороде, по его словам, «насеяно ячменя и насажено капусты»¹⁹.

15 июля 1682 г., в разгар стрелецкого восстания, вотчина стрелецкого полковника С. Ф. Грибоедова дер. Акишево была конфискована. По отписным книгам вотчинников двор предстает перед нами более благоустроенным, чем ранее. Горница с комнатой, сени, светлица, 3 чулана устроены под одной кровлей, «крыты патром». Хоромы имели большие окончины стекольчатые. Из мебели отмечены кресла, 3 стола дубовых, походная кровать. На дворе имелись также мыльня, 2 погреба с напогребницами, поварня, конюшня, над которой возвышались 2 сушила, избы людская и приворотная. Все было окружено забором. В трех житницах, стоявших на этом дворе, хранилось имущество (2 «шетрика» и палатка турецкие, палатка «отходная» с полами, скляничная посуда — 14 мест), хозяйственный инвентарь (10 кос, 13 серпов, 10 хомутов, 7 шлей, 5 тулиц), немного зерна. На скотном дворе стояли 3 избы и 7 чуланов людских, 2 житницы, 3 сарая конских и 3 коровьих. Здесь жили приказчик и деловые кабальные люди, на попечении которых значилось 3 жеребца, 2 кобылы, 3 кобылицы (в том числе «аргамачьих» и «черкаских лошадей»), 9 мерин, жеребенок, бычок, 2 коровы, 7 овец, 4 козы, 9 свиней и 6 поросят, 11 кур индейских, 11 уток, 3 гуся. В полях было посеяно 30 четей ржи, четь ярицы, 50 четей овса, 11 четей ячменя, 3 чети пшеницы, осьмина гороха, осьмина льна, 5 четвериков конопли. В деревне отмечены 4 крестьянских двора — 14 человек м. п.²⁰

Описание этой усадьбы дополняет социальный облик полковника, замучившего подчиненных ему стрельцов поборами и повинностями²¹.

В ноябре 1676 г. видный государственный деятель боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукий получил в вотчину дворцовое с. Степановское Горетова стана Московского уезда. Боярин застал здесь разностороннее дворцовое хозяйство, охватившее и земледелие, и животноводство, и рыбоводство. В селе стояли приказная изба и дворы конюшненный, воловий, приказчиков. На конюшненном дворе находилась рубленая конюшня на 8 стойл и амбар, а по сторонам 4 денника; к двору примыкало остожье

¹⁹ Там же, оп. 190, д. 9836, лл. 432—438.

²⁰ Там же, оп. 191, д. 9844, лл. 728—732 об.

²¹ В. И. Буганов. Московские восстания конца XVII в. М., 1969, стр. 90—94.

(огороженное место) с двумя амбарами, где хранились 5 пивных чанов и около 50 возов «льну намятого». На воловьем дворе в двух избах жили 2 скотника, на руках которых были баран, 6 овец, 11 гусей, 17 уток, 12 кур индейских и 40 русских. Постройки на приказчиковом дворе состояли из двух изб — белой и черной, сеной между ними, бани, амбара, погреба, житницы, приворотной избы. Хлеб прошлых лет и «нынешнего году» лежал в кладях (2 кладя ржи, в них «по опыту» 250 четей; 2 кладя овса, в них по опыту 350 четей; 50 четей ячменя). В селе было шесть житниц, но переписчик не отметил наличие обмолоченного зерна. На лугах в стогах было 800 копен сена и 50 копен осоки.

Село выделялось прудовым хозяйством. В шести громадных прудах длиной 70, 100, 110, 120 сажень, шириной 20, 25, 30, 50 сажень водились лини, караси, лещи, окуни, язи, головли, стерляди, плотицы, щуки. Высота одних прудовых плотин — 4—5 аршин, других — $1\frac{1}{2}$ —3 сажени. Кроме того, в одном пруду не было рыбы; два пруда стояли без воды; один небольшой пруд заволокло тиной, а еще пруд «зачат делать, а не свершен», площадью 100 на 32 сажени.

Крестьяне (8 дворов) и бобыли (13 дворов) были поселены здесь лишь за два года до отказа имения Долгорукому (всего 61 человек м. п.). Ранее они проживали в селах Павловское, Рождественное и в сельце Косткино. К моменту их перевода в Степановском числилось 500 дес. пашни. Новопоселенцы засеяли для дворца на 65 дес. 130 четей ржи; остальная земля была роздана крестьянам либо лежала «в пусте»²².

Спустя три года, при отказе села князю Михаилу Юрьевичу, отмечено расширение барского хозяйства. На приказчиковом, конюшенном и скотном (бывшем воловьем) дворах стояли те же постройки. А остожье стало теперь остожненным двором с двумя сараями «кладовыми». На скотном дворе жили деловой человек и две вдовы с взрослыми сыновьями; подле приказчикова двора находились 4 ветхих избы, крытые соломой, в которых «на месячине» проживали 5 деловых людей. В соответствии с новыми переписными книгами 1678 г. отказчик насчитал 5 крестьянских и 13 бобыльских дворов. Кроме того, два двора принадлежали нищим, у которых жили подсоседники²³.

20 августа 1682 г. с. Степановское было отписано на государей и приписано к дворцовому с. Павловскому. По отписным книгам особых изменений среди построек приказчикова, остожненного, скотного и конюшенного дворов не наблюдается. Лишь указано, что у приказчика белая изба — новая сосновая — размером $3\frac{1}{2}$ саж. с двумя красными окнами и пятью волоковыми. В этой избе печь кирпичная, стол, скамья, 2 иконы. В житнице

²² ПГАДА, ф. 1209, оп. 190, д. 9840, лл. 1610—1616.

²³ Там же, оп. 191, д. 9841, лл. 638—643.

кадь осьминная «орленая торговой меры», в погребе новый стан, «что бьют масло». На остоженном дворе в сарае у особого целовальника «в приеме» было 14 сох «насаженных с сошниками и с полицами, 10 сох изорков не насаженных, 3 сошника новых не насаженных», 7 полиц, 9 кос, «косная снасть», паковальня, долото, молоток, 6 пешен ледовых, 3 крюка, 3 заступа железных, 19 серпов, 30 борон, 15 топоров, безмен, 14 замков, 10 телег, 10 саней и прочее боярское хозяйственное имущество. Позади боярского двора огород (посажена капуста и «всякие овощи»). Поголовье скота заметно возросло: 3 жеребца, 4 буйвола, бык, 2 коровы дойные, 2 петели, 9 телят, племенной бран, 17 овец, 12 ягнят, 19 свиней и боровов. Прибавилось и птицы: 20 гнезд гусей, 7 «утенков», петух и 10 кур индейских, 22 курицы русские. Готовых хлебных запасов оказалось мало (10 четей муки ржаной). На огороженном плетнем гумне стояли 5 овинов, половня, житница. Из семи прудов в пяти водилась рыба. Возле прудов поставлена пивоварня. Это новый штрих в хозяйственном облике имения, свидетельствующий о тенденции к переработке продуктов на месте.

Все это хозяйство обслуживали проживавшие в особых дворах и избах 2 деловых человека, 8 конюхов, прудовой сторож и земский дьячок с семьями. Всем им дано «на прокормление» по корове, а некоторые получали и мясину (один — осьмину ржи в месяц и 3 руб. в год; другой — по 6 четвериков ржи в месяц и 2 руб. 30 алт. в год; двое — осьмину ржи в месяц, рубль и пуд соли в год). Четверым было дано «на завод» по 5 кур «старых», а у них «велено имать на бояр молодых по 10 куриц, по 150 яиц на год». Тем конюхам, которые служили «по кабальному холопству», были даны отпускные, а конюхи, бывшие когда-то крестьянскими детьми из с. Степановского и с. Писцово Костромского уезда, видимо, оставлены в имении. Деловые же люди и прудовой сторож были (как выяснилось) взяты из бобылей с. Дмитровского Звенигородского уезда.

В селе стоял 21 крестьянский двор; «тягла под ними 11 осьмаков», а всего «иметца выть с полувитью без получетверти». По показаниям приказчика, старосты и целовальника, крестьяне засеяли на бояр на 80 дес. 160 четей ржи, на 60 дес. 242 чети овса, на 10 дес. 30 четей ячменя, на 3 дес. 7 четей пшеницы, на $1\frac{1}{4}$ дес. четь с осьминой гороха, на 1 дес. 2 чети с полuosьминой льна, на $1\frac{1}{4}$ дес. 2 чети с полuosьминой конопли (четь боярской меры была равна 6 четверикам осьмипудовой торговой меры, т. е. 6 пудам). К моменту описания почти вся рожь (кроме $1\frac{1}{4}$ дес.) была сжата, а овес жать еще не начинали. Сжатая рожь стояла в кладях и скирдах на гумне и в полях; позади конюшенного двора еще осталась кладь ржи ($16\frac{1}{2}$ на $2\frac{1}{2}$ саж.) «ужину» прошлого года.

Крестьяне «пахивали» на князей по $1\frac{1}{2}$ дес. на осьмак в поле, а сенные покосы по лугам косили «згоном». Сюда же на

барщину приходили крестьяне звенигородского с. Дмитровского. На сенокос к местным крестьянам «в прибавку на помощь... присылаваны были по его боярскому указу работников из ыных сел человек по сороку и больши». Обработка льна и конопли являлась третьей (после пахоты и сенокоса) повинностью крестьян и деловых людей (с последних «емлетца» в год по 20 арш. покосни с человека). От денежного и продуктового оброка крестьяне были освобождены.

Через несколько дней, 26 августа, село вновь было возвращено семейству Долгоруких по помете на челобитной думного дьяка Федора Леонтьевича Шакловитого ²⁴.

Как видно, с. Степановское являлось хозяйственным центром князей Долгоруких (подобно имениям других знатных людей середины XVII в.). Нет никаких следов пребывания владельцев в этом селе. Совсем по-иному выглядит долгоруковская звенигородская вотчина.

Расположенное по берегам Истры с. Дмитровское, Гусьево тож, с деревнями Тимонино и Грибаново Городского стана Звенигородского уезда могло похвастаться многими именитыми владельцами. После смерти великой старицы Марфы село приглянулось всесильному патриарху Филарету, и по его приказу в 1631 г. дворецкий Алексей Игнатъевич Зубов, тиун Федор Соболев, строитель Савво-Сторожевского монастыря Иоасаф Пестриков ездили «для описи и меры десятинной домовою и крестьянской пашни и покосов». По их описным и мерным книгам в патриаршем селе и в дер. Тимонино стояли деревянная церковь и 3 двора причетников, двор воловий, двор приказчика, 36 крестьянских и 3 бобыльских двора ²⁵. Затем патриаршая вотчина перешла во Дворец.

В 1676 г. дворцовое село с двумя деревнями отказано в вотчину Ю. А. Долгорукому. Отказные книги раскрывают перед нами картину заурядного дворцового владения, доставшегося князю. Та же деревянная церковь и 3 двора причта. На «государевом» дворе (где, видимо, жил приказчик) стоят избушка и тесовые сени. В селе и деревне Тимонино теперь уже 51 крестьянский двор, а бобыльских дворов нет — 9 бобылей «живут на тех же дворах переходя» (в дер. Грибаново 7 крестьянских дворов, а по писцовым книгам 1620-х годов было 3 двора). Всего в имении 257 человек м. п. ²⁶

Спустя три года, при передаче села сыну князя боярину Михаилу в 1679 г., здесь вырастает обширный господский двор (описание его построек занимает около 3 листов). На дворе стоят «двои хоромы боярские», т. е. два комплекса построек, состоящие из поземных горниц с комнатами, крытыми тесом «по полатному» и столовой горницы, крытой драбью. Горницы соединялись

²⁴ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 191, д. 9843, лл. 262—270.

²⁵ Там же, оп. 194, д. 11871, лл. 1139—1141.

²⁶ Там же, оп. 190, д. 9840, лл. 1593—1609.

сеними с крыльцами» (рундуками) и лестницами; сени увенчивались чердаками с шатровыми верхами (это был второй ярус хором). В хоромаш отказчик насчитал 6 печей «муравленных» (облицованных глазурированными изразцами); печные трубы были «вверх выше кровли выведены и обелены». Все 8 дверей обиты сукном лазоревым и зеленым, дверные крюки и скобы луженые. В светличные окошки вставлены 33 окончины слюдяные. На дворе находились также мыльня, поварня, ледник, погреб, амбарец «запасной и посудной», «сарай каретный» и пр. Во всех строениях висели 80 икон «штилистовых неокладных, писаны разными лицами». Княжеские постройки огорожены от села забором, а от Истры — решеткой. Как видно, перед нами уже богатая и обширная усадьба. И перечень хорм и их убранство позволяют считать, что имение являлось резиденцией владельцев. Трудно сказать, имеется ли связь между расцветом боярской усадьбы и демографическими сдвигами. Число крестьянских дворов снизилось до 47; вновь появились бобыльские дворы (12), жители которых совсем недавно отмечались как крестьяне²⁷.

После убийства князей в майские дни 1682 г. земли наследовала вдова княгиня Федосья, а затем они перешли во Дворец. В январе 1683 г. их пожаловали патриарху Иоакиму «в дом и кто по нем впредь будут в вотчину». Все имение носит живые следы хозяйствования Долгоруких. К церкви теперь пристроена деревянная трапезная с двумя шатровыми верхами, крытыми тесом. У притча пашни нет, он получает денежную и хлебную ругу. В отказных книгах указан размер «вотчинникова» двора (53 на 13 саж.). Хоромы крыты тесом и дранью. Печи были «муравленные» зеленые (угольчатые и круглые). Во всех жилых и служебных постройках висели иконы. В одной комнате прибито на стенах 10 «личин розных, писаны на полотнах разными красками», в том числе «притча Иосифа Прекрасного», «целомудрия весна», «правда», а «достальные немецкие личины». Это уже светская живопись, хотя и на библейские темы. Среди мебели отмечены столы дубовые и сосновые с ящиками (один стол «столярного дела, писан разными красками по черной земле»), скамьи сосновые, поставцы, расписанные красками (один поставец «о четырех затворах» с 12 ящиками). На берегу Истры «заведен был вновь» сад площадью 37 на 25 саж., огороженный забором и плетнем. В нем насчитали 40 яблонь молодых, 4 вишни, 2 «дерева чернослива», 2 куста смородины красной, 4 «гряз-

²⁷ Там же, оп. 191, д. 9841, лл. 643 об., 658 об. По переписным книгам 1678 г. у князей числилось 1958 дворов, в том числе в Московском уезде — 41 двор, в Звенигородском — 87 (А. А. Новосельский. Роспись крестьянских дворов, находящихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей по переписным книгам 1678 г. (далее — А. А. Новосельский. Роспись...). — «Исторический архив», 1949, т. IV, стр. 125).

ды» смородины черной и гряда белой. «Почат был копать» пруд и «учинена» плотина.

Отказчик отметил 62 крестьянских двора, избенку вдовы-бобылки, а также трех пастухов и одного захребетника. Вряд ли за несколько лет зарегистрированные ранее бобылки поправили свое благосостояние. Скорее мы имеем дело с особенностями учета населения дворцового ведомства, при которых все дворы переводились в разряд крестьянских. Во всех дворах проживало 237 человек м. п. Общий размер тягла $5\frac{1}{4}$ вытей. По сказке крестьян в самом имении не было господской запашки, «а пахали они десятинную пашню на вотчинника в селе Степановском», расположенном в Московском уезде. На Истре были два перевоза «на вере» у здешних крестьян, которые собирали деньги с проезжих людей²⁸.

В отличие от с. Степановского данные книг показывают нам с. Дмитровское как княжескую усадьбу (резиденцию). Хозяйственное значение вотчины как бы отходит на второй план. Все подчинено приему и проживанию феодала, приезжавшего на отдых от придворной и служебной деятельности.

Наиболее рельефно изменения в облике имений прослеживаются по селам и деревням стоявшего во главе правительства при царевне Софье боярина князя Василия Васильевича Голицына. При царе Федоре у Голицына по существу не было земель в Московском уезде. Судя по отписным книгам 1689 г., составленным вскоре после опалы князя, за короткое время Голицыну удалось приобрести недалеко от столицы 9 цветущих вотчин²⁹. Обратимся сначала к селам, имевшим сугубо хозяйственное назначение.

Село Битягово в Замыцкой и Растовской волостях, принадлежавшее прежде думному дворянину Ивану Степановичу Телепневу, Голицын украсил каменной церковью. Крыша церкви крыта тесом, 6 глав «обиты» черепицей зеленой, деревянные кресты покрыты белым железом. Отписчик насчитал 14 оконниц стеклянных. Видимо, для церковного строительства в селе устроили кирпичный сарай (в нем 5 тыс. штук «деланого и обженого кирпича») с печью («в ней 5 устей, что обжигают кирпичи»), а также кузницу. Среди имущества записана «каменная снасть» (2 лома, кулак, кирка, желоб).

Вотчинников двор здесь по количеству построек выглядит скромно (2 горницы белые и повалуша, соединенные сенями, баня, поварня, погреб, ледник, воротная изба). Бросается в глаза хозяйственное назначение села. Не случайно отписчик отметил

²⁸ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 194, д. 11871, лл. 1115—1154.

²⁹ В 1678 г. за князем в Московском уезде числился только один двор (А. А. Новосельский. Роспись..., стр. 124—125), а всего 832 двора (В. И. Буганов. «Канцлер» предпетровской поры.— «Вопросы истории», 1971, № 10, стр. 155).

котлы для варки пива; сошники, косы и серпы; хомуты «паханные». На вотчинниковом дворе находились два станка масляных, «а в них бьют масло конопляное»; на гумне омшеник «солодовый». Вблизи двора стоял сад (по смете, с десятину), где росли яблони, груши, сливы, вишня, смородина, и еще «огородец с вишнями». Скот и птица содержались на конюшенном дворе. Среди лошадей отмечены 9 «паханных» мерин, а также 2 ногайских иноходца, 5 жеребцов и 2 кобылы. Здесь же находились 20 волов черкасских (видимо, в подражание дворцовому образцу), 20 овец, 13 свиней, гнездо лебедей, 3 гнезда уток, 7 гнезд гусей. Житный двор был огорожен стоячим тыном с острыми верхами. Здесь стояли 7 трехсаженных житниц березовых и сосновых, крытых соломой. Хлеба отмечено мало: 5 четей овса, 15 четей ячменя, 3 чети пшеницы. Напротив вотчинного двора на площадке в 40 сажен находился необмолоченный старый и новый хлеб: 20 скирдов ржи (всего 1938 копен), 2 скирда овса (130 копен) и скирд ячменя (100 копен). На р. Рожая стояла мельница с двумя жерновами и при ней жил в избе мельник.

В селе было 4 двора деловых и кабальных людей (в том числе кузнеца и конюха), 27 крестьянских дворов, да еще в двух деревнях — 13 крестьянских дворов³⁰.

При передаче сел в марте 1690 г. Петровскому монастырю, «что на Москве у Петровских ворот», помимо вотчинникова, житного (6 житниц со всяким хлебом) и конюшенного (здесь содержались жеребец, 15 лошадей «рабочих», 19 волов черкасских) дворов отмечены также двор скотный, где жили дворовые люди, и двор коровий, где жили конюх и коровница. На коровьем дворе, кроме отмеченных ранее овец, свиней и птицы, зарегистрировано 6 коров (в том числе 3 дойные), а на скотном — «омшеник пчельной» с 9 ульями пчел. Мельницу теперь арендовал Иван Елиссев, «вольной, живет ис помолу»³¹.

Большой княжеский двор стоял в с. Ознобишино (по крестьянскому «прозванью» Троицкое) Замыцкой и Растовской волостей (69 крестьянских и бобыльских дворов). 12 «житей»³² с отхожими горницами соединялись тремя сенями. В окнах были вставлены двойные и «одинакие» окончины стекольчатые. Среди других обычных построек (баня, поварня, ледник и т. д.) впервые встречаются изба скатертная и изба приспешная (ее назначение пока определить трудно). Видимо, для Голицына на первом месте стояло хозяйственное назначение вотчины. Здесь отмечены житницы с хлебом, мельница на р. Моче, дворы конюшенный и скотный,

³⁰ «Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках» (далее — «Розыскные дела»), т. 4. СПб., 1893, стлб. 377—388.

³¹ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 191, д. 9846, лл. 647—657.

³² Видимо, это жилые горницы, так как по другому описанию отмечено именно 12 горниц. Однако встречаются и такие определения, как «горница о трех житях», позволяющие думать о жилых перегороденных помещениях.

двор, где содержалась птица, «пивоварный» двор, пруд с рыбой³³.

Село Савинское Почернева стана имело только хозяйственное назначение. В вотчинниковом дворе жили 4 крестьянских сына. На р. Черной стояла мельница и 2 пруда. В селе и деревне отмечено 12 крестьянских дворов³⁴. То же мы видим в сельце Воскресенском на р. Малая Истрица Сурожского стана. Здесь княжеского двора не было. Приказчик, скотник и конюхи жили на скотном дворе. Отмечены также 4 двора задворных (кабальных) людей и 4 крестьянских. Скота и птицы было немало (4 мерина, 5 кобыл, 2 жеребенка, 14 волов черкасских, 15 подтелков, 2 барана, 30 овец, козел, 7 свиней, 5 гусей, 26 уток, 8 кур индейских и 7 русских). В двух житницах хранилось 14 четей ржи, 3 чети пшеницы, 42 чети овса, 2 чети гороха, 4 чети житаря, 2 чети конопли, осьмина льняного семени, 2 пуда шерсти небитой. На гумне и лугах стояли скирды ржи и овса, и стога сена³⁵.

В. В. Голицын обращал внимание на украшение с. Булатникова Ратуева стана. Рядом с ветхой деревянной церковью «о пяти верхах» почти закончена постройка каменной церкви. Отписчик отметил приготовленные для стройки аршинный и трехаршинный белый камень, бут, кирпич, лоцади (отесанный камень или плиты), известь и «иной припас». Для церковного строения на конюшенном дворе держали 8 пахотных лошадей и 4 «возника темносерых». На скотном дворе отмечены 20 быков, коров, подтелков, 20 свиней, 24 гуся, 5 лебедей, олень. На гумне стояли 4 скирды ржи и скирд овса, на лугах — 4 стога сена. В селе насчитали 26 крестьянских дворов³⁶.

Может быть, со временем князь думал построить здесь и вотчинников двор, но по описанию перед нами обычная хозяйственная единица.

Сельцо Бережки Растовской волости являлось только средоточием хозяйственной жизни. На боярском дворе жили приказчик, два дворовых человека и скотник. Княжеских хоромов не было. На конском и скотном дворах содержались конь приказчика, 7 пахотных лошадей, 4 быка, 5 коров, 4 подтелка, 18 овец, 17 свиней, 16 гусей, 6 утят, 6 кур индейских. В житнице помимо обмолоченного овса, ячменя и пшеницы хранились 8 сошников, 13 серпов, 10 кос, 8 хомутов. На гумне стояли 2 скирды ржи, 3 копны пшеницы, овса и ячменя. В деревнях Бережки и Мерзлякино отмечено 6 крестьянских дворов³⁷.

Голицына, человека склонного к новшествам, не могли не привлечь черты нового в образе жизни царя Алексея Михайловича и боярина Морозова. К тому же его положение безраздельного гла-

³³ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 191, д. 9846, лл. 657 об.—679; «Розыскные дела», т. 4, стлб. 389—392.

³⁴ «Розыскные дела», т. 4, стлб. 356—357.

³⁵ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 191, д. 9847, лл. 452—457 об.

³⁶ «Розыскные дела», т. 4, стлб. 350—353.

³⁷ Там же, стлб. 394—395.

вы администрации позволяло переустраивать подмосковные имения с еще большим размахом.

Подгородной боярской вотчиной долгое время было с. Медведково Манатына, Быкова и Коровина стана по р. Яузе (ныне вошедшее в территорию Москвы). Оно являлось старинной вотчиной князя Дмитрия Михайловича Пожарского и в 1644 г. перешло к его сыновьям стольникам Петру и Ивану. Пожарский построил здесь каменную церковь с шатровым верхом. Возле церкви стояли 5 дворов причетников. Близ вотчинникова двора находились 11 дворов деловых людей и только 4 крестьянских двора. Такое соотношение холопов и крестьян характерно для пригородной вотчины. Официально в селе отмечена только боярская и людская пашня, крестьянской не было. На берегах Яузы стояли 2 мельницы (двух- и одноколесная) «на боярский обиход». В полях было устроено четыре пруда «копанных, а рыба в них всякая». Сыновьям была также отказана выслуженная их отцом вотчина дер. Поповская, Выползово тож, на Яузе (бывшая когда-то в составе дворцовой Тайнинской волости). Здесь стоял скотный двор, в котором проживали 3 деловых человека, и запустевший двор беглого крестьянина. В дер. Филино отмечено 6 живущих и один запустевший крестьянский двор³⁸.

По переписным книгам 1647 г. в селе значатся уже и «скотий» и «колюший» боярские дворы, где жили 3 «дворовых и деловых крепостных» человека (в том числе латыш Симанко), да еще в 3 отдельных дворах отмечено 5 деловых людей. В дер. Поповской — 2 двора деловых людей. В трех деревнях (Кобылино, Филино, Фирсаново) переписчики насчитали 15 крестьянских дворов. Небезынтересно отметить, что, по сказке окрестных дворцовых крестьян, прежде дер. Кобылино не было, на ее месте «бывал де тут кобыличей двор» того же с. Медведково. На двух мельничных дворах жили 4 мельника³⁹.

Во второй половине XVII в. владельцем с. Медведкова стал В. В. Голицын. Отписные книги 27 сентября 1689 г. свидетельствуют, что при нем имение достигло своего расцвета. В церкви отмечены золоченые иконостасы, 14 слюдяных и 23 стеклянных окончин, на окнах железные решетки и затворы, 8 колоколов. Княжеские хоромы состояли из 7 горниц, соединенных сенями; снаружи все стены обиты тесом. С обеих сторон были пристроены 4 крыльца, на них перила на точеных столбиках. Горницы имели чердаки и вышки. Хоромы покрыты гонтами (короткой дранкой) «по-черкасски» или тесом «по-польски». На кровле отмечены «прапоры, писаны на жести разными красками»⁴⁰.

Отписчик не мог описать внутреннее убранство, так как большая часть горниц была запечатана приезжавшим незадолго до

³⁸ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 190, д. 9833, лл. 632—638.

³⁹ Там же, лл. 1223—1229.

⁴⁰ Прапор — знамя, значок, может быть, флюгер.

него стольником Иваном Тимофеевичем Полтевым. Остались незапечатанными лишь 2 «отхожие» (отдаленные) горницы. Они имели 26 окон «красных» с резными косяками и ставнями, обитыми красным сукном. Все окна со слюдяными и стеклянными окончинами. Двери были также обиты сукном. В каждой горнице стояла печь ценинная (облицованная ценинными изразцами). На стенах висели 4 «сивиллы» и «персона шведского короля». Даже баня была необычной: в трех красных окнах вставлены окончины слюдяные, дверь обита сукном, печь «образчатая». Отписчика поразили большие ворота: тройные столярные с пристенками. Над воротами образ «поставлен в коруне» и прапор «писан красками». Щиты, столбы и «застороны», «писаны с обеих сторон аспидом разными красками».

Из хозяйственных построек отмечены поварня с печью, поваренная изба с печью, 2 погреба дубовых с каменным выходом, деревянными решетками и слуховыми окошками, выложенными «каменьем», ледник дубовый. Над погребами и ледником устроены надпогребницы под одну кровлю, крытые тесом, запирающиеся большими личными замками.

На княжеском дворе держали трех оленей.

На скотном и конюшенном дворах содержался скот (2 иноходца, 12 мерин, 2 кобылы с жеребятами, 5 коров, 11 быков, подтелков и телят, 12 овец, 14 свиней) и птица (5 лебедей, 20 гусей, 25 утят). В горнице жили приказчик и староста крестьянин дер. Смыково Белгородской волости Федот Кириллов. Избы занимали скотник (старинный крестьянин с. Медведкова) и конюхи (трое из крестьянских сыновей, один — по кабальному холопству, один — «жил повольно»).

Две княжеские житницы с хлебом оказались запечатанными. Необмолоченной ржи отмечено 2 скирда («кругом» 24 и 9 сажень). На гумне стояли 2 овина, 2 амбара, 2 сарая плетеных сенных.

Продолжали действовать те же две мельницы (каждая «о двух жерновах»). Одна была отдана на оброк крестьянину дворцовой дер. Павловской Аксену Ананьину за 50 руб. (платеж в год на два срока) и поставку вотчиннику дважды по 20 четей муки. Другая мельница оказалась «на вере» у мельника, кабального человека Микулы Адамова. Из скотного двора ему было дано 2 мерина.

На р. Чермянке устроен окруженный частоколом пруд с «саженой» рыбой (осетры, стерляди, окуни, лини, плотва). «Деланы вновь» еще 3 копаных пруда; один из них обложен дерном, а у двух срублены «тарасы» (рубленные береговые устои на сваях) и насыпана земля. У Язуы был специальный прудок «для садку рыбы».

К селу тянули только две деревни: Поповская (2 крестьянских двора) и Филино (6 дворов)⁴¹.

⁴¹ «Розыскные дела», т. 4, стлб. 359—376.

Голицын не ограничился усадьбой, близко расположенной к Москве. Видимо, он начал создавать целую сеть своих резиденций.

Судя по описанию 27 сентября 1689 г. с. Братцева Горетова стана, здешняя усадьба являлась одной из резиденций Голицына. Об этом свидетельствует и богатое убранство церкви, на колокольне которой висели 7 колоколов и находились «боевые часы с указным кругом». На княжеском дворе внутри столовой горницы «писаны притчи из Библии». Село являлось и хозяйственным центром (конюшенный и скотный дворы, сад с яблонями и вишнями, 8 житниц, 2 мельницы, пруд с двумя «сажелками»). Одна из мельниц была дана церковному притчу «на прокормление»⁴². Крестьянских дворов здесь не было.

Сельцо Анкудиново, Соколово тож, на р. Москве Васильцова стана из хозяйственного центра превращалось в княжескую резиденцию. На вотчинном дворе находились хоромы приказчика (горница на подклете, клеть, сарай) и людей (двойня поземная, клеть, изба), а также два погреба каменных с построенными на них светлицами и поварня «о трех верхах, крытых тесом». Посреди этого двора на высоком кургане «зачаты» строить брусяные хоромы для князя. В них «заведено было строить 26 житей» и расположить их так, чтобы жилые помещения окружали центральную площадь («а в середине оставлена площадь»). Для хормного строения припасли брусья, доски и бревна.

На огороженном плетнем скотном дворе было 6 волов черкасских, 2 коровы (немецкая и русская), подтелок, 5 коз, 7 баранов черкасских, 3 гуся (во время отписки имения их съели волки), 9 уток, 6 кур индейских и 17 русских. Лошади (6 пахотных и жеребчик) содержались на конюшенном дворе. 3 житницы были запечатаны. Отмечены 2 пруда (без указания на наличие рыбы) и плотина каменная на ручье⁴³.

Вотчиной сына временщика Алексея Васильевича являлось с. Черная Грязь Ратуева стана (29 крестьянских дворов). Деревянная церковь была крыта черепицей деревянной «и с лица писана краски», в окна вставлены 95 слюдяных окончин, на колокольне 7 колоколов. При церкви устроена богадельня для нищих. К сожалению, брусяные хоромы («исподние и верхние») были запечатаны и отписчик лишь отметил, что чердаки огорожены перилами точеными. На вотчинниковом дворе в трех избах жили 9 конюхов да еще двое жили в отдельном дворе. Особо стояли дворы садовника и плотника. Сад и окружавшая его роща были огорожены забором. На конюшенном дворе содержались иноходец имеретинский, 3 коня, 5 меринов (в том числе один водовозный), 12 лошадей людских и пахотных. На попечении четырех дворников скотного двора находилось 5 коров, бык, 6 телят, 10 овец,

⁴² Там же, стлб. 447—454.

⁴³ Там же, стлб. 355—356.

3 свиньи, 9 поросят, 9 кур индейских и 15 русских, 3 гнезда гусей, 3 гнезда уток, а также 3 каплуна, журавль и 3 павлина (это свидетельство особого положения и состояния феодала).

Количество зерна неизвестно, так как 7 житниц запечатал приезжавший ранее стольник Кирилл Пущин. На огороженном плетнем гумне хранилось 4 скирда и 4 овина ржи, 2 овина пшеницы, 2 скирда овса, 2 кошны ячменя, 2 стога сена. На р. Язвейке стояли 2 мельницы (в том числе одна с двумя жерновами и каменной плотиной)⁴⁴.

Общая картина описания позволяет предположить, что перед нами подмосковная усадьба, а не только чисто хозяйственный центр.

По двум владениям сохранились описания и за XVII в. и за начало XVIII в.

В январе 1678 г. «новоотписные села» Артамона Сергеевича Матвеева были отказаны в поместье боярину князю Михаилу Алегуковичу Черкасскому. Отказные книги дают представление об усадьбах опального боярина.

В с. Рожественном, что было сельцо Поярково, Горетова стана, стояла каменная церковь (в окнах окончины стекольчатые). На каменной колокольне висели колокол весом 29 пудов 10 гривенок и 9 колоколов средних и малых. На вотчинниковом дворе отмечены богатые хоромы, крытые тесом, с нижними и верхними жилыми помещениями (тройня, сени «о трех житях», отхожая горница «о трех житях», под которой находилась мыльня). В хоромах 35 окончин стекольчатых, 15 «вставней обиты полстми». Подклеты (нижние комнаты) были без печей, здесь жили летом: наверху отмечены 3 печи ценинных и 2 печи «образцовые» зеленые. В верхних «житях» «стены и подволоки и двери, писаные стенным письмом». Иконы висели в резных киотах. Из мебели сохранились 2 стола, «писаные на золоте», 4 стула, обитых красной кожей, стул, обитый «игрипом», стул, обитый голубым сукном, 4 поставца столярные «писаные», 2 полавочника «кизыл-башских полосатых», кровать столярная. Из иных построек записаны изба поваренная, поварня сосновая, ледник, над ним амбар сосновый, конюшня, погреб с напогребницей сосновой, 2 избы, баня и клетки людские. Двор и сад (60 яблонь) огорожены забором в 146 звен; ворота створчатые «о трех щитах», крытые тесом.

Двор конюшенный и скотный имел такие постройки: 2 избы, 5 сараев, конюшня. «У присмотру животины» (4 коровы, 6 быков, 7 подтелков и телят, 6 свиней) здесь жили скотник с двумя сыновьями и две вдовы крестьянские.

В четырех житницах «по перемеру» хранились пила большая⁴⁵, 21 заступ и лопатки железные, а также 3 чети ржи, 51 четь с осьминой овса, более 19 четей ячменя. Как показал староста,

⁴⁴ «Розыскные дела», т. 4, стлб. 341—349, 413—446.

⁴⁵ Это едва ли не первое упоминание в источниках данного инструмента. Считается, что русские в XVII в. пилой не пользовались.

«на крестьянх в займех» числилось почти 15 четей ржи в торговую меру. На гумне стояли 4 овина, 3 мякинницы с мякиной и с ухоботьем, солодовня с овином. На р. Клязьме возведена мельница с мельничным двором. Плотицу испортило вешней водой два года назад (видимо, после конфискации дворцовое ведомство ее ремонтировать не стало). На вотчинника пахали десятинной пашни по 36 $\frac{1}{3}$ дес. в поле. В год отказа на 33 дес. было посеяно 66 четей ржи в торговую меру. На вотчинника же косили ежегодно по 500 копен волоковых.

В селе отмечено 40 крестьянских дворов, по 30 дес. в поле крестьянской пашни, 1160 копен сена ⁴⁶.

Черкасскому было отказано также сельцо Новое, Савелки, Тимоново тож, на р. Сходне ⁴⁷. Хоромы на вотчинниковом дворе здесь гораздо скромнее. Отмечены также двор скотный, мельница и 12 живущих крестьянских дворов. Десятинной пашни в двух полях было 36 дес. ⁴⁸

Видимо, Матвеев дорожил своей усадьбой. Возвратившись из ссылки, он сразу же подал челобитную, и накануне стрелецкого восстания по указу малолетнего Петра 14 мая 1682 г. с. Рождественное вновь было отказано боярину. По отказным книгам в вотчинниковом дворе жили 5 крестьянских детей, скотник и две вдовы (можно думать, что Черкасский, в отличие от Матвеева, не стал сохранять двор как свою резиденцию). В селе отмечено 38 крестьянских дворов, в принущенной в пашню пустоши Троицкой — вотчинников двор и 19 крестьянских ⁴⁹.

В марте 1683 г. правительство Софьи пожаловало имение сыну убитого боярина Андрею. По сведениям этих отказных книг, Артамон Сергеевич, устранивая свою усадьбу, перевел туда из села в конюхи 5 крестьянских детей, в псаря — 7; один стал «поваренным человеком» ⁵⁰.

Неизвестно, когда имение вернулось к Черкасскому. В 1715 г. по челобитью его вдовы Авдотьи отказные книги зафиксировали акт наследования с. Рождественного в виде княжеской усадьбы. Теперь уже здесь стояли две церкви; одна деревянная (на колокольне 3 колокола), а про другую отказчик ничего не сказал. Вотчинный двор сохранил свое богатое убранство. На пяти подклетах стояли хоромы: передняя светлица, средняя и задняя горницы, светлица столовая, спальня. В передней висели «образ» и 8 картин в рамах. По размерам выделялась светлица; в ней было 18 оконниц стеклянных, тогда как в горницах — 4—5 оконниц стеклянных либо слюдяных. Некоторые ставни были обиты

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 191, д. 9841, лл. 193—208 об.

⁴⁷ По переписным книгам 1678 г., у князя было всего 203 двора, в том числе в Московском уезде 55 дворов (А. А. Новосельский. Роспись..., стр. 122).

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 191, д. 9841, лл. 209—215 об.

⁴⁹ Там же, д. 9844, лл. 893—899 об.

⁵⁰ Там же, лл. 1229—1239.

холстом⁵¹. Из мебели отмечены поставцы, погребец липовый, обитый черной кожей, столы дубовые и липовые «троицкой работы», выкрашены, кровать, обитая красным сукном, обитые кожей кресла и стулья. На дворе стояли также мыльня, поварня, изба хлебная, 2 погреба с напогребцами, 2 сарая, конюшня (в ней содержались конь, мерин, жеребец немецкий), 2 избы (в них жили приказчик и садовник).

Вместо одного двора для скота мы видим теперь двор скотный и двор конюшенный, да еще особый птичий двор. На конюшенном дворе 2 конюха с семьями имели на попечении 2 жеребцов, 5 жеребчиков двухгодовалых, 18 кобыл, 11 кобылок от одного до четырех лет. В двух избах скотного двора жили семьи скотника и скотницы, имевшие на руках 2 быков, 2 бычков, 2 коров, 4 телок, барана, 15 овец, 14 «барашков нынешних». На птичьем дворе проживал с семьей бывший крестьянин приданной тарусской вотчины первой жены боярина. Здесь было 5 гусей, 8 гусынь, 2 селезня, 7 уток, петух и 3 курицы индейские, 10 кур русских.

Теперь все житницы (5) стояли на особом житном дворе. В них хранилось 20 четей ржи, 5 четей муки ржаной, 13 четей солода ржаного, 85 четей овса, 5 четей муки овсяной, 12 четей жита семенного, пуд шерсти. Из необмолоченного зерна отмечены 2 скирда ржи («будет 190 четей») и еще скирд в 2½ саж., скирд овса (120 четей). На помещика к новому году было засеяно рожью 80 дес., а «четвертми» 160. Это почти в 2,5 раза больше, чем 43 года назад. Правда, теперь в селе 52 двора крестьянских (53 самостоятельных семьи) и один бобыльский двор; да в дер. Живнево — 12 крестьянских дворов и один бобыльский. На р. Нахабенке отмечена мельница с двумя жерновами, где работал кабальный человек со своим зятем⁵².

В январе 1739 г. после смерти Авдотьи с. Рождественное и дер. Живнево перешли к ее дочери Авдотье Щепотьевой. Копиист Вотчинной коллегии отметил только одну деревянную церковь. На боярском дворе, огороженном в забор решеткой, отмечены 4 светлицы, между которыми было двое сеней. Здесь стояли также кухня рубленая, 2 погреба с напогребцами, баня с предбанником, конюшня (12 стойл и 2 чулана «для конского убору»), 2 сарая и 3 чулана, 6 изб людских. В последних жили приказчик и 8 дворовых людей с семьями (37 человек м. п. и 43 человека ж. п.). При вотчинниковом дворе был сад с яблонями, вишнями и другими разными деревьями.

Скотный и конюшенный дворы вновь слились в один. Здесь в 3 избах жили 4 семьи дворовых конюхов. Отказчик насчитал

⁵¹ В вотчинниковом дворе стольников Змеевых (сельцо Прокшино Сосенского стана) в трех горницах все 24 окна со стеклянными окончинами были обиты полотном и «издеквашены», т. е. загрунтованы левкасом (см. отказные книги 1697 г.— ЦГАДА, ф. 1209, оп. 191, д. 9850, л. 736).

⁵² Там же, оп. 191, д. 9855, лл. 124—141.

3 жеребца стоялых, 6 мерин, 12 кобыл, 12 жеребят годовалых и двухгодовалых, 4 быка, 9 коров, 13 подтелков, 20 овец, козел и 2 козы, 15 свиней, 8 гусей, 44 утки, 58 кур индейских.

На житном дворе число житниц возросло до 9. Здесь хранилось много обмолоченного хлеба (69 четей с осьминой ржи, 1 четь и 6 четвериков пшеницы, 246 четей овса, 90 четей ячменя, 44 чети гречихи, 16 четей солода ржаного и яичного). В гумне отмечен необмолоченный хлеб: 4 скирда ржи, 3 скирда овса, скирд ячменя.

В имении насчитали крестьянского населения 367 человек м. п. и 386 человек ж. п.⁵³

Авдотье Черкасской в 1715 г. было отказано еще два имения. Сельцо Мысово Манатына, Быкова и Коровина стана весьма напоминало усадьбу в с. Рожественном. В таких же светлицах и горницах стояла такая же мебель. Отмечены обычные хозяйственные постройки. В избах жили кабальный человек и конюх. Здесь же находилась птица (5 гнезд гусей, 11 уток, 9 кур индейских). Около двора был сад «с яблоньми, грушами и овощом». На конюшенном дворе отмечено 8 мерин, конь, «козел с роги», на скотном — бык, 11 коров, 4 подтелка, 3 барана, 12 овец черкасских, 9 ягнят, 2 козы. Имелся двор житный с пятью житницами под одну кровлю, крытых тесом, поставленных на 5 жилых помещений. В них хранилось и зерно (25 четей пшеницы), и инвентарь (5 кос, 6 серпов) и имущество (23 окончины стеклянные и 10 слюдяных, 4 двери, обитые кожей, 4 ставни, обитые полстью) и пр. Из необмолоченного зерна записан скирд овса в 600 снопов. По сказке приказчика было посеяно ржи 38 четей. Мельница с двумя жерновами на Клязьме оказалась запустевшей⁵⁴.

В январе 1739 г. сельцо Мысово также перешло в руки Авдотьи Щепотьевой. К этому времени имение превратилось в обычную хозяйственную единицу. На боярском дворе отмечены 2 светлицы с сенями и чердаком, конюшня, погреб, 4 избы людских. Здесь проживали приказчик, 2 дворовых человека и 4 скотника (23 человека м. п. и 24 человека ж. п.). В яблоневом саду стояли 5 хлебных амбаров (8 четей овса, 9 четей гречи). «Стоячѣго» хлеба в гумне отмечено 3 скирда ржи и скирд ячменя. Показательно, что на вотчинниковом дворе содержались и скот (жеребец, 2 мерина, кобыла, 2 быка, 4 коровы, 3 подтелка, 14 овец), и птица (2 гуся и 4 гусыни, 6 уток, 4 курицы и 2 пегуха индейских). Мельница на Клязьме вновь действовала⁵⁵.

В с. Чижово Почернева стана в 1715 г. отмечен двор вотчинников «со всяким дворовым и хоронным и огородным и гумненным строением и садом». В нем жил приказчик «крепок по каба-

⁵³ Там же, д. 9861, лл. 443—453 об.

⁵⁴ Там же, д. 9855, лл. 114—117.

⁵⁵ Там же, д. 9861, лл. 456—457.

ле» (через год, в 1716 г., здесь жили 3 садовника с семьями). На конюшенном дворе находилось 12 лошадей, которые были розданы охотникам, псарям и сокольникам. Последние проживали в селе («а крепки» сыну боярина Борису Михайловичу). На скотном дворе на попечении четырех скотников и скотницы имелось 6 коров, 2 подтелка, 4 овцы, 4 козы, 11 гусей русских, 3 гуся диких, 6 гнезд утят, 8 кур индейских 15 кур немецких. Кроме того, записаны 2 гнезда лебедей, 3 журавля, гнездо павлинов. В житнице было 12 четей семенной гречихи. Посеяно озимой ржи 20 четей⁵⁶.

Судя по тому, что в двух последних вотчинах на господских дворах проживали холопы, а также содержались скот и птица, они являлись скорее хозяйственными центрами, чем княжескими усадьбами.

Сохранилось описание имения одного из представителей приказной верхушки.

В 1694 г. небольшая вотчина Федора Евстратьевича Коптева сельцо Толбино Перемышльской волости перешло в руки дьяка Кирилла Алексеевича Фролова. Вотчинников двор выглядел весьма скромно (2 избы и 2 клетки людские). В двух житницах хранилось 6 четей ржи, на гумне — небольшой скирд ржи. Из скота отмечены лишь 3 лошади. В сельце стояло 5 крестьянских дворов⁵⁷.

Спустя короткое время, мы видим цветущую усадьбу. По отписным книгам 20 января 1702 г., на господском дворе поставлены две новые светлицы, объединенные сенями, и отхожая горница. В светлицах много икон («серебром обложены с зерны жемчужные»); некоторые «писаны по полотну», некоторые в рамках за стеклом. В рамках висели 16 листов «фряских». Из мебели отмечены столы столярные, кровати столярные с перинами и завесами суконными, поставцы столярные с посудой. Из иноземных вещей значатся кружки оловянные, скляницы, кувшины, блюда и чашки «виницейские», стаканы хрустальные, сулеи немецкие, скляница немецкая широкогорлая с вином, 2 лука с тетивами китайские (третий лук роговой), доски шахматные. Из других построек записаны 2 избы людские, клеть, омшеник, амбар, крытый соломой.

Появился скотный двор со скотом и птицей (лошадь, 8 коров, 5 подтелков и телят, козел, 20 овец, 2 гнезда кур индейских, 10 кур русских, 5 гнезд утят. Здесь же в житнице хранились конская упряжь, железный таган, сумки переметные, 4 овчины, пшеница, семя льняное, грибы сухие. На гуменном дворе отмечены 2 чети ржи, четь овса, 2 чети ячменя, 2 чети солода ячного; на гумне — одоње ржи и скирд овса.

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 191, д. 9858, лл. 163—170.

⁵⁷ Там же, д. 9848, лл. 530—532 об.

Возросло и число крестьянских дворов — 9. По сказке крестьян, на вотчинника было засеяно рожью 5 дес.⁵⁸

*

Попробуем подвести итог нашим наблюдениям. В изучаемое время, как правило, прослеживается стремление знати к расширению своих подмосковных владений и к их хозяйственному укреплению. Получаемые из дворцового ведомства или от рядовых служивых людей, заурядные по своему облику, имения быстро превращались в цветущие вотчины и поместья. Последние в основном сохраняли свое чисто хозяйственное предназначение. Однако некоторые из них приобретали облик усадеб, в которых устраивалась резиденция владельца. Усадьбы отличались размерами и пышностью господских хором, их обстановкой; в некоторых из них увеличивалось количество жилых помещений, а хоромы возводились в два и три этажа⁵⁹. В таких владельческих дворах уже не жили приказчики и дворовые люди, не держали скот и птицу. Обычно знатные феодалы имели по одной резиденции, но наблюдается и стремление к созданию целой системы подмосковных усадеб.

Если по усадьбам можно заметить стремление к построению обширных жилых помещений (возможно, в подражание коломенскому дворцу) и к богатой обстановке, то в вотчинном хозяйстве прослеживается известная комплексность (по образу царского села Измайлова). Это проявляется в одновременном развитии многих сельскохозяйственных отраслей (зерновое земледелие, садоводство, животноводство и птицеводство, рыбоводство). Не случайно появляются специализированные господские дворы — скотный, конюшенный, коровий, птичий, житный. Заметно внимание к заведению садов, устройству рыбных прудов, росту поголовья скота и птицы⁶⁰.

В советской историографии прочно утвердилось положение о XVII в. как начальной фазе феодального предпринимательства. Не относится ли к этому времени и появление богатых сельских усадеб русской аристократии? Разумеется, еще пройдет немало времени, прежде чем наступит век «дворянской вольности», когда бывшие служивые люди прочно осядут в своих имениях. Но уже во второй половине XVII в. представители правящих кру-

⁵⁸ Там же, д. 9852, лл. 295—302.

⁵⁹ Имеются основания полагать, что владельцы усадеб в других уездах (Дмитровский, Переславль-Залесский, Юрьев-Польский, Кашинский) строили свои дома по образцу подмосковных владений (А. П. Гудзинская, Н. Г. Михайлова. Графические материалы по истории архитектуры помещиц и крестьянской усадеб в России XVII в. — «История СССР», 1971, № 5, стр. 249).

⁶⁰ Это вполне согласуется с наблюдениями Д. И. Петрикеева относительно разностороннего развития хозяйства боярина Морозова. Хочется также поддержать его мнение о значительном удельном весе животноводства в крупной вотчине (см. Д. И. Петрикеев. Указ. соч., стр. 100 и сл.).

гов по примеру царя начинают благоустраивать вотчины для личного пребывания. В этой связи положение о «старорусском» укладе сельских имений на грани XVII и XVIII вв. требует уточнения. Конечно, усадебный быт XVIII в. внешне резко отличается от картины изучаемого времени. Однако традиционный феодальный облик поместий и вотчин столичных верхов как чисто хозяйственных единиц уже где-то с середины XVII в. начинает претерпевать существенные изменения.

Говоря о причинах появления подмосковных сельских усадеб русской аристократии, следует иметь в виду общие сдвиги и тенденции развития крупного феодального хозяйства в XVII в. в сложной обстановке крепнущих товарно-денежных отношений и оформления крепостнического режима. Не случайно во многих подмосковных имениях можно отметить устойчивость отработочной ренты. Только в этой связи можно понять, почему хозяйственные увлечения монарха передались его фаворитам и придворным. Новшества упали на подготовленную почву, ибо тенденции развития барщинного крепостного хозяйства требовали со стороны землевладельцев личного участия в управлении имениями. Стремление быть в самой гуще вотчинной жизни отразилось и в появлении подмосковных сельских резиденций знатных фамилий.

КРЕПОСТНОЕ ПРАВО И ДВОРЯНСТВО В ПРОЕКТЕ УЛОЖЕНИЯ 1720—1725 ГГ.

В тесной связи с преобразованиями органов государственного управления первой четверти XVIII в. стоят преобразования в области права. Они получили выражение прежде всего в создании новых нормативных актов — артикулов, уставов и регламентов и в общем подъеме законодательной деятельности правительства Петра I.

Однако есть еще одна, в высшей степени важная, сторона этой деятельности, оставшаяся незавершенной. Имеем в виду попытки Петра I, во-первых, упорядочить состояние законодательства путем его кодификации, а, во-вторых, на более поздней стадии выработать новую систему права и положить ее в основу единого кодекса Российского государства. Если с Палатой об Уложении 1700—1703 гг. и Комиссией 1714 г. связаны главным образом кодификационные задачи — создание сводного Уложения при сохранении в основном его прежней формы, то с Комиссией 1720—1725 гг. связана попытка создания кодекса законов на основе новой системы права.

В итоге работы Комиссии по составлению нового Уложения, основанной указом 8 августа 1720 г.¹, было создано четыре книги Уложения². Книга I — «О процессе, т. е. о суде, месте и о лицах к суду надлежащих»; книга II — «О процессе в криминальных розыскных и пыточных делах»; книга III — «О злодействах, какие штрафы и наказания последуют»; книга IV — «О гражданских или гражданских делах». В отличие от первых трех четвертая книга делится на титулы: титул I — «О содержании добрых порядков и о владении собственностью»; титул II — «О праве в делах, к торгу, договору и найму принадлежащих»; титул III — «Об опеке малолетних»; титул IV — «О стоворах, браках и духовных»; титул V — «О наследовании».

Книги и титулы делятся на главы, главы — на статьи.

В составе I титула IV книги имеется 6-я глава «О крепостных людях и крестьянах и о споре во оных и о беглых» (вариант в оглавлении: «или у кого явятся беглые»), номинально насчитывающая 140 статей. Но так как одна из статей (43-я) не содержит текста, имея лишь заголовок: «Которые беглые напишутся в солдаты, в драгуны и в матрозы», а другая (54-я)

¹ ПСЗ-I, т. VI, № 3626.

² В. Н. Лавкин. Законодательные комиссии в России в XVIII ст., т. I. СПб., 1887, стр. 42; ЦГАДА, ф. 342 (Комиссии о сочинении нового Уложения), д. 33.

Таблица 1

Источник	Количество статей, написанных на основе данного источника	% к общему числу статей
Уложение 1649 г. (XI и XX главы)	16	11,6
Наказ сыщикам 1683 г.	14	10
Уложение 1649 г. и Наказ сыщикам 1683 г.	3	2,2
Уложение 1649 г. и указы 19 февраля 1721 г. и 6 апреля 1722 г.	2	1,5
Наказ сыщикам 1683 г. и указы 19 февраля 1721 г. и 6 апреля 1722 г.	4	3,8
Указы XVII в.	2	1,5
Указы XVII и XVIII вв.	5	3,6
Указ 19 февраля 1721 г.	18	13
Указ 6 апреля 1722 г.	17	12
Указ 1721 г. и Плакат 1724 г.	1	0,7
Плакаты 1724 и 1725 гг.	8	5,96
Другие указы первой четверти XVIII в.	6	4,4
Новые статьи	42	30,5
Всего статей	138	100

отсутствует вовсе (после ст. 53-й идет 55-я), то реально глава насчитывает 138 статей.

Результаты деятельности Комиссии 1720—1725 гг. не были еще исследованы историками³. Не исследованы они и в части глав Уложения, посвященных крестьянству. А между тем эти материалы являются важными источниками по истории регулирования прав дворянства в крестьянском вопросе. Статут крепостного права, как известно, имеет две стороны — одна обращена к крестьянству и ставит его в положение объекта этого права, другая обращена к дворянству как субъекту права. Осуществление дворянством этой его роли немислимо без законодательного регулирования взаимных отношений дворян в крестьянском вопросе и выполнения дворянством как классом-сословием определенных обязательств по отношению к государству. Наибольшие новшества в развитии крепостного права в первой четверти XVIII в. связаны как раз с его второй стороной. Чтобы установить их, следует вскрыть смысловую (а иногда и текстуальную) связь каждой статьи нового памятника с предшествующим законодательством, поскольку при написании крестьянской главы в ка-

³ В. Н. Латкин дает лишь внешнюю сторону работы законодательных комиссий, не затрагивая содержания подготовленных ими материалов. Общую характеристику проекта Уложения см.: А. Г. Маньков. Проект Уложения Российского государства 1720—1725 гг. — «Проблемы истории феодальной России». Л., 1971, стр. 157—166.

честве источника широко использовано законодательство XVII — первой четверти XVIII в. Суммарные данные такого рода по 6-й главе сведены в табл. 1.

Как видим, из 138 статей 6-й главы 46 статей (33%) повторяют нормы XI («Суд о крестьянях») и XX («Суд о холопах») глав Уложения 1649 г., Наказа сыщикам беглых крестьян и холопов 1683 г.⁴ и некоторых указов XVII в. в сочетании с частичными заимствованиями из указов XVIII в.; 50 статей (36%) написаны на основе законодательства первой четверти XVIII в., главным образом на основе указов 19 февраля 1721 г., 6 апреля 1722 г.⁵ и плаката 1724 г. Таким образом, общее число статей 6-й главы, воспроизводящих важнейшие нормы законодательства о крестьянах XVII и XVIII вв., достигает 96 (70%).

Немалая часть этих статей воспроизводит нормы прошлых законов без каких-либо изменений. Например, статьи 14, 15 и 17 воспроизводят соответственно нормы статей 48, 13 и 49 Наказа сыщикам 1683 г. Первая предписывает отдавать беглого с распиской тому, кого он назовет своим владельцем, если не будут предъявлены крепостные акты в момент решения спора. Вторая обязывает при отсутствии иска отдавать пойманных беглых «по неволе» до появления истца на поруки тем, у кого они были в бегах. Третья предусматривает взыскание корма с владельцев беглых крестьян, потраченного на их содержание в тюрьме.

Статьи 110 и 111, говорящие об исходных сроках прикрепления крестьян Смоленской губернии и о взыскании пожилых денег с держателей беглых, воспроизводят указ 25 августа 1698 г., по которому возврат беглых крестьян Смоленского и прилегающих уездов устанавливался по переписным книгам Даниила Чернецова 1668 г. и приговору думного дьяка Е. И. Украинцева от 18 ноября 1698 г., узаконившего взимание пожилых денег с держателей беглых Смоленского, Дорогобужского и Бельского уездов с 1698 г.⁶

Статья 113 содержит казус и норму указа 10 мая 1665 г., повторенные в Наказе сыщикам 1683 г. (ст. 18), — держание беглых по фальшивой отпусковой при неведении об этом не влечет ответственности; пожилые деньги взимаются с подделавших отпусковые. Статья добавляет к прежним установлениям новое: наложение на составителей подложных отпусковых штрафа сверх пожилых денег.

Мы привели лишь отдельные случаи адекватного воспроизведения норм законодательства.

Как видно из таблицы, общее число подобного рода случаев весьма значительно. Разумеется, в новом своде полное текстуаль-

⁴ «Памятники русского права» (далее — ПРП), вып. VII, М., 1963, стр. 185.

⁵ ПСЗ, т. VI, № 3743, 3939; т. VII, № 4533.

⁶ А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. Л., 1962, стр. 166.

ное воспроизведение старых законов встречается весьма редко. Значительный отрезок времени, протекший от первого Уложения или даже Наказа сыщикам, не мог не вызвать определенных не только стилистических изменений или редакционных правок, связанных с новшествами в политической и государственной сферах, но и некоторых изменений по существу. Возьмем ст. 65. Она в соответствии со 2-й и 9-й статьями XI главы Уложения 1649 г. предписывает возвращать беглых крестьян и бобылей по писцовым книгам 1626 г. и переписным книгам 1646 г., если в них записаны отцы или деды беглых. Однако указанные статьи 1649 г. говорят о записи в книгах 1626 и 1646 гг. только отцов и самих беглых крестьян. Разумеется, в первой четверти XVIII в. эта часть статьи не могла быть повторена. Отцы 1626 г. названы дедами, а беглые 1626 и 1646 гг. — отцами белых крестьян конца XVII — первой четверти XVIII в. Текстуальные отличия сказываются, например, в замене приказов коллегиями, в наименовании патриарших крестьян синодальными и т. д.

Примером сложных переплетений законов XVII и XVIII вв. может служить ст. 32, предусматривающая возврат беглых, принадлежащих разным владельцам, но поженившихся в бегах. В таком случае беглая семья передавалась тому, кому принадлежал крестьянин, но за крестьянку получивший семью должен заплатить ее владельцу 10 руб., а за детей — по 5 руб. Размер уплаты заимствован из пункта 2 указа 6 апреля 1722 г.⁷ Основная же часть статьи близка ст. 34 XI главы Уложения 1649 г. В последней предписано спор о крестьянах решать между владельцами жеребьевкой. Жеребьевку предусматривает и ст. 32 VI главы, но лишь в случае отказа владельца крестьянина платить выкуп за его жену. Жеребьевка не отменяла выплаты денег той стороной, которая получит по жеребью всю семью.

Наибольшей точностью воспроизведения текста источника отличаются статьи проекта Уложения, написанные на основе указов 19 февраля 1721 г. и 6 апреля 1722 г.⁸ Оба указа являются основными законодательными актами в области крестьянского вопроса и крепостного права первой четверти XVIII в.⁹ Они продолжают линию развития норм крепостного права, сложившихся еще в XVII в., и вместе с тем дают то новое и основное, что вытекает из мероприятий Петра I в области внутренней политики. Неудивительно, что эти указы стали одним из основных источников 6-й главы. На их основе, как видно из таблицы, написано 34 статьи. В нескольких статьях указы 1721 и 1722 гг. использованы наряду с другими законодательными памятниками XVII и XVIII вв.

⁷ ПСЗ, т. VI, № 3939.

⁸ Там же, № 3743 и 3939.

⁹ Тем более удивительно, что в исторической литературе этим указам не уделено специального внимания. Они не были включены и в издания законодательных актов по истории крестьян.

Значительную группу статей проекта VI главы составляют новые статьи. Таких статей насчитывается 42, или 30% от общего числа. Ознакомление с ними показывает, однако, что большая их часть играет вспомогательную и подчиненную роль по отношению к статьям, источником которых служило законодательство не только ближайшего времени, но и отдаленного прошлого. Из них можно выделить две группы статей. Одна из них содержит дополнения к прошлым установлениям. Эта группа статей служит дополнением статей, непосредственно им предшествующих в тексте памятника. В результате такого дополнения возникает расширенное толкование прежней нормы или новые, вытекающие из нее следствия.

Приведем примеры. Статья 50 VI главы, повторяя требования указов 24 ноября 1699 г., 27 сентября 1723 г. и 16 сентября 1724 г., определяет условия записи торгующих крестьян в посады¹⁰. Важнейшим требованием служит наличие у крестьянина торгова на сумму не менее 500 руб. Статья 51 дополняет это установление предписанием взыскивать пожилые деньги с тех, кто запишет крестьян и дворовых людей в посад, не освидетельствовав размеров их торгова.

Новые статьи — 58, 59 и 60 — дополняют и конкретизируют ст. 57, которая вслед за ст. 7 гл. XI Уложения 1649 г. предписывает в случае необходимости возврата беглых крестьян из купленной вотчины возместить эту утрату другими крестьянами помещика, продавшего вотчину. Новые статьи предусматривают при отсутствии крестьян денежную компенсацию за них и непременно выполнение всех остальных условий («особливые очистки»), оговоренных продавцом в актах сделки — купчих, закладных и т. п. Новая статья 116 в духе статей 57—60 предусматривает взимание пожилых денег с реально владеющих беглыми крестьянами, а «купцу в том ведаться с продавцом по купчей».

Статья 91 приравнивает ответственность за прием беглых крестьян по устному распоряжению вотчинника к ответственности за прием по «повелительным письмам», о которых речь идет в статьях 87 и 88, повторяющих в этой части указ 19 февраля 1721 г.¹¹

Статья 126 дополняет статью 125, трактующую вслед за указом 1722 г. порядок возврата и объявления местным властям беглых крестьян¹², предписанием не взыскивать пожилые деньги с тех, кто выполнил условия статьи 125, но по причинам, от него не зависящим, не смог отдать беглых владельцев.

Вторую группу новых статей составляют такие, которые содержат варианты к установлениям прошлого. Приведем один при-

¹⁰ Об этом см. ниже, стр. 170—171.

¹¹ Об этом см. ниже, стр. 174.

¹² Об этом см. ниже, стр. 177.

мер. Статья 29, повторяя указ 6 апреля 1722 г., предписывает беглых крестьянок, вышедших замуж в бегах за беглых же крестьян других помещиков, возвращать вместе с мужьями их владельцам, но при условии, что последние платят за полученных жен по 10 руб. и зажилые деньги по указу.

Обратный вариант отдачи мужа по жене заключен в новой статье 31. Статья допускает два исхода дела в зависимости от времени подачи иска о муже возвращаемой крестьянке. Если иск подан после возврата крестьянки ее владельцу, то муж остается у последнего, а истец получает за крестьянина 100 руб. с того, кто его отдал по беглой. Если же оба иска поданы одновременно, то каждый истец получает свое с пожилыми деньгами, а сверх того на том, кто выдал крестьянку за беглого, взимается 50 руб.

Из остальной части новых статей выделяются статьи, которые можно рассматривать как прямое следствие прошлых законов. Статья 5, например, оставляя в силе переводы крестьян из поместий в вотчины, осуществленные в прошлом, предписывает члeбoитных о переводах в дальнейшем не принимать. Такое решение является следствием указа 1714 г., поскольку закрепленное им слияние поместий с вотчинами делало перевод крестьян из одного вида владения в другой беспредметным в юридическом отношении. Статья 38, исходя из общего принципа наследственности крепостной зависимости, утверждает право дворян на детей, унесенных беглыми крестьянами в утробном или младенческом возрасте.

Наконец, есть группа статей (немногим более 10), которые действительно являются новыми¹³. Не умаляя их значения в определении общих тенденций развития законодательства о крестьянах, отметим, что и они не вносят чего-либо принципиально нового в этот процесс. Количественно доля этих статей значительно выше их реального значения.

Законодательство Петра I о крестьянах явилось новой вехой на пути углубления и расширения крепостного права. Подушная подать, первая ревизия податного населения, слившие различные слои феодально зависимого населения в единую податную массу, введение паспортной системы в целях более жесткой регламентации крестьянских отходов — все это резко усилило эксплуатацию крестьян как светскими и духовными феодалами, так и самим государством. Именно при Петре I сформировалось сословие государственных крестьян, одна из групп феодально зависимого от государства населения. К категории феодально зависимого населения принадлежали и посадские люди. В первой четверти XVIII в. получает развитие широкое использование подневольного труда на бурно растущих мануфактурах. Крепостное право официально распространяется на сферу промышленно-

¹³ О них см. ниже, стр. 178.

сти. Наконец, укрепление крепостного устава вызвало новый поток указов о борьбе с побегами крестьян. Указы устанавливали меры предупреждения побегов и сыска беглых, поставив на службу этому весь государственный аппарат и усилив ответственность главным образом помещиков и приказчиков за прием и держание беглых крестьян. Эти черты законодательства Петра I о крестьянах необходимо иметь в виду при реальной оценке крестьянской главы проекта Уложения 1720—1725 гг.

В отличие от предшествующих сводов, начиная с Уложения 1649 г. и кончая первыми проектами уложений петровского времени¹⁴, в которых главы о крестьянах в структурном отношении занимают самостоятельное место, в проекте Уложения 1720—1725 гг. крестьянская глава органически включена в общую схему права, заимствованную из западноевропейского законодательства и положенную в основу всего Уложения. Глава о крестьянах отнесена к разделу гражданского или гражданского права и входит в состав титула «О содержании добрых порядков и о владении собственностью».

Тем самым, по мысли законодателей, крепостное право должно составлять органически неотъемлемую часть или, лучше сказать, производную права феодальной собственности. Если *de facto* дело обстоит не иначе и в предшествующий период, то в новом проекте впервые предпринята попытка представить эту мысль во всеоружии *de jure*. Этим определяется и общая формула крепостной зависимости, данная в первой статье главы: «Все старинные крепостные люди и по вотчинам и поместьям и по иным всяким крепостям люди и крестьяня вотчинником своим крепки и в таком исчислении, как о недвижимом имении положено».

Здесь важны два момента: 1) впервые в истории крепостного законодательства предпринята попытка дать общее правовое определение крепостной зависимости; 2) юридически право помещиков на крестьян приравнено праву на недвижимую собственность.

Из этого общего положения вытекали определенные правовые следствия. Первое касалось запрета продажи крестьян и людей без земли «с сего Уложения» (ст. 2). Основанием закона служило распоряжение Петра, переданное на обсуждение Сената в 1721 г.¹⁵ В качестве мотива указывалось: «дабы тем [продажей] крестьян без земли.— А. М.] земли напрасно опустошены не были, а в продажах таким людям и крестьянам от прежних их помещиков какого разорения не происходило». Легко за-

¹⁴ А. Г. Маньков. К истории выработки законодательства о крестьянах на рубеже XVII—XVIII вв.— «Археографический ежегодник за 1958 г.» М., 1960, стр. 350—386.

¹⁵ Распоряжение возбуждало лишь законодательную инициативу и не было подписано Петром, а поступило в Сенат в форме письма кабинет-секретаря А. Макарова (Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I, т. I. М.—Л., 1945, стр. 14).

метить, что эти соображения продиктованы общим духом указа 1714 г. о единонаследии, целью которого было укрепление экономической силы дворянского хозяйства¹⁶.

Тот же указ 1714 г., приравнявший поместья к вотчинам, лишил юридической основы практику перевода крестьян из поместий в вотчины и обратно, в связи с чем ст. 5 главы VI запрещала прием челобитий о переводах крестьян из одного вида землевладения в другой.

Одновременно сохранялась введенная Плакатом от 2 августа 1725 г. общая регламентация внутривотчинных переводов крестьян, связанная с подушной податью. Вотчинники могли перебрасывать крестьян из одного места своих владений в другое только с разрешения Камер-коллегии и при условии подачи сказок с обязательством выплаты подушной подати по месту регистрации крестьян в подушный оклад (ст. 4).

Введение подушной подати оказало существенное влияние на усиление норм крепостного права. В частности, ст. 3 содержит запрет давать отпускные грамоты крестьянам из тех мест, «где которые в подушных переписках написаны». По закону отпускные грамоты заменялись покормежными или пропускными письмами¹⁷.

Общим юридическим основанием прикрепления крестьян и споров о них в соответствии с существующим законодательством признавались писцовые и переписные книги, а при отсутствии в них упоминаний о спорных крестьянах «старинные крепости» (статьи 55, 56, 61, 62, 67). Это положение распространяется на все категории крестьян¹⁸. Другим основанием споров о крестьянах служила документация текущих сделок. Группа статей главы VI детально регламентирует соблюдение условий купчих и закладных грамот на земли с крестьянами. Это очевидное свидетельство того, что продажа либо заклад земли с крестьянами принимается законом в качестве господствующей формы отчуждения. К числу таких условий относится компенсация другими крестьянами либо денежно в размере 50 руб. за душу в случаях недостачи указанных в купчей крестьян, либо перевода их в вотчины третьих лиц в результате судебного разбирательства (статьи 57—60).

Основанием закрепощения крестьян служат и отпускные, выданные в прошлое время. В случае утери отпускной выдача ее может быть установлена свидетельскими показаниями (ст. 39). Еще по указу 1665 г. удержание беглого по подложной отпускной не ставится в вину помещику, не знавшему об этом (ст. 113).

¹⁶ ПСЗ, т. V, № 2789.

¹⁷ Об этом см. ниже, а также статью: А. Л. Шаниро. Крестьянские отходы и крестьянский наем в петровское время.— «Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. М. Н. Покровского», 1940, т. 5, вып. I, стр. 23—53.

¹⁸ Вотчинные, дворцовые, синодальные, архиерейские и монастырские.

Однако прием крестьян в дальнейшем только по отпускным без паспортов категорически запрещался (гл. VII, ст. 6).

Законодатели внесли новые установления, касающиеся прав вотчинника на потомство крестьян, переданных по отпускным и т. п. Статья 36 гласит, что если крестьянки выданы замуж по выводным крепостям за крестьян других вотчинников, а с собою принесли детей «во чреве или во младенчестве» (до 7 лет), то детей, в случае челобитья о них со стороны бывшего владельца их родителей, «отдавать по крепостям», но с условием уплаты за воспитание по 10 руб. В случае отказа забрать потомство, владелец имеет право получить за каждого по 30 руб. Однако если дети, войдя в возраст, вступили в брак, а челобитья о них до брака не было, то «их прежним вотчинникам не отдавать, а платить за них по 30 руб.»

Если же челобитье было до брака, то спорные крестьяне подлежат возврату «по крепостям». Тот же закон распространен и на крестьянских детей-сирот, переданных во младенчестве (до 7 лет) на воспитание в другие вотчины. Закон меняет санкции, если изложенная выше ситуация имела место в результате побега крестьянки. В младенчестве или во чреве унесенные ею дети подлежат возврату прежнему владельцу даже в случае вступления их в брак и независимо от того, подано челобитье до свершения брака или нет (статьи 37, 38).

К этой части главы примыкает группа статей, регулирующих правовые вопросы брака крепостных крестьян. Законом закреплена старинная практика выдачи замуж крепостных девок и вдов в другие вотчины с оформлением выводных или отпускных грамот (ст. 39).

В духе прошлого законодательства начиная от Уложения 1649 г. преследуется второй брак при живых муже или жене. Формулировка закона дается, однако, новая. Предусматриваются два варианта — вступление в такой брак не в бегах и в бегах. В обоих случаях общим в санкции является: «За такое воровство бить кнутом». Брак подлежит расторжению, а священники, венчавшие незаконно, передаются на суд духовных властей. Для беглых крестьян дополнительно предусматривается отдача владельцу как самого беглого, так и детей от его второго брака. В результате расторжения брака новые муж или жена беглого остаются у своего вотчинника (статьи 40, 41).

Характерно для времени Петра решение вопроса о браке военнослужащих на крепостных крестьянках. Статья 46 запрещает «военным чинам» жениться на дворовых и крестьянских девках и вдовах без ведома их вотчинника и без выданной им отпускной. Однако эта же статья запрещает вотчиннику удерживать крестьянку, желающую выйти замуж за военного, при условии выплаты женихом вывода в установленном порядке. Брак крепостной с лицом военного, гражданского или духовного чина остается в силе даже в том случае, если крепостная вышла замуж в бе-

гах. И в этом случае «девок или вдов и их мужей челобитчику не отдавать, а брать за беглых по 50 руб. и за пожилые годы по указу» (ст. 45).

Любопытно, что в качестве источника этой статьи использована ст. 27 главы XX Уложения 1649 г., предусматривавшая аналогичную ситуацию, но лишь в отношении служилых людей украинских городов. Правительство Петра I распространяло данный частный случай на армию в целом, что отвечало задачам ее укрепления.

В результате развития мануфактуры и крутого промышленного подъема проблема рабочей силы стала одной из основных проблем России первой четверти XVIII в. В условиях того времени без привлечения крепостного крестьянства проблема рабочей силы вообще не могла быть решена. Правовое же регулирование данных вопросов в законодательстве исходило из принципа сохранения основ крепостного права. В законодательстве паметилась линия компромисса интересов землевладельческого дворянства и крепостников-промышленников прежде всего из числа купечества.

Понятно, что и в разбираемом нами памятнике регулирование процесса крестьянских отходов, преимущественно на основе действующего законодательства, и вопросы перехода крестьян в города и приписки к посадам занимают видное место. В основу статей об отходе крестьян и найме крепостных положены указ 6 апреля 1722 г.¹⁹ и Плакат 26 июня 1724 г.²⁰. Последний из них не что иное, как своеобразный устав для войск, расквартированных в сельской местности.

Свободный наем крестьян, отпущенных без письменных свидетельств, не наказуем только в том случае, если имел место до указа 6 апреля 1722 г. Если же такой наем осуществлен после указа, нанявший крестьянина «яко за беглого судитца» (ст. 68).

Согласно указу 1722 г. и Плакату 1724 г., каждому крестьянину разрешается «кормиться работою» в своем уезде и не далее 30 верст, но при наличии «письменных отпусков» «за руками вотчинников своих» (или приказчиков) и приходского священника. В отпусках «писать имянно, чтоб по миру не ходили под наказанием» и «отсылкою на галеру». В других уездах и далее 30 верст отпущенников в работу не принимать. Тех же, кто примет, штрафовать как за держание беглого (ст. 69). Однако отход в другие уезды не исключается при наличии «нужды кормиться работою в другом уезде»; но это должно быть отмечено в отпусковой, с которой крестьянин обязан явиться к уездному земскому комиссару. Комиссар должен зарегистрировать письмо в книге и выдать взамен его крестьянину пропускное письмо «за

¹⁹ ПСЗ, т. VI, № 3939.

²⁰ ПСЗ, т. VII, № 4533.

своею рукою» и за печатью военного управителя. Оба чиновника обязаны были проверить достоверность подписей помещика и приходского священника. Закон оговаривает, что оформление всей процедуры не должно занимать более двух дней (ст. 70). Непременным условием пропускного или покормежного письма²¹ является проставление в нем срока возврата крестьянина. Срок не должен превышать трех лет. «А буде такие объявятся, то им не верить и в работах никому не держать». Другое требование сводится к указанию в письмах примет отходника: «А для предосторожности в тех пропускных письмах описывать того, кто отпущен будет: рост, лицо и непременные приметы, дабы кто другой, воровски получа», не воспользовался отпуском (ст. 74). Запрещена выдача писем отходникам с женами и детьми (ст. 71).

Крестьян, ушедших на заработки без пропускных писем, предписано задерживать на заставах и под конвоем отправлять к их вотчинникам. Лиц, пропустивших крестьян через заставы без писем, «с наказанием ссылат на галеру». С тех же, кто предоставит им ночлег, взыскивать в пользу владельца крестьянина возмещение убытков и сверх того штраф (статьи 72, 73). Задержка крестьян сверх срока пропускного письма приравнивается к ответственности за держание беглых. Тут же оговорено, что никто не имеет права «отпущенного на время ни в какие крепости укреплять» (ст. 76).

Наконец, в отдельной статье, повторяющей один из пунктов Плаката 1724 г., предусмотрены нормы содержания работных людей на заводах. На всех заводах, особенно в Сибири, работным людям не разрешено жениться. В противном случае работник с женою подлежит отправке «на прежнее его жилище». Если работный человек будет обучен на заводе «какому-либо искусству» и станет нужен заводу как специалист, то владелец или управитель завода (на государственных заводах) обязан уплатить вотчиннику за каждого такого крестьянина по 50 руб. до истечения срока, проставленного в пропускном письме. Неуплата денег в срок влечет за собой ответственность как за держание беглого крестьянина.

Но отсюда следует, что вотчинник не вправе потребовать возврата крестьянина с завода, если он получил квалификацию и за него внесена в срок положенная плата. В этом и состоит один из пунктов примирения интересов двух групп крепостников-землевладельцев и заводовладельцев, не исключая казны.

К вопросу о крестьянских отходах органически примыкает вопрос о переходе крестьян в города, на посады. Законодатели стремились прежде всего закрепить «посадскую вечность» как

²¹ В исторической литературе эти письма обычно называются покормежными. Однако в проекте Уложения 1720—1725 гг. в заголовках статей и в их тексте, за исключением двух случаев, письма названы пропускными.

следствие посадского строения конца 50-х годов XVII в. Для этого воскрешаются положения указов 1658 и 1665 гг.²²: «Людей и крестьян, взятых в посад по указам по торговым промыслам в 157 г., из посадов не отдавать» (ст. 48).

Посадская крепость подтверждена и в заимствованном из Регламента, или Устава Главного магистрата тезисе о сыске и водворении на посад лиц, покинувших его²³. Если купеческие и ремесленные люди, не желая платить податей, вышли из посадов «в разные чины и в крестьянство, и в закладчики, и якобы за долги отданы», их сыскать и отдать в те же посады в тягло, кроме тех, которые «обретаются действительно в его императорского величества военной и гражданской службах» (ст. 49).

Еще в Указе 1667 г., а затем в Наказе сыщикам 1683 г. было оговорено особое положение беглых из посадов в дворцовые волости и из дворцовых волостей в посады: при отсутствии челобитной о них из посадов и из дворцовых сел беглецы оставались на месте «до указу великого государя»²⁴.

В проекте Уложения 1720—1725 гг. этот закон воспроизводится с одним дополнением, что подушные деньги такие беглые должны платить в местах их записи в подушный оклад (ст. 52).

Любопытно, что законодатели обошли недавний сенатский указ 1723 г. об оставлении в городах лишь беглых дворцовых крестьян, приписанных к посаду, а не приписанных возвращать на прежние места²⁵.

Сохранение закона XVII в. можно рассматривать как выражение тенденции не делать в правовом отношении различий между крестьянами черных и дворцовых волостей и посадскими людьми. Итак, законодательно закрепленные во второй половине XVII в. посадская крепость и сыск посадских тяглецов²⁶ остаются в силе в первой четверти XVIII в. И город, и купечество приносят лишь некоторые жертвы на алтарь абсолютистского государства. Но объективно это было в их же интересах.

Но весьма существенному вопросу о записи крестьян в посады проект Уложения воспроизводит основные положения законодательства 20-х годов XVIII в.²⁷

После Уложения 1649 г. определяющим в вопросе прикрепления промыслово-торговых крестьян к посадам было установление ограничительных сроков записи в посад²⁸. Закон не ставил опре-

²² ПРП, вып. VII, стр. 296, 329.

²³ ПСЗ, т. VI, № 3708, стр. 293.

²⁴ ПРП, вып. VII, стр. 200, 238.

²⁵ ПСЗ, т. VII, № 4399.

²⁶ А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в., стр. 264—299.

²⁷ Резолюции Петра I на магистратские докладные пункты (ПСЗ, т. VII, № 4312) и сенатский указ от 16 сентября 1724 г. (там же, № 4566).

²⁸ А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в., стр. 276—285.

деленных требований относительно имущественного ценза, хотя последний *de facto* подразумевался (наличие дворов, торгов и промыслов на посаде). Уже на рубеже столетий ограничительные сроки были сняты и провозглашен принцип свободной записи на посад по торгам и промыслам²⁹.

Дальнейшее законодательство Петра I вводит имущественный ценз как непрременное условие записи в посад. Однако ответственность за уплату подушной подати с крестьян, перешедших в посад, оставалась за их помещиками, в связи с чем новые посажане обязывались выплачивать помещикам как подать, так и помещичий оброк в обычном размере. Кроме того, они должны были наряду с посадскими людьми платить 40 коп. дополнительной подушной подати. Правительство Петра I драго три шкуры с зажиточных крестьян, пополнявших ряды посада. Тем самым насущная проблема пополнения рядов купечества и роста городов решалась с наименьшим ущербом для дворянства.

Эти законы полностью воспроизведены в проекте Уложения. Статья названа «О свободной записке в посад по торговому промыслу». Если служилые люди по прибору, а равно дворцовые, синодальные, архиерейские, монастырские и «иных пристойных чинов» люди или крестьяне захотят записаться в посад, «и им вольно, только не побегом». Вотчинники должны знать об их записи в посад. За ними остается обязанность собирать подушные деньги и право на помещичьи поборы, но в размере лишь «против обыкновенных крестьян, а не по богатству». Однако записаться в посад могут лица, имеющие торг не менее как на 500 руб. Для приезжающих к петербургскому порту этот ценз снижается до 300 руб. При записи в посад должно быть произведено официальное освидетельствование размеров торго (ст. 50).

Отдельная статья, представленная как новая, устанавливает меру ответственности при записи в посад крестьян с размером торго ниже указанной суммы, либо вовсе без освидетельствования торго. Крестьяне, записанные в посады с нарушением требований закона, приравниваются к беглым, подлежат возврату на прежние места, а с лиц, повинных в их записи, взыскиваются пожилые деньги. В этом добавлении к действующим законам нельзя не видеть стремления усилить гарантии их выполнения.

Начиная от Уложения 1649 г. основным вопросом в развитии крепостного права становится вопрос о сыске беглых крестьян и урегулировании прав дворянства на владение ими. Настойчивое требование дворян о вмешательстве правительства в дела сыска привело к обширному законодательству о сыске и к созданию уже в XVII в. государственно организованной системы сыска. В первой четверти XVIII в. вследствие значительного роста государ-

²⁹ Приговор Ратуши 11 марта 1700 г. (ПСЗ-I, т. IV, № 1775).

ствежных повинностей и введения подушной подати побегу крестьян приняли колоссальные масштабы³⁰. Неизмеримо возросшие масштабы законодательной деятельности Петра I, связанной с реформами во всех областях государственного управления и хозяйства, не снижают высокого удельного веса законов, посвященных сыску беглых крестьян, работных людей и солдат.

Достаточно ознакомиться с основными законодательными актами — указами от 19 февраля 1721 г., 6 апреля 1722 г. и Платом 26 июня 1724 г.³¹, чтобы сложилось представление о том, какое место отводило правительство сыску беглых крестьян в процессе укрепления крепостного права.

Естественно, что указанные законодательные акты наряду с некоторыми другими легли в основу статей VI главы, посвященных сыску беглых крестьян. Количественно эти статьи занимают не менее $\frac{2}{3}$ всего объема главы. Попытка их систематизации по содержанию приводит прежде всего к выделению той группы статей, которая посвящена выработке мер предупреждения побегов. Эту систему мер можно разделить на две группы, одна из которых входит в компетенцию органов государственного аппарата, другая — вотчинного режима. Прежде всего, как это уже указывалось, законом введено общее запрещение приема беглых, которое распространяется на «всех подданных Российского государства» (ст. 6). Контроль за предупреждением побегов крестьян возлагается на органы местной власти — на воевод в пределах их провинций, на военные чины, «которые на вечных квартирах обретаются» в пределах расквартирования полков, и на священников в их приходах. Воеводы обязаны, «дабы сие тяжкое о беглых запрещение» было памятно, систематически осуществлять «по-полугодные публикации» с указанием всех следующих за прием беглых «штрафов и казней». Приходским священникам вменялось в обязанность во все недельные праздники после литургии зачитывать вслух воеводские «публикации». Кроме того, от них требовали «подтвердительные сказки» «под лишением священства и под политической смертью» об отсутствии беглых в приходах. В случае появления беглых священник обязан был доносить властям.

Профилактические цели преследовал и обязательный характер регистрации в местных канцеляриях как одиночных, так и поженившихся беглых, пришедших в вотчины данного уезда (ст. 33).

По линии внутривотчинного управления законодательство устанавливало следующие предупредительные меры.

³⁰ С. М. Троицкий. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966, стр. 117—119; Ю. А. Тихонов. Феодалная рента в помещичьих имениях Центральной России в конце XVII — первой четверти XVIII в. — «Россия в период реформ Петра I». М., 1973, стр. 199—215.

³¹ ПСЗ-I, т. VI, № 3743, 3939; т. VII, № 4533.

По аналогии с действиями местной администрации вотчинники должны ежегодно доводить до сведения приказчиков и крестьян своих вотчин запрет приема беглых и «репорт о них получать». В случае обнаружения в вотчине беглых крестьян вотчинник обязан в подтверждение исходивших от него запретов предъявить «репорты» с мест. При отсутствии «репортов» с вотчинника взыскиваются пожилые деньги, даже если беглые приняты без его ведома (ст. 95). Данное установление является новым, его нет в действующем законодательстве. Другая мера состоит в организации внутривотчинного контроля с целью предупреждения побега крестьян из вотчин (ст. 7). Вотчинник обязан наказывать крестьян, подозреваемых в намерении бежать из вотчины; обязан немедленно преследовать бежавших и одновременно задерживать попавшихся ему крестьян других вотчинников. Более того, в проект Уложения внесены новые статьи о награждении за поимку и привод к суду беглого в размере половины его пожитков (ст. 136) и, наоборот, о наказании пятилетней ссылкой на галеры тех, «кто к побегу подговорит или оных поимать не даст и на дороге отобьет» (ст. 135). Предписание о наказании кнутом беглых крестьян как при отдаче их вотчинникам властями, так и в случае поимки самими вотчинниками также следует отнести к числу превентивных мер в борьбе с побегами (статьи 7, 20). К таким же относится требование доносить о беглых в квартирах военным управителям, а при их отсутствии — воеводам (статьи 8, 33). Нетрудно заметить, что меры предупреждения крестьянских побегов, установленные проектом Уложения 1720—1725 гг., как для органов местного управления, так и для вотчин представляют собою единую систему мер, органически смыкающихся между собой и дополняющих друг друга. Основным назначением системы превентивных мероприятий служило лишение крестьян возможности убежать от своих вотчинников, а в случае побега — возможности получить убежище.

Необходимо отметить, что законодательство петровского времени, а вслед за ним и разбираемая глава проекта Уложения уделили значительно больше внимания выработке мер предупреждения побегов, чем это было во второй половине XVII в. Этим же целям служил весьма тщательно разработанный вопрос о санкциях за прием и держание беглых.

Так же, как и в XVII в., закон выделяет две социальные группы, варьируя соответственно определение санкций: а) вотчинники-дворяне; б) приказчики, старосты и другие должностные лица всех видов землевладения, включая посады.

Основной, унаследованной от XVII в. формой взыскания за прием беглых оставались пожилые деньги. Их взыскание меняется в зависимости от времени совершения проступка до и после 1723 г. — срока, который был установлен указами 1721—1722 гг. для возврата беглых. В случае возврата беглых или возбуждения дела до 1723 г. пожилые деньги взыскиваются в размере,

установленном в XVII в.³² При несоблюдении условий указов 1721 и 1722 гг. пожилые деньги взыскиваются с 1678 по 1723 г. в размере 60 руб. за каждый двор (ст. 77). При приеме или укрывательстве беглых после 1723 г. размер пожилых денег возрастает до 100 руб. за мужчину и 50 руб. за женщину (статьи 94, 103). В данном случае пожилые деньги сливаются со штрафом и принимают его форму.

При возврате беглых до 1723 г. из дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских земель и посадов пожилые деньги не взыскиваются. Равным образом отменено взыскание пожилых денег с вотчинников за беглых крестьян из указанных владений. От уплаты пожилых денег освобождаются новые владельцы пожалованных вотчин, если они в указанный срок вернули беглых, принятых прежними владельцами (статьи 83, 84). Для этого новым владельцам дается двухгодичный срок. Обнаружение беглых в пожалованных вотчинах по истечении двух лет влечет за собой ответственность в обычном порядке.

Аналогичным образом решается вопрос и относительно беглых в унаследованных вотчинах. В случае смерти прежних владельцев, которые приняли беглых, ответственность ложится на приказчиков и старост этих вотчин (ст. 103). Если же вотчина наследуется, имея уже иск в пожилых деньгах, то они взыскиваются с наследников (ст. 107). При обнаружении беглых после наследования вотчин пожилые деньги взыскиваются с момента наследования, а при многих наследниках — «по пропорции, кому что досталось» (статьи 108, 109).

Следующей мерой взыскания за прием беглых была конфискация имущества. В случае приема беглых после указов 1721—1722 гг. по письменному или устному распоряжению вотчинника «сверх зажилых денег все его [вотчинника.— А. М.] движимое и недвижимое имение взять и отдать тому, кому те беглые отданы будут». А приказчиков и старост, чтобы впредь таких повелений не исполняли, «по розыску бить кнутом» (статьи 87, 91). В отношении лиц духовного звания помимо конфискации имущества назначается «чинить в святейшем Синоде извержением чина» (ст. 99). Закон обязывает приказчиков доносить местным властям о «повелительных письмах» своих вотчинников. За донос назначалось вознаграждение. Уездные канцелярии должны отсылать письма вотчинников в надворные суды (ст. 88). В случаях же утайки писем приказчикам определялось наказание (ст. 89). В отношении составителей подложных писем закон требовал, «учиня наказание и, вырезав поздри, ссылат в галерную работу вечно» (ст. 90).

Если же приказчики, старосты и крестьяне, в том числе и

³² За беглых, принятых до 1661 г., — 10 руб. в год за двор; после 1661 г. — 20 руб. за двор (см. А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в., стр. 67).

сами беглые, не могут очевидными доказательствами обличить вотчинников, давших словесные указания держать беглых или знавших о них, то тех приказчиков, старост и крестьян надлежало подвергнуть пытке. Если под пыткой будут снова обличать вотчинников, то последние признавались виновными и с них взывались пожилые деньги в максимальном размере. Сами же приказчики и старосты подвергались за держание беглых ссылке «в галерную работу на 5 лет» (ст. 94). В данном случае применялось право инквизиционного феодального суда, закрепленное в процессуальной части Уложения 1720—1725 гг.

В случаях, когда приказчики или старосты не поставили своих вотчинников в известность о наличии беглых крестьян или не выполнили распоряжения о вывозе их на прежние места, сверх штрафа им назначалось битье кнутом и ссылка в каторжные работы на год (ст. 78). Битье кнутом следовало за прием беглых по повелению вотчинников. Даже донос приказчиков на вотчинников после принятия беглых не освобождал первых от наказания (ст. 89). Тем более суровое наказание угрожало приказчикам в случае принятия беглых без ведома и повеления вотчинника. В таком случае виновным угрожало вырезание ноздрей и ссылка на галеры навечно. «А жен их и детей и все их имение вместо пожилых денег отдавать челобитчику» (ст. 92). Несколько более слабое наказание в подобных случаях ожидало приказчиков дворцовых, синодальных вотчин и на посадах. Старосты, выборные и десятские этих земель подлежали наказанию кнутом и ссылке на галеры «на урочные годы» (ст. 97). Аналогично обстояло дело в архиерейских, монастырских и церковных вотчинах. Келари, казначеи и поселские старцы разделяли участь приказчиков дворцовых и синодальных владений. Монастырских старцев, виновных в приеме беглых, велено, по решению Синода, «ссылать вечно под начал» (ст. 100).

Наконец, определенные санкции предусматривались и для самих беглых. Повторяя один из пунктов указа 1721 г., ст. 20 предписывала всех беглых при отдаче бить кнутом. От наказания освобождались только те, кто был уведен в малолетстве или родился в бегах. Закон обязывал вотчинников наказывать беглых крестьян при поимке их собственными силами (ст. 7). Наказание кнутом полагалось при попытке скрыть своего вотчинника, при перемене имен в бегах, при отказе от своих отцов и т. п. В этих случаях применялась и пытка.

Значительное место уделено в разбираемом памятнике основаниям и условиям возврата беглых крестьян. Общая формула этих условий гласит: беглые подлежат отдаче их владельцам по крепостям без урочных лет. Отдавать их с женами, детьми, внучатами и зятьями, живущими вместе с ними; с имуществом, включая хлеб стоячий и молочный (статьи 22, 23). Важнейшим основанием крестьянской крепости признаются писцовые и переписные книги начиная с 1626 г. (ст. 65 и др.); ко второй группе юри-

дических оснований относятся сделочные акты о крестьянах (купчие, поступные, меновые, выписи из дел о беглых и др.). При отсутствии двух названных групп оснований таковым могла быть и «старина», но старина документированная или доказанная свидетельскими показаниями. Все это полностью унаследовано от второй половины XVII в. Однако значительно детальнее, чем в прошлое время, регламентируются законом случаи возврата крестьян, вступивших в брак в бегах. Амплитуда колебаний здесь крайне широка — от установлений, заимствованных из Уложения 1649 г., до установленных указа 1722 г. и ряда новых норм. Например, вслед за Уложением 1649 г. узаконен возврат беглой крестьянки-вдовы вместе с ее новым мужем, за которого она вышла в бегах, при условии, если ее первый муж записан за вотчинником в переписных книгах или в иных крепостях (ст. 25).

Новая статья добавляет, что возврату подлежит и та беглая «женка», муж которой родился и был крепок по старине в прежней вотчине (ст. 27).

Из указа 1722 г. заимствован закон о передаче дочерей и внучек беглых крестьян вместе с их мужьями, тоже беглыми крестьянами, владельцу последних. Этот вотчинник обязан платить за «девок» по 10 руб., а о «зажилых деньгах чинить по указу» (ст. 29). Тут же новая статья добавляет, что если по беглой вдове или «девке» отдан будет и «зять» (тоже беглый крестьянин), то владелец последнего в случае возбуждения иска после факта передачи крестьян теряет право требовать возврата своего крестьянина, а может получить за него 100 руб. с того, кто его «по беглой отдал». Общее количество статей такого рода более двадцати. Число казусов, фиксированных в них, весьма разнообразно и достаточно велико. Здесь нет возможности, да и необходимости раскрывать содержание всех этих статей. Но определенные тенденции, которые хорошо прослеживаются в них, следует отметить.

Законодатели стремятся по возможности сохранить крестьянскую семью, а потому, как правило, семья (муж и жена), состоящая даже из беглых крестьян разных вотчинников, передается кому-либо одному из них, а другая сторона получает денежную компенсацию. Если иск возбужден относительно мужа и жены одновременно, то закон передает семью той стороне, которой принадлежит мужчина. А за вдову или незамужнюю женщину ее владелец получает пожилые деньги и сверх того 50 руб. с того, кто выдал ее за беглого (ст. 31). Возможна передача мужа по жене, если в отношении жены возбужден иск ее владельцем, а владелец мужа неизвестен. Если он объявится позднее, то получает за своего крестьянина с того, «кто его по беглой отдал», пожилые деньги и 100 руб.

Законодательство первой четверти XVIII в. своей первоочередной задачей считало охрану прав дворянства на крестьян, в связи с чем усиливало репрессию против тех, кто допускал

нарушения крепостного устава. Отсюда проистекает ряд установлений, касающихся процедуры выявления и отдачи беглых крестьян. Например, беглые разных вотчинников, поженившиеся в бегах и пришедшие к одному из своих вотчинников, должны быть представлены в воеводскую канцелярию для допроса и регистрации (ст. 33).

Всех беглых, прибывших к ним, вотчинники и приказчики обязаны возвращать их владельцам под расписку. При этом предварительно следует сообщать о беглых в городах и провинциях воеводам и судьям «для записывания». Если беглых их владельцы почему-либо не примут, то их отдавать воеводам и судьям тех городов, куда беглых надлежит вернуть. Воеводы и судьи должны отправить их по назначению (статьи 120, 121). Если беглых нельзя вернуть в указанный срок до 1723 г. «за пустою» прежних мест их жительства, то от воевод надлежит получить «ведомости», а затем в течение пяти месяцев подавать челобитные генерал-рекетмейстеру с подробными данными о составе беглых. От лица последнего в Петербурге, Москве и в городах и уездах, где проживали владельцы беглых, должны быть сделаны публикации о них в течение трех лет, по истечении которых, если их вотчинники не явятся, беглые остаются за тем лицом, которое их предъявило. В этом случае «для владения» выдаются «выписи с челобитья». Поступивший таким образом вотчинник освобождается от уплаты пожилых с момента объявления о беглых (статьи 125, 126).

Если при допросе беглые не назовут своих вотчинников и нет возможности установить их другим путем, то беглые подлежат переселению с семьями и имуществом на императорские земли в Ингерманландии. Если их вотчинник объявится позднее, то он теряет право на крестьян, но может получить пожилые деньги и, кроме того, за каждую душу по 50 руб. с тех, кто их держал в бегах. Ложные сведения о беглых, подлежащих поселению в Ингерманландии, или укрывательство их влекут шельмование виновных и конфискацию имущества в пользу государства (статьи 130—133). Так правительство намеревалось использовать побег крестьян для заселения вновь присоединенных территорий.

Закон категорически преследовал насильственную высылку (изгнание) беглых крестьян из имений. Нарушившие это требование обязаны сыскать беглых в течение полугода, а при невыполнении компенсировать владельцу своими крестьянами или по 50 руб. за душу. В случаях присвоения имущества выслаемых беглых штраф поднимается до 100 руб. за душу сверх пожилых денег. При совершении такого проступка приказчиками или старостами без ведома господина виновные наказываются кнутом и ссылаются на галеры «навечно» (статьи 120—124).

Касаясь оснований и условий возврата беглых крестьян, нельзя пройти мимо двух весьма важных обстоятельств.

В борьбе с нарушениями крепостного устава закон встает

на путь поощрения доносов на держателей беглых. Выше указывалось, что закон требовал от приказчиков и старост доносить на своих вотчинников, укрывших беглых крестьян или давших распоряжение о приеме беглых. За умолчание следовало наказание, а за донос — вознаграждение: предоставление свободы и четвертой части имений, конфискованных у вотчинника за распоряжение о приеме беглых. В качестве общей нормы поощрение доносов сформулировано в ст. 98: «Кто из таковых обывателей, оберегая себя от платежа пожилых и наказания, о беглых объявлять будет». Статья призывает доносить на вотчинников, но требует при этом «подлинных свидетельств». Второй момент — поощрение возврата беглых к своим вотчинникам по собственной инициативе. Один из приемов поощрения состоял в том, что беглый, обокравший того, у кого жил в бегах, в случае возвращения с краденным к своему вотчиннику не нес никакой ответственности, а владелец этого имущества терял на него право (ст. 137, новая).

*

В заключение отметим, что крестьянская глава проекта Уложения 1720—1725 гг. в значительной части уходит корнями как в далекое, так и в недавнее прошлое законодательства о крестьянах. В этом смысле будет правильно расценить ее как опыт кодификации и систематизации действующего законодательства. Значительная часть новых статей главы служит лишь дополнением к статьям, за которыми они следуют, либо дает варианты к уже имевшим место в прошлом законодательстве темам и их решениям. Дополнения вызваны главным образом новейшими изменениями в государственно-правовой структуре Русского государства. Эти новые моменты отмечены нами в ходе изложения статьи: резкое увеличение материальных и иных взысканий за держание беглых, детализация владельческого и наследственного права в сфере споров о беглых крестьянах, новая регламентация крестьянских отходов и т. п. Но было бы ошибкой ограничить оценку разбираемого памятника констатацией только этих моментов. С главой VI, как и с Уложением 1720—1725 гг. в целом, связан ряд важных новшеств в развитии права. Нам представляется принципиально верной оценка реформ Петра I, данная М. П. Павловой-Сильванской: продиктованное соображениями сохранения национальной независимости «ускоренное строительство мануфактур, создание постоянной армии, реформа государственного аппарата были ответом на усиливающийся натиск капиталистической Европы»³³. Заимствуя государственные институты европейских стран и приспособлявая их к нуждам феодального государства, правительство Петра I в тех же целях пыталось использовать систему права главным образом таких

³³ М. П. Павлова-Сильванская. К вопросу об особенностях абсолютизма в России.— «История СССР», 1968, № 4, стр. 71—85.

государств, как Швеция и Дания. Это сказалось преимущественно в сфере судопроизводства, процессуального и уголовного права³⁴. Но такие важнейшие разделы права, как земельное и в особенности крепостное, не испытали каких-либо воздействий западноевропейского законодательства. Правда, и в этом отношении предпринимались поиски прецедента, не давшие, однако, результата. Предписывая в 1719 г. Сенату рассмотреть шведское Уложение с целью использования пригодных к России политических норм, Петр I сделал специальную оговорку: «Для поместных дел взять права эстляндские и лифляндские, ибо оные сходнее и почитай одним манером владение имеют, как у нас»³⁵. Однако следов использования каких-либо норм прибалтийского права в проекте крестьянской главы Уложения 1720—1725 гг. не имеется.

В манифесте, которым надлежало объявить введение нового Уложения, говорилось, что подданные «будут мирны, безмятежны и смиренны правды законов хранители, богоненавистная ж совесть сваров миром и судом его пресечена и весьма искоренена да будет», «вредные злобы» будут «суждены» и каждый подданный государства может «благочестно пребывать» и «познавать» свое звание³⁶.

Новое Уложение, таким образом, должно было наиболее полно воплотить идеи абсолютизма и прежде всего идею «общего блага»³⁷. Однако за велеречивыми словами манифеста видна и классовая подоплека Уложения — каждый должен «благочестно пребывать» и «познавать» свое звание. В предисловии «К доброхотному читателю», которое предваряет текст Уложения, содержится угроза в адрес тех, кто, «яко клятвопреступник и клеветник или тать, тайно и явно обижает чужое имение неправдою»³⁸.

Издание нового Уложения подвело бы под государственные реформы Петра I единую систему права, охватывающую все стороны государственной и общественной жизни и регулирующую отношения общественных сил в интересах дворянского сословия. Но и на дворянство в видах соблюдения крепостного устава налагались определенные обязательства перед законом. Законодательство Петра I в особенности проект Уложения 1720—1725 гг. интересны в том отношении, что ставили дворянство в более жесткие правовые рамки во имя так называемой «государственной пользы». Идея «государственной пользы», столь характер-

³⁴ Об этом см. А. Г. Маньков. Использование в России шведского законодательства при составлении проекта Уложения 1720—1725 гг.— «Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв.». Л., 1970, стр. 112—126.

³⁵ ПСЗ, т. V, № 3463.

³⁶ В. Н. Латкин. Указ. соч., стр. 35—36.

³⁷ Н. И. Павленко. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в.— «Абсолютизм в России». М., 1964, стр. 398; *оп. же.* Петр I.— «Россия в период реформ Петра». М., 1973, стр. 61—70, 77.

³⁸ В. Н. Латкин. Указ. соч., стр. 37.

ная как для петровского, так и последующего абсолютизма³⁹, получила в Уложении наиболее полное воплощение. Уложение 1720—1725 гг. повлекло бы за собой упорядочение новой государственности и укрепление положения в ней дворянства как класса. Включение же крестьянского вопроса в рамки гражданского права, как одного из институтов буржуазного права, не могло означать ничего иного, как попытку влить старое вино в новые мехи.

Но тем не менее это вызвало необходимость дать общее правовое определение крепостной зависимости, согласно которому право помещиков на крестьян приравнивалось к праву на недвижимую собственность (помесья). И еще одно обстоятельство: в связи с разработкой при Петре I понятия государства как силы, стоящей над обществом, крепостное право принимает все более государственный характер.

Уложение 1720—1725 гг. закрепляет и усиливает эти его черты. Сказанное, думается, показывает, что крестьянский вопрос является прекрасной лакмусовой бумажкой для определения дворянской природы русского абсолютизма первой четверти XVIII в.

---

³⁹ *Н. И. Павленко. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в., стр. 409; он же. Петр I, стр. 65—66, 73.*

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ДВОРЯНСКОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

(по записным книжкам и «мемориям» Петра I)

Одной из важных страниц в истории России является первая четверть XVIII в., которая характеризуется борьбой с отсталостью страны. Преобразования этой поры коснулись всех сторон жизни Русского государства, но основной стержень ее — феодально-крепостнический строй — оставался неизменным. Отсюда проистекали неизбежные противоречия, возникавшие и в процессе творческой мысли преобразователя в результате реформ. Печать такого противоречия сказалась в области культурных преобразований, в области формирования дворянской интеллигенции, которая, как показала вторая половина XVIII и XIX в., не пошла единым руслем, но раскололась.

Попробую показать, как была скована творческая мысль преобразователя, стремившегося преодолеть культурную отсталость в рамках крепостнического строя. Мы располагаем для этой цели богатейшим источником — записными книжками и «мемориями» Петра I. Однако до сих пор первые не изданы, а памяти даже не собраны вместе и не учтены.

Особенно привлекают внимание историков и археографов «Записные книжки» Петра I. Уцелело всего 13 книжек, которые собраны воедино и хранятся в крупнейшем архивохранилище страны — Центральном государственном архиве древних актов¹. Ничтожную часть записей из этих книжек издавали начиная с XVIII в., но не полностью, выборочно². Голиков, например, напечатал из Записной книжки № 6 почти все записи (65 из 70), но дал их не компактно, а в разбивку на нескольких страницах³. Воскресенский из той же книжки № 6 опубликовал только семь пунктов⁴. Так же поступал он и с остальными документами и этим приемом обезоружил исследователя и обесценил собственную работу над датировками записных книжек. Целиком

¹ ЦГАДА. ф. 9 (Кабинет Петра I). отр. I, кн. 52, № 1—13.

² И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, т. XVI. М., 1795, стр. 436—461; изд. 2, т. XI. М., 1829, стр. 492—507; Г. В. Есинов. Выписки из памятных

книжек Петра Великого. — «Исторический вестник», 1881, т. V, стр. 182—185; Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I, т. I. М.—Л., 1945, стр. 34, 38, 53—55, 78, 136 (Воскресенский опубликовал отрывки из записных книжек № 1, 3, 4, 6, 8 и 13).

³ И. И. Голиков. Указ. соч., изд. 2, т. XI, стр. 492, 494, 496, 498, 499, 503, 506—507.

⁴ Н. А. Воскресенский. Указ. соч., т. I, стр. 38.

были изданы две записные книжки: № 3 (1701—1703 гг.) и № 6 (1711 г.)⁵.

Необычайно интересна записная книжка № 6. Все записи в ней так или иначе связаны с 1711 г., они охватывают время от января до 31 августа включительно, т. е. от подготовки к Прутскому походу до прибытия Петра I в конце августа в Торн, когда Прутский поход остался позади⁶. Совершенно очевидно, что печатать записи из такого памятника в разброд или в отрывках, игнорируя документ в целом, не зная времени, места и обстановки записи, нецелесообразно.

Не меньший интерес, чем записные книжки Петра I, представляют близкие к ним «записные листы», иногда озаглавленные «мемории»⁷, но чаще без всякого заголовка. Происхождение их не всегда ясно. Иногда они производят впечатление отдельных уцелевших листов из записных книжек или записей на особых листах, заменявших такую книжку. Часть их наравне с «мемориями» содержит ряд поручений определенному лицу или лицам. Многие мемории попадают в нескольких экземплярах: оригинал, копия, памятка для исполнителя и т. д. Нередко «мемории» испещрены условными обозначениями (крестиками, черточками), часть записей вычеркнута⁸. Сохранилась любопытная памятка «Опись куриозным вещам в Париже»⁹. Имеются любопытные записи сновидений Петра I и его жены Екатерины Алексеевны¹⁰. Многие листы представляют собою копии или выписки из записных книжек и записных листов с отметками о выполнении отдельных пунктов. По-видимому, непосредственно после смерти Петра I была проделана специальная работа с пересмотром его записных книжек и записных листов, в результате чего появились списки записей указов и мероприятий, которые Петр I намечал, но не успел выполнить, например «Выписка из меморей собственноручных блаженныя и высокославныя памяти государя императора Петра Великого»¹¹.

⁵ «Письма и бумаги Петра Великого» (далее — ПИБ), т. II. СПб., 1889, стр. 309—316, № 612—616 (Заметки в записных книжках 1701—1703 гг.); т. XI, вып. 2. М., 1964, стр. 331—333, 617—619 (записная книжка № 6 и комментарии к ней).

⁶ Последняя запись сделана, по-видимому, 31 августа — в день, когда прибыл посол от польского короля с известием об успехах союзной армии (см. ПИБ, т. XI, вып. 2. М., 1964, стр. 108—109, № 4714).

⁷ Многие из меморий именные: Я. В. Брюсу, Б. И. Куракину, И. А. Мусину-Пушкину (он назван только по имени и отчеству: «Мемория отдана Ивану Алексеевичу»), П. И. Ягужинскому (ЦГАДА, ф. 9, отд. I, кн. 54, лл. 103, 104, 358).

⁸ Обычно зачеркнутая запись означала, что дело, о котором шла речь, выполнено.

⁹ ЦГАДА, ф. 9, отд. II, кн. 88, л. 21. Или: «Роспись книгам, которые желает иметь в своей библиотеке господин Детре, маршал и вице-адмирал Французской» (там же, кн. 82).

¹⁰ ЦГАДА, ф. 9, отд. I, кн. 64, лл. 21—24; кн. 65, лл. 293—294.

¹¹ Там же, кн. 33, лл. 513—515; кн. 29, л. 442 и др.

Число таких документов, часто без названия или с именем «мемория», т. е. памятка, памятный лист, очень велико. Большое число рукописных копий, снятых с меморий из фонда Кабинета Петра I, находится в Ленинградском отделении Института истории (ЛЮИИ) в фонде Комиссии по изданию Писем и бумаг Петра Великого¹². Однако работа Комиссии по выявлению и копированию памятных листов, проходившая в последней четверти XIX в., не была закончена, о чем можно судить по тому, что копии были сняты только с документов Кабинета Петра I (другие фонды, по-видимому, не были обследованы, хотя мемории встречаются и в фондах Разряда (II, V, XI) и в Сенатском архиве (книги 6, 7, 9, 18, 24, 26, 54) и др.¹³

Изучение всей этой группы документов, где обилие мыслей заключено в скупые строки, вводит нас в лабораторию крупного государственного деятеля. Документы эти должны явиться предметом специального источниковедческого исследования.

Я попыталась проследить в записях Петра I вопрос о культурных преобразованиях. Удалось изучить помимо записных книжек свыше 150 записных листов и меморий.

Записные книжки и записные листы содержат богатейшие данные о создании учебных заведений разного типа: от начальных школ до академий (Академии наук, Морской академии, Академии художеств), о предметах обучения — от основ грамотности (грамота, арифметика, закон божий) до специального изучения военных наук, артиллерии, инженерного дела, гидрологии, геодезии, географии, экономики, истории, архитектуры, пиротехники, музыки; об изучении языков как западноевропейских, включая древние, так «словенских» и языков народностей (калмыцкий язык). В записях ставится вопрос о преподавательском составе, о приглашении зарубежных ученых, о посылке «молодых» людей в западноевропейские страны. Ставится вопрос об учебных пособиях, прежде всего книг и словарях, о «моделях» для домашнего обучения, о глобусах, линейках, циркулях. Вопрос о книгах — своих и переводных, а также о составлении словарей, об издании их стоит особенно остро. Есть любопытная запись об устройстве в Зимнем дворце специального кабинета, где «убрать за стекла з дубом печатными листками своих дел»¹⁴, — по-видимому, речь идет об устройстве кабинета гравюр («печатных листков»), отмечавших крупные события, т. е., как бы мы сказали, о постоянной выставке достижений в стране.

Мы знаем, как много из задуманного, — что сохранилось в скупых строчках записей, — было осуществлено. Нас интересует, как в этих многочисленных и разнообразных проектах отрази-

¹² Она составит примерно 10 печатных листов.

¹³ Возможно, что не все копии, снятые с материалов фонда Кабинета Петра I, сохранились.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 9, отд. I, кн. 31, лл. 239—242, п. 14.

лась дворянская политика; как задача преодоления культурной отсталости уживалась с задачей укрепления феодально-крепостнического государства, какие противоречия возникали в процессе формирования монолитного господствующего класса дворянства.

Попробуем проследить это по составу учащихся, т. е. ответим на вопрос, для кого, для какой группы населения, для какого общественного класса создавались учебные заведения и другие культурные мероприятия.

По-видимому, начальное обучение (русская грамота и грамматика, арифметика и закон божий)¹⁵ мыслилось для широкого круга населения, — не только для дворян. В записных листах и мемориях зачастую не было указано, для кого устраивали школы первоначального обучения. Иногда состав учеников обозначался туманно: ребята¹⁶, сироты¹⁷, подкидыши¹⁸. В одной из меморий находим: «О учении ребят грамоте и цифири — плотничьих и протчих мастеровых детей»¹⁹.

Обучение должно было вестись в монастырских школах²⁰, в самом монастыре²¹ или «возле»²². В регламенте о монастырях 1724 г. Петр I указал, чтоб монахи обучали детей (речь шла о сиротах) с пятилетнего возраста²³.

В одном из проектов об обучении подкидышей Петр I писал: «И учить их грамоте с некоторою прибавкою, а имянно грамматику, арифметики 5 частей и геометрию — в мужских. Но лутче сим учениям быть в особливом месте под ведением и надсмотром наставника, а не по монастырям... А в женских, вместо геометрии — мастерства женские»²⁴.

Подводя итоги рассмотрению записей о детском первоначальном образовании, отметим, что такое обучение распространялось и на девочек и что предназначалось оно, видимо, не для дворян, а для разночинцев. О школах для крестьянских детей не помышляли.

¹⁵ Об обучении грамоте и арифметике см.: ЦГАДА, ф. 9, отд. I, кн. 31, л. 232; кн. 33, лл. 439—440, 497; кн. 40, л. 97; кн. 44, лл. 406, 524—528, п. 53. Кроме того, о грамоте — там же, кн. 31, л. 154; об арифметике — там же, кн. 41, лл. 546—552, п. 77; кн. 54, лл. 93—95, 412—413; о грамматике — там же, кн. 33, л. 439; о законе божьем — там же, кн. 44, л. 524; кн. 54, лл. 93—95.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 9, отд. I, кн. 31, л. 232; кн. 33, л. 497.

¹⁷ Там же, кн. 33, лл. 439—440, п. 4; кн. 54, лл. 512—513.

¹⁸ Там же, кн. 33, лл. 439—440.

¹⁹ Там же, кн. 40, л. 97 (на полях помета рукою Петра I: «Зделано»); см. также кн. 41, лл. 546—552, п. 19; кн. 44, л. 406.

²⁰ Там же, кн. 31, л. 154, п. 157.

²¹ Там же, л. 154, п. 10, л. 232.

²² Там же, кн. 33, л. 497.

²³ Н. А. Воскресенский. Указ. соч., стр. 146, п. 9.

²⁴ ЦГАДА, ф. 9, отд. II, кн. 33, лл. 439—440, п. 4. О начальных школах с обучением геометрии см.: там же, отд. I, кн. 31, л. 154 (п. 10); кн. 44, лл. 524—528, (п. 53); кн. 54, лл. 93—95 (п. 15), 412—413, (п. 6).

Большое количество записей Петра I касается обучения «молодых»²⁵ дворян. Эти записи сильно отличаются от предыдущих. Так, Петр I отмечает: «О разделении учеников на море и на суше»²⁶. По-видимому, речь идет не просто о морских и сухопутных школах, а об распределении дворян с самого начала обучения в школы разного типа.

Забываясь о пополнении морской школы, Петр I запрашивает Сенат, почему он не направляет дворян в школу²⁷.

Предметы обучения молодых дворян помимо специального обучения военному и морскому делу — закон, «политика моралис» (правственное поведение)²⁸, «ар цивилис» (искусство вести гражданскую службу), геометрия²⁹, чтение латинских книг³⁰ и, по-видимому, изучение европейских языков, так как Петр I, записывая поручение А. А. Матвееву общего характера «О школах», добавляет: «О лексиконе словенском с протчими языки — Матвееву»³¹. Существовал даже специальный термин для знатока языков — «язычник»³². В 1724 г. мысль Петра I об изучении языков отлилась в следующую форму: «О Академии, в которой бы языкам учились, также протчим наукам и знатым художествам, и переводили б книги»³³.

Необходимым предметом обучения для «молодых дворян» должна была явиться история³⁴.

Но особенно много сохранилось записей об учении за рубежом. Молодых дворян отправляли туда изучать морское и военное дело³⁵, в том числе артиллерию и инженерное искусство³⁶.

²⁵ Возраст «молодых» не определен. Но в одной из записей читаем: «Солдат и рекрут обучать на море и для того брать молодых от 15 до 17 лет» (ЦГАДА, ф. 9, отд. I, кн. 33, л. 486, п. 31).

²⁶ ЦГАДА, ф. 9, отд. I, кн. 54, лл. 93—95 (п. 31), 412—413 (п. 23). Ср. запись: «О сухопутной школе Брюсу и указ о разделении молодых» (там же, кн. 44, лл. 524—528, п. 35).

²⁷ Там же, кн. 33, л. 486, п. 1; кн. 65, л. 299.

²⁸ Там же, кн. 54, лл. 93—95 (пп. 13, 14), 412—413 (п. 18).

²⁹ Там же, л. 93—95 (п. 15), 412—413 (п. 6).

³⁰ Там же, кн. 41, лл. 546—552, п. 64.

³¹ Там же отд. I, кн. 54, лл. 93—95, п. 16, 23; кн. 44, лл. 524—528, пп. 7, 9, 62. Записей о лексиконах голландском, шведском, «протчих» языков, славянском, латинском много (ЦГАДА, ф. 9, кн. 57, л. 540, пп. 2, 3; кн. 54, л. 361, п. 10). Запись о разговорном голландском языке — кн. 57, л. 540, п. 3. Ср. также о школах языков — ф. 9, отд. I, кн. 53, л. 600 (Н. А. Воскресенский. Указ. соч., стр. 145).

³² ЦГАДА, ф. 9, отд. I, кн. 54, л. 417, п. 8.

³³ Н. А. Воскресенский. Указ. соч., стр. 140. О переводе книг см. там же, л. 139.

³⁴ ЦГАДА, ф. 9, отд. I, кн. 54, л. 361, п. 11. Известно, как глубок был интерес Петра I к истории, истории своей эпохи, Северной войне. В своих записях он неоднократно обращается к этому вопросу (см. ЦГАДА, ф. 9, отд. I, кн. 7, 31, 33, 44, 52, 54, 55, 61—65 и др.).

³⁵ «По несколку молодых ребят из шляхетства посылать для обучения воинских дел за море» (ЦГАДА, ф. 9, отд. I, кн. 31, л. 233, п. 10; кн. 40, л. 90—91, п. 15).

³⁶ «К Кесарю, кои учились инженерству и артиллерии» (там же, кн. 44, л. 524, пп. 2, 40; кн. 54, л. 93, п. 3).

Для изучения морского дела посылали в Англию³⁷, Венецию³⁸, Флоренцию³⁹, Голландию⁴⁰, Испанию⁴¹, Францию⁴² и, возможно, Данию⁴³.

Все приведенные записи пронизаны определенной мыслью — создать отечественные кадры из дворян, из «шляхетства». «Чтоб кроме гвардии нигде дворянам в солдатах не быть», — заносит Петр I в одну из меморий. Запись эта повторяется дважды⁴⁴.

Привилегированное положение дворян должно быть и на суше и на море, как очевидно из следующей записи: «И нигде дворянским детям сначала не служить, только в гардемаринах и гвардии»⁴⁵.

Петр I хочет создать морскую гвардию не из рядовых дворян, а из царедворцев, как видно из следующей записи: «О гвардии морской — из царедворцов»⁴⁶. По-видимому, Петр I выделял из общей массы дворян-царедворцев, как свидетельствует другая его лаконичная запись: «Х. Куракину. О царедворцах молодых»⁴⁷.

Еще на самой заре своей деятельности, в 1697 г., Петр I отправил в Венецию для изучения навигации представителей титулованного знатного дворянства, как видно из его грамоты к венецианскому дожу Сильвестру Валерио⁴⁸. Учителем их оказался известный педагог, морской капитан, математик и картограф из южной Далмации Марко Мартинович. Сохранилась картина, на которой Мартинович изображен со своими знатными учениками⁴⁹.

³⁷ ЦГАДА, ф. 9, отд. I, кн. 54, лл. 93—95, п. 1; кн. 44, лл. 524—528, шп. 1, 38; кн. 33, л. 493—494, п. 11, л. 501, п. 3.

³⁸ Там же, отд. I, кн. 54, лл. 93—95 (шп. 1, 29), 412—413 (п. 2); кн. 44, лл. 524—528 (шп. 1, 38).

³⁹ Там же, отд. I, кн. 54, лл. 93—95 (п. 29), 412—413 (п. 20).

⁴⁰ Там же, кн. 33, лл. 493—494, п. 1.

⁴¹ Там же, отд. I, кн. 31, лл. 239—242, п. 23; отд. I, кн. 65, лл. 284—285, п. 39.

⁴² Там же, отд. I, кн. 64, л. 759, и 18 («о французских гардемаринах»). Кроме того, в ряде записей упоминается «служба» во Франции, без уточнения «во флоте» или «в гардемаринах» (там же, кн. 54, лл. 93—95 (п. 2), 412—413 (п. 1); кн. 44, лл. 524—528, п. 39), но, вероятно, речь идет об учении морскому делу. Ср. об изучении Кононом Зотовым во Франции морского дела (там же, кн. 38, лл. 187 и сл.).

⁴³ Там же, кн. 33, л. 488, п. 16. Запись — О письме князя Василия Лукича и о учениках (В. Л. Долгорукий был послом в Дании).

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 9, отд. I, кн. 31, лл. 216—217. Напечатано в кн.: Н. А. Воскресенский. Указ. соч., стр. 67; ЦГАДА, ф. 9, отд. I, кн. 33, лл. 497—500, п. 18.

⁴⁵ Там же, отд. I, кн. 31, лл. 239—242, п. 23.

⁴⁶ Там же, кн. 33, лл. 486, п. 9.

⁴⁷ Там же, кн. 64, л. 637, п. 5.

⁴⁸ ПиБ, т. I. СПб., 1887, стр. 134—135, № 139 и прим. на стр. 611.

⁴⁹ Картина была известна давно, но в цветной репродукции впервые появилась в 1962 г. в «Поморском сборнике», т. II, в Загребе («Pomorski sbornik», II, Zagreb, 1962, стр. 304—305). В русской историографии существует большая литература о Мартиновиче. Наиболее полно она собрана в кн. Е. Ф. Шмурло «Россия и Италия» (т. III, вып. 1, 1911,

Списки дворян, отправлявшихся за границу, многочисленны, неоднократно печатались за ряд лет; все же они далеко не исчерпаны и, главное, не подвергались специальному изучению — и статистически (сколько дворян получило высшее образование за рубежом при Петре I) и по существу (как проявили себя на отечественной службе вернувшиеся). Мне приходилось просматривать относящиеся к 1711 г. списки дворян, учеников Математической школы, отправляемых «для наук» в Амстердам, а также списки дворян, посылавшихся из Приказа Морского флота⁵⁰. Все это рядовые, не выдвинувшиеся из общей массы дворянства люди, но как важно было бы ознакомиться с биографией рядового образованного человека.

Однако сословный критерий далеко не всегда удовлетворял законодателя. Известно, как резко отзывался Петр I о своих беспалашных и незадачливых сотрудниках. Так, нелестную характеристику дал он А. И. Дашкову, который в течение ряда лет находился резидентом при гетмане А. Н. Синявском в Польше. Размышляя о том, кого послать с тонким ответственным поручением к Ракочи, Петр I писал: «К Рагоци кого послать? А, например, Украинцева, ежели лучше нет. Но Дашков, аки глупый, к сему не годится»⁵¹. Еще более резко отзывался он о нижегородском воеводе, который, узнав, что на степях нижегородского кремля какой-то дерзкий вольнодумец написал: «Быть бунту!», — не нашел ничего лучше как приставить караул к «крамольной» надписи, а сам запросил центр: как быть? Разгневанный царь ответил: «Дурак воевода Кутузов... Надобно учинить ему наказанье»⁵².

В то же время Петра I окружали талантливые люди не из шляхетства. Его близкий соратник и друг А. Д. Меншиков был, по одним свидетельствам, из простолюдинов, по другим — сын придворного конюха; толковали, что Меншиков торговал пирогами, пока не поступил в услужение к Лефорту мальчиком. Петр I высоко ценил его ум, находчивость, энергию, организаторский и особенно военный талант. В 1705—1706 гг. Петр называл Мен-

---

стр. 27—40, 52). См. также: А. В. Флоровский. Московские навигаторы в Венеции и римская церковь («Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen. Festschrift für Ed. Winter». Berlin, 1966, S. 198). См. также ссылки на югославскую литературу у М. М. Фрейдберга «Новые сведения о русско-югославских связях Петровской эпохи» («История СССР», 1968, № 1). Статья слабая, автор обнаружил полное незнакомство с отечественной литературой, не сумел показать, что югославские ученые открывают уже открытое, из-за незнакомства с русской литературой, беспомощно подал список учеников Мартиновича и не сумел его комментировать. Ценным в его статье является то, что он познакомил русского читателя с малодоступной югославской литературой о Мартиновиче 1962—1964 гг.

⁵⁰ ЦГАДА, ф. 50 (Сношения с Голландией), оп. 1, 1711, д. 1.

⁵¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. 15 (3). СПб., 1896, стр. 1931.

⁵² ПИБ, т. VII, вып. 1, Пг., 1918, стр. 200; вып. 2. М.—Л., 1946, стр. 848.

шикова «господин мой товарищ»⁵³, давая понять этими словами, что на фронте в отсутствие царя Меншиков является его заместителем. В 1707 г. Петр I ввел Меншикова в ряды титулованной знати, пожаловав его князем Ижорской земли с титулом «светлейшего»⁵⁴.

Были и другие отступления от ярко выраженной дворянской политики: А. А. Курбатов, крепостной, дворецкий Б. П. Шереметева, подавший Петру I проект о гербовой бумаге, был пожалован в дьяки Оружейной палаты, награжден домом и деревнями, несколько лет правил Архангельской губернией⁵⁵. Из крепостных (тоже Шереметева) был и московский вице-губернатор В. С. Ершов⁵⁶.

Табель о рангах, введенная 20 января 1722 г., открыла дверь для выслуги в дворянство способным и трудолюбивым людям из «низшего сословия».

В заметках Петра I находим записи, которые показывают, что Петр размышлял «о рангах» (так и записывал он в черновых листах)⁵⁷ и подготавливал соответствующий закон. «О положении рангов воинских и прочих» — читаем мы в записи конца 1720 г. И другая запись в самом начале 1722 г.: «О писании афицером шляхетством, которые произошли не из шляхетства»⁵⁸.

И после введения Табели о рангах Петр I продолжал уточнять вопрос, как обеспечить путь к дворянству для достойных. В указе Сенату от 31 января 1724 г. он писал: «В секретари не из шляхетства не определять, дабы потом могли в ассессоры, советники и выше проходить. Буде же ис подъяческого чина кто какое знатное дело покажет и заслужит, то таких с вашего свидетельства производить; и чтоб, хто будет секретарем из таких, чтоб давать шляхетство, как и в воинской службе, хто в прапорщики пожалован»⁵⁹.

Перед исследователем встает ряд вопросов: определить, найти тех деятелей, которые благодаря выслуге пополнили в первом поколении ряды дворянства; оправдали ли они своею дея-

⁵³ ПиБ, т. IV, V.

⁵⁴ Диплом на княжеское достоинство Меншикову и его потомству был пожалован ему в Вене 21 января 1706 г. Петр I дал Меншикову диплом на княжеское достоинство в 1707 г., подтвердив диплом римского императора (*Н. Мельников*. Издания Московского университета 1756—1779 гг. М., 1955, стр. 149, № 575; *Е. Шмурало*. Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912, стр. 140).

⁵⁵ «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в.». М., 1954, стр. 197.

⁵⁶ «Русский биографический словарь», т. «Кнэпше — Кюхельбекер». СПб., 1897, стр. 583—585; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в.», стр. 197, 304, 680.

⁵⁷ *Н. А. Воскресенский*. Указ. соч., стр. 89, № 100.

⁵⁸ ЦГАДА, ф. 9, отд. I, кн. 33, л. 433; *Н. А. Воскресенский*. Указ. соч., стр. 89, №№ 99, 100.

⁵⁹ *Н. А. Воскресенский*. Указ. соч., стр. 264, 265. Черновой и белой указы 31 января 1724 г.

тельностью задачу законодателя о службе отечеству; как претворилась в последующих поколениях мысль о служении родине; как всеобщее (но без крестьян) начальное обучение и вседворянское, среднее и высшее образование подняло культурный уровень всей страны в целом, ибо неизбежно потянуло за собой обездоленное крепостное крестьянство; как в котле сложных противоречий рождалась русская интеллигенция, и прежде всего дворянская интеллигенция, далеко не монолитная, как и то шляхетство, в которое помимо титулованной знати влилось среднее рядовое, провинциальное дворянство и капля по капле просачивалась струя наиболее энергичных трудолюбивых и талантливых людей из народа.

Вопрос этот очень велик. Я попыталась его наметить и отчасти проследить по тому источнику, который до сих пор оставался обойденным.

ОСОБАЯ КАТЕГОРИЯ ФЕОДАЛЬНО ЗАВИСИМЫХ КРЕСТЬЯН В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

(из истории секуляризации церковных владений)

Предметом изучения в настоящей статье являются крестьяне так называемых заопределенных вотчин монастырей и архиерейских домов. Они составили особую категорию феодально зависимого населения, которая появилась в ходе осуществления церковной реформы первой четверти XVIII в. Начало созданию ее было положено на первом этапе реформы, в 1701—1705 гг. В это время правительством Петра I управление всеми церковными вотчинами, а также сбор и распоряжение доходами с них были отобраны у духовенства и переданы государственному учреждению — Монастырскому приказу. Это означало фактическую секуляризацию церковных вотчин. Но своеобразие их положения заключалось в том, что, практически принадлежа государству, юридически они продолжали считаться церковными. Таким образом, в начале церковной реформы все монастырские крестьяне¹ были превращены в особую категорию государственно-монастырских крестьян, собственниками которых выступали и государство, и духовенство.

На втором этапе реформы, в 1705—1720 гг., правительство отказывается от проведенной уже фактически полной секуляризации и переходит к частичной. Архиерейские дома и монастыри 5 окраинных, пограничных епархий (Новгородской, Псковской, Киевской, Астраханской и Сибирской) вообще исключаются из ведения Монастырского приказа и возвращаются в свое прежнее состояние. В других 15 епархиях (Ростовской, Суздальской, Крутицкой, Коломенской, Смоленской, Нижегородской, Белгородской, Вологодской, Тверской, Вятской, Холмогорской, Рязанской, Казанской, Устюжской и Воронежской), которые остались в подчинении Монастырского приказа, все маловотчинные монастыри и архиерейские дома, в которых доходы лишь покрывали расходы или даже были меньше их, также были возвращены в прежнее состояние, т. е. им вернули управление своими вотчинами и право распоряжения доходами с них. Эти монастыри и архиерейские дома стали называться «неопределенными». Крупные же монастыри и архиерейские дома, имевшие большие доходы, были подвергнуты так называемому определению содержанием и получили название «определенных». Доходы их были поделены, одна часть в виде денег, оброчного хлеба и десятинной пашни предназна-

¹ Согласно принятой в литературе терминологии, говоря о монастырских крестьянах, мы имеем в виду всех крестьян, принадлежавших патриарху, архиерейским домам, монастырям и церквам.

лась духовным владельцам, а другая часть поступала в казну, в распоряжение Монастырского приказа. В соответствии с этим вотчины многих «определенных» монастырей и архиерейских домов разделялись на имения, доходы и управление которыми передавались духовным владельцам (эти вотчины получили название «определенных»); другая часть вотчин, доходы с которых поступали в казну, оставалась в управлении Монастырского приказа (эти вотчины получили название «заопределенных»). Урйда «определенных» владельцев «заопределенные» вотчины не выделялись, а «заопределенная» сумма просто бралась из общих доходов. В результате этих изменений большая часть монастырских крестьян вернулась в прежнее состояние, а в группе государственно-монастырских остались только крестьяне «заопределенных» вотчин. Определение началось примерно в 1706 г. и закончилось в основном в 1710 г.

В ходе третьего этапа реформы, в 1720—1721 гг., ликвидируется патриаршество и учреждается синод. Монастырский приказ закрывается и непосредственное управление «заопределенными» вотчинами возвращается владельцам, но доходы с них по-прежнему поступают в казну, за которой остается и высшее управление ими.

Во время четвертого этапа, в 1722—1725 гг., когда правительство пытается разработать и ввести штаты для всех церковных имений, судьба «заопределенных» вотчин по существу не изменилась. И в таком положении они просуществовали до секуляризации 1764 г.²

Проведя в ходе церковной реформы полную, а затем частичную секуляризацию владений духовенства в форме выделения «заопределенных» доходов и вотчин, правительство Петра I, несомненно, действовало в интересах светских владельцев, прежде всего дворянства. Примечательно, что широко практиковалась и прямая передача церковных вотчин в руки светских феодалов. Так, только в самом начале реформы, в 1701—1704 гг., было роздано в «вечное владение», продано и сдано на оброк разным светским лицам около 300 дворов церковных крестьян³. В дальнейшем большое число монастырских крестьян было пожаловано А. Д. Меншикову и другим царским приближенным.

Факты определения ряда монастырей и архиерейских домов и создание «заопределенных» вотчин давно известны в литературе. Однако они до сих пор остаются, по существу, малоизученными.

² См. подробнее: *И. А. Булыгин*. Церковная реформа Петра I («Вопросы истории», 1974, № 5).

³ «Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода». СПб., 1878, т. III. Приложение XXVII; *М. Горчаков*. Монастырский приказ (1649—1725 гг.). СПб., 1868, Приложение документов Синода, № 17, стр. 70—72; *он же*. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода. СПб., 1871, Приложение II, стр. 159—163.

Достаточно сказать, что некоторые историки не разобрались даже в терминологии этого явления. Так, А. М. Борисов пишет о существовании «заопределенных» монастырей, приравнивая их к «заопределенным» вотчинам⁴. Между тем никаких «заопределенных» монастырей ни в первой четверти XVIII в., ни позднее не было. Имелись «определенные» и «неопределенные» монастыри, и владения первых разделялись на «определенные» и «заопределенные» вотчины. Лишь в последнее время удалось выяснить, какие конкретно монастыри и архиерейские дома подверглись «определению», и всесторонне оценить, каково вообще значение этого мероприятия в истории церковной реформы⁵.

Однако неисследованных вопросов и моментов остается еще достаточно много. Например, неизвестно, в каких «определенных» монастырях были образованы «заопределенные» вотчины, а в каких только «заопределенные» доходы, изымавшиеся в казну; какие селения входили в состав «заопределенных» вотчин и какие формы феодальной ренты имели в них место. Выяснению этих вопросов и посвящено настоящее изыскание.

Определение, как уже говорилось, началось не позднее 1706 г. и закончилось в 1710 г., и по результатам его была составлена Генеральная табель 1710 г. О ней мы находим упоминания в источниках, на нее делаются ссылки, но сама табель не дошла до нас, во всяком случае до сих пор не найдена. Не имеется пока и других каких-либо обобщающих, сводных источников об определении, современных его проведению. Поэтому приходится пользоваться сводными данными, относящимися к более позднему времени. Одним из наиболее ранних таких документов по интересующим нас вопросам является ведомость Монастырского приказа о наличии в «заопределенных» вотчинах разного хлеба, представленная в Синод 12 августа 1723 г. Собрать такие сведения 10 июня этого года предложил Синоду его обер-прокурор полковник И. В. Болтин, а Синод в свою очередь запросил их у Монастырского приказа. Ознакомившись с представленными сведениями, Синод приказал весь наличный хлеб «хранить в целости и никуда, кроме самых необходимых нужд, в расход не держать» и вообще без ведома Монастырского приказа ничего не расходовать⁶.

Другим источником, использованным нами, являются ведомости Коллегии экономии, поданные в Синод в 1732 г., в которых указывается, с какими доходами в виде денежного и хлебного оброка перешли «заопределенные» вотчины в ведение Коллегии эконо-

⁴ А. М. Борисов. Кризис церковного и монастырского землевладения и хозяйства в 40—60-х годах XVIII в.— «История СССР», 1968, № 3, стр. 146.

⁵ И. А. Булыгин. Указ. статья, стр. 91—92; он же. О монастырских крестьянах России в XVIII в.— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1968 г.». Л., 1972, стр. 112—113.

⁶ «Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода», т. III. СПб., 1878, № 335/174, стр. 333—334. Приложение XXXVII.

номии в 1726 г. Эти сведения Синод затребовал в связи с делом о недоимках, накопившихся на «заопределенных» вотчинах, привлечшим к себе серьезное внимание правительства Анны Ивановны⁷.

Из данных, имеющихся в названных документах, мы используем только те, которые говорят о наличии или отсутствии в «определенных» монастырях и архиерейских домах «заопределенных» вотчин, населенных крестьянами, и о формах феодальной ренты, которые применялись в этих вотчинах. Помимо них здесь имеются сведения об оброчных землях и рыбных ловлях, доходы с которых поступали в казну, общих размерах «заопределенных» сумм и другие, которые не берутся нами.

Всего было определено 11 архиерейских домов и 60 монастырей⁸. Из них о 5 монастырях использованные нами здесь источники не содержат данных. Это московские монастыри Андроньевский, Даниловский, Донской, Вознесенский девичий и углический Петровский-на-Поле, поэтому они исключаются из исследования. Другая группа, 6 архиерейских домов и 19 монастырей, не имела «заопределенных» вотчин — это Коломенский, Смоленский, Белгородский, Нижегородский, Вятский и Холмогорский архиерейские дома и монастыри ярославский Афанасьевский, ростовский Спасский-на-Песку, углические Покровский, Воскресенский, Николаевский Улейменский и Богоявленский Островский, вологодские Спасо-Каменный, Николаевский Озерский, Иннокентьевский и Спасо-Нуромский, смоленский Троицкий, вяземский Предтечев, рязанский Духов, муромский Николаевский Радовицкий, галичские Паисин и Макарьев на Унже, свияжский Богородицкий, устюжский Николаевский Коряжемский и вятский Успенский Трифионов. По другим материалам известно, что все эти владельцы «заопределенные» суммы должны были вносить в виде денег (ростовский Спасский-на-Песку монастырь кроме денег должен был отдать еще и 18 дес. десятинной пашни)⁹. В ведомостях Коллегии экономии 1732 г. обо всех этих монастырях и архиерейских домах сказано, что «заопределенные» деньги у них представляют из себя «за определением остаточные», т. е. те, которые остались сверх определенного владельцу содержания. И во всех случаях не указывается, с каких вотчин, сел и деревень они собираются. Следовательно, владелец должен был вносить их из общей суммы своего дохода безотносительно к тому, откуда они получены.

О монастырях и архиерейских домах, имевших «заопределенные» вотчины, дает представление составленная нами таблица

⁷ «Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода». СПб., 1902, т. XII, № 325/86, стр. 633—637. Приложение VIII.

⁸ *И. А. Булыгин*. Церковная реформа Петра I, стр. 91.

⁹ ЦГАДА, ф. 248 (Сенат), л. 769, лл. 789—793; ЦГИА СССР, ф. 796 (Синод), оп. 13, д. 152, № 1—14.

(см. прилож.). Анализ ее позволяет сделать следующие наблюдения и выводы. К этой группе относились 5 архиерейских домов — Крутицкий, Суздальский, Тверской, Вологодский и Ростовский¹⁰ и 36 монастырей — московские Новоспаский, Симонов, Высокопетровский, Чудов, Богоявленский и Знаменский, подмосковные Воскресенский на Истре, звенигородский Савво-Сторожевский, Николо-Угрешский, Иосифо-Волоколамский, Пафнутьев-Боровский и дмитровский Борисоглебский, переяславские Горницкий, Данилов и Никитский, ростовские Борисоглебский и Богоявленский Авраамиев, углический Алексеевский, ярославские Спасский и Толгский, костромские Ипатьев и Богоявленский, вологодские Кирилло-Белозерский и Павловский, владимирский Рождественский, суздальские Спасо-Евфимьев и Покровский девичий, нижегородский Печерский, шуйский Николаевский Шартомский, рязанские Богословский, Спасский и Солотчинский, муромские Спасский Прохорова пустынь, Борисоглебский и Троицкий на устье р. Павловки, Троицкий Калязин. Если сравнить монастыри, имевшие «заопределенные» вотчины, с монастырями, у которых их не было и которые платили «заопределенные» суммы из общих доходов, то нельзя не заметить, что к первым относились наиболее крупные и богатые владельцы, расположенные в основном в самом центре страны, а вторые составляли группу менее крупных и состоятельных владельцев, находившихся на окраинах центрального района.

Имеющиеся в таблице данные раскрывают конкретный состав «заопределенных» вотчин, показывают, какие села, деревни и слободы входили в них. Не будем здесь перечислять, у каких владельцев какие имелись «заопределенные» селения, но, давая общую оценку этим сведениям, нужно сказать следующее. Они интересны не только сами по себе, но и имеют огромное значение для всего изучения истории «заопределенных» вотчин. Без них исследователь будет работать как бы вслепую и не может решить целый ряд важнейших вопросов, и вообще наши представления об этих вотчинах будут носить в известной степени абстрактный характер.

Переходим к данным о формах феодальной ренты в «заопределенных» вотчинах, которые помещены в таблице. К сожалению, они имеют несколько обобщенный характер и не дают представления о величине той или другой ренты, которая собиралась с отдельного крестьянского двора или души. При этом сведения о полевой барщине даются не в размерах обрабатываемой земли, а в количестве собранного с нее хлеба (в ряде случаев в теле-

¹⁰ В использованных для составления таблицы источниках о Ростовском доме сказано, что в нем есть «заопределенные» вотчины, но не указано какие, поэтому данные о них мы берем из работы: М. Покровский. Средства и штаты великорусских архиерейских домов со времен Петра I до учреждения духовных штатов в 1764 г. Казань, 1907, стр. 52.

гах, которые мы вообще опускаем). Но и в таком виде все эти материалы позволяют судить о распространении форм феодальной ренты, т. е. отвечают на весьма важный вопрос для истории «заопределенных» вотчин.

Остановимся вначале на вотчинах архиерейских домов. В четырех архиерейских домах — Крутицком, Суздальском, Тверском и Ростовском в «заопределенных» вотчинах имела место только денежная форма ренты, т. е. собирался денежный оброк. Эти вотчины находились в центральных нечерноземных уездах — Московском, Суздальском, Старицком, Клинском, Зубцовском, Ростовском и Вологодском. Лишь вотчина Крутицкого архиерея, с. Сундыри с деревнями, находилась в окраинном, восточном уезде — Кокшайском. «Заопределенные» вотчины Вологодского архиерейского дома находились в основном в Вологодском уезде, и в них наряду с денежным оброком существенное значение имел хлебный оброк, т. е. применялась смешанная система эксплуатации.

Рента в «заопределенных» вотчинах монастырей выступает в следующем виде. В 32 монастырях из 36, кроме московского Чудова, рязанского Солотчинского, ростовского Данилова и углического Алексеевского, применялся денежный оброк. При этом в 18 монастырях денежный оброк был единственной формой ренты — в московских Симоновом, Богоявленском и Знаменском, в подмосковных Воскресенском на Истре, Николо-Угрешском, Пафнютеве-Боровском и дмитровском Борисоглебском, в переяславских Горицком и Никитском, в ростовском Богоявленском Авраамиевом, ярославском Толгском, вологодском Павловском, Троицком Калязином, суздальском Покровском девичьем, рязанском Спасском, муромских Борисоглебском, Спасском Прохорове пустыне и Троицком на р. Павловке. В шести монастырях денежный оброк сочетался с барщиной — в звенигородском Савво-Сторожевском, Иосифо-Волоколамском, владимирском Рождественском, суздальском Спасо-Евфимьевом, нижегородском Печерском и рязанском Богословском; в пяти монастырях денежный оброк совмещался с хлебным оброком — в московских Новоспасском и Высокопетровском, ярославском Спасском, Кирилло-Белозерском и шуйском Николаевском Шартомском; в трех монастырях денежный оброк сочетался с барщиной и хлебным оброком — в костромских Ипатьевом и Богоявленском и ростовском Борисоглебском. В вотчинах московского Чудова, ростовского Данилова и рязанского Солотчинского монастырей была только барщина, а в углическом Алексеевском — только хлебный оброк.

В географически-территориальном плане денежный оброк в чистом виде или в сочетании с небольшим количеством барщины и хлебного оброка был распространен почти во всех уездах Центрального нечерноземного района. Барщина большое значение имела в Костромском, Ростовском, Московском и Рязанском уездах. Хлебный оброк наибольшее распространение получил в

«заопределенных» вотчинах Ярославского, Вологодского, Ростовского и Нижегородского уездов.

Общий вывод сводится к тому, что господствующей формой ренты в «заопределенных» вотчинах, подавляющее большинство которых было расположено в Центральном нечерноземном районе, являлся денежный оброк, затем шла барщина и совсем небольшое значение имел хлебный оброк. Обращает на себя внимание четкое размежевание всех форм ренты, и селений, в которых бы одновременно применялись разные системы эксплуатации, очень немного.

Общее количество «заопределенных» доходов, поступавших в казну в виде денег, составляло около 49 тыс. руб.¹¹ Данные таблицы позволяют примерно определить в этой сумме место денежного оброка, получаемого с крестьян. Количество его составляло около 24 тыс. руб., т. е. примерно половину всех «заопределенных» денег. Однако в действительности его роль была больше, так как он, несомненно, входил в «заопределенные» суммы тех монастырей, которые не имели «заопределенных» вотчин и платили этот сбор из общего дохода. Кроме того, некоторую часть этих сумм из общих доходов, в которые входил и денежный оброк, платили и монастыри, имевшие «заопределенные» вотчины.

Источники, использованные в настоящей работе, содержат и некоторые другие ценные данные. Например, в ведомости Монастырского приказа 1723 г. имеются сведения о займе хлеба крестьянами «заопределенных» вотчин. Заем наблюдается в тверских вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря, в рязанских селах Савво-Сторожевского монастыря и в вотчинах костромских Ипатьева и Богоявленского монастырей. Обращают на себя внимание огромные займы крестьян двух последних владельцев. Бедным крестьянам Ипатьева монастыря было дано займы 2482 четверти овса, 620 чтв. с осминой ячменя и 177 четвертей $1\frac{1}{2}$ четверика ржи, а крестьянам Богоявленского монастыря роздано 1222 четверти овса и 305 четвертей с осминой ячменя. Эти сведения позволяют говорить о тяжелом положении крестьянского хозяйства. Другие данные этой ведомости дают основания судить о распространении сельскохозяйственных культур.

Таковы некоторые наши наблюдения о состоянии «заопределенных» вотчин и их крестьянах в первой четверти XVIII в.

---

¹¹ И. А. Булыгин. Церковная реформа Петра I, стр. 92.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Состав селений и формы феодальной ренты в «заопределенных» вотчинах монастырей и архиерейских домов

№ п/п	Владельцы	Уезд (провинция), селение	Денежный оброк		Полевая барщина (количество хлеба)		Хлебный оброк	
			руб.	коп.	чтв.	чк.	чтв.	чк.
1	Архиерейские дома	<i>Кокшайский уезд</i> с. Сундыри с дер.	312	30	—	—	—	—
	Крутицкий		312	30	—	—	—	—
	Итого							
2	Суздальский	<i>Суздальский уезд</i>						
		с. Ратминское	31	—	—	—	—	—
		с. Добрынское	152	—	—	—	—	—
		дер. Милишева	7	75	—	—	—	—
		с. Хорятино	20	—	—	—	—	—
		с. Весок с дер.	180	—	—	—	—	—
		<i>Московский уезд</i>						
с. Шубино	65	30	—	—	—	—		
дер. Пореева (новопоселенная)	30	—	—	—	—	—		
	Итого		486	5	—	—	—	—
3	Тверской	<i>Старицкий уезд</i>						
		дер. Дубровка, приписного Озмицкого монастыря	4	—	—	—	—	—
		дер. Посникова (новопоселенная)	10	—	—	—	—	—
		<i>Ростовский уезд</i>						
		дер. Коромылова, приписного клинского Успенского монастыря	55	38	—	—	—	—
		<i>Зубцовский уезд</i>						
с. Никифоровское с дер.	149	—	—	—	—	—		
<i>Клинский уезд</i>								
с. Вознесенское Арбенево Борщево с дер., с. Козминское, дер. Прасолово	143	35	—	—	—	—		
	Итого		361	73	—	—	—	—

Продолжение

№ п/п	Владельцы	Уезд (провинция), селение	Денежный оброк		Полевая барщина (количество хлеба)		Хлебный оброк	
			руб.	коп.	чтв.	чк.	чтв.	чк.
4	Вологодский	<i>Московский уезд</i> с. Городище с дер.	20	—	—	—	—	—
		<i>Вологодский уезд</i> с. Раменье с дер., Лежского волока	687	81	—	—	555	5
	Итого		707	81	—	—	555	5
5	Ростовский	<i>Вологодский уезд</i> Шуйский городок	1300	—	—	—	—	—
		<i>Московский уезд</i> с. Клоково с дер.	30	—	—	—	—	—
		<i>Епифанский уезд</i> с. Спасское	48	60	—	—	—	—
	Итого		1378	60	—	—	—	—
	Всего в архиерейских домах		3246	49	—	—	555	5
1	Монастыри	<i>Дмитровский уезд</i>						
	Московский	с. Орудьево	91	58	—	—	—	—
		Новоспасский	<i>Ростовский уезд</i> дер. Зубцова	20	4	—	—	—
	<i>Ярославский уезд</i> села Покровское, Семеновское с дер.		100	19 ¹ / ₂	—	—	—	—
	<i>Бежецкий уезд</i> с. Градниц с дер.	192	59 ³ / ₄	—	—	—	—	
	<i>Шацкий уезд</i> с. Богданово с селами и дер.	90	35	—	—	—	—	
	<i>Кашинский уезд</i> с. Брюхово	36	82	—	—	30	—	
	<i>Углический уезд</i> с. Климотино с дер.	82	86	—	—	16	4	

Продолжение

№ п/п	Владельцы	Уезд (провинция), селение	Денежный оброк		Полевая барщина (количество хлеба)		Хлебный оброк	
			руб.	коп.	чтв.	чк.	чтв.	чк.
		<i>Казанская провинция</i> За десятинную пашню приписных Троицкой Ураевской пустыни и Покровского Тетюшевского монастыря	90	—	—	—	—	—
	Итого		704	44 ¹ / ₄	—	—	46	4
2	Московский Симонов	<i>Ржевский уезд</i> Рошковская слободка	60	—	—	—	—	—
		<i>Ярославский уезд</i> с. Ильинское с дер., Череможской волости	720	50	—	—	—	—
		<i>Кашинский уезд</i> с. Малостово	32	83 ³ / ₄	—	—	—	—
		<i>Бежецкий уезд</i> с. Старый Козмодемьянск с дер.	59	44 ¹ / ₂	—	—	—	—
		<i>Галицкая провинция</i> с. Демьянов с деревнями Верхнева, Веревова, с. Дятлово с деревнями Усольской, Окологорожая, сельцо Борисовское	144	33 ³ / ₄	—	—	—	—
		<i>Белозерская провинция</i> с. Весь Егонская с селами и дер.	600	88	—	—	—	—
	Итого		1618	—	—	—	—	—

Продолжение

№ п/п	Владельцы	Уезд (провинция), селение	Денежный оброк		Полевая барщина (количество хлеба)		Хлебный оброк	
			руб.	коп.	чтв.	чк.	чтв.	чк.
3	Московский Высокопетровский	<i>Рыльский уезд</i> с. Петровское с дер., приписного Дмитровского Львова монастыря	39	40	—	—	—	—
		<i>Кромский и Орловский уезды</i> села Мыцково, Ячное с дер.	105	40	—	—	—	—
		<i>Нижегородский уезд</i> села Скоробогатово, Соличное с дер.	339	—	—	—	—	—
		<i>Пензенский уезд</i> дер. Терновка	92	30	—	—	—	—
		<i>Брянский уезд</i> с. Городище, слобода Починок, приписного Спасского монастыря, что на Андреяновой горе	—	—	—	—	66	—
Итого			576	10	—	—	66	—
4	Московский Богоявленский	<i>Уезд не показан</i> с. Лозевы Горы	26	91	—	—	—	—
		с. Рубакино	2	—	—	—	—	—
Итого			28	91	—	—	—	—
5	Московский Знаменский	<i>Бежецкий уезд</i> с. Хабатское с дер.	202	—	—	—	—	—
		Итого	202	—	—	—	—	—
6	Московский Чудов	<i>Московский и др. уезды</i> села Рождественское, Богородицкое с селами и дер.	—	—	1 113	6 ¹ / ₂	—	—
		Итого	—	—	1 113	6 ¹ / ₂	—	—

Продолжение

№ п/п	Владельцы	Уезд (провинция), селение	Денежный оброк		Полевая барщина (количество хлеба)		Хлебный оброк	
			руб.	коп.	чтв.	чк.	чтв.	чк.
7	Воскресенский на Истре	<i>Клинский уезд</i> с. Покровское с дер., приписной Зосиминой пустыни	89	—	—	—	—	—
		<i>Волоколамский уезд</i> село Кривое с дер., приписного Левкиева монастыря	145	—	—	—	—	—
		с. Стратилацкое с дер.	183	38¼	—	—	—	—
		<i>Рузский уезд</i> с. Казаново с дер.	128	7	—	—	—	—
		с. Высокое Жива с дер.	94	95	—	—	—	—
		<i>Звенигородский уезд</i> с. Юркино с дер.	29	44	—	—	—	—
		<i>Переяславль-Залесский уезд</i> с. Лаврово, д. Родионцова	92	95½	—	—	—	—
		с. Бутылиц, приписной Бутылицкой пустыни	73	74	—	—	—	—
		<i>Луховский уезд</i> Подмонастырская слобода с дер., приписной Тихоновой пустыни	101	25	—	—	—	—
		<i>Тверской уезд</i> с. Клубуково с селами и дер., приписного Савватиева монастыря	17	14²/₄	—	—	—	—
		с. Путилково с дер., приписного Федоровского монастыря	57	39	—	—	—	—
		дер. Головачева с дер., приписного <u>Дудина монастыря</u>	61	4	—	—	—	—
приписной <u>Астраганский монастырь</u>	29	50	—	—	—	—		

Продолжение

№ п/п	Владельцы	Уезд (провинция), селение	Денежный оброк		Полевая барщина (количество хлеба)		Хлебный оброк	
			руб.	коп.	чтв.	чк.	чтв.	чк.
		<i>Углический уезд</i> села Покровское, Маслово с селами и дер., приписно- го Афанасьевского монастыря	264	83	—	—	—	—
		<i>Карачевский уезд</i> с. Глинок с селами и дер., приписной Тихоновой пусты- ни	272	35	—	—	—	—
		<i>Рязский уезд</i> с. Симеон, припис- ного Симеоновско- го монастыря	59	6½	—	—	—	—
		<i>Шацкий уезд</i> с. Борисовское, приписной Андрея- новой пустыни	102	60	—	—	—	—
		<i>Курмышский уезд</i> с. Антоново	176	13	—	—	—	—
		<i>Владимирский уезд</i> с. Красное с дер.	39	90	—	—	—	—
		<i>Масальский уезд</i> приписной Боро- венский монастырь	140	9¾	—	—	—	—
	Итого		2 157	83¼	—	—	—	—
8	Звенигород- ский Савво- Сторожевский	<i>Рязанский уезд</i> с. Львово Глебово, приписного Успен- ского Ольгова мо- настыря	77	60	—	—	—	—
		с. Спасское, дер. Гавриловская, при- писного Спасского Зарецкого мона- стыря	226	60	—	—	—	—
		с. Терехово с дер., Подмонастырская слободка, припис- ного Воскресен- ского Терехова мо- настыря; с. Троиц- кое, приписного	111	43	—	—	—	—
		Троицкого Пере- ницкого монастыря	31	65	—	—	—	—

Продолжение

№ п/п	Владельцы	Уезд (провинция), селение	Денежный оброк		Полевая барщина (количество хлеба)		Хлебный оброк	
			руб.	коп.	чтв.	чк.	чтв.	чк.
		с. Яростово	41	89	—	—	—	—
		вотчины приписных Ольгова, Переницкого и Терехова монастырей	—	—	517	—	—	—
		<i>Шацкий уезд</i>						
		с. Пурдышково с дер., дер. Торгушева, приписного Пурдышевского монастыря	116	42	—	—	—	—
		<i>Тамбовский уезд</i>						
		приписной Николаевский Мамонтов монастырь	199	11	—	—	—	—
		<i>Вяземский уезд</i>						
		с. Рупосово с дер., дер. Пескова	25	35	—	—	—	—
		<i>Юрьев-Польский уезд</i>						
		вотчины приписного Мамонтова монастыря	57	42 $\frac{1}{4}$	—	—	—	—
		<i>Пензенский уезд</i>						
		с. Рождествено Кунаево	62	22	—	—	—	—
		<i>Велозерский уезд</i>						
		вотчины приписного Троицкого Устьехонского монастыря	150	—	—	—	—	—
	Итого		1 199	69 $\frac{1}{4}$	517	—	—	—
9	Николо-Угрешский	<i>Боровский уезд</i>						
		Кременский посад	67	60	—	—	—	—
		<i>Коломенский уезд</i>						
		с. Ганусово	7	2 $\frac{1}{2}$	—	—	—	—
		с. Конятино	19	31	—	—	—	—
		дер. Ванилова	27	34	—	—	—	—
		<i>Тотемский уезд</i>						
		Решемская волость	26	50	—	—	—	—

Продолжение

№ п/п	Владельцы	Уезд (провинция), селение	Денежный оброк		Полевая барщина (количество хлеба)		Хлебный оброк	
			руб.	коп.	чтв.	чк.	чтв.	чк.
		<i>Переяславль-Залесский уезд</i> деревни Новоселки, Шатова, новопоселенные	10	—	—	—	—	—
		<i>Ростовский уезд</i> дер. Спирово	8	—	—	—	—	—
		<i>Костромской уезд</i> с. Выголово	45	90	—	—	—	—
		<i>Московский уезд</i> с. Мисалово с дер.	78	9 ³ / ₄	—	—	—	—
		с. Лукошково	17	40	—	—	—	—
		с. Починок с дер.	51	87	—	—	—	—
		<i>Вологодский уезд</i> дер. Лунева	14	40 ¹ / ₄	—	—	—	—
	Итого		373	44 ¹ / ₂	—	—	—	—
10	Переяславский Горицкий	<i>Московский уезд</i> с. Балабаново	3	42	—	—	—	—
		<i>Дмитровский уезд</i> села Новое, Ильинское	5	5	—	—	—	—
		<i>Ростовский уезд</i> с. Егорьевское	42	7 ¹ / ₂	—	—	—	—
		<i>Переяславль-Залесский уезд</i> с. Ильинское	13	2 ¹ / ₂	—	—	—	—
		с. Еропольча	29	3 ¹ / ₂	—	—	—	—
		с. Соломидино, сельцо Веслево, деревни Сокольникой, Дубовиц, Новая, Дяткина	104	17	—	—	—	—
		с. Словитино	15	15	—	—	—	—
		дер. Дубнева	26	5	—	—	—	—
		дер. Борисовская	6	57 ¹ / ₂	—	—	—	—
		дер. Крушкова	2	53	—	—	—	—
		дер. Лыткова (новопоселенная)	3	28 ¹ / ₄	—	—	—	—

Продолжение

№ п/п	Владельцы	Уезд (провинция), селение	Денежный оброк		Полевая барщина(количество хлеба)		Хлебный оброк	
			руб.	коп.	чтв.	чк.	чтв.	чк.
		<i>Костромской уезд</i>						
		с. Тетеринское с дер.	333	35	—	—	—	—
		с. Никольское	52	10	—	—	—	—
		посад Соли Большой	55	—	—	—	—	—
		<i>Владимирский уезд</i>						
		с. Кутуково	78	45	—	—	—	—
		<i>Юрьев-Польский уезд</i>						
		с. Загорье	9	15	—	—	—	—
	Итого		784	82 ³ / ₄	—	—	—	—
11	Иосифо-Волоколамский	<i>Московский уезд</i>						
		с. Ангелово, сельцо Трусово, дер. Вельяминова	18	31 ³ / ₄	—	—	—	—
		<i>Дмитровский уезд</i>						
		села Бужарово, Савельево	43	67 ³ / ₄	25	—	—	—
		<i>Клинский уезд</i>						
		с. Мисюрово с дер., дер. Бренева	26	81	—	—	—	—
		<i>Русский уезд</i>						
		села Новое, Шестаково, Мамошино с дер.	355	97	77	5 ¹ / ₂	—	—
		сельцо Рокитино, с. Спасское с дер.	410	80	—	—	—	—
		<i>Владимирский уезд</i>						
		с. Абабурово	40	—	—	—	—	—
		<i>Козельский уезд</i>						
		с. Вейны с дер.	207	1	—	—	—	—
		<i>Тверской уезд</i>						
		с. Балашково с дер.	75	31 ¹ / ₄	240	7	—	—
		<i>Старицкий уезд</i>						
		с. Луковниково с дер., приписного Опекалова Вознесенского монастыря	90	77	—	—	—	—
		<i>Зубцовский уезд</i>						
		с. Фаустова Гора с дер.	28	51	—	—	—	—

Продолжение

№ п/п	Владельцы	Уезд (провинция), селение	Денежный оброк		Полевая барщина (количество хлеба)		Хлебный оброк	
			руб.	коп.	чтв.	чк.	чтв.	чк.
		<i>Ржевский уезд</i> Осташковская слобода	92	68	—	—	—	—
	Итого		1 089	85 ¹ / ₂	343	4 ¹ / ₂	—	—
12	Владимирский Рождественский	<i>Владимирский уезд</i> с. Александрово с дер. село Веризино <i>Муромский уезд</i> дер. Пестенкина <i>Суздальский уезд</i> дер. Баскак с. Васильково с. Улол с. Веси с. Тимошино дер. Савина дер. Гридина дер. Фатьянова <i>Курмышский уезд</i> с. Александрово Антоновское, дер. Нелюбова <i>Московский уезд</i> село Шахово	222 — 16 25 24 30 121 35 12 10 21 300 —	49 — — 50 20 20 6 10 27 16 22 — —	— 49 — — — 128 — — — — — — 30	— — — — — 3 — — — — — — 5	— — — — — — — — — — — — — —	— — — — — — — — — — — — — — —
	Итого		848	20	208	—	—	—
13	Костромской Ипатьевский	<i>Московский уезд</i> половина дер. Коняевой, половина дер. Афонасовой <i>Костромской уезд</i> село Святое с селами и дер. <i>Владимирский уезд</i> с. Крутец с дер. <i>Ярославский уезд</i> с. Двупазушино, дер. Турчанинова Ухомской волости с дер.	24 701 89 18	— 78 ¹ / ₂ 23 —	— — — —	— — — —	— — 22 —	— — 4 —

Продолжение

№ п/п	Владельцы	Уезд (провинция), селение	Денежный оброк		Полевая барщина (количество хлеба)		Хлебный оброк	
			руб.	коп.	чтв.	чк.	чтв.	чк.
		<i>Симбирский уезд</i> с. Никольское Сурские вершины (новоселенное)	345	92	—	—	—	—
		<i>Уезд не указан</i> вотчины монастыря	—	—	4 885	—	262	—
	Итого		1 178	93 ¹ / ₂	4 885	—	284	4
14	Костромской Богоявленский	<i>Казанская провинция</i> с. Гиблое Городище, приписной Красноярской пустыни за р. Камой	391	36	—	—	—	—
		<i>Костромской уезд</i> с. Апраксино, дер. Сельца на р. Кривчевке с дер.	283	76	—	—	—	—
		<i>Уезд не указан</i> вотчины монастыря	—	—	6 237	—	206	—
	Итого		675	12	6 237	—	206	—
15	Пафнутьев- Боровский	<i>Оболенский уезд</i> с. Тресвяцкое, дер. Карпова	48	10	—	—	—	—
		<i>Тверской уезд</i> с. Ульяновское с дер.	67	50	—	—	—	—
		<i>Старицкий уезд</i> с. Нащокино с дер.	11	—	—	—	—	—
		<i>Зубцовский уезд</i> деревни Михалкова, Шишкина	7	50	—	—	—	—
	Итого		134	10	—	—	—	—
16	Переяславский Данилов	<i>Уезд не указан</i> сельцо Сареево с селами	—	—	854	6	—	—
	Итого		—	—	854	6	—	—

Продолжение

№ п/п	Владельцы	Уезд (провинция), селение	Денежный оброк		Полевая барщина (количество хлеба)		Хлебный оброк	
			руб.	коп.	чтв.	чк.	чтв.	чк.
17	Переяславский Никитский	<i>Уезд не указан</i> с. Городище с селами и дер.	170	45	—	—	—	—
	Итого		170	45	—	—	—	—
18	Дмитровский Борисоглебский	<i>Дмитровский уезд</i> с. Веретья Кутач с дер.	145	93	—	—	—	—
		деревни Костина, Прокошева, Арбузово, Коргошино, половина дер. Афанасьевой	58	86 ¹ / ₂	—	—	—	—
	Итого		204	79 ¹ / ₂	—	—	—	—
19	Ярославский Спасский	<i>Дмитровский уезд</i> с. Голяды	4	50	—	—	—	—
		<i>Рузский уезд</i> с. Федосово Войлово	4	—	—	—	—	—
		<i>Ростовский уезд</i> с. Павловское сдер,	40	—	—	—	—	—
		<i>Переяславль-Залесский уезд</i> с. Сигори с селами и дер.	227	65	—	—	—	—
		<i>Московский и другие уезды</i> вотчинны монастыря	138	94	—	—	—	—
		<i>Ярославский уезд</i> с. Колово с селами и дер.	2727	66 ³ / ₆	—	—	718	2
		<i>Кашинский уезд</i> с. Бабенок	60	—	—	—	—	—
		<i>Пошехонская провинция</i> села Ильинское, Борисоглебское	162	—	—	—	—	—
	Итого		3 364	75 ³ / ₄	—	—	718	2

Продолжение

№ п/п	Владельцы	Уезд (провинция), селение	Денежный оброк		Полевая барщина (количество хлеба)		Хлебный оброк		
			руб.	коп.	чтв.	чк.	чтв.	чк.	
20	Ростовский Борисоглебский	<i>Ростовский уезд</i> вотчины	419	—	—	—	—	—	
		<i>Московский уезд</i> с. Левково	17	50	—	—	—	—	
		<i>Уезд не указан</i> вотчины	—	—	2 207	1	98	5	
	Итого		436	50	2 207	1	98	5	
21	Ростовский Богоявленский Авраамиев	<i>Ростовский уезд</i> Слободы Спасская и Юрьевская	40	—	—	—	—	—	
		Итого	40	—	—	—	—	—	
22	Ярославский Толгский	<i>Пошехонская провинция</i> дер. Филисова	3	45	—	—	—	—	
		Итого	3	45	—	—	—	—	
23	Углический Алексеевский	<i>Бежецкий уезд</i> деревни Пахомова, Духина	—	—	—	—	6	—	
		Булцина	—	—	—	—	6	—	
		Итого	—	—	—	—	12	—	
24	Кирилло-Белозерский	<i>Дмитровский уезд</i> с. Куликово с дер.	104	27 ¹ / ₄	—	—	—	—	
		с. Кролгино	59	4 ¹ / ₄	—	—	—	—	
		с. Вертлинское	8	61	—	—	—	—	
		<i>Ростовский уезд</i> с. Спасское с дер.	24	7	—	—	83	—	
		с. Ярцово с дер.	7	13	—	—	24	—	
		<i>Костромской уезд</i> с. Стретинское	76	62	—	—	—	—	
		<i>Нижегородский уезд</i> с. Меленок	13	17	—	—	265	1	
		<i>Арзамасская провинция</i> с. Мамлеево с дер.	80	—	—	—	—	—	
		Итого		372	91 ¹ / ₂	—	—	372	1

Продолжение

№ п/д	Владельцы	Уезд (провинция), селение	Денежный оброк		Полевая барщина (количество хлеба)		Хлебный оброк		
			руб.	коп.	чтв.	чк.	чтв.	чк.	
25	Вологодский Павловский	<i>Костромская провинция</i> с. Покровское с дер.	20	8 ¹ / ₂	—	—	—	—	
	Итого		20	8 ¹ / ₂	—	—	—	—	
26	Нижегородский Печерский	<i>Владимирский уезд</i> с. Плесцы с дер. <i>Суздальский уезд</i> с. Кидекши с дер., приписного Киде- коцкого монасты- ря <i>Нижегородская провинция</i> часть подмона- стырской Никола- евской слободки, с. Рубского с се- лами и дер.	290 38 96	— — 51 ² / ₄	} 59	— — —	— — —	— — —	
	Итого		424	51 ¹ / ₂		59	—	—	—
27	Троицкий Калязин	<i>Дмитровский уезд</i> с. Внуково с дер.	32	30		—	—	—	—
	Итого		32	30	—	—	—	—	
28	Суздальский Спасо-Евфимье- ев	<i>Гороховецкий уезд</i> с. Бережца Кожно Старково, сл. Мячкова, припис- ного Васильевско- го монастыря <i>Суздальский и</i> <i>Юрьев-Польский</i> <i>уезды</i> с. Маслово с дер. <i>Суздальский уезд</i> с. Коврово <i>Тверской уезд</i> с. Кушалино с дер.	78 454 — 84	85 ² / ₄ 40 — 95	— — 10 —	— — — —	— — — —		

Продолжение

№ п/п	Владельцы	Уезд (провинция), селение	Денежный оброк		Полевая бар- щина (коли- чество хлеба)		Хлебный оброк	
			руб.	коп.	чтв.	чк.	чтв.	чк.
		<i>Казанская провинция</i> выходцы в Казан- ский, Верхнело- мовский, Шацкий и Симбирский уез- ды	140	78 ³ / ₄	—	—	—	—
		<i>Нижегородская провинция</i> с. Горбатово с се- лами и дер., сло- бода Мещерская	150	98	—	—	—	—
	Итого		909	97	10	—	—	—
29	Шуйский Нико- лаевский Шар- томский	<i>Костромская про- винция</i> с. Акинфиево	38	25	—	—	—	—
		<i>Шуйский уезд</i> Чернеевская и Но- вая треть	279	45	—	—	82	—
		<i>Юрьев-Польский уезд</i> с. Усья	20	36 ³ / ₄	—	—	—	—
	Итого		338	6 ¹ / ₂	—	—	82	—
30	Суздальский Покровский девичий	<i>Курмышский уезд</i> с. Трофимово	70	20	—	—	—	—
	Итого		70	20	—	—	—	—
31	Муромский Спасский Про- хорова пустынь	<i>Муромский уезд</i> Подмонастырская слобода	80	—	—	—	—	—
	Итого		80	—	—	—	—	—
32	Муромский Борисоглеб- ский	<i>Сеияжская провин- ция</i> дер. Солдатки	20	—	—	—	—	—
	Итого		20	—	—	—	—	—

Окончание

№ п/п	Владельцы	Уезд (провинция), селение	Денежный оброк		Полевая барщина (количество хлеба)		Хлебный оброк	
			руб.	коп.	чтв.	чк.	чтв.	чк.
33	Рязанский Богословский	<i>Уезд не указан</i> вотчины	1 714	76	—	—	—	—
		<i>Уезд не указан</i> с. Высокое с селами	—	—	839	—	—	—
	Итого		1 714	76	839	—	—	—
34	Рязанский Солотчинский	<i>Уезд не указан</i> вотчины	—	—	72	6	—	—
		Итого	—	—	72	6	—	—
35	Рязанский Спасский	<i>Тамбовская провинция</i> с. Незнаново	268	50	—	—	—	—
		Итого	268	50	—	—	—	—
36	Муромский Троицкий на устье р. Павловки	<i>Шацкий уезд</i> с. Девичья Рука	217	35	—	—	—	—
		Итого	217	35	—	—	—	—
Всего в монастырях			20 430	6½	17 347	—	1 886	—
Всего в архиерейских домах и монастырях			23 676	55½	17 347	—	2 441	5

ПОМЕЩИК ЖУКОВ И ЕГО ХОЗЯЙСТВО

Основной интерес предлагаемого вниманию читателя материала заключается в том, что он характеризует представителя не верхушки дворянства, а рядовой его массы, в меньшей мере в служебном отношении и больше как помещика, имевшего весьма ограниченные земельные владения и поэтому зорко следившего за хозяйством. В каком направлении развивалось такого рода хозяйство? Какое воздействие на его развитие оказывал помещик, еще обязанный двадцатипятилетней службой, отрывавшей его от непосредственного управления помещьем с его крепостным населением? В какой степени в таких условиях улавливались общие сдвиги в экономике страны самим «служилым» дворянином, в подавляющем большинстве почти не прикоснувшимся к передовым идеям своего времени даже в области сельского хозяйства (Татищев, Ломоносов), использовавшим лишь обычный прием для удовлетворения своих запросов — нажим на крестьянское хозяйство? Последнее, как известно, при немногочисленном населении владений среднего помещика, ложилось непосильной тяжестью, тем более при кругом нраве владельца, — Жуков же принадлежал к таковым. Приведем некоторые сведения из его биографии, извлеченные из следственного дела по поводу злоупотреблений Жукова в бытность его воеводой в Пензе в 40-х годах XVIII в.¹

Александр Петрович Жуков родился около 1700 г. Его отец, Петр Александрович Жуков, участвовал в подавлении Булавинского восстания в чине подполковника драгунского полка². Сын, Александр Петрович Жуков, начал службу в 1719 г., т. е. 18—19 лет, в гренадерском полку гренадером, в затем капралом; в 1723 г. он был переведен в Сибирский полк в небольшом чине подпрапорщика. Позднее произошел какой-то значительный сдвиг

¹ Массовые злоупотребления Жукова повлекли за собой продолжительное следствие сначала в Казанской губернской канцелярии (1748—1751 гг.), а затем в Пензенской провинциальной канцелярии (с 1752 г. специальная следственная комиссия, назначенная Сенатом). В конце 50-х годов XVIII в. дело было передано в Юстиц-коллегию, где за давностью было сдано в архив, а Жуков освобожден из-под домашнего ареста, под которым он находился в течение 10 лет. За время следствия накопилось большое количество материалов, допросные речи многих десятков обиженных и обобранных (главным образом в форме взяток), особенно «новокрещенов». В результате в ЦГАДА сложился отдельный фонд (№ 304, оп. 3) — «Следственная комиссия о злоупотреблениях пензенского воеводы Жукова». Из этих довольно трудно систематизирующихся материалов в конце прошлого века Н. Н. Неелов составил краткий экстракт и опубликовал его под названием «Следственная комиссия о злоупотреблениях пензенского воеводы Жукова (1725—1756)» («Чтения ОИДР», 1888, кн. 1). Этим экстрактом пользуюсь я с добавлением из подлинных дел.

² Е. П. Подъяпольская. Булавинское восстание. М., 1962, стр. 183.

в его служебном положении: в 1736 г. он был назначен флигель-адъютантом при графе А. И. Румянцеве, а через 3 года при нем же — генерал-адъютантом. Что выдвинуло Жукова, лишенного, как увидим ниже, элементарной честности, грубого до бесчеловечности, за отсутствием земельных владений входившего в состав господствующего класса лишь по службе,— неизвестно. Но можно предполагать, что причиной могла быть женитьба бывшего гренадера на богатой, а возможно, и вышедшей из верхов дворянства женщине, принесшей в приданное два имения и два дома.

Женитьба, возможно, приблизила безвестного п, можно сказать, неимущего капрала к чиновному и богатому обществу, но не сделала его ни культурнее, ни честнее. Грубый и невоздержанный характер Жукова сказывался на всех сторонах его жизни и отношении с людьми. Как показало следствие, воевода, пользуясь безграничной властью в провинции, густо населенной мордвою и татарами, с первых же лет стал бесчинствовать. Особенно много жалоб было со стороны инородческого населения на всевозможные «насильства», «обиды» и не имевшее границ взяточничество, которое являлось источником пополнения средств; не даром в 1751 г. Жуков становится собственником купленного им имения — с. Рождественского в Юрьев-Польском уезде. Возможно, что массовые злоупотребления властью продолжались бы дольше, если бы уже в 1745 г. Жуков не столкнулся с возглавлявшим в те годы ревизию в Пензенской провинции Г. П. Толстым³. По неизвестным причинам, а вернее всего по неистовому характеру Жукова, очевидно, встречавшего отпор со стороны Толстого, ссора возобновилась в 1748 г. и приняла бурный характер побоища. Толстой обратился в Казань, к тому же жалобы на вымогательства Жукова последовали со стороны крупных откупщиков таможенных и кабацких сборов, коломенских купцов Мещанинова и Хлебникова. Из Казани были направлены следователи, и тут посыпались десятки жалоб со стороны населения. Весной 1752 г. глава сенатской следственной комиссии отрешил Жукова от воеводства. Бывший воевода находился под домашним арестом. Жуков жил в это время в Пензе один; в снимавшихся для него квартирах он не раз дебоширил, разбивая двери, окна, косяки. В сарае он держал медведя, а в доме — злейшую собаку, которая многих искусала. «Новокрещены» жаловались, что помещик заставлял их поймать живого волка. В таком окружении жил дикий самодур и взяточник, с которым, видимо, не могли ужиться жена (жила в Москве) и три сына, в какой-то степени унаследовавшие задатки отца.

При следствии 1754 г. об убийстве жены Жукова и «малолетней» дочери⁴ Жуков сам возбудил дело против сына Алексея,

³ Григорий Прокофьевич Толстой, полковник Ростовского драгунского полка.

⁴ ЦГАДА, ф. 196 (Рукописное собрание Ф. Ф. Мазурина), д. 226, лл. 1—12.

каптенармуса лейб-гвардии Преображенского полка, жившего в доме матери. Она еще раньше писала мужу о «непочтении» сына и своем опасении «к нечаянному прекращению ее жизни». Подозрение подтвердилось — сыну действительно принадлежала мысль об убийстве. Относительного другого сына, Ивана, в комиссии имелись сведения о покушении его на отца — «что объявленного Александра Жукова другой сын его, Жукова, зарезал или иным каким случаем повредил»⁵. Наконец, третий сын, Петр, пытался бритвой зарезать себя, страхась из-за чего-то гнева отца⁶. Очевидно, дети знали, на что способен отец.

Многочисленные обвинения Жукова со стороны населения Пензенской провинции не только во взяточничестве, но также в побоях и истязаниях свидетельствуют о безудержном проявлении жесткого нрава на административном посту, а его «пункты», или, другими словами, инструкции, — о положении помещика-дусшеладельца. «Бить батожьем», «под жестоким наказанием», бить «батоги нещадно», «под опасением и вам (выборным и старосте. — Е. З.) наказания» — этими угрозами богато снабжены «пункты». Надо думать, большим облегчением для крестьян было то, что после военной службы Жуков перешел на гражданскую и жил за пределами своих вотчин, поэтому крутая рука помещика не распространялась непосредственно на деревню. Недаром в его инструкциях не раз встречаются оговорки — «без бытности нашей в Москве» или «в небытность нашу в Москве», и сами «пункты» были составлены, видимо, в расчете на эту «небытность» в октябре 1743 г., т. е. накануне отъезда на воеводство в Пензу (январь 1744 г.). Предстоящая отдаленность собственного глаза побуждала еще сильнее «натягивать возжи», а с другой стороны, дать руководство в форме инструкции, наказа или «пунктов», как называет сам Жуков свои наказания вотчинной администрации, датированные 1743 и 1751 гг.⁷ «Пункты» составлены весьма детально, особенно в части барского хозяйства, и в этом их особенность сравнительно с известными и в большинстве опубликованными помещичьими инструкциями первой половины XVIII в.

Самое выражение «инструкция», как обозначающее документ, регламентировавший жизнь поместья или вотчины, появляется в 1720-х годах — это инструкция Н. Г. Строганова 1725 г. приказчику с. Рождественского Соликамского уезда, опубликованная Н. В. Устюговым⁸. В последующие годы Строгановы удерживают название «инструкция» (инструкции 1728, 1750, 1751 гг.)⁹. Поль-

⁵ ЦГАДА, ф. 196, д. 226, л. 11.

⁶ Там же, д. 241.

⁷ Эти материалы обнаружены мною в ЦГАДА (ф. 196, д. 1618).

⁸ «Исторический архив», 1949, т. IV. Более ранняя инструкция, вышедшая из стен Дворцовой канцелярии в сентябре 1724 г. и содержащая хозяйственные статьи, направлена не вотчинной администрации, а «судьям Дворцовой канцелярии (С. И. Волков. Крестьяне дворцовых владений Подмосквы в середине XVIII в. М., 1959. Приложение).

⁹ Л. И. Кондрашева. Малоизвестные помещичьи наказания управителям XVIII в. — «Труды Московского гос. историко-архивного ин-та», 1957, т. X, стр. 232—233.

зуются им и другие помещики из вельмож — А. П. Волынский¹⁰ и П. М. Бестужев-Рюмин, хотя последний с пояснением — «или пункты» (1738 г.), а также дворцовое ведомство¹¹. В то же время другие помещики употребляют иные названия¹². Но независимо от разницы в названии все эти документы имеют основное общее — это обращение к вотчинным властям на местах с указаниями, более или менее обстоятельными и детальными, по основным вопросам управления вотчиной и поведения ее населения. Поэтому, возможно, прав К. В. Сивков, объединив эти документы под более ранним и более распространенным в первой половине XVIII в. наименованием — наказы¹³, хотя некоторые авторы делают попытку определить разницу в содержании и форме инструкций и наказа, которая мне представляется, возможно, из-за недостаточного пока числа наблюдений, малоубедительной¹⁴.

Различна оценка в исторической литературе и характера или содержания наказов-инструкций первой половины XVIII в. Что владельцы заселенных земель издавна были заинтересованы в их обработке при своевременном и «усердном» выполнении соответствующих сельскохозяйственных работ, в этом не приходится сомневаться даже и без имеющих на то указаний в документах до XVII в., не говоря о последнем. Но естественно, что чем глубже в века, тем сильнее было непосредственное руководство землевладельца, обитавшего в своей вотчине, и чем чаще стало нарушаться это руководство из-за государевой службы, тем большее значение приобретала возможность воздействия издалека посредством переписки, указов, наказов, инструкций. Обязательная

¹⁰ Инструкцию Волынского некоторые авторы относят к первой четверти XVIII в. (например: *И. Ф. Петровская*. Наказы вотчинным приказчикам первой четверти XVIII в. — «Исторический архив», 1957, т. VIII, стр. 224), другие — ко второй четверти (*Н. Л. Рубинштейн*. Сельское хозяйство в России во второй половине XVIII в. М., 1957, стр. 132). Между тем в инструкции имеется прямое указание в § XIX: «...для того в настоящем 1725 году» («Москвитянин», 1854, № 3).

¹¹ Бестужева-Рюмина — «Русский архив», 1904, кн. I; дворцового ведомства — «Исторический архив», т. VI. М.—Л., 1951. Название инструкции: «По указу ее и. в. инструкция дворцовых волостей управителям, по которой они должны управлять».

¹² А. П. Жуков — «Пункты», А. И. Румянцев — «Учреждение» в 1751 г. («Университетские известия». Киев, 1904, № 6—7), а также старое название — «наказы»: А. М. Черкасский приказчику с. Маркова Московского уезда 1719 г.; Д. А. Шепелев приказчику с. Глинки Михайловского уезда 1718 г. (*Л. И. Кондрашева*. Указ. статья, стр. 225—227 и 230—231), А. П. Шереметева — Григорию Вроблевскому 1727 г. (*К. Н. Шенетов*. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. М., 1947, стр. 265. Приложение 1) и, наконец, особой формы наказ А. А. Винюса 1709 г. («Исторический архив», т. VIII, стр. 231—241).

¹³ *К. В. Сивков*. Наказы управителя XVIII в. как источник для истории сельского хозяйства в России. — «Академику Борису Дмитриевичу Грехову ко дню семидесятилетия». Сб. статей. М., 1952.

¹⁴ *Л. И. Кондрашова*. Указ. статья, стр. 222—225. Сам автор, чувствуя неясность разграничения, употребляет выражение «наказы (или инструкции)».

и бессрочная служба, введенная для дворянства при Петре I, сыграла в этом процессе исключительную роль, недаром для первой половины XVIII в. встречается все больше свидетельств о необходимости письменного вмешательства и воздействия на жизнь в вотчине. Все это совершенно естественно. Но исследователи идут дальше в поисках более глубоких объяснений явно растущего воздействия со стороны помещика, особенно с начала XVIII в., связывая это с общими сдвигами в экономике страны. «Прежде всего, — пишет Л. И. Кондрашова, — изменения в экономике страны повлекли за собой появление новых разделов в помещичьих наказах управителям (XVIII в. — *Е. З.*), в частности о рационализации сельского хозяйства, о повышении товарности крепостного хозяйства»¹⁵. Сторонницей такой же оценки даже единично обнаруженных наказов-инструкций второй четверти XVIII в. была П. К. Алефиренко, против чего возражал Н. Л. Рубинштейн: «Таким образом, вряд ли можно согласиться с мнением П. К. Алефиренко, усмотревшей уже в помещичьих инструкциях второй четверти XVIII в. прямую направленность на агрономическое улучшение и развитие сельского хозяйства»¹⁶. Знакомство с содержанием наказов первой четверти XVIII в. в целом привело Н. Л. Рубинштейна к определенному выводу: «Наказы приказчикам первой четверти XVIII в. касаются в основном административно-фискальных и судебно-полицейских вопросов и сводятся почти исключительно к перечислению доходных статей и крестьянских повинностей...» Но и относительно второй четверти вывод почти тот же: «Мало отличаются в этом отношении и инструкции второй четверти XVIII в.». И даже больше: вывод распространяется на аналогичные документы 50—60-х годов «в отношении агрономических интересов», весьма слабо отражающихся в них¹⁷. Преобладание административно-полицейского характера инструкций второй четверти XVIII в. подчеркивал и К. В. Сивков¹⁸. Ознакомление с текстом опубликованных инструкций, а также авторских статей о них заставляет меня присоединиться в целом к двум последним авторам, хотя с оговоркой, что в инструкциях имеются известные различия, но все же, как правило, собственно хозяйственные распоряжения тонут среди многочисленных административно-судебно-полицейских статей¹⁹.

¹⁵ Л. И. Кондрашова. Указ. статья, стр. 223.

¹⁶ П. К. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 135; см. статью: П. К. Алефиренко. Русская общественная мысль первой половины XVIII в. о сельском хозяйстве. — «Материалы по истории земледелия СССР», т. I. М., 1952, стр. 527.

¹⁷ Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 133 и 137.

¹⁸ К. В. Сивков. Указ. статья, стр. 242.

¹⁹ В этом отношении мнение Н. И. Павленко, высказанное им в статье «Монастырское хозяйство в XVIII в. по вотчинным инструкциям» («Проблемы общественно-политической истории России». М., 1963), представляется переоценкой помещичьих инструкций (во всяком случае первой половины XVIII в.), как отражающих «новое», а именно: «стремление

Статьи об обработке земли, заготовке сена, содержании скота в инструкциях единичны (а иногда и вовсе отсутствуют), даже в весьма трафаретной форме (производить работы в срок, распахать целину, чисто молотить и другие, встречающиеся и в XVII в.)²⁰. В инструкции А. П. Шереметевой 1727 г. из 20 статей лишь в одной (ст. 13, на четырех страницах) говорится о севе в срок. В инструкции дворцовым управителям 1731 г. из 42 статей только одна (ст. 15) посвящена «хлебоустройству», но и в ней речь идет главным образом о контроле за выполненным крестьянами работ на дворец и слежке, не украли бы крестьяне при этом не только зерна, но и «ухоботья»²¹. Не является исключением и наказ Д. Шепелева 1718 г., в котором, пожалуй, уделено немного больше внимания земледельческим вопросам, но в том же направлении — учета и «бережения» от «воровства» и убытка. Но при очень редко встречающихся в инструкциях первых десятилетий XVIII в. указаниях на развитие ремесленной деятельности крестьян, в наказе Шепелева имеются интересные статьи о повинности для женщин. Это, во-первых, «пряхь поставу по тридцати аршин на год», и, во-вторых, что особенно любопытно, ткать разные изделия, и даже не совсем обычные для деревни. «Из боярского льну, из поскони делать велеть полотна тонкие и широкие», — новинка, воспринятая уже практически Шепелевым; а также другая: «Также по тому ж и сукна делать против полотен шириною, мерою в 1½ аршина, как о том в указе в. г. написано»²². В материалах соответствующих лет не встретилось сведений о наличии у Шепелева централизованного текстильного предприятия; очевидно, полотна и сукна ткались в крестьянских избах. Но для чего? Не для поставок ли в казну, за что говорит ссылка на указ об определенной широте изделий. О продаже на вольном рынке этих изделий, как и других, ни в наказе Шепелева, ни в инструкциях первых десятилетий XVIII в. сведений не встречается.

Таким образом, для доказательства заинтересованности помещиков начала века в связях с рынком, а также в предпринимательстве наказы-инструкции, можно сказать, не содержат данных, хотя это не означает отсутствия вообще такой заинтересованности.

Что касается проявлений в изучаемых документах отношения помещиков к связям крестьянского хозяйства с рынком, то, по-

---

внедрить сельскохозяйственные улучшения» и «дух предпринимательства», который свойствен большинству помещичьих инструкций (стр. 314). Здесь, видимо, имеются в виду инструкции второй половины XVIII в., так как в помещичьих инструкциях первой половины века это «новое», можно сказать, не улавливается.

²⁰ См., например: *И. Е. Забелин*. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве (XVII век). — «Вестник Европы», 1871, февраль, стр. 465.

²¹ «Исторический архив», т. VI, стр. 178.

²² Там же, стр. 240, 235.

жалуй, в каждом наказе тех же лет имеется пункт, разрешавший крестьянам с ведома приказчика или старосты продавать и покупать, что потребуется, не только на месте, но и в отъезд, хотя и без «лакомства по базарам»²³.

Не много «новшеств» и в обстоятельных инструкциях двух просвещенных крупных деятелей 20—30-х годов XVIII в. — А. П. Волынского и П. М. Бестужева-Рюмина, имевших большие возможности и побывавших в чужих краях, хотя все же в их инструкциях хозяйственных статей больше, а у Бестужева-Рюмина есть и специфически местные. Инструкция Бестужева-Рюмина предназначалась для его Пошехонской вотчины, а в Пошехонском уезде еще в XVII в. крестьянами разрабатывались месторождения железной руды. Помещик обнаруживает заинтересованность в этом деле, хотя своего крупного предприятия не имел, да на болотных рудах, как это показала и практика промышленников Олонецкого края в XVIII в., заводить доменный завод было нерентабельно. Но развитие мелких крестьянских промыслов обещало помещику увеличение и его доходов, поэтому Бестужев-Рюмин поощряет их²⁴. «Искать в своих землях по всем болотам и истокам ржавца железной руды, — читаем в специальной главе 27, — где сыщется, брать на пробу и дуть в крицы; и будет выгода и годна будет в сковородное дело, и такую руду копать и выжигать, и чистить, и плавить в крицы, и кришной завод размножать»; последнее, очевидно, в смысле кустарных заведений, что подтверждается дальнейшим текстом: «...понеже уже несколько домниц готовых есть, и лучше крицы брать от своих, нежели далеко по крицы ездить и купить дорогою ценою, и своим кузленишным промышленникам и всей вотчине прибыльнее будет, понеже деньги за крицы в чужие руки не пойдут, станут обращаться в своей вотчине», — помещик «забыл» упомянуть и о своей прибыли. Но он был в курсе дела и был готов регламентировать его разные этапы. Так, уголь жечь и вывозить следовало с осени по январь, чтобы с января «все были по местам, по кузленицам, бить молотом до конца зимы, покамест будут в кузленицах, и по весне к новому году готовить дрова на уголья»²⁵. В статье очерчены весь производственный год и основные моменты производства, сохранявшего архаический характер, — домницы ручные и кузницы. Но и это мелкое

²³ Возьмем ст. 18 из наказа Черкасского 1719 г.: «Буде которым крестьянам случится для торговых промыслов иметь отъезды в дальние места, и таковых отпущать на полгода и на год, а больши года не отпущать». Обычно же без указания срока («Исторический архив», т. VIII, стр. 252).

²⁴ «Инструкция или пункты Пошехонской вотчины приказчику, каким образом ему в пошехонских пахотных деревнях смотреть, также что и до оброчных надлежит ведать». 1738 г. — «Русский архив», 1904, кн. I, стр. 28, ст. 27.

²⁵ Там же. Необычное произношение и написание — кузленишным, кузленицы — давно бытовавших понятий объясняется, вероятно, неправильным прочтением документа, в частности выносных букв «л» и «н».

производство, при известной распространенности, не обходилось без наемного труда, о чем знает помещик и также дает свои указания: «Всем объявить крестьянам, которые кузнечные промыслы имеют, чтоб кузнецов и середовых²⁶ и молотовщиков, мимо своих, чужих не нанимали и уголья покупали по тому ж у своих, а когда своих не будет или цену работники и уголья выше чужих держать станут, то можно нанимать и уголья покупать у чужих»²⁷.

Учитывая цену денег, помещик желал развить также другие промыслы и ремесла в вотчине, о чем свидетельствует последняя глава инструкции: «Мастеровым людям, столярам, мыльнику, кожевникам, сыромятникам, овчинникам, слесарю, гончару, набойщику, крашениннику, сапожнику чинить всякое споможение и их прикащику в призрении содержать, чтобы им от кого обиды не было»²⁸. Во имя известной хозяйственной замкнутости своей вотчины, при экономически ограниченном расчете, что деньги должны обращаться внутри ее, помещик готов даже на некоторые жертвы с своей стороны. Требуя, чтобы отцы обучали детей, «в которых есть смысл», т. е. способности, грамоте, а уже вышедших из этого возраста — кузнечной работе или каким другим «промыслам и работе, у кого к чему охота... что всем людям и им самим будет в пользу», Бестужев оговаривает, что «за ученье» следует платить «из оброчных денег или отцу зачитать в оброк»²⁹. В инструкции Бестужева-Рюмина имеются и другие «рецепты», не встречающиеся в более ранних аналогичных документах, но и в ней нет указаний на усовершенствования в земледелии, на стремление выйти за рамки своего хозяйства и связать его с рынком, заняться самому предпринимательством. Выдвигая эти наблюдения, я вновь подчеркиваю, что они строятся в данном случае на определенном типе документах, которых, во-первых, пока что обнаружено немного, и, во-вторых, большинство их относится к хозяйствам крупных, привилегированных аристократов-землевладельцев. Они, с одной стороны, были более образованными и склонными иной раз к новшествам в своем быту, а с другой — весьма обеспеченными обладателями доходных поместий и высоких должностей. Последнее обстоятельство стимулировало внимание не на изыскание новых источников доходов, а на укрепление и возможное расширение старых, т. е. прежде всего на эксплуатацию населения вотчин, и здесь аристократическая мысль доходила до мелочей, запол-

²⁶ Значение выражения «середовые» в кузнечном деле до сих пор не выяснено; оно встречается при изготовлении сковород и чугунов в Устюжне Железопольской в XVII в. У Даля «середовка — горшок средней величины» (*В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка*, т. IV. СПб.— М., 1882, стр. 177).

²⁷ «Русский архив», 1904, кн. I, ст. 28.

²⁸ Там же, ст. 48.

²⁹ Там же, ст. 25.

ная инструкции статьями административно-судебно-полицейского характера. Недаром крупный ученый-экономист второй четверти XVIII в., пожалуй, первым выступивший с передовыми соображениями и предложениями в области сельского хозяйства, В. Н. Татищев, а также осуществивший на практике многие усовершенствования А. Т. Болотов вышли не из аристократических верхов, а из среднего дворянства. Рядовым помещикам при общих изменениях в экономической и культурной жизни страны приходилось задумываться над улучшением старых приемов, также, присматриваясь к окружающему, находить новые источники доходов на основе крепостных отношений. Сопоставляя инструкции 50—60-х годов XVIII в. с инструкциями «предшествующего этапа», Н. Л. Рубинштейн считал, что при отмечавшемся выше сходстве между ними инструкции 50—60-х годов «в то же время резко отличаются от них крайней заостренностью в постановке вопроса о повышении доходности вотчинного хозяйства путем изыскания разных новых источников дохода». На следующей же странице автор отмечает основную цель этих поисков: «Рыночная, товарная направленность составляет новую черту вотчинного хозяйства, определявшую содержание инструкции этого периода»³⁰.

Но не раньше ли начались поиски и в какой-то степени наметилась эта «новая черта» в ведении помещичьего хозяйства? Обнаруженные мною «инструкции», а точнее «пункты», по выражению их автора, А. П. Жукова, позволяют ставить этот вопрос; тем более, что «пункты» в октябре 1743 г. были составлены для двух вотчин, находившихся в разных условиях, — с. Обухова с дер. Борисковой в Московском уезде и с. Троицкого в Елецком уезде. Имеются «пункты» и для третьей вотчины — с. Рождественского (Фомино тож) Юрьев-Польского уезда, но составленные в 1751 г. Сохранились также особые «пункты» по содержанию конских заводов в с. Троицком 1747 г. и Рождественском 1751 г.³¹ Перечисленные три небольшие имения, по всем данным, исчерпывали земельную собственность Жукова, так что последнего никак нельзя причислить к сколько-нибудь крупным вотчинникам. К тому же Обухово и Троицкое он получил в приданое за женой, и они до ее смерти значились за нею; сам Жуков, как говорилось выше, недвижимой собственности не имел. Однако, став фактически землевладельцем и душевладельцем, хотя и занятый службой, Жуков проявлял большую заинтересованность в этом новом для него виде собственности, стремясь извлечь наибольшие выгоды и доходы. Последнее сказывается уже в том, что «пункты» составлялись для каждого имения в отдельности, и хотя

³⁰ Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 137, 138.

³¹ ЦГАДА, ф. 196, д. 1618. Пять перечисленных документов переплетены в одну книгу, размером в пол-листа, в кожаном переплете. Других материалов в ней не имеется.

они составлялись одновременно (общая дата — 1 октября 1743 г.), при сопоставлении их обнаруживаются различия, что говорит за обдуманность составления. Так, в «пунктах» для елецкого поместья имеются специальные статьи о сроках и способах отправки разных продуктов господского хозяйства и собранных с крестьян в подмосковную вотчину, «в селцо Абухово» (статьи 29 и 30), которые, естественно, отсутствуют в «пунктах» для самого Обухова. Отсутствие других статей в инструкции для Обухова объясняется или той же близостью последней к Москве, а следовательно, и большей возможностью контроля или некоторыми различиями в ведении хозяйств, находившихся все же в разных природных условиях. Например, в «пунктах» для Троицкого специальная статья «О делании круп» из гречи и проса вызывалась значительными посевами (гречи на 17 дес., а в Обухове на двух) или о содержании в Троицком до 20 «кормных» свиней (в Обухове — «не держать») в связи с большими вообще посевами хлеба (ржи на 42 дес., а в Обухове на 15, овса соответственно на 18 и 7 дес.). Известно также, что овцеводство было более распространено южнее Москвы, как было и у Жукова (в Троицком 50 овец и 72 головы приплода, в Обухове — 30 овец и 39 приплода); отсюда особая статья в Троицкое «о шерсте с овец барских», а также «о зборной со крестьян» (статьи 7 и 8). Не совсем понятно отсутствие в обуховских «пунктах» обширной и важной в хозяйственном отношении статьи «о всяком хлебе, почему высевать на десятину». Возможно, что под Москвой нормы уже установились; здесь же, в отдалении, по словам помещика, высевалось «перед всеми сторонними людьми... с уменьшением, чего нигде не слыхано... для того ужин как аржаному, так и еровому хлебу ни в полы против сторонних людей не бывал» (ст. 22). Все эти моменты указывают на участие в составлении «пунктов» самого помещика. О его активной хозяйственности говорит и составление, а не просто копирование «пунктов» для вновь купленного в 1751 г. имения в Юрьев-Польском уезде, а также особые «пункты» по конским заводам. Судя по детальности «пунктов», коневодство было страстью помещика, но не доходной статьей, так как лошади не продавались. «Пункты» содержат конкретные данные, не говоря об отчетных материалах, содержащихся в том же «деле» и составлявшихся на основании прилагавшейся к «пунктам» особой «образцовой ведомости, как писать о хлебе и о прочем». Форма такой ведомости с незаполненными графами, весьма обстоятельная и обширная (7 машинописных страниц), приложена лишь к «пунктам» 1751 г. для только что купленной вотчины (с. Рождественского) для внесения результатов первого года (1751) владения ее Жуковым³². При «пунктах» же для двух старых вотчин имеются уже запол-

³² ЦГАДА, ф. 196, д. 1618, лл. 63—67 об.

ненные по той же форме ведомости по всем хозяйственным статьям, датированные 1 октября 1744 г., т. е. по окончании хозяйственного 1743/44 года³³. Отдельная отчетная «образцовая ведомость» от 25 октября 1747 г. имеется по конскому заводу в с. Троицком³⁴.

Нечего говорить о том, что отчетные ведомости дают цельное представление о каждой вотчине, размерах и направлении хозяйства. Форма же их была составлена или самим помещиком, или при его участии. В кратком сопровождении точно и ясно объясняется необходимость данной формы отчетности. Цитируем его полностью, как характеризующее стиль хозяйствования Жукова: «Оная ведомость дана вам для того, чтоб так всегда писали, ибо из оной ведомости о всем ясно усмотреть можно, а ис прежде присланных от вас на лоскутках ведомостей ни о чем внятно знать не можно». А дальше о самой отправке, чтобы не получилось путаницы ввиду отъезда в Пензу: «А против сей образцовой ведомости повсягодно, по снятии всего хлеба, присылать ведомость с нарочным ходоком в московской мой дом, отуду оную ведомость посылать будут ко мне». И любопытное практическое предупреждение: «А посылать такие ведомости при письме вашем, в котором письме много писать не надлежит, ибо обо всем видно будет ис той ведомости»³⁵.

Составление «пунктов» для конских заводов в 1747 г. и для с. Рождественского в 1751 г., т. е. уже в условиях домашнего ареста Жукова в Пензе, говорит о том, что Жуков издали следил за хозяйством, подменяя непосредственное руководство письменными наказами в целях его улучшения. Судя по большой переписке с разными учреждениями в долгий период следствия над ним, Жуков не лишен был образования, легко излагал свои мысли, а очень определенный, всегда устойчивый почерк — свидетель не только грамотности, но и твердости характера.

Итак, собираясь в отъезд на воеводство, А. П. Жуков отнесся с большим вниманием к оставляемому в значительной степени на волю вотчинной администрации хозяйству, что он учитывал и отразил в вводных словах к «пунктам», признавая за ней право на полезную инициативу. Требуя, чтобы выборный и староста поступали соответственно «пунктам» «всегда непременно», помещик тут же оговаривает: «А буде и сверх сих пунктов что усмотрит к лутчей какой пользе и к прибыли господской, о том писать вам к нам, не запуская в продолжение, из чего смотря, не умедля прислан будет указ. А самим то лутче исполнять, не смотря на то, что в пунктах о том не писано или и написано»³⁶. Крутой нрав автора подчиняется или уступает здесь

³³ Там же, лл. 11—17, 39—42 об.

³⁴ Там же, лл. 29—30 об.

³⁵ Там же, л. 11.

³⁶ Там же, л. 2 об.

соображениям хозяина о лучшей «пользе» и «прибыли» как задаче ведения хозяйства. Этому соответствует все содержание «пунктов» Жукова-помещика, и этим они явно выделяются из состава известных и выше кратко охарактеризованных аналогичных документов первой половины XVIII в.

«Пункты» автор дает под цифрами, а в троицких и с краткими заголовками на полях; в обуховских 32 статьи, в троицких 34; но из них всего по одной отведено «збору подушных денег» (соответственно статьи 18 и 19), в конце троицких имеется еще статья «об отдаче рекрут» (28). Предметом, поглощавшим внимание Жукова, было собственно господское хозяйство: земледелие, начиная с обработки земли и кончая хранением зерна в житницах разного назначения; содержание скота и птицы с подробностями их кормления, особенно лошадей, обеспечение хозяйства изделиями из льна и шерсти. О сборах с крестьян «столового запаса» — по одной статье, причем в Троицком в больших количествах и разнообразнее в соответствии с местными особенностями в крестьянском хозяйстве. Так, здесь на первом месте стоит свиное мясо по 30 фунтов с тягла и по поросенку, мед («с вадьбы по пуду»), шерсть (по 1 фунту) и по 4 аршина сукна; в Обухове по одному «сукну» (кусок, вероятно, около 20 аршин) «со всех тягол». Зато в Обухове заготавливались более трихотливые запасы, отнимавшие время у крестьян: с тягла по фунту «сухих грибов мелких» и «брусники по чаше... и сверх сего для домового расхода посылать временно для збору ягод и для груздей и грибов». Отсюда все это шло в «московский дом».

Относительно денежных оброков нет ни слова, кроме замены поставки дров с Троицкого, удаленного от Москвы, «дровяными деньгами» по 10 коп. с тягла. В основном это были барщинные вотчины, отсюда красной нитью приходит требовательность к контролю за выполнением барщинных работ с постоянным напоминанием о неизбежных батогах. В общем все это чрезвычайно напоминает хозяйственные приемы бояр XVII в., не только Б. И. Морозова, но и Н. И. Романова. Созвучны даже упоминания о «деловых людях», выполнявших разные работы вместе с крестьянами и дворовыми, но выделявшихся из них. Так, в статьях 20 по Обухову и в 26 по Троицкому читаем: «Понеже всем крестьяном, дворовым и деловым людем велено быть у вас в таком послушании, как бы меня самого, за настоящую вину наказывать вам их позволяетца» — или соответственно в статьях 13 и 9: «Лен раздовать на оброки дворовым и деловым бабам по 30 фунтов, а оставшей лен за роздачею повсягодно роздавать крестьянкам на всякую бабу по пяти фунтов». Очевидно, по положению в хозяйстве «деловые» были близки к дворовым, об этом говорит и способ их содержания — и те и другие получали «месячину»: «На месячину дворовым и деловым людем выдано» (ст. 39 обуховская) — или в троицкой: «На месячину дворовым и деловым людем на август и на сентябрь месяцы октября по 1 чис-

ло, на месяц выходило по 2 четверти — итого 4 четверти (имеется в виду рожь). Велика ли была выдача на человека? Об этом говорит ст. 27 троицких «пунктов»: от 7 до 15 лет — по четверику, «а от 15 и выше по полуосмине на месяц ржи одному», т. е. взрослому, полагались 2 четверика, составлявшие 2 пуда с лишним. Но тогда выходит, что дворовых и деловых было всего 8 человек, что для Троицкого, где помещик не жил, в отношении дворовых это возможно: не много было и «деловых», если их считать, как обычно делается, наемными, однако о денежном жаловании не упоминается. Во всяком случае земля обрабатывалась крестьянами по тяглам, «а что останетца за розделом земли, ту пахать миром и с поля збирать таким же образом»³⁷. Безотлучное же присутствие и прилежное смотрение выборных за добропорядочным выполнением работ на каждом их этапе должны были обеспечить не только непосредственные потребности помещицкой семьи, но и прибыль. Рекомендацией для улучшения полевого хозяйства в целях получения последней немного. Это — увеличение высева семян на десятину до 1½ четверти вместо практиковавшихся по старине 10 четвериков ржи и по 3 четверти с осминой овса вместо пяти осмин — нормы, по словам Жукова, уже принятые у «сторонних» людей, а у него упущенные «крайним несмотрением» вотчинной администрации³⁸. Второе требование в целях увеличения урожайности — всякий яровой хлеб «прежде севу заблаговременно класть в рост для того — ежели которой хлеб не всхож, такой надлежит продать или променять, а достать всхожей» (ст. 15).

Таким образом, не новизна агротехнических статей или наказов по скотоводству примечательны в «пунктах» Жукова. В них обращает внимание упорный интерес к получению избытка продукции для реализации ее на рынке, начиная с хлеба. Требуя, чтобы после обмолота, «сметя» всякий расход, отсыпать соответствующее количество хлеба в особую «ходячую житницу», помещик поясняет: «оная отсыпка для того, что всегда можно узнать, сколько за всем расходом останетца какого хлеба на продажу» (ст. 5 по Обухову). По отчетным ведомостям видно, что в 1743/44 хозяйственном году продано было всякого «хлеба», кроме ржи и овса. Но интерес вызывал не только хлеб, а все остальное, даже сено: «Весьма смотреть, дабы севу нималой траты излишней никуда не было... дабы всякого году оставшему севу могла быть продажа», о которой заносить в хлебную ведомость (ст. 10 по Обухову).

Такая же задача ставится перед скотоводством и птицеводством: «И о вышеписанной живности, творогу, яиц и огородных и садовых всяких овощей, на сколько чего которого году будет продано, писать в хлебных ведомствах имянно, чтоб можно было

³⁷ «Пункты» в Троицкое, ст. 1 (см. ЦГАДА, ф. 196, д. 1618).

³⁸ Там же, ст. 22.

знать, сколько которого году таких денег собрано» (ст. 11 по Обухову). В этих расчетах помещик доходил до мелочей. Так, следовало продавать творог в Москве из Обухова, а в Троицком на месте — в отчетной ведомости читаем: «Тварожных денег от десяти коров собрано 2 руб. 50 коп.»³⁹. Рассчитывая на доход от продажи овощей «в надлежащую пору, как поспеют», помещик делает исключение для капусты, которую следует продавать крошечным «в великой пост, и тогда дороже» (ст. 16 по Обухову).

В обобщенном виде перечень того, что предназначалось для рынка, а это и давало денежный доход и прибыль, имеется в ст. 5 по Обухову (ст. 3 по Троицкому), где говорится о специальной житнице для такого хлеба, «которой за всяким расходом будет надлежащей к продаже, а именно горох, грешневые крупы, семя оленое и конопляное, ячмень, также сукны и шерсть, лен, посконь и пенку и прочее домовое, что без бытности нашей в расходе не употребляется», а именно: яйца, творог, овощи. Как видим, список довольно обширный; отчетная же ведомость свидетельствует, что товарная продукция была по каждому виду «живности» (кроме крупной — коров и лошадей), а также садовых посадок — малины, смородины, крыжовника, яблок, не считая огурцов и моркови, продавалась на небольшие суммы, но все это говорит об установившихся связях с рынком этого сравнительно небольшого хозяйства. Подобные сведения, весьма существенные для характеристики направления помещичьего хозяйства, как учитывавшие его товарность, не встречались, как мы видели выше, в известных инструкциях первой половины XVIII в. Это и дало основание Н. Л. Рубинштейну противопоставлять им аналогичные документы 50—60-х годов и сделать вывод, что «рыночная, товарная направленность составляет новую черту», начиная со второй половины XVIII в. «Пункты» Жукова (а в дальнейшем, несомненно, не его одного) в какой-то степени корректируют этот вывод в пользу во всяком случае конца второй четверти века.

---

³⁹ ЦГАДА, ф. 196, д. 1618, л. 17.

ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСА О КРЕСТЬЯНСКОЙ ТОРГОВЛЕ
В КОМИССИИ О КОММЕРЦИИ
В СЕРЕДИНЕ 60-Х ГОДОВ XVIII В.

Для изучения истории России в XVIII в. большой интерес представляет исследование политики дворянского государства в отношении крестьянской торговли, ибо в этом вопросе часто сталкивались противоречивые интересы различных сословий (дворян, крестьян, купцов и посадских людей), а также государства, стремившегося увеличить свои доходы от расширения коммерции. На протяжении XVIII в. правительственная политика не была единой, порой имела компромиссный характер, что объяснялось сложностью и противоречивостью социально-экономического развития страны. С одной стороны, в XVII—XVIII вв. происходило усиление крепостничества и распространение его «вширь» (на новые территории и категории населения), с другой — в недрах феодально-крепостнической формации происходило зарождение и становление буржуазных отношений. Их рост привел в 50—60-х годах XVIII в. к образованию капиталистического уклада в экономике России.

В первой половине XVIII в. значительно увеличился отход крестьян в города для занятий торговлей и промышленностью, а также для работы по найму. Особенно возрастал крестьянский отход из нечерноземных провинций, что объяснялось не только более высоким уровнем развития товарно-денежных отношений в этих районах, но и влиянием географического фактора (малоплодородие почв, отсутствие достаточного количества пахотных земель). Отлив сельского населения в города, захвативший с разной степенью интенсивности все категории крестьян и часто принимавший форму настоящего бегства, сильно беспокоил дворян, так как при этом крестьянам создавались более благоприятные условия для того, чтобы уйти из-под власти феодалов. В то же время рост крестьянской торговли ущемлял экономические интересы посадского населения, которое видело в крестьянах опасных конкурентов.

Учитывая интересы дворянства и верхушки формирующейся буржуазии, правительство в первой половине XVIII в. в общем стремилось сдерживать отход крестьян в города. Однако экономические и фискальные интересы абсолютистского государства, а также непрекращающийся стихийный протест крестьянства вынуждали правительство время от времени смягчать законодательство и делать определенные уступки торгующим крестьянам. На изменение правительственной политики огромное влияние оказывало также то обстоятельство, что по мере втягивания помещичь-

его и крестьянского хозяйств в рыночные отношения часть дворян стала требовать создания более благоприятных условий для развития торговли и промышленности крестьян, так как это увеличивало доходы феодалов от эксплуатации их крепостных. В то же время значительная часть помещиков, чье хозяйство весьма слабо было втянуто в товарно-денежные отношения, выступала за резкое ограничение и тщательное регулирование крестьянского отхода и даже полное запрещение крестьянам заниматься торговыми и промыслами. Само усиление гонений на крестьянскую торговлю в 30—40-х годах XVIII в. свидетельствовало о возросшем значении торгующих крестьян. Но все ограничения абсолютизма, хотя и были серьезным тормозом, не могли остановить процесс втягивания крестьянского хозяйства в товарно-денежные отношения¹.

Борьба между интересами различных группировок господствующего класса феодалов остро проявилась в середине XVIII в. при обсуждении таких вопросов, как изменение курса экономической политики, отмена внутренних таможен, выработка нового уложения, проведение финансовых реформ и т. п. Если одна часть правящих кругов во главе с братьями П. И. и А. И. Шуваловыми выступала за осуществление реформ во внутренней политике, которые объективно бы более учитывали сдвиги в социально-экономическом развитии страны в буржуазном направлении, то другая группировка, возглавляемая братьями М. И. и Р. И. Воронцовыми, настаивала на сохранении и усилении узкосоциального дворянского характера внутривластного курса².

Эта борьба двух направлений дворянской экономической мысли отчетливо прослеживается и при изучении истории обсуждения вопроса о крестьянской торговле и промышленности в Комиссии о коммерции в 1765 г. Обращение к этим материалам Комиссии о коммерции позволяет раскрыть закулисную механику

¹ См. подробнее: А. А. Кизевеггер. Посадская община в России XVIII ст. М., 1903, стр. 4—18; А. Л. Шапиро. Крестьянская торговля и крестьянские подряды в петровское время.— «Исторические записки», т. 27, стр. 202—238; *он же*. К истории крестьянских промыслов и крестьянской мануфактуры.— Там же, т. 31, стр. 147—150; И. В. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX в. М.—Л., 1950, стр. 43—44, 47—57, 68—69; Е. И. Заозерская. Бегство и отход крестьян в первой половине XVIII в.— «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)». М., 1958, стр. 166—174, 184—186; Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Классовая борьба крестьянства и становление буржуазных отношений в России.— «Вопросы истории», 1964, № 12, стр. 29—44.

² Н. Л. Рубинштейн. Уложенная комиссия 1754—1766 гг. и ее проект нового уложения «О состоянии подданных вообще» (К истории социальной политики 50-х — начала 60-х годов XVIII в.).— «Исторические записки», т. 38, стр. 217—249, 237—251; П. К. Алефиренко. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-х годах XVIII в. М., 1958, стр. 359—365; С. М. Троицкий. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1965, стр. 61—101, 110—113.

выработки правительственного курса по этому важному вопросу накануне созыва Екатериной II новой Уложенной комиссии. История обсуждения вопроса о крестьянской торговле в Комиссии о коммерции в 1765 г. не была предметом специального рассмотрения в литературе, если не считать краткого изложения мнений о торговле крестьян князя Я. П. Шаховского и Г. Н. Теплова³ и публикации двух записок Теплова по этому вопросу автором настоящей статьи⁴.

Непосредственным поводом к постановке этого вопроса в комиссии явилось распоряжение императрицы Екатерины II в конце 1764 г. выяснить, вреден или выгоден для государства свободный крестьянский торг. На решение императрицы обсудить этот острый вопрос внутренней политики в узком кругу наиболее доверенных лиц из ее ближайшего окружения повлияло то, что при выработке проекта нового уложения в 1754—1766 гг. выявились резкие разногласия как среди верхов господствующего класса феодалов, так и между интересами купечества и дворянства. Назначение на пост руководителя Уложенной комиссии графа Р. И. Воронцова и переработка составленного под влиянием Шуваловых первоначального проекта уложения в сторону усиления сословных прав и привилегий дворян вызвали недовольство купцов. В 1762 или 1763 гг. они подали Екатерине II особую записку, в которой отстаивали монополию на занятия торговлей и промышленностью, требовали запрещения крестьянской торговли и записи навечно торгующих крестьян в купцы. Об этом же писали купцы и в своих жалобах, подаваемых в магистрат и Уложенную комиссию 1754—1766 гг.⁵

Во же время специальное обсуждение вопроса о крестьянской торговле в Комиссии о коммерции было связано с проводимой в начале правления Екатерины II политикой «просвещенного абсолютизма», выразившейся, в частности, в попытках создать более благоприятные условия для развития торговли и промышленности (отмена в 1762—1763 гг. торговых и промышленных монополий и т. д.)⁶.

В фондах Кабинета Екатерины II и Комиссии о коммерции сохранились документы, позволяющие восстановить ход обсуждения вопроса о крестьянской торговле. В данной статье мы рассмотрим обсуждение вопроса о крестьянской торговле среди пред-

³ А. А. Кизевеггер. Указ. соч., стр. 19—21.

⁴ С. М. Троицкий. Документ о крестьянской торговле в XVIII в.— «Советские архивы», 1969, № 1, стр. 86—93.

⁵ Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 246—249; Е. И. Индова. Роль дворовой деревни первой половины XVIII в. в формировании русского купечества.— «Исторические записки», т. 68, стр. 207—210; Г. Л. Варганов. Купечество и торгующее крестьянство центральной части Европейской России во второй половине XVIII в.— «Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена», 1962, т. 229, стр. 163—177.

⁶ Н. М. Дружинин. Просвещенный абсолютизм в России.— «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)». М., 1964, стр. 442—443.

ставителей правящих кругов и не будем касаться противоречий по этому вопросу между посадским населением и феодалами.

Получив в начале 1765 г. запрос Екатерины II, значительная часть членов Комиссии о коммерции (сенаторы князь Я. П. Шаховский и генерал-поручик Н. Е. Муравьев, статский советник Т. Клингштедт) выступила против свободы крестьянской торговли. Для обоснования этой точки зрения Я. П. Шаховский в мае 1765 г. распорядился подготовить проект протокола заседания Комиссии о коммерции, который следовало передать на утверждение Екатерине II⁷.

Составитель этого документа осудил рост крестьянской торговли, так как это ослабляет купечество и лишает его многих выгод, поскольку крестьяне пользуются покровительством помещиков и не несут тяжелого посадского тягла. Особое беспокойство Шаховского вызывало то, что «такие крестьяне, упражняясь в самых легких делах», оставляют «весьма для государства важное и нужное земледелие, яко фундамент общего богатства» и «прилепляются к городской жизни и пище». В результате отлива сельского населения якобы хиреет земледелие и растут цены на продовольствие в городах. По мнению составителя протокола, «крестьянин употреблением своих рук на разные работы, от земли происходящие, конечно, больше государству принесет пользы, нежели упражняясь в ненужных и еще к повреждению порядка [служащих] торговых промыслах». Поэтому Шаховский предлагал запретить крестьянам и разночинцам «производить торги» и в соответствии с просьбами купцов «ни прикащиками, ни сидельцами в их лавках не быть, доколь кто из них, имеющий достаточный капитал и способность, дозволение по узаконениям получит иметь купеческое право». Крестьянам можно сохранить лишь мелкую торговлю на рынках съестными припасами⁸.

Однако такая позиция Шаховского и его единомышленников встретила решительное возражение со стороны статс-секретаря Екатерины II и фактического руководителя Комиссии о коммерции Г. Н. Теплова, выступавшего и ранее сторонником более свободного развития коммерции⁹. Об этом свидетельствуют его язвительные замечания на полях проекта протокола заседания Комиссии о коммерции, в которых он высмеивал содержащееся в нем утверждение, что крестьяне якобы промышляют главным образом мелочной торговлей. «Я не говорю о клюкве, луке, квасе и блинах,— писал Теплов,— и то купеческим торгом нигде не называю, потому что российская коммерция не в блинах состоит, но говорю о крестьянах-капиталистах»¹⁰.

⁷ ЦГАДА, Госархив, X разряд, оп. 3, д. 68, л. 272.

⁸ ЦГАДА, ф. 397 (Комиссия о коммерции), д. 483, лл. 48—50 об.

⁹ См., например, его трактат «О коммерции» («Беседа», 1872, кн. I, стр. 155—168). Опубликовавший эту записку М. Шилевский ошибочно приписывал ее авторство М. В. Ломоносову.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 397, д. 483, л. 48 об.; см. также пометку на л. 49 об.

Комиссия на заседании 5 июня 1765 г. обсудила мнения о торговле крестьян Н. Е. Муравьева и Т. Клингштедта, Г. Н. Теплова (оно составлено 4 июня) и председателя Комиссии о коммерции графа Э. Миниха. В коллективном мнении Муравьев и Клингштедт писали, что «надлежит стараться размножить продукты, которые коммерцию составляют, а не число людей, которые оную производят... чтобы было сколько возможно больше делателей, а сколько возможно меньше торгашей». Сама мысль «дать крестьянам беспредельную свободу вступаться в мещанские и купеческие промыслы», содержащаяся в вопросе Екатерины II, вызвала отрицательное отношение у Муравьева и Клингштедта, отражавших интересы многих дворян, опасавшихся при ослаблении контроля за отходничеством крестьян лишиться источника своего богатства. Свое несогласие даже с самой постановкой вопроса о свободной крестьянской торговле авторы этого мнения маскировали многочисленными рассуждениями о пользе для государства от расширения земледелия, «ибо торговать и пахать в одно время невозможно, и непахотный крестьянин кажется нам такой же член общества, каковы суть безграмотный священник, не служащий и не служивший дворянин и не торгующий купец». При этом они подчеркивали мысль о том, что могущество государства зависит от добросовестного выполнения каждым сословием своих обязанностей. «Смешение двух разных чинов, яко то: купеческого и крестьянского, — писали Муравьев и Клингштедт, — совсем противно натуральному порядку и практике, введенной во всех прочих европейских областях». Если этот принцип нарушить, то и другим сословиям следует разрешить заниматься торговлей¹¹. В итоге всех рассуждений Муравьев и Клингштедт предлагали, чтобы «согласно с находящимися о сем законами крестьянам наистрожайше было запрещено упражняться в купеческих и протчих мещанских промыслах ни под каким видом, пока они по силе законов не выйдут из крестьянского состояния». Как и ранее, крестьянам следовало разрешать мелкую торговлю товарами своего производства на местных рынках, подвоз продуктов к портам, но при этом необходимо «препятствовать купечеству вредную делать скуплю». Чтобы избежать столкновений по всем этим вопросам с посадским населением, они считали полезным подать Екатерине II «план, в котором бы ограничены были как мещанские, так и крестьянам принадлежащие права и промыслы»¹².

Таким образом, оба автора почти буквально повторяли все аргументы Я. П. Шаховского. Высокий имущественный ценз, необходимый для записи торгующих крестьян в купцы, должен был, по их мнению, задержать отлив сельского населения в города. Такая позиция в известной мере сближала их с верхушкой купе-

¹¹ ЦГАДА, Госархив, X разряд, оп. 3, д. 68, лл. 305—308.

¹² Там же, лл. 309—310.

чества, борющейся против конкуренции торгующих крестьян. Обосновывая свои предложения, Шаховский, Муравьев и Клингштедт в качестве одного из наиболее убедительных аргументов использовали популярную в средние века среди феодалов России теорию о разделении обязанностей между сословиями, которая наиболее отчетливо была сформулирована в 1657 г. в коллективной дворянской челобитной на имя царя Алексея Михайловича, или в так называемом «крепостном уставе»¹³.

Необходимо отметить, что все три автора развивали взгляды, типичные для значительной части помещиков. Признание земледелия основой богатства общества и государства, стремление строго регламентировать крестьянское отходничество при сохранении сословного деления общества были присущи воззрениям таких идеологов дворянства первой половины XVIII в., как генерал-прокурор Сената П. И. Ягужинский, обер-прокурор Сената И. И. Бибииков, кабинет-министр А. П. Вольтинский¹⁴. Требование сохранить сословное деление было характерно для В. Н. Татищева и выступлений дворянских депутатов в Уложенной комиссии 1754—1766 гг.¹⁵

Наиболее активным сторонником развития крестьянской торговли выступил в Комиссии о коммерции Г. Н. Теплов, статсекретарь Екатерины II, один из ее доверенных советников и автор указов по вопросам внутренней политики¹⁶. Прежде всего Теплов отклонил ссылки на пример западноевропейских государств, где якобы каждое сословие не вмешивается в дела другого. «Государю и отечеству, — писал он, — равно могут быть полезны и хороший купец и торгующий крестьянин». Поэтому, считал Теплов, важно решить вопрос, запретить торговлю крестьянам, имеющим опыт и капиталы, или дать монопольное право купцам, среди которых много бедных, плохого поведения лиц. На огромных просторах России, полагал он, купцов имеется очень мало, особенно обладателей крупных капиталов. «Корпус русского купечества, достойного сего имени, самой малой в государстве», о чем свидетельствуют данные III ревизии¹⁷. Поэтому, писал Теплов, хотя русская торговля после смерти Петра I выросла более чем в три раза, но ее рост произошел в значитель-

¹³ См. «Библиографические записки», 1892, № 1, стр. 15.

¹⁴ П. Ягужинский. О состоянии России. — «Чтения ОИДР». М., 1860, кн. IV. Смесь, стр. 272; С. М. Троицкий. Записка И. И. Бибиикова о торгующих крестьянах. — «Археографический ежегодник за 1961 г.». М., 1962, стр. 387—392; П. К. Алефиренко. Указ. соч., стр. 330—333.

¹⁵ П. К. Алефиренко. Указ. соч., стр. 343, 350, 359—360.

¹⁶ Подписанный Г. Н. Тепловым экземпляр его «Мнения о торге крестьянском» от 4 июня 1765 г. хранится в фонде Кабинета Екатерины II (ЦГАДА, Госархив, X разряд, оп. 3, д. 68, лл. 277—292); черновик, написанный рукою Г. Н. Теплова, — см. ЦГАДА, ф. 397, д. 483, лл. 1—13; копии — там же, лл. 14—23, а также в собрании Воронцовых (Архив ЛОИИ, ф. 36 (Воронцовы), оп. 2, д. 546, лл. 230—237).

¹⁷ «Советские архивы», 1969, № 1, стр. 88.

ной мере за счет участия крестьян в торговле. «Сие доказывает,— подчеркивал Теплов,— что крестьянский торг внутри государства весьма много тому ныне способствовал, как сильно он не запрещаем был». Все попытки правительства пресечь крестьянскую торговлю, начиная с Уложения Алексея Михайловича и кончая строгим указом Елизаветы Петровны от 27 ноября 1760 г., не имели успеха¹⁸.

Теплов опроверг заявление Шаховского, Муравьева и Клингштедта о том, что свободное развитие крестьянской торговли приведет в упадок земледелие. В действительности этого не случится, справедливо указывал он, «потому что выбывающее из крестьянства число в купцы по пропорции всего государства земледельцев столь мало, что едва приметно быть может, да и то из таких провинций, где земли к паханию нет или недостаточно, яко то: Ярославская, Костромская, Галицкая, Володимирская, Суздальская, Архангелогородская и прочие многие». Далее он развивал мысль о том, что отлив крестьянского населения из неплодородных земель неизбежен, так как здесь население менее заинтересовано в результатах своего труда, чем в черноземных губерниях, откуда мало уходит крестьян в города. Считая неизбежным этот процесс, Теплов писал, что сельское население будет в известной мере пополняться за счет притока разорившихся купцов¹⁹. С этим его утверждением вряд ли можно согласиться. В целом Теплов хорошо показал, что фактически часть торгующих крестьян окончательно порвала связь с земледелием.

Опровергая доводы своих оппонентов о том, что увеличение числа торгующих крестьян ведет к повышению цен на продукты, Теплов обращал их внимание на то, что отлив населения в города будет стимулировать расширение сельскохозяйственного производства. Он уделил много места характеристике положения русского купечества в середине XVIII в. Малочисленность купцов, недостаток у них опыта, знаний и капиталов, по его мнению, привели к тому, что большинство купечества заинтересовано в сохранении и развитии крестьянской торговли. «Сим доказывается,— подчеркивал он свою мысль,— что сами купцы, будучи недостаточны капиталами, не могли никогда пробыть без помочи крестьянского торгу и всегда в торговом соединении во внутренних городах с богатыми крестьянами общались». Об этом же говорят и донесения магистратов Нижнего Новгорода, Вологды и других городов²⁰.

Теплов наглядно показал, что Шаховский, Муравьев и Клингштедта для обоснования решения о запрещении крестьянской торговли использовали аргументы, к которым прибегала верхушка купечества, отстаивающая свои сословные привилегии и заботящаяся

¹⁸ Там же, стр. 88—90.

¹⁹ Там же, стр. 89.

²⁰ Там же, стр. 90.

только «о своей собственной у целого народа монополии»²¹. При этом, подчеркивал он, забывают, «что самые те купцы, когда производили торг, были еще во крестьянх под именем какого-либо купца, не почитали торг вредным купечеству, а достигши купеческого имени противу собственного своего прежнего состояния, через которое они для себя благополучными, а для государства полезными сделались, жалобы приносить начали». В другом месте Теплов отмечал, что «все купцы прародителей своих по большей части имели крестьян. Ежели бы во всяком городе с самого начала устройства его крестьянам не дозволено было в купцы входить, то бы и купечества на свете не было»²².

Эти слова Теплова очень хорошо раскрывают истоки формирования русского купечества и узкосословный характер его жалоб на конкуренцию крестьянской торговли. Поэтому Теплов, отстаивая более широко понимаемые им интересы государства и всего дворянского класса, выступил против запрещения крестьянского торгога. Для государства и коммерции, считал он, «противно, чтобы отнять у целого народа что-либо к его прибытку и отдать немногим и ненадежным людям». При этом он полагал, что «нашу коммерцию в рассуждении столь пространныго Российского государства почитать надобно якобы в детских летах». Неоднократно подчеркивая крестьянское происхождение купечества, Теплов отмечал, что крестьяне играют крупную роль в экономической жизни России: «Так, приобретение целой Сибири крестьянскому торгу и промыслу России долженствует, да и ныне Камчатские экспедиции крестьянами заводятся». При этом, писал он, не следует забывать опыт «чужих государств», где «при великом множестве купцов никакому земледельцу не воспрещено зделаться купцом, а купцу земледельцем»²³.

Теплов подробно (в 10 пунктах) аргументировал свою точку зрения о нецелесообразности запрещения свободной крестьянской торговли, ибо эта мера невыгодна как государству, так и отдельным сословиям — дворянам, купцам и самим крестьянам. Пресечение крестьянской торговли приведет к утечке капиталов из коммерции, подрыву казенных подрядов, это уменьшит доходы казны от сборов с торгов и от продажи вина. Сокращение торговли невыгодно купцам и работающим у них лицам (приказчикам, сидельцам в лавках и пр.). Правительственные запреты при слабости и малочисленности купечества приведут к тому, что некому будет скупать в деревнях у крестьян и помещиков лен, пеньку «и прочие продукты», которые идут на внутренний и внешний рынок. Наконец, строгие указы, запрещающие крестьянскую торговлю, вызовут, с одной стороны, увеличение числа

---

²¹ Ср. *М. Т. Беляевский*. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева. М., 1965, стр. 97—99.

²² «Советские архивы», 1969, № 1, стр. 90.

²³ Там же.

ленивых и праздных людей, ибо такие крестьяне не знают уже сельского хозяйства, с другой — породят массу жалоб и доносов, что также невыгодно государству и отдельным дворянам, так как уменьшит их доходы²⁴.

Приведенные нами выдержки из записки Теплова свидетельствуют о том, что ее автор понимал значение крестьянства в хозяйственной жизни страны. Однако на этой части его записки лежит сильный налет демагогии. Рассуждения о заслугах крестьян в развитии промышленности и торговли побуждали его главным образом для сохранения крестьянской торговли, что было выгодно значительной части помещиков, недвольных теми ограничениями, которые отстаивали купцы²⁵. Для достижения этой цели он ссылался на опыт западноевропейских стран, хотя там в большинстве государств в отличие от России не было крепостничества и крестьяне были лично свободны, что облегчало им переход в купечество.

Содержание записки Теплова убедительно свидетельствует о том, что он хорошо понимал всю экономическую невыгодность для государства и невозможность принудительными мерами запретить крестьянскую торговлю. В его записке имеются прямые указания на то, чьи он интересы защищал. Так, возражая большинству членов Комиссии о коммерции, он писал, что если бы крестьянский торг «свободно отправлялся под безобидными помещику и безвредными земледельству кондициями, то без сомнения и паче оной умножился, а земледелие через то бы самое поощрилося». В другом месте Теплов отмечал, что «многие помещики в целых провинциях имеют крестьян безземельных, которые однако ж от промыслов своих весьма больше помещикам доходу приносят нежели крестьяне, изобилующие землями». Поэтому, высказываясь за «свободный торг» в государстве, «кроме дворянства, всякого рода людям, даже до крестьянина», Теплов был против обязательной записи богатых торгующих крестьян в купечество, так как эта мера, будучи выгодна купцам, ущемляла экономические интересы многих помещиков. Он предложил пока сохранить существующий порядок, а в дальнейшем подумать, как лучше регламентировать торговлю крестьян²⁶.

Близкую к Теплову позицию занял и глава Комиссии о коммерции граф Э. Миних, повторивший в своей записке большинство его аргументов. Для государства, по его мнению, невыгодно запрещать крестьянскую торговлю, так как тогда из торговли уйдет много капиталов, а русское купечество и без того бедное. Он тоже отметил, что, несмотря на запреты, продолжающиеся более 100 лет, крестьянская торговля успешно развивается, принося казне большую прибыль. Поэтому он высказался против

²⁴ Там же, стр. 90—91.

²⁵ М. Т. Беляевский. Указ. соч., стр. 94.

²⁶ «Советские архивы», 1969, № 1, стр. 88, 91.

предложения Шаховского, Муравьева и Клингштедта ограничить торговлю крестьян «их единственною малою продажею собственных их продуктов». В дальнейшем, полагал Миних, следует уточнить законодательство о крестьянской торговле, чтобы избежать жалоб со стороны мещан ²⁷.

Обсуждение точек зрения всех членов Комиссии о коммерции не привело к принятию единого решения. Теплов заявил, что пока его «сумнительства» в целесообразности запрещения крестьянского торгога не будут опровергнуты, он останется при своем мнении. 6 июня 1765 г. Муравьев и Клингштедт написали свои «Примечания» на «Мнение о крестьянском торгоге» Теплова, в которых отрицали утверждения о бедности и малочисленности русского купечества и упрекали его за то, что он якобы не учитывает большую выгоду в положении торгующих крестьян по сравнению с купцами. Крестьяне пользуются в торговых делах «протекцией» своих помещиков, они не несут посадского тягла. В то же время оба автора демагогически утверждают, что крестьянские повинности и платежи помещику якобы легче, чем налоги и службы купечества, «которые без всякого сомнения втрое крестьянскую помещику подать превзойдут».

В действительности же положение частновладельческих крестьян было гораздо тяжелее, чем посадских людей. Не случайно в XVII—XVIII вв. крестьяне стремились перейти на посады и освободиться от тяжелых помещичьих повинностей и личной зависимости.

Рост крестьянской торговли авторы «Примечаний» объясняли нарушением государственных законов, запрещающих земледельцам бросать свое основное занятие, и «лихоимством» и «потачкой» со стороны судей ²⁸, повторяя таким образом суждение, имевшее широкое хождение среди значительной части феодалов.

Муравьев и Клингштедт подметили некоторые слабые места в «Мнении» Теплова. Так, в ответ на его замечания, что купцы происходят из крестьян, они резонно заметили, что дворяне и духовенство тоже вышли из среды крестьян. «Ежели восходить к древности,— писали они,— то откроется, что не одне купцы, но дворянство и другие чины произошли от земледельцев. Для чего же крестьянству торговлю позволить, а дворянству и духовенству оную запретить?» Ссылку Теплова на опыт «других государств» Муравьев и Клингштедт отвели как неприменимую к условиям России. При этом они деликатно намекнули ему, что там крестьяне свободны от крепостной зависимости, чего нет в России. «Правда,— писали они,— во многих европейских областях дозволено крестьянам и всякому вольно и в честном звании рожденному человеку вступать в купеческий корпус, но оной прежде должен показать аттестат о своем учении и о капитале, сколь-

²⁷ ЦГАДА, Госархив, X разряд, оп. 3, д. 68, лл. 311—313,

²⁸ Там же, лл. 297—299 об.

ко приносит в торг. Ему ж запрещено вдруг носить двоякое звание, например купца и крестьянина»²⁹.

Большинство членов Комиссии о коммерции беспокоились главным образом о том, чтобы с развитием крестьянской торговли «не дозволено было крестьянину своевольно отставать от своего помещика и записываться в посад»³⁰. Поэтому они демагогически сравнивали помещиков, покровительствующих торговле крестьян, и самих торгующих крестьян с фальшивомонетчиками и грабителями, лишаящими купцов их законной прибыли: «...Торговать крестьянам так же запрещено законами, как и делать монеты, и помещик, позволяя своим крестьянам торговать для получения прибыли, преступает так же законы, как и тот, который бы позволял для своей прибыли делать деньги». Если помещики нечерноземных губерний и их крестьяне бедны, то ведь это не значит, что можно «бедному человеку позволять грабить на улице, ково он хочет»³¹. Авторы «Примечаний», уточняя свою точку зрения, писали, что они не против торговли крестьян льном, пенькой и другими товарами их производства на внутренних рынках, но они выступают за то, чтобы крестьяне делались купцами только «на основании законов»³², т. е. с согласия и под контролем помещиков и при условии несения крестьянами двойного тягла.

Эту точку зрения Муравьева и Клингштедта полностью поддержал Шаховский, подав в Комиссию 14 июня 1765 г. свой «Голос» в письменном виде³³.

Ознакомившись с возражениями Муравьева и Клингштедта от 6 июня 1765 г., Теплов в тот же день подал в Комиссию о коммерции краткую записку, в которой заявил решительный протест, обвинив обоих авторов в недобросовестности и искажении смысла его предложений. Их примечания ему показались основанными «на принципах весьма сумнительных, из которых и следствия выведенные вид один возражения справедливого имеют»³⁴.

Повторив ряд аргументов в пользу сохранения и расширения крестьянской торговли, содержавшихся в его мнении от 4 июня 1765 г. (о выгоде для государства от распространения торговли, слабости и бедности купцов), Теплов уточнил свою позицию. Он отметил, что речь идет не о всех крестьянах, а только о богатых торговцах; именно их он сравнивал с купцами, так как по роду занятий они мало чем отличаются друг от друга. Теплов опроверг утверждения своих оппонентов о том, что рост крестьянской торговли и увеличение численности купцов из крестьян являются результатом «протекции» помещиков. «Все знатные купцы, вышед-

²⁹ Там же, лл. 301—301 об.

³⁰ Там же, л. 303 об.

³¹ Там же, лл. 300, 302 об.— 303.

³² Там же, лл. 300, 304.

³³ Там же, л. 272 об.

³⁴ Там же, л. 314.

шие из крестьянства, а особенно из дворцовых волостей, не помещицьею протекциею того достигли»³⁵. Это замечание свидетельствует о том, что Теплов превосходно знал действительное положение русского купечества и источники его пополнения³⁶.

Заслуживает внимания то, что Теплов снова подчеркнул тесную связь крестьянской торговли со всем ходом экономического развития России: «Крестьянский торг не лихоимством судей умножился, но в торговле самой целого государства причину непреодолимости оного искать надобно... Возможно ли судьям за целым государством усмотреть, чтоб крестьяне не торговали, когда торг их душою почти и ныне коммерции состоит?»³⁷ В этих словах Теплова очень верно отмечена важная роль крестьян в развитии торговли в России.

В этой связи уместно заметить, что в середине XVIII в. среди части крестьян наметилась тенденция к осознанию своей роли в экономической жизни государства³⁸.

Критика оппонентов заставила Теплова более ясно и определенно высказаться по тому вопросу, который более всего волновал членов Комиссии о коммерции,— о возможности перехода крестьян из-под власти помещиков на посады. Согласившись с утверждениями Муравьева и Клингштедта о том, что крестьянские повинности якобы легче казенных платежей и служб купцов, Теплов писал: «Надобно, чтобы как скоро крестьянин в торг вступил, то обязан бы был ко всему тому, что на купца налагается». Изобразив удивление, что его неверно поняли, он продолжал: «Для меня крестьянин торгующий тоже в мнении моем разумеется, что и купец торгующий во всех его преимуществах с тою только отличию, чтоб помещик его не лишился насильством, но добровольно, и чтоб земледелие не умалялося в государстве». И далее, чтобы не оставалось неясностей в отношении его позиции, Теплов заявил: «А по-моему, все равно для государства: купец или крестьянин торгует, только бы торг был велик, земледелие не ослабевало, и помещик не был обижен»,— и тоже предложил разработать новые законы по этому вопросу³⁹. При этом он обвинил своих оппонентов в преувеличении численности и экономической роли купечества России, а также в защите

³⁵ «Советские архивы», 1969, № 1, стр. 92.

³⁶ См. об этом: *Е. И. Индова*. Торгово-промышленная деятельность крестьян северных и северо-западных дворцовых селений в первой половине XVIII в.— «Русское население Поморья и Сибири. (Период феодализма)». Сб. статей памяти члена-корреспондента АН СССР В. И. Шункова. М., 1973, стр. 305—320.

³⁷ «Советские архивы», 1969, № 1, стр. 92.

³⁸ См. *П. В. Иванов*. В. И. Ленин о классовой борьбе крепостных крестьян и вопрос об осознании трудовыми слоями населения своего значения в жизни общества (Россия 40—60-х годов XVIII в.).— «Ученые записки Курского педагогического института», 1974, т. 76, стр. 199—200.

³⁹ «Советские архивы», 1969, № 1, стр. 92, 93.

узкочорыстных интересов самых богатых купцов, ведущих заграничную торговлю.

К сожалению, вторая записка Теплова не сохранилась полностью. Нам не удалось найти документов, подробно освещающих заключительный этап прений в Комиссии о коммерции по вопросу о свободной торговле крестьян. Известно лишь, что в сентябре 1765 г. Комиссия подала Екатерине II доклад с подробным изложением своих разногласий по вопросу о сохранении свободной торговли крестьян без их записи в купечество⁴⁰. Но и приведенных данных достаточно для понимания сущности расхождений обеих сторон. Источники свидетельствуют о том, что после ряда уточнений, сделанных Тепловым во второй записке, его точка зрения на крестьянскую торговлю стала совпадать с мнением большинства членов Комиссии о коммерции. Характерно, что в ней уже нет тех широковещательных заявлений о «свободной» торговле крестьян, которые имелись в первой записке. Таким образом, первоначально выступая против полного запрещения крестьянской торговли, на чем первоначально настаивало большинство членов Комиссии о коммерции, Теплов затем согласился с ними в способах сохранения торгующих крестьян под властью их владельцев. Однако, в отличие от других членов комиссии, Теплов понимал необходимость более глубоко учитывать в политике государства объективный ход экономического развития в стране, обусловивший неизбежность создания более благоприятных условий для расширения крестьянской торговли.

Изучение прений по вопросу о крестьянской торговле в Комиссии о коммерции выявило очевидные разногласия внутри правящих кругов, отражавшие борьбу интересов различных слоев господствующего класса феодалов. Если Теплов и Миних при обсуждении этого вопроса продолжали линию группы Шуваловых, пытавшихся более гибко приспособить экономическую политику абсолютистского государства к изменениям в хозяйстве страны, то Шаховский, Муравьев и Клингштедт выступали горячими защитниками узкосословных интересов господствующего класса феодалов. Екатерина II, узнав о несогласии большинства членов Комиссии о коммерции изыскивать меры по созданию более благоприятных условий для развития крестьянской торговли, перенесла дальнейшее обсуждение этого острого вопроса в новую Уложенную комиссию.

---

⁴⁰ ЦГАДА, Госархив, X разряд, оп. 3, д. 499, лл. 1—14.

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ
В УЛОЖЕННОЙ КОМИССИИ 1767 Г.

Известно, что среди разнообразных вопросов, поставленных в процессе деятельности Уложенной комиссии 1767 г., преобладали социально-экономические проблемы. Наибольшую остроту приобрел крестьянский вопрос. Но в ходе своей работы Уложенная комиссия затрагивала также область политической и культурной жизни страны. Из проблем культуры определенное место заняла прежде всего проблема дальнейшего развития системы образования в России. Эта сторона деятельности Уложенной комиссии 1767 г. уже привлекала внимание исследователей. Среди них наибольший интерес представляли работы С. В. Рождественского и В. Н. Бочкарева¹. После опубликования большой книги С. В. Рождественского, в которой имеется раздел, посвященный деятельности Уложенной комиссии, и статьи В. Н. Бочкарева материалы Уложенной комиссии с точки зрения отражения в них проблемы образования не изучались.

Признавая заслуги этих авторов, обратившихся к изучению материалов Уложенной комиссии, следует отметить, что они сосредоточили свое внимание главным образом на наиболее ярких моментах и не подвергли детальному анализу всю совокупность фактов, относящихся к проблеме образования. В связи с этим их выводы носят общий характер и не раскрывают место и значение Уложенной комиссии, характер и итоги ее деятельности в области русского просвещения второй половины XVIII в.²

Материалы Уложенной комиссии 1767 г. заслуживают специального изучения, так как, отражая общественное мнение, которое сложилось в русском обществе, они в то же время являлись этапом в законодательной деятельности русского правительства в области образования. Попытка рассмотреть указы с этой точки зрения и является задачей данной работы. В ее основу положено изучение материалов Уложенной комиссии, опубликованных в

¹ С. В. Рождественский. Очерки по истории системы народного просвещения в России XVIII—XIX вв., т. I. СПб., 1912; В. Н. Бочкарев. Культурные запросы русского общества начала царствования Екатерины II по материалам Уложенной комиссии 1767 г.—«Русская старина», 1915, январь, март, апрель, май.

² Что касается других работ, посвященных истории русских учебных заведений второй половины XVIII в., то их авторы рассматривали, как правило, лишь деятельность созданной в ходе работы Уложенной комиссии специальной комиссии об училищах, оставляя тем самым без внимания общественное мнение, отразившееся в указах.

сборниках Русского исторического общества. Кроме того, большую ценность представляет хранящийся в ЦГАДА экстракт «Выписок из наказов об училищах и благотворительных учреждениях». Эти выписки были сделаны и сверены с подлинником Комиссией по разбору наказов, избранной 14 августа 1767 г.³

Данные этих «Выписок» своим содержанием в основном совпадают с материалами, опубликованными в сборниках РИО. Но указанное архивное дело полнее в том отношении, что содержит ряд выписок из наказов, не вошедших в опубликованные в сборниках РИО материалы Уложенной комиссии. Учитывая это, необходимо анализировать указы с учетом экстракта выписок. Прежде чем начать рассмотрение материалов Уложенной комиссии, касающихся развития учебного дела в России, остановимся кратко на тех традициях, которые сложились в этой области в предшествующий период.

Эпоха преобразований Петра I положила начало глубоким переменам не только в социально-экономических отношениях, но и в истории школьного образования в России. Это было время, когда в России стало распространяться рационалистическое мировоззрение, развивавшееся на Западе в XVII в. В духе рационализма начали рассматривать и задачи школы. На смену старой школе, служившей исключительно орудием церковного просвещения и дававшей лишь самое элементарное образование, неспособной ответить на новые запросы общественного развития, приходит школа, которую рассматривают с точки зрения не только церковных, но и государственных интересов. На первый план выдвигается потребность государственной службы, спешная подготовка по разным областям (военной и гражданской) специалистов. В связи с этим широкое распространение получает изучение прикладных наук. Но с 1730-х годов, с утверждением сословного характера профессиональных школ, в программу включается большее или меньшее количество общеобразовательных предметов, в первую очередь в учебных заведениях, предназначенных для дворян⁴. Таким образом, время от Петра I до Екатерины II было временем господства профессионально-сословного образования. Идеи общего образования осуществлялись в этот период не в форме цельной системы просвещения, а в форме единичных школ. Организованная школьная система в России отсутствовала.

Для общественно-политической мысли первой половины XVIII в. характерна попытка рассматривать образование как самостоятельную культурную проблему, а не как проблему, целиком поглощаемую религиозно-нравственным совершенствованием человека. Уже во взглядах И. Т. Посопкова отразились мыс-

³ ЦГАДА, ф. 342 (Уложенная комиссия), оп. 1, д. 217, лл. 1—74; С. В. Рождественский. Указ. соч., стр. 292.

⁴ С. В. Рождественский. Указ. соч., стр. 42—43.

ли о том, что образование необходимо человеку в его практической деятельности. Характерными для рационализма XVIII в. являются взгляды В. Н. Татищева на значение науки и просвещения как для отдельного человека, так и для государства. В целом же публицистика первой половины XVIII в. не смогла дать определенный ответ на многие вопросы, из которых слагалась проблема общего образования. Она не смогла определить ни самостоятельного значения и содержания светского образования, ни конкретных форм его осуществления, ни роли государства в развитии просвещения. Вся проблема просвещения трактовалась с точки зрения интересов преимущественно дворянства. Просвещение широкой народной массы — крестьянства ставилось в зависимость от нужд крепостного хозяйства⁵.

Велика роль М. В. Ломоносова в истории русского просвещения. В разработанном им проекте организации Московского университета он выступал за доступность просвещения всем слоям, в том числе и крестьянам⁶.

Моментом, связующим политику просвещения первой половины XVIII в. с последующим периодом, когда основы этой политики пересматривались с точки зрения новых педагогических идеалов, явилось учреждение Московского университета — крупнейшего центра русской науки и просвещения. Большое влияние оказали, кроме того, планы И. И. Шувалова (1760-х годов) об организации всеобщего обучения для детей дворян. Он внес предложение поставить Московский университет и объединенные кадетские корпуса во главе системы гимназий и школ. Здесь впервые отчетливо ставился вопрос о цельной системе как совокупности трех последовательных циклов образования: низшего, среднего, высшего⁷.

Вопросы создания школ поднимали дворянские наказы следующих 12 губерний: Архангелогородской, Белгородской, Воронежской, Киевской, Лифляндской, Малороссийской, Московской, Нижегородской, Новороссийской, Петербургской, Слободско-Украинской, Смоленской. Говорили об образовании горожане 8 губерний: Архангелогородской, Белгородской, Воронежской, Казанской, Лифляндской, Московской, Новгородской, Петербургской. Сельское население только одной Московской губернии обращалось к указанным вопросам. Таким образом, территориально в большей степени проблемы образования поднимали избиратели центральных и западных губерний, где была более развита сеть учебных заведений, имевших давние исторические традиции.

По проблемам, связанным с развитием учебного дела в России, высказали свое мнение некоторые правительственные учре-

⁵ С. В. Рождественский. Указ. соч., стр. 119—120.

⁶ М. В. Ломоносов. Избранные философские произведения. М., 1950, стр. 553.

⁷ С. В. Рождественский. Указ. соч., стр. 251.

дения: Берг-коллегия, Герольдмейстерская контора, Главный магистрат, Главная полиция, Малороссийская коллегия, Сенат, Синод⁸.

Местные учреждения были представлены наказами Новгородской губернской канцелярии, Астраханской, Верейской, Великолукской, Гдовской, Перемышльской, Пошехонской, Пусторжевской, Заволоцкой, Опочецкой, Ярославцевкой воеводскими канцеляриями⁹. Проблемы дальнейшего развития образования освещались в наказе, представленном в Уложенную комиссию Академией наук¹⁰.

В целом в 83 наказах, составлявших менее 10% от всей массы наказов в Уложенную комиссию 1767 г., избиратели затрагивали проблемы образования. Если рассмотреть эти цифры в связи с представленными классами-сословиями, то получается следующая картина: на дворянские наказания приходилось около 24%, на городские — 5, сельские — 0,63%¹¹.

Чтобы должным образом оценить значение этих фактов, необходимо обратиться к соотношению наказов от разных групп населения. Сословный состав Уложенной комиссии был следующим: депутатов-дворян было 223 человека, духовенства — 2, купцов — 168, заводчиков — 4, канцеляристов, унтер-офицеров, разночинцев — 35, казацких депутатов — 42, «иностранцев» Поволжья и Приуралья — 42, однодворцев — 35, государственных крестьян — 20. От правительственных учреждений было избрано 29 депутатов¹². Как видим, дворянство, составлявшее 1% населения, имело наибольшее число депутатов (40%), в то время как из крестьян, составлявших 93% населения, помещичьи и дворцовые крестьяне были лишены возможности участия в работе комиссии. Это повлияло и на тот факт, что на дворянские наказания падает наибольшее число наказов, ставивших проблемы просвещения.

Каков же круг вопросов затрагивали дворянские наказания? Начнем прежде всего с того, как понимало дворянство цели и задачи образования. Через подавляющее большинство наказов проходит стремление добиться расширения сети учебных заведений, сделать доступным получение образования для более широких кругов дворянства, особенно для менее состоятельной его части. Глуховское шляхетство Малороссийской губернии в своем наказе генералу И. М. Скоропадскому, отмечая, что «всему свету известно, сколь велико е. и. в. неусыпное попечение о просвещении

⁸ В. Н. Бочкарев. Указ. статья.— «Русская старина», 1915, январь, стр. 61—67.

⁹ ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 15—19.

¹⁰ В. Н. Бочкарев. Указ. статья.— «Русская старина», 1915, январь, стр. 66. У Бочкарева меньшие цифры в связи с пропуском ряда наказов.

¹¹ Там же, стр. 67—70.

¹² М. Т. Белявский. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева (формирование антикрепостнической мысли). М., 1965, стр. 74—83.

российского юношества чрез обучение в свободных науках», указывало на «склонность» к учебе местного населения¹³. Это мнение разделяло стародубское, нежинское, батуриновское шляхетство¹⁴. Характерно, что черниговское шляхетство поставило вопрос и о женском образовании¹⁵. Стремление к знаниям совершенно определенно выражено в дворянских наказах. Для дворянства стала очевидной чрезвычайная важность образования. Переяславское шляхетство в наказе полковнику Э. М. Забеле писало: «Ничто в жизни для честного шляхетства не может быть столь полезно, а для интересов государственных потребно — как знание наук»¹⁶, — тем самым подчеркивало значение последнего не только для интересов государства, но и для самого человека.

Дворяне Псковского уезда Петербургской губернии считали, что открытием гимназий в городах России добьются того, что «везде науки чрез короткое время размножатся, по примеру знатнейших городов»¹⁷. На эти же последствия указывали дворяне Шелонской пятины Новгородского уезда, Петербургской губернии в наказе обер-квартирмейстеру Ивану Картмазову¹⁸.

Показательно, что в отличие от предшествующего времени дворяне ставят вопрос об обучении детей не в домашних условиях, а главным образом в стенах казенных учебных заведений, причем из задач этих школ на первое место выдвигаются воспитательные цели. Школы закрытого типа, в стенах которых имели право обучаться только дети дворян, по мнению белевского дворянства (Белгородская губерния), гарантировали, чтобы их дети «подлостью заражены при самом своем воспитании не были»¹⁹. Наказ черниговского шляхетства указывал, что в предшествующие годы о воспитании шляхетства не заботились, и связывал это с отсутствием училищ и воспитательных домов. Но настало время исправить это положение, и основным средством должно явиться открытие училищ. Училища должны взять на себя заботу о воспитании детей дворян. Воспитательные цели, забота о «правах народных» выдвигаются шляхетством как первоочередные задачи дворянских учебных заведений.

«Без доброго воспитания нельзя быть искусным и храбрым военачальником, мудрым государственным служителем, справедливым судьей, рачительным домостроителем и полезным гражданином общества», — заключает наказ²⁰.

¹³ Сб. РИО, т. 68. СПб., 1889, стр. 130; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, л. 46—46 об. (наказ не датирован).

¹⁴ ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 47 об.—49.

¹⁵ Сб. РИО, т. 68, стр. 236—237; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 46 об.—47 (наказ 4 апреля 1767 г.).

¹⁶ Сб. РИО, т. 68, стр. 150—151; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 49—50 (наказ 31 марта 1767 г.).

¹⁷ Сб. РИО, т. 14. СПб., 1875, стр. 400—401 (наказ не датирован).

¹⁸ Там же, стр. 346 (наказ не датирован).

¹⁹ Сб. РИО, т. 68, стр. 610—611; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, л. 53.

²⁰ Сб. РИО, т. 68, стр. 236—237; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 46 об.—47 об.

Огромное значение воспитания в процессе обучения подчеркивали также дворяне Кашинского уезда Московской губернии²¹. О том, что дворянские училища должны в первую очередь воспитывать в молодежи верность «установленным законам», писало дворянство ряда других уездов Московской губернии²².

В ряде дворянских наказов в духе предшествующего периода цели образования связывались прежде всего с подготовкой к выполнению функций по управлению государством. Один из первых дворянских наказов, датированный 14 декабря 1766 г., принадлежал дворянам Дорогобужского уезда Смоленской губернии. В своем наказе депутату полковнику И. М. Радванскому они указывали, что отсутствие школ на местах отрицательно сказывается на распространении грамотности среди дворян, особенно небогатых, которые не имеют возможности отправлять своих детей в столичные училища. Расширив «учения», а также продажу книг, считали они, дворянство сможет «в лучшее состояние приходить» и «будет к службе способнее»²³.

В наказе депутату А. Н. Волконскому дворянство Серпуховского, Тарусского и Оболенского уездов Московской губернии настаивало на том, чтобы чины давались в соответствии с знаниями поступающих на государственную службу²⁴.

Кашинские дворяне выдвигали предложение ввести для выпускников дворянских училищ обязательность государственной службы в течение 10 лет²⁵.

Дворяне Псковского уезда Петербургской губернии также поднимали вопрос о том, какие льготы должны получить их дети, прошедшие определенный курс обучения и сдавшие экзамены. Они настаивали на равенстве этой группы дворян с выпускниками кадетских корпусов, получавших сразу офицерские чины²⁶.

Основной смысл предложений дворян Псковской провинции ведомства г. Опочки Архангелогородской губернии, изложенных в наказе от 10 марта 1767 г. депутату генерал-майору А. И. Неведомскому, тот же, что и дворян ряда уездов Московской губернии. Они также просили узаконить положение, при котором бы образование давало право на преимущества в продвижении по служебной лестнице. Но здесь эти мысли изложены конкретнее. При знании «российской грамоты, хорошо читать и писать, тако ж арифметики, геометрии и несколько росийской географии» дворяне «навсегда» должны избавляться от солдатства и

²¹ Сб. РИО, т. 4, СПб., 1869, стр. 468—469; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 42—42 об.

²² Сб. РИО, т. 4, стр. 289.

²³ Сб. РИО, т. 14, СПб., 1875, стр. 433; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, л. 44 об.—45 об.

²⁴ Сб. РИО, т. 4, стр. 362—364; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 40—40 об.

²⁵ Сб. РИО, т. 4, стр. 468—469; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 42—42 об.

²⁶ Сб. РИО, т. 14, стр. 400—401 (наказ не датирован).

унтер-офицерства и обеспечиваться правом на получение сразу обер-офицерского чина²⁷.

Что касается характера учебных заведений, которые были предложены дворянством, то в этом вопросе оно совершенно определено высказалось прежде всего за школу-училище. Единодушным было мнение о том, что эти учебные заведения должны предназначаться исключительно для детей дворян, иными словами, носить строго сословный характер.

Одна часть дворянства представила в Уложенную комиссию конкретные предложения в отношении дворянских училищ. Был поставлен вопрос об открытии школ в городах Белеве (Белгородской губернии), Дорогобуже, Смоленске (Смоленской губернии), Капшине (Московской губернии), Ряжске (Воронежской губернии)²⁸.

В наказе дворян Московского уезда генерал-аншефу П. И. Панину предлагалось, как и в Петербурге, открыть в Москве две школы: для девиц (малолетних и взрослых), а также кадетский корпус для мальчиков²⁹. Об училище «для благородного дворянства» просили дворяне Сумской провинции (Слободско-Украинская губерния) в наказе 26 апреля 1767 г. поручику А. И. Кондратьеву. Здесь, так же как и в подавляющем большинстве наказов, подчеркивалась необходимость школ на местах³⁰. Другая часть дворян ставила вопрос шире, настаивая на том, чтобы училища были во всех провинциальных и уездных городах. С подобными предложениями выступали алатырские дворяне (Нижегородская губерния), изложив их в наказе 7 марта 1767 г. Они считали, что в эти дворянские училища должны приниматься в первую очередь дети, родители которых владеют не более чем 100 душами крепостных крестьян³¹.

Костромское дворянство (Московская губерния) в наказе генерал-поручику Бибикову, указывая на то, что дворяне не имеют возможности обучать своих детей при существующем недостатке школ, предлагали завести школы или семинарии в губернских и провинциальных городах³².

Такой же характер предложений дворян других уездов Московской губернии — Калужского и Медынского, изложенных в наказе Б. В. Голицыну. Согласно этому наказу, дворянские училища должны находиться в ведении дворянского суда³³. Не только «из-за дальности» столичных школ, но главным образом по-

²⁷ Сб. РИО, т. 14, стр. 275—276.

²⁸ Сб. РИО, т. 4, стр. 231; т. 8, СПб., 1871, стр. 485; т. 14, стр. 327, 422, 433; т. 68, стр. 388, 610—611; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 39—53.

²⁹ Сб. РИО, т. 4, стр. 231; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 39 об.—40 (наказ не датирован).

³⁰ Сб. РИО, т. 68, стр. 276—277; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 51 об.—52.

³¹ Сб. РИО, т. 68, стр. 111; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 45 об.—46.

³² Сб. РИО, т. 4, стр. 246.

³³ Там же, стр. 289 (наказ не датирован).

тому, что этих школ недостаточно и они не могут принять всех желающих, дворяне Кашинского уезда также считают, согласно наказу депутату И. Кожину от 28 апреля 1767 г., необходимым иметь школы во всех провинциальных и губернских городах³⁴.

В наказе дворян Галицкого уезда 9 марта секунд-майору Ю. П. Лермонтову и Парфеньевского уезда Архангелогородской губернии от 22 марта 1767 г. поручику М. Я. Макарову предлагалось открыть дворянские училища в провинциальных городах опять-таки из-за того, что «по бедности» и «за дальностью» они не могут отправлять своих детей учиться в Москву и Петербург в военные и инженерные училища. Что касается домашнего обучения, то оно невозможно для многих дворян, так как «достатка не имеют»³⁵. На необходимость обучения детей небогатых дворян по месту жительства, в провинциальных или уездных школах, отмечалось в наказах дворян Псковского и Новгородского уездов (Бежецкая, Водская, Деревская, Обонежская пятины) Петербургской губернии³⁶.

Курские дворяне (Белгородская губерния) в наказе от 11 марта 1767 г. премьер-майору П. А. Стромиллову выступали также за дворянские школы в губерниях и провинциях, особенно там, где «дворяне против прочих состоит довольнее»³⁷.

Дворяне Белгородского уезда, как и многие дворяне других уездов, указывали, что небогатые дворяне из-за дальности существующих школ детей оставляют дома и не обучают грамоте. Они считали, что в каждом городе должна быть школа для дворян³⁸.

В отношении программы дворянских училищ были высказаны разные суждения. Представители дворянства считали, что в стенах этих школ учащиеся должны получить знание русского языка, математики, геометрии, иностранных языков. Дворяне Дорогобужского уезда добавляли, кроме того, «фортификацию с прочими до общества касающимися частями»³⁹, а кашинские дворяне — «закон христианский», тригонометрию, артиллерию⁴⁰. Дворяне Псковского уезда в числе предметов называют еще географию⁴¹. «Самыми нужнейшими науками, — считали дворяне Белевского уезда, — фортификацию, инженерию, артиллерию, ар-

³⁴ Сб. РИО, т. 4, стр. 468—469; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 42—42 об.

³⁵ Сб. РИО, т. 14, стр. 495, 490; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 54—54 об.

³⁶ Наказы генерал-майору А. И. Неведомскому, обер-квартирмейстеру Ивану Каргмазову, майору А. М. Модовскому, генерал-инженеру Н. Я. Муравьеву, прокурору Ф. М. Веригину (Сб. РИО, т. 14, стр. 346, 359, 257, 262; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 43—44).

³⁷ Сб. РИО, т. 68, стр. 549; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, л. 52 об.

³⁸ Наказ губернскому товарищу Брылкину 10 мая 1767 г. (Сб. РИО, т. 68, стр. 658; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 53—53 об.).

³⁹ Сб. РИО, т. 14, стр. 433; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 44 об.—45 об.

⁴⁰ Сб. РИО, т. 4, стр. 468—469.

⁴¹ Сб. РИО, т. 14, стр. 275—276.

хитектуру»⁴². Дворянский наказ Ахтырской провинции предлагал добавить в Харьковском коллегиуме классы французского и немецкого языков, математики, геометрии, рисования, особенно инженерного дела, артиллерии, геодезии⁴³.

Дворянам необходимо знать «науки и языки», писали дворяне Дмитровского уезда Московской губернии в наказе князю И. А. Вяземскому⁴⁴.

Сравнительно скромные задачи дворянских училищ изложены в белгородском наказе. Согласно последнему, учащиеся должны обучать чтению, письму, «так и прочим пристойным наукам к дворянству, и по последней мере, хотя б одной арифметике»⁴⁵.

В целом же программа училищ включала, как видим, довольно широкую область знаний. Общеизвестна дворянством необходимость знания иностранных языков. Дворяне Псковского уезда предлагали за изучение иностранных языков, а также других наук (особенно «своим коштом») присваивать дворянам чин поручика или подпоручика⁴⁶.

Вопрос о высших учебных заведениях не получил в дворянских наказах такого широкого отклика, как вопрос о средней школе. Дворяне Малороссийской губернии предложили наряду с шляхетским корпусом и воспитательным домом для благородных девиц открыть университет в Переяславле «в пользу государственную». Дворянство хотело иметь свой университет, так как обучение детей в столичных университетах и за границей разорительно для них⁴⁷.

Эстляндское рыцарство Лифляндской губернии в наказе 17 марта 1767 г. генералу Александру де Вильбоа просило восстановить существовавшую здесь прежде академию и особенно гимназию⁴⁸.

Дворяне Орловского уезда (Белгородская губерния) выступали за расширение медицинского факультета и тем самым увеличения подготовки медиков⁴⁹.

В наказе секунд-майору А. Д. Ивапкину тульские дворяне, предлагая расширить сеть губернских и провинциальных дворянских училищ, делали попытку рассмотреть их как ступень к продолжению образования в стенах университета или академии⁵⁰.

Наконец, наказы пытаются дать некоторые рекомендации в смысле реализации тех предложений, о которых шла речь выше. Хотя крайне бегло, наказы касаются материальной базы буду-

⁴² Сб. РИО, т. 68, стр. 610—611.

⁴³ Там же, стр. 257; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 51—51 об.

⁴⁴ Сб. РИО, т. 8, стр. 507.

⁴⁵ Сб. РИО, т. 68, стр. 549; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, л. 52 об.

⁴⁶ Сб. РИО, т. 14, стр. 275—276.

⁴⁷ Сб. РИО, т. 68, стр. 150—151, 130; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 47 об.—50.

⁴⁸ Сб. РИО, т. 68, стр. 72; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, л. 45 об.

⁴⁹ Сб. РИО, т. 68, стр. 526.

⁵⁰ Сб. РИО, т. 4, стр. 406; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 41—42 (наказ не датирован).

щих училищ. Часть дворян передавала заботу о содержании училищ в руки государства, которое, на их взгляд, могло выделить для этой цели средства из неокладных или таможенных доходов⁵¹. Были предложения содержать училища на средства самих дворян⁵². Тульские дворяне высказывались за то, чтобы использовались как государственные, так и частные средства. Дворяне Парфеньевского уезда Архангелогородской губернии решение этого вопроса передавали на рассмотрение «высокой власти»⁵³.

Хотя материалы наказов содержат указание на тот факт, что в стране отсутствуют «искусные и рачительные» учителя⁵⁴, тем не менее дворяне не вносят каких-либо предложений в отношении подготовки кадров учителей.

Таким образом, как и в первой половине XVIII в., представители дворянства в большинстве случаев рассматривали каждый предложенный тип учебных заведений изолированно, а не как определенные ступени в общей системе образования. Стремление представителей дворянства благодаря своей образованности добиться соответствующего продвижения по служебной лестнице также продолжало традиции предшествующего периода.

В то же время наказания отразили и ряд новых моментов, характерных для данного периода. Прежде всего стремление закрепить за собой два типа учебных заведений — училище и университет, иными словами, необходимость широкой образованности. Наиболее остро в период деятельности Уложенной комиссии 1767 г., как совершенно определенно свидетельствуют наказания, стоял вопрос о расширении сети казенных дворянских училищ. Не по инициативе и принуждению сверху, а само дворянство выдвигает это требование, вытекавшее из того, что к образованию потянулось мелкопоместное дворянство.

Представленное в наказах понимание необходимости воспитания, хотя довольно сжато изложенное, отражало широко распространившиеся в эти годы прогрессивные идеи о ценности воспитания и образования. Представители педагогической мысли этого периода видели в воспитании могучую творческую силу и выступали за публичное воспитание, являвшееся предметом государственного попечения.

При всем этом дворянство более настойчиво выступало за сословный, классовый характер школ. Требование упрочения и развития сословного характера учебных заведений свидетельствовало о стремлении дворянства сохранить за собой господствующее положение и пользоваться своими феодальными привилегиями в период начавшегося разложения крепостнического строя.

⁵¹ См. наказания дворян Верейского, Калужского, Костромского, Медынского уездов, дворян Ахтырской провинции.

⁵² См. наказания дворян Каширского, Курского, Московского уездов.

⁵³ Сб. РИО, т. 14, стр. 495, 490; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 54—54 об.

⁵⁴ Сб. РИО, т. 68, стр. 549; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, л. 52 об.

Что касается школ для других сословий, то дворяне в своих наказах этот вопрос обходят, как правило, молчанием, сосредоточив все свое внимание на узкосословных интересах. Лишь в наказе дворян Псковского уезда имеется указание на необходимость распространения грамотности среди *духовенства*⁵⁵.

О мотивах внимания к крестьянским школам дворянство высказывалось определенно: «Хотя, мало поправить нравы их», «сколько больше пользы он (дворянин. — *М. К.*) может надеяться от грамотного крестьянина»⁵⁶. Поэтому владельцы крепостных крестьян, по мнению крапивенского дворянства, должны проявить интерес к тому, чтобы «подлый народ просвещенный разум имел»⁵⁷. Они не могли не учитывать того, что крестьяне шли к образованию, что потребность в грамотности зарождалась снизу, и стремились взять организацию обучения в свои руки. В то же время повышение доходности своих хозяйств эксплуатацией более или менее грамотных работников не в меньшей мере интересовало представителей господствующего класса.

На необходимость школ для крестьянских детей указывают пять дворянских наказов, а именно: указы Дмитровского, Каширского, Крапивенского уездов Московской губернии и Копорского и Ямбургского уездов Петербургской губернии. Этот факт не случаен, он являлся следствием более высокого уровня социально-экономического и культурного развития населения этих губерний. Характерно, что указы представляло в Уложенную комиссию крупное дворянство, занимавшее высокие административные должности в государстве (*И. А. Вяземский, Г. Г. Орлов, обер-секретарь А. Князев, барон Ф. С. фон Вольф, И. И. Маслов*).

Из датированных наказов в Уложенную комиссию наказ дворян Крапивенского уезда Московской губернии обер-секретарю *А. Князеву* — первый по времени, в котором поставлен вопрос о школах для крестьян⁵⁸. Согласно этому наказу, в крестьянских школах могли обучаться мальчики от 7 лет читать и писать. Обучение возлагалось на дьячков и пономарей, а оплачивалось родителями⁵⁹. В наказе помещиков Дмитровского уезда этой же губернии князю *И. Вяземскому* (даты нет) говорилось о необходимости «уговаривать» обучать и крестьянских детей «по невольку» грамоте и простым арифметическим правилам. Обучение предполагалось на средства помещиков, учитель привлекался из расчета на 100 крестьянских дворов⁶⁰.

⁵⁵ Сб. РИО, т. 14, стр. 397.

⁵⁶ Сб. РИО, т. 8, стр. 507; т. 14, стр. 244; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, л. 42 об.

⁵⁷ Сб. РИО, т. 8, стр. 557.

⁵⁸ Согласно данным *С. В. Рождественского*, о школах для сельского населения говорили лишь указы копорского и ямбургского дворянства (*С. В. Рождественский. Указ. соч.*, стр. 285—286).

⁵⁹ Сб. РИО, т. 8, стр. 557.

⁶⁰ Там же, стр. 507.

О том, что весьма нужны школы при церквях для дворовых и крестьянских детей, писали ямбургские дворяне (Петербургской губернии) 14 марта 1767 г. своему депутату барону Ф. С. фон Вольфу, члену Вольного экономического общества. Согласно их предложениям, эти школы должны основываться на принципе добровольности («кто кого отдаст пожелает»), а обучение ограничивалось «грамотой и первыми основаниями закона». Учителю-попу обеспечивалась «умеренная плата». Учитель имел право распоряжаться средствами школы под контролем земского правления⁶¹. Копорское дворянство Петербургской губернии в наказе графу Г. Г. Орлову также высказалось за организацию школ при церквях не только для русских, но и для «чухонских» детей от 6 до 12 лет. Обучение в этих школах ограничивалось в этом наказе зимним временем. Вопросы о средствах, на которые школа должна была существовать, наказ не ставит⁶².

Сравнительно с первой половиной XVIII в. все эти предложения дворян дают мало нового. И тогда цель, формы и средства образования крестьянства ставились в зависимости от условий и нужд крепостного хозяйства. Элементарное обучение крепостного населения рассматривалось изолированно и никак не связывалось с последующими формами образования. Однако различие состоит в том, что большое значение придается «воспитательным целям». Кроме того, если прежде эти проблемы поднимались в основном в публицистике, то теперь сделана попытка перенести их в законодательный орган государственного масштаба. Этот факт крайне важен и показателен для периода, когда идеи французских просветителей о гражданских правах человека начали проникать даже в дворцовые круги⁶³.

Рассмотрим городские наказания с точки зрения того, какие вопросы, составлявшие проблему образования, они поставили перед Уложенной комиссией 1767 г. Наибольшее внимание городские избиратели в наказах своим депутатам уделяют учебным заведениям для купечества. О необходимости таких школ пишут избиратели Архангельска, Вологды, Вязьмы, Москвы, Новгорода, Твери⁶⁴. Наказ Вологды допускает применение принуждения в случаях уклонения от учебы детей купечества⁶⁵. Избиратели Вязьмы предлагали штрафовать родителей таких детей (купцов I гильдии — в размере 50 руб., купцов II гильдии — 25 руб., купцов III гильдии — 5 руб.) и эти деньги передавать в фонд школ⁶⁶, а избиратели Рязьма помимо штрафа — лишать права

⁶¹ Сб. РИО, т. 14, стр. 249; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, л. 43.

⁶² Сб. РИО, т. 14, стр. 244; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 42 об.—43.

⁶³ М. М. Штрэнге. Русское общество и французская революция 1789—1794 гг. М., 1956, стр. 36.

⁶⁴ Сб. РИО, т. 123. СПб., 1907, стр. 464, 431; т. 134. СПб., 1911, стр. 105; т. 107. СПб., 1900, стр. 225, 238, 537; т. 93. СПб., 1894, стр. 134; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 34—36 об., 23—26.

⁶⁵ Сб. РИО, т. 123, стр. 431.

⁶⁶ Сб. РИО, т. 134, стр. 105; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 25—26.

женитьбы⁶⁷. Наказ Пернова высказывался за издание закона, запрещавшего принимать на службу лиц, не прошедших трехгодичного обучения⁶⁸.

В наказе Архангельска купцу Н. Свешникову изложено пожелание иметь школы не только для мальчиков, но и для девочек, расширить издание учебников, организовать подготовку учителей. Горожане выступали прежде всего за купеческие училища и в связи с этим за овладение знаниями, необходимыми, чтобы стать «искусным негодциантом». По их мнению, в программу школ должны входить правописание, арифметика, бухгалтерия, география, иностранные языки, основы русского и зарубежного права, морское дело⁶⁹. Более широкую программу предлагал наказ Твери. Помимо указанных предметов здесь названы такие предметы, как история, риторика, философия, богословие, т. е. общеобразовательные предметы, хотя и в ограниченном объеме, необходимом купечеству⁷⁰. Внося эти предложения, горожане имели в виду, надо думать, высшие купеческие училища.

Помимо этих специальных учебных заведений наказ Дерпта содержал просьбу открыть академию в Дерпте, наказ Пернова поддержал это, но наиболее удобным местом считал не Дерпт, а Пернов⁷¹.

Характер программы, предложенной рядом наказов, свидетельствует о том, что горожане добивались открытия училищ низшего типа. В наказах Москвы в качестве обязательных предметов указаны бухгалтерия и иностранные языки⁷², а в наказе Вязьмы — чтение, письмо, арифметика, бухгалтерия и другие науки «по желанию»⁷³, т. е. значительно меньшая программа. В последнем наказе эту программу должны пройти дети до 12 лет. Об обучении детей горожан от 7 до 16 лет пишут избиратели Белгорода⁷⁴.

Неопределенно говорится в наказах (Воронежа, Вязьмы, Новгорода, Бежецкого Верха) о школах для других слоев населения, когда указывается на необходимость школ для цеховых, канцелярских служащих, духовенства и др.⁷⁵ Можно предположить, что в стенах школ с ограниченной программой допускалась возможность обучения детей этих слоев населения вместе с детьми купцов.

⁶⁷ Сб. РИО, т. 144, СПб., 1914, стр. 251; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 31 об.—32 об.

⁶⁸ ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 26—28 об.

⁶⁹ Сб. РИО, т. 123, стр. 464; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 34—36 об.

⁷⁰ Сб. РИО, т. 107, стр. 50.

⁷¹ ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 26—28 об.

⁷² Сб. РИО, т. 93, стр. 134; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, л. 23.

⁷³ Сб. РИО, т. 134, стр. 105; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 25—26.

⁷⁴ ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, л. 32 об.

⁷⁵ Сб. РИО, т. 134, стр. 105; т. 144, стр. 211; т. 107, стр. 50; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 24 об.—26, 29—30 об.

Городские наказания предлагали содержать школы за казенный счет, в том числе на средства магистрата, на доходы от выморочных имений, доходы с соляных промыслов⁷⁶. В других случаях расходы за помещение, содержание учителей, приобретение учебников передавались в ведение государства. На личный счет должны были содержать себя учащиеся, но и эти расходы в отдельных случаях брала на себя казна⁷⁷.

О необходимости подготовки учителей в общей форме ставят вопрос избиратели Архангельска⁷⁸.

Все это свидетельствует о том, что городское население, не углубляясь в общую постановку вопроса о задачах и целях просвещения, руководствовалось в своих предложениях практическими соображениями подготовки «искусных негоциантов» и умелых работников. Оно выступало за школы двух типов — купеческие училища с широкой общеобразовательной программой и школы для горожан, включавшие более узкий круг предметов. В стенах школ последнего типа, предназначенных для менее состоятельной части городского населения, в отличие от купеческих училищ допускалось обучение детей разных слоев — купечества, духовенства, канцелярских служащих и др. Тем самым городские наказания в отличие от дворянских в известном смысле отходили от строго сословного характера учебных заведений. В этом можно видеть уже зачатки школ будущего буржуазного общества, когда важна была не принадлежность к определенному сословию, а возможность заплатить за обучение. Кроме того, в городских наказаниях назван более широкий круг общеобразовательных предметов, знание которых должна давать школа. Ряд предложений городских наказов оказал влияние на устав 1786 г., положивший начало организации народных училищ в России.

Следующая группа материалов Уложенной комиссии представлена наказами «сельских обывателей». Засечные потомственные сторожа деревни Кулешовой Лихвинского уезда Московской губернии в наказе поверенному Г. Ф. Лукашеву выражали стремление получить наставников-учителей духовных и светских, которые могли бы помочь в распространении «наук и наставлений богоугодных дел», в предосторожности и «отвращении и вечном забвении худых и незаконных дел»⁷⁹.

Эти же потребности в организации школ излагали в своем наказе засечные сторожа деревни Слаговиц Козельского уезда Окологородского стана⁸⁰.

⁷⁶ Сб. РИО, т. 107, стр. 225, 238, 537; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 23 об.—24 об.

⁷⁷ Сб. РИО, т. 107, стр. 50; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 24—24 об.

⁷⁸ Сб. РИО, т. 123, стр. 464; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 34—36 об.

⁷⁹ Сб. РИО, т. 115, СПб., 1903, стр. 95; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 73—73 об.

⁸⁰ ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, л. 73 об.

Наконец, еще одна группа наказов, на которых следует остановиться,— это наказания центральных и местных учреждений. В наказе Сената князю М. Н. Волконскому констатировался большой вред того положения, когда большая половина населения России в провинциях, расположенных вдали от центра, «пребывает во тьме невежества», и указывалось на настоятельную необходимость открыть школы в провинциальных и губернских городах. Сенат высказался за сословный характер школ, подчеркивая, что юношество должно «обучаться благопристойным для каждого звания наукам и искусствам»⁸¹. За школы для дворян выступили Герольдмейстерская контора, Малороссийская коллегия, Верейская (Московская губерния), Перемышльская (Калужская губерния), Пошехонская (Ярославская губерния) воеводские канцелярии⁸². В наказе Верейской воеводской канцелярии указывалось, что при существующих школах, сосредоточенных в основном в Москве и Петербурге, не каждый дворянин имеет возможность учиться. В школах же по месту жительства каждый дворянин, заверяет наказ, будет обучать своих детей⁸³. Малороссийская коллегия предлагала «для воспитания и учения обоего пола благородных» использовать монастыри мужские черниговский Троицкий, Харлампиев Гамалеевский, женские Киево-Фроловский и Глуховский⁸⁴. В наказе избранному от Герольдмейстерской конторы депутату коллежскому советнику М. Прилонскому сказано, что будущее законодательство должно в целях поощрения распространения знаний «среди молодых дворян и прочих всякого чина и звания, исключая крепостных», включить пункт о том, чтобы тем, кто (а особенно из дворян) самостоятельно овладеет иностранными языками и «прочими нужными и полезными для общества науками», присваивались при вступлении на службу обер-офицерские чины⁸⁵.

Верейская и Пошехонская воеводские канцелярии предлагали, чтобы в дворянских училищах давали знания математики и иностранных языков (немецкого, французского, латинского)⁸⁶.

Киевская епархия в пунктах, приложенных к наказу Синода, просила выделить для Киевской академии дополнительные средства для подготовки учителей (из православных) истории, географии, арифметики, а также еврейского, греческого, немецкого, французского языков⁸⁷. В качестве учителей, по мнению пошехонской канцелярии, следовало использовать выпускников университетов и других учебных заведений.

⁸¹ Сб. РИО, т. 43, СПб., 1885, стр. 7—8 (Разрядка наша.— М. К.).

⁸² Там же, т. 43, стр. 142—143, 230; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 15—16 об.

⁸³ ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, л. 15.

⁸⁴ Сб. РИО, т. 43, стр. 230 (наказ 3 августа 1767 г. коллежскому советнику Натальину).

⁸⁵ Там же, стр. 142—143 (наказ не датирован).

⁸⁶ ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 15—16 об.

⁸⁷ Там же, л. 15 об.

Школы должны основываться на частные средства, а жалование учителям выплачиваться канцеляриями за счет ликвидации в военных командах должности подпоручика⁸⁸.

Наказы Главной полиции, а также Киево-Печерской лавры говорят об обучении детей духовенства, причем последняя предлагала в качестве поощрения освобождать от рублевого оклада и других податей вдов, отдававших своих детей в создаваемые школы⁸⁹.

В своем наказе 26 марта 1767 г. ассессору Рооде Берг-коллегия ставила вопрос о создании горного и плавильного кадетских корпусов для детей заводчиков⁹⁰.

Главный магистрат, Новгородская губернская канцелярия, а также ряд воеводских канцелярий выступали в защиту школ для городского населения. Главный магистрат в наказе депутату коллежскому советнику Дурасову (26 июля 1767 г.) указывал, что прежние постановления о школах для горожан не реализуются⁹¹. Воеводские канцелярии ограничиваются в большинстве случаев конкретными предложениями.

Из интересов коммерции исходила Великолуцкая провинциальная канцелярия, внося свои предложения об образовании. Для купечества городов Великих Лук и Торопца, ведущих иностранную торговлю, крайне важно было знание иностранных языков. В связи с этим канцелярия считает необходимым иметь в Великих Луках школу «словесных наук» и иностранных языков на сборы с купцов по 15 коп. с души в год. Необычным в этом наказе, как и в наказе серпуховского дворянства, является то обстоятельство, что в стенах одной школы предполагается возможным обучать не только детей купцов, но и детей дворян «за умеренную плату»⁹². Конкретно о школе в Ярославце для детей купцов, подьячих и солдат говорилось в наказе Ярославцевой воеводской канцелярии⁹³. Верейская канцелярия предлагала включить в законодательство пункт о школах в городах для детей «дворянских, гражданских и разночинских, кто пожелает», не указывая на сословный характер школ.

Астраханский губернатор Протопопов призывал купечество проявить заботу об обучении детей бобылей, находившихся на службе у купцов. Дети купцов и бобылей могли бы учиться в одной школе⁹⁴. В этих фактах также видим известную попытку отойти от сословного характера школ.

В целом указы местных и центральных учреждений не выдвигали новых предложений сравнительно с наказами дворян и

⁸⁸ Сб. РИО, т. 43, стр. 90—92.

⁸⁹ Там же, стр. 302, 418.

⁹⁰ Там же, стр. 201.

⁹¹ Там же, стр. 243.

⁹² ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, лл. 18 об.— 19 об.

⁹³ Там же, лл. 15—15 об.

⁹⁴ Там же, л. 19 об.

горожан. Изложенные в наказах требования не могли не отразить характер государственной власти, осуществлявшей диктатуру дворянства и вынужденной учитывать интересы купечества.

В этой группе наказов прозвучали предложения и о школах для крестьян. По выражению наказа Новгородской губернской канцелярии, польза от распространения грамотности среди крестьян будет та, что они, «познав закон и страх божий, могут достигать спокойственного жития, а от вредных и худых поступков удалиться»⁹⁵. Астраханская воеводская канцелярия связывала «все поступки и беззакония, действующие во крестьянстве», с тем, что оно не знает священного писания, отсюда нет страха за свои поступки перед богом⁹⁶. В приложенных к наказу Синода пунктах (заслушаны 20 июля 1767 г.) ростовский и ярославский епископ Афанасий⁹⁷ обосновал необходимость обучения крестьянских детей от 7 до 13 лет, т. е. в возрасте, когда они «никаких крестьянских работ исправлять еще не могут, а пребывают праздно». С безграмотностью крестьян нельзя мириться, считал он, потому что народ не знает христианского закона, повседневных молитв, мало кто из крестьян о «самом боге надлежащее понятие имеет»⁹⁸.

К «немалой пользе общенародной», указывает Пусторжевская Заволоцкая воеводская канцелярия Псковской провинции, послужило бы, «если б для крестьянских детей при церквях, хотя б не при каждой, учреждены были училища в знании православного христианского закона»⁹⁹. В наказе Опочечной канцелярии делалась даже попытка сравнить положение крестьянских школ в России с тем, которое существовало в европейских странах, где крестьяне не остаются «без учения»¹⁰⁰.

В отношении типа и программы крестьянских школ центральные и местные учреждения выдвигали крайне элементарные требования. Довольно/своеобразный способ обучения крестьян предлагал Синод в своем наказе новгородскому и великолукскому митрополиту Дмитрию 28 июля 1767 г. По нему крестьян обязывали приходить в церковь с детьми в выходные и праздничные дни, а священников после службы обучать «господней молитвы, символу веры и десяти господским заповедям, а нерадивых... увещевать и исправлять»¹⁰¹. В наказе Синода, таким образом, отсутствуют даже те ограниченные предложения, которые находим в отдельных дворянских наказах.

⁹⁵ ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, л. 16 об.

⁹⁶ Там же, л. 18.

⁹⁷ Рождественский считает, что из архиереев один Афанасий отнесся с большим вниманием к вопросам народного образования (*С. В. Рождественский. Указ. соч., стр. 289*).

⁹⁸ Сб. РИО, т. 43, стр. 422.

⁹⁹ ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, л. 17.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Сб. РИО, т. 43, стр. 51.

Ближе к предложениям дворян стоят мнения некоторых представителей высшего духовенства. Петербургский архиепископ Гавриил в наставлении, заслушанном в Уложенной комиссии 2 июля 1767 г., высказывался за то, чтобы при каждой городской и сельской церкви для приходских детей, «кои еще работать не могут», были заведены школы с учителями из священников и дьяконов. Курс этой школы ограничивался бы обучением «грамоте» и катехизису, причем указывалось, что обучение должно проходить «в удобное время». Плата за учение должна была производиться отработкой¹⁰².

По мнению ростовского и ярославского епископа Афанасия, крестьянские дети должны знать букварь и катехизис. Епископ Афанасий считал, что обучение должно находиться в руках приходских священников, дьяконов или причетников. Крестьяне обязаны были платить за обучение детей продуктами. Учебники (букварь, катехизис) следовало разослать по селениям за счет казны или — в помещичьи селения — за счет помещика, а в другие — за счет мирских денег¹⁰³.

Новгородская губернская канцелярия, ссылаясь на то, что от детей до 9 лет пользы в работе нет, предлагала в уездах «при погостах» «училищные дома» для всех крестьянских детей от 6 до 9 лет. Дьячки, пономари за небольшую плату должны были научить детей грамоте и «истинному познанию веры»¹⁰⁴. В отличие от предыдущих наказов Гдовская воеводская канцелярия предлагала использовать духовенство в качестве учителей временно, пока не подберутся светские учителя, могущие обучать детей по букварю и краткому катехизису¹⁰⁵.

Характерно, что созданию школ для крестьянских детей уделяли немало внимания канцелярии окраинных губерний, где состав населения был иным, чем в центральных губерниях. Помещичье хозяйство там было развито слабее, отсюда и меньшее число крепостного крестьянства.

Содержание наказов показывает, что государственные органы власти беспокоило прежде всего религиозно-нравственное состояние крестьянских масс. Обучение, как правило, предлагалось передать в руки духовенства.

Академия наук была единственным ученым учреждением, представившим депутата (профессора Ф. Г. Миллера) в Уложенную комиссию. В своем наказе она высказалась за учебные заведения двух видов: гимназии и университеты. Что касается начальных училищ, то они уже имелись в городах и деревнях, хотя и разного вида. Главное на данном этапе, по мнению Академии, — первое разделение. Детально разработанного плана

¹⁰² Там же, стр. 418.

¹⁰³ Там же, стр. 422.

¹⁰⁴ ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 217, л. 16 об.

¹⁰⁵ Там же, лл. 18—18 об.

реорганизации низших школ Академия не представила, ссылаясь на отсутствие необходимого времени. На самом деле это произошло не без вмешательства Екатерины II, опасавшейся «импресии ученых». Известно, что уже после ликвидации частных комиссий конференция Академии наук возвратилась к материалам наказов и подготовке нового наказа. В нем указывалось на необходимость устранить какие-либо препятствия к получению образования. Для несвободного населения обучение должно было повлечь за собою освобождение личное, а также их семей и потомков, предоставление права покупать имения. Наказ был подписан Л. Эйлером, А. Эйлером, Ф. фон Вольфом, В. Крафтом и другими и представлен в Москву Миллеру, но дальнейшего движения не получил¹⁰⁶.

Сведения, извлеченные из наказов, не полностью раскрывали бы постановку вопросов, назревших в области просвещения, без привлечения обсуждения их на заседаниях комиссии в так называемом Большом собрании¹⁰⁷. Они позволяют проследить положения наказов в некотором развитии, а главное, реакцию депутатов на выдвигаемые предложения. Из 204 заседаний Уложенной комиссии за полтора года ее деятельности на 20 заседаниях ораторы затрагивали вопросы народного образования¹⁰⁸.

В обсуждении вопросов образования приняли участие главным образом дворяне, горожане, а также пахотные солдаты. В прениях участвовали такие представители крупнейшего дворянства, как князь М. Щербатов, А. Н. Волконский, Л. Нарышкин, Б. Потемкин, П. Орлов, А. Строганов, а также представители провинциального дворянства — И. Чаадаев, И. И. Кожин, М. Реткин, В. Веденеев, М. Глазов и др. Из участников прений лишь незначительная часть в своих выступлениях имела возможность опереться на указы, в той или иной форме ставившие вопросы просвещения. К числу таких ораторов относятся следующие дворянские депутаты: И. И. Кожин, А. Н. Волконский, Б. Потемкин, П. Стромиллов, В. Неклюдов¹⁰⁹. Подавляющее же большинство участников дискуссии высказывало собственные суждения.

¹⁰⁶ С. В. Рождественский. Академия наук и Комиссия о сочинении проекта нового Уложения. — «Сб. статей в честь М. К. Любавского». Пг., 1917, стр. 637—642; А. В. Флоровский. Академия наук и Законодательная комиссия 1767—1774 гг. — «Ученые записки, основанные русской учебной комиссией в Праге», т. 1, вып. 2. Прага, 1924, стр. 108; Сб. РИО, т. 43, стр. 371—372.

¹⁰⁷ Что касается созданной в процессе ее работы Комиссии об училищах, то ее деятельность, представляется, имела самостоятельное значение и являлась следующим этапом в разработке проектов преобразования школьного дела в России. Материалы этой комиссии заслуживают самостоятельного изучения.

¹⁰⁸ В. Н. Бочкарев. Указ. статья. — «Русская старина», 1915, январь, стр. 71 (у Бочкарева названы 16 заседаний).

¹⁰⁹ Сб. РИО, т. 4, стр. 468—469, 362—364, 154.

Наибольшее количество заседаний (6 из 20) приходится на май 1768 г. В ходе обсуждения в Большом собрании было представлено немного новых предложений в отношении дворянского образования. Здесь также много говорилось о необходимости расширить сеть дворянских училищ, присваивать чины в соответствии с уровнем образованности, подчеркивалось, что с расширением училищ дворянство будет «наилучшим и полезным в государстве» и т. д.¹¹⁰

Остановимся на некоторых выступлениях. Вызвало возражения предложение депутата кашинского дворянства Кожина о том, чтобы дворянский корпус в Москве материально обеспечивался налогом с брака. По мнению Кожина, ежегодные сборы с души или с земли были бы обременительнее этого налога. В обложение должны включиться все слои населения от крестьян до дворян. С крестьян, солдат, унтер-офицеров и других лиц должен взиматься налог за первый брак по 50 коп., столько же — за второй и третий. Дворяне, владевшие более 100 душ крепостных, платили бы по 2 руб., а дворяне, у которых было от 10 до 100 душ крепостных, — по 1 руб. Лица, не имевшие недвижимого имущества и жившие на жалование, должны были вносить с каждых 100 руб. жалования по 1 руб., церковнослужители — по 50 коп., купечество 1-й и 2-й гильдий — по 1 руб., 3-й гильдии — по 50 коп.¹¹¹

Серпейский депутат граф Строганов, поддержав предложение об открытии кадетского корпуса в Москве, выступил с возражением Кожину в отношении средств, на которые корпус должен был существовать. Свои возражения он обосновывал двумя соображениями: во-первых, налог с брака послужит препятствием к «размножению в государстве народа», во-вторых, «всякий налог на общество должен служить в пользу всего того общества, а не одной его части». Строганов считал, что московский корпус должен содержаться за счет ежегодных сборов с дворян в зависимости от количества числившихся за ними крепостных. В корпус, по его мнению, следовало принимать дворян, у которых было не более 200 крепостных. Те же из дворян, кто владел большим числом крепостных, обязывались оплачивать обучение своих детей в корпусе. С поддержкой Строганова выступили депутат перемышльского и воротынского дворянства Нарышкин, депутат серпуховского дворянства Волконский¹¹², депутат переславль-рязанского дворянства Реткин¹¹³.

Ярославский депутат князь Щербатов, возражая против распространения дворянских прав на «сибирских дворян», в то же

¹¹⁰ Там же, стр. 154.

¹¹¹ Там же, стр. 173.

¹¹² В данном ему наказе ставились вопросы о развитии дворянского образования за счет неокладных расходов, о награждении чинами в зависимости от образования (там же, стр. 362—364).

¹¹³ Там же, стр. 174—175.

время высказывался за создание для них школы «нужнейших наук, дабы в эту страну (Сибирь.— М. К.) сколь возможно проникло просвещение». Для способных выпускников этих школ он считал возможным продолжение учебы «по их желанию и с позволения родителей» в Академии наук и университете¹¹⁴. Таким образом, категорически отвергая попытки части привилегированных слоев сибирского населения добиться дворянских прав, Щербатов допускал их право на образование. Высказанное им мнение о создании школ, прохождение курса в которых могло служить основой для поступления в высшие учебные заведения, совпадало с содержанием наказа тульского дворянства¹¹⁵.

На нескольких заседаниях Большого собрания поднимались вопросы организации обучения горожан. Они, как и предложения в отношении дворянских школ, совпадают в основном с содержанием наказов от городского населения. Также предлагались училища «для мещан», а в больших городах высшие училища¹¹⁶. Депутат Коммерц-коллегии С. Меженинов высказывался за то, чтобы сохранилась практика обучения детей купечества за границей¹¹⁷.

Депутат от однодворцев Тамбовской провинции Веденеев в своем выступлении подчеркивал, что в учебе «не следует препятствовать никому, к какому бы кто званию ни принадлежал»¹¹⁸, имея в виду дворян, приказных, дьячих и подьяческих детей.

На 100-м заседании Уложенной комиссии 19 марта 1768 г., состоявшемся уже в Петербурге (переведена с 18 февраля из Москвы), депутат от Симбирска Афанасий Ларионов при обсуждении положения о судопроизводстве в России высказал мнение о необходимости обучать грамоте не только купечество (от 5 до 15 лет), но «всякого земледельца детей» от 5 до 7 лет, «потому что в таких малых летах они еще не способны ни к какой работе». По его мнению, этим должны заниматься священники, чтобы крестьяне «знали закон божий». Он подчеркнул важность обучения «новокрещен» (чувашей, мордвы, марийцев) православными учителями, не оставляя это дело в руках магометан. В выступлении Ларионова впервые на большом собрании была высказана мысль в пользу распространения школ среди крестьян¹¹⁹. Но в отличие от наказов, допускавших посещение школы крестьянскими детьми в возрасте от 6—7 лет до 12—13, Ларионов ограничивал эту возможность 5—7-летним возрастом. Однако дискуссия по вопросу о крестьянских школах

¹¹⁴ Сб. РИО, т. 4, стр. 161.

¹¹⁵ Там же, стр. 406.

¹¹⁶ Сб. РИО, т. 8, стр. 36—37, 161.

¹¹⁷ Там же, стр. 73.

¹¹⁸ Сб. РИО, т. 4, стр. 176.

¹¹⁹ Сб. РИО, т. 14, стр. 201—202. Для купечества он считал необходимым изучать арифметику, бухгалтерию, морское дело, иностранные языки.

развернулась позднее, в связи с выступлением П. Жеребцова¹²⁰.

В мнении Жеребцова от 2 мая 1768 г. отстаивались интересы пахотных солдат, «чтобы впредь в новом Уложении с крестьянами их не смешивать, для государственных надобностей завсегда были особливо»¹²¹. Что касается школ, то Жеребцов считал, что учеба должна осуществляться не только по церковным книгам, но и по тем книгам, «кои законодательство содержат». Просвещение, по его мнению, должно распространяться и на служилых людей. Он предлагал открыть школы как в больших селениях, так и в малых, объединяя их с соседними селениями государственных крестьян (каждая школа на 3—4 тыс. человек м. п.)¹²².

А. Строганов, депутат серпейского дворянства, в мнении от 28 мая поддержал Жеребцова в отношении школ для пахотных солдат. Он даже высказался за «полезность» школ для более широких кругов населения, для всех «хлебопашцев». Необходимость просвещения для крестьян Строганов обосновывал следующим соображением — это, на его взгляд, предотвратит расправу крестьян с помещиками, в которых повинна «тьма невежества», «ибо едино просвещение человека от скота различает; едино просвещение показывает нам долг к богу, к государю и к обществу»¹²³. Депутат Клинского уезда Петр Орлов в мнении, зачитанном 28 мая 1768 г., поддержал Строганова и поделился своим опытом обучения крестьянских детей «российской грамоте и письму в школе». Он считал, что грамотные крестьяне, по его наблюдениям, показали уже свои преимущества перед неграмотными: «Они уже говорят лучше и читают письма», они сами из чтения книг находят, чем они обязаны «богу, государю, отечеству», наконец, «по законам помещику своему». Это уже люди, которым можно «приказать, поверить и надеяться»¹²⁴. Эти заявления двух представителей верхов дворянства очень ярко раскрывают цели, преследуемые дворянами, выступившими с предложениями расширить обучение крестьян. Послушный и грамотный работник — вот главная их забота.

Депутат от Пензы Степан Любавцев 5 мая 1768 г. представил свое мнение, в котором резко возражал Жеребцову, предложившему открыть школы для пахотных солдат. Он писал: «Оное весьма излишне, земледельцу то и школа, чтоб обучать детей с малолетства хлебопашеству и прочим домовым работам»; «других наук» крестьянам не нужно, кроме «российской

¹²⁰ Бочкарев считает, что Жеребцов был первым, кто выступил за крестьянские школы (В. Н. Бочкарев. Указ. статья.— «Русская старина», 1915, апрель, стр. 50).

¹²¹ Сб. РИО, т. 32. СПб., 1881, стр. 397, 52.

¹²² Там же, стр. 398.

¹²³ Там же, стр. 457, 73—74.

¹²⁴ Там же, стр. 521—522, 101 (136-дневная записка от 28 мая 1768 г.).

грамоты», и то по собственному их желанию и без училищ, которые «государственной пользы никакой принести не могут, кроме казенного ущерба, а от того последовать может в земледелии уменьшение». Любавцев считал, что обучение крестьян приведет к тому, что их «к земледелию и прочей работе склонить будет никак невозможно»¹²⁵.

Характерным является то обстоятельство, что участники прений в ряде случаев, полемизируя со своими противниками, одинаково ссылались на положения Большого наказа. Так, например, депутат пензенских пахотных солдат и старых служб Егор Селиванов в своем мнении от 13 мая 1768 г. в связи с заявлением Любавцева указывал, что целый ряд пунктов (13, 15, 348—352) наказа прямо свидетельствует, что слава отечества может последовать лишь от просвещения народа, а последнее невозможно без училищ. «Чем больше человек обучен страха божия, тем больше имеет бережливость от противных ему предприятий»¹²⁶.

15 мая 1768 г. Жеребцов выступил с возражением Любавцеву. Ссылаясь на п. 158 Большого наказа, повелевавшего обучать всех детей в школах, он подробнее остановился на том, что он имел в виду, говоря о просвещении. Он вовсе не подразумевал обучения иностранным языкам и другим наукам, а считал нужным, прежде всего, ознакомление с катехизисом, без знания которого «человеку скотом быть можно». Познание законов, наконец, самого себя — вот все, что составляет «три пункта», вернее смысл учебы, который, заключает он, не «отвратит человека от земледелия», а, напротив, побудит его «к оному старанию, труды и попечение приложить»¹²⁷.

Обоянский депутат от дворянства Михаил Глазов на 139-м заседании 2 июня 1768 г. в связи с выступлением Орлова, предложившего создать школы для крестьянских детей до 16 лет, ссылаясь на ст. 350, 356, 358 Большого наказа, заявил, что это приведет к «немалому отягощению народа», «к вредным следствиям». По его убеждению, училища должны быть при церквях в первую очередь для детей духовенства, купечества, солдатских детей. Помещики могут обучать своих крестьян за свой счет и «без принуждения». Главное, чтобы в воскресные и праздничные дни крестьяне не работали, а ходили в церковь, чтобы не было с малолетства «привычки к расколам», «к воровству и разбоям»¹²⁸.

Таким образом, единственный вопрос, который вызвал дискуссию в Большом собрании, — это вопрос о школах для крестьян. В прениях приняли участие депутат пахотных солдат Нижегородской губернии Жеребцов, депутат Симбирска Ларионов, Пензы

¹²⁵ Сб. РИО, т. 32, СПб., 1881, стр. 411—412, 55.

¹²⁶ Там же, стр. 430—432, 66.

¹²⁷ Там же, стр. 453, 72.

¹²⁸ Там же, стр. 113.

Любавцев, депутат обоянского дворянства Глазов, представители верхов дворянства Строганов и Орлов. Как и наказания, прения по этому вопросу показали, что мнение о необходимости сельских школ даже с самым элементарным курсом обучения разделяло далеко не все дворянство. Некоторые дворяне настаивали лишь на внешкольном обучении крестьян, утверждавшем их в правилах религиозно-нравственного поведения.

Так закончилось обсуждение в Большом собрании будущего законодательства о системе образования. Как видим, оно внесло не много нового в ту сумму предложений, которую намечали наказания. Но Большое собрание продемонстрировало противоречивое отношение дворянских кругов к распространению школ для крестьянского населения.

Показательными представляются и выборы в «Комиссию об училищах и презрения требующих», объявленные на 132-м заседании Уложенной комиссии 22 мая 1768 г.¹²⁹ В большинстве своем состав комиссии был дворянским. Наиболее деятельными ее членами были депутат киевского шляхетства В. Золотницкий, Клингштедт, барон Арш и Я. Урсинус¹³⁰. Дело составления проекта преобразования системы образования было передано в руки дворян.

Итак, материалы наказов свидетельствуют о том, что господствующий класс — дворянство — проявляло прежде всего заботу о собственном образовании. Его предложения, изложенные в наказах, ставят вопрос о различных школах для различных классов населения. В своем подавляющем большинстве дворянство выступало за сохранение и упрочение сословного характера учебных заведений и в первую очередь дворянских школ. В этом оно проявило еще большую настойчивость сравнительно с предшествующим периодом. Дворяне ратовали за такую систему образования, в которой каждому классу-сословию предназначалось определенное место в зависимости от его положения в существующих общественных отношениях. В ней крестьяне по-прежнему получали доступ лишь на низшую ступень образования, на школу с крайне элементарным курсом, и то это право признавалось довольно ограниченным кругом господствующего класса, что наглядно проявилось в прениях Большого собрания. Все эти факты свидетельствуют, что сословные интересы неизбежно переплетались с классовыми интересами дворян, занимавших господствующее положение в государстве.

Признание представителями господствующих кругов прав других сословий на образование диктовалось, как свидетельствуют материалы Уложенной комиссии, необходимостью воспитать прежде всего «гражданина» и подготовить образованного служа-

¹²⁹ Там же, стр. 86.

¹³⁰ Там же, стр. 91—92. Впоследствии состав комиссии несколько изменился (С. В. Рождественский. Указ. соч., стр. 296—297).

щего, овладевшего определенным кругом знаний. Смысл воспитания «гражданских добродетелей» видели в том, чтобы воспитать в подданных послушание властям и верность монарху. Задачи школы сводились к нравственному воспитанию, а также к овладению определенным кругом знаний. В этом они отличались от задач просвещения первой половины XVIII в., когда главным была подготовка профессионального работника. Общій ход экономического развития, рост городов, усложнявшаяся бюрократическая система управления требовали большего, чем раньше, количества грамотных и образованных людей.

Господствующее положение дворянства в условиях «просвещенного абсолютизма» накладывало свой отпечаток на постановку вопросов образования в законодательном плане. Новое явление, которое получило отражение в наказах и выразилось в стремлении расширить сеть учебных заведений в разных районах России и для разных сословий; подавлялось выдвигавшимся на первый план стремлением обеспечить за счет государства доступность образования прежде всего для представителей дворянства.

Наряду с отражением старых традиций деятельность Уложенной комиссии продемонстрировала острую потребность русского общества в просвещении и организации школ, необходимость более широкого распространения грамотности среди разных слоев населения, в том числе женского образования. Поставлен, хотя и в узких рамках элементарного обучения, вопрос о грамотности для крестьянских детей. Избиратели и депутаты сделали первые попытки рассмотреть вопросы обучения в рамках общей системы образования.

В самой общей форме получила отклик в проектах Уложенной комиссии проблема создания национальных школ. Хотя о характере этих школ трудно судить, исходя только из материалов Уложенной комиссии, но сама постановка вопроса о них важна для истории создания школ среди народов России. Все это свидетельствует об известном влиянии на русское общество второй половины XVIII в. идеологии просветительства.

Отражая те стремления, которые уже успели назреть или только появлялись в русской действительности, материалы Уложенной комиссии в дальнейшем использовались правительством для преобразования системы русского просвещения.

О РОСТОВЩИЧЕСТВЕ ДВОРЯН В XVIII В.
(к постановке вопроса)

Об экономической деятельности дворян в XVIII в. нам известно многое: введены в научный оборот сведения о внедрении сельскохозяйственных улучшений, изучено предпринимательство дворян в области промышленности, исследованы подряды помещиков на поставку вина питейным дворам. Эта последняя форма хозяйственной активности приобрела наибольшее распространение прежде всего потому, что винокурение было объявлено дворянской монополией.

Настоящим сообщением автор обращает внимание еще на одну отрасль предпринимательства дворян, нуждающуюся в специальном изучении, — на ростовщичество.

Много лет назад нам попались два любопытных документа. Из одного из них следовало, что заводовладельцу Прокофию Баташову в 1769 г. 30 кредиторов предъявили вексельный иск на 60 418 руб. Из этой суммы на долю 20 дворян-ростовщиков приходилось 31 105 руб. Среди кредиторов встречаем вдову адмирала М. М. Головина (1000 руб.), княгиню Е. И. Долгорукову (5540 руб.), действительного тайного советника и камергера А. Г. Жеребцова (3100 руб.), генерал-поручика М. И. Сафянова (1500 руб.) и др. В другом случае правительственные инстанции рассматривали судьбу Благовещенского медеплавильного завода М. С. Мясникова. Дела у Мясникова шли неважно и в конце концов пришли в такой упадок, что Берг-коллегия после его смерти не нашла иного выхода, как продать завод и вырученными деньгами расплатиться с кредиторами. В 1772 г. был составлен список лиц, ссужавших Мясникова деньгами. Оказалось, что сумма долга на незадачливом промышленнике равнялась 57 525 руб. Удельный вес дворян в списке кредиторов Мясникова был выше, чем у Баташова: из 11 кредиторов 8 принадлежали к дворянскому сословию, причем некоторые из них являлись крупными заемщиками. Так, коллежский советник Савва Тетюшов предъявил вексель на 22 340 руб., а титулярный советник А. Кондолаев — на 10 635 руб. Среди векселедавцев находился и упоминавшийся выше камергер Жеребцов (4000 руб.).

Аналогичного содержания сведения содержатся в фонде Егора Грунта, владельца крупной суконной мануфактуры. Известно, что от XVIII в. не сохранилось ни одного фонда промышленника, не являвшегося одновременно и вотчинником. Фонд Грунта, несмотря на то, что он сохранился не в полном составе, является уникальным. Материалы фонда сохранились благодаря

экстраординарным обстоятельствам: мануфактурист был обвинен в злоупотреблениях при поставке сукна в Кругскомиссарнат и вследствие этого архив предприятия был конфискован и стал предметом изучения специально созданной следственной комиссии. Комиссия в 1783 г. составила две ведомости: одна ведомость учла векселя, не объявленные к тому времени, другая — объявленные. Общая сумма долга по 85 необъявленным и 53 объявленным векселям равнялась 280 755 руб. Список кредиторов Грунта, как и списки кредиторов ранее названных промышленников, подтверждает широкое участие дворян в ростовщичестве. Из 85 непредъявленных векселей на долю дворян приходилось 39 на сумму 88 435 руб. Почти такую же сумму (87 010 руб.) Грунт был должен и купцам, но это равновесие было связано с иностранным происхождением Грунта и широким использованием в качестве кредиторов иностранных купцов. Свыше половины долга купцам (46 464 руб. из 87 010 руб.) падало на долю не русских, а иностранных купцов.

Грунта кредитовали разнообразные круги дворян. Три княгини — Елена Барятинская, Федосья Черкасская и Ирина Гагарина — в общей сложности ссудили 25 262 руб. Ростовщиками являлись артиллерии подпоручик Вердеревский (1000 руб.), генерал-майор Бобров (2000 руб.), статский советник Левашов (165 руб.). В списке дворян-ростовщиков довольно полно представлен женский пол: из 39 векселей, выданных дворянами, на долю дворянок падает 12 (30,8%). Здесь помимо упоминавшихся княгинь встречаются полковницы, надворные советницы, вдовы и девицы. Дочь Александра Шувалова Ольга дала займы 2000 руб., княжна Катерина Шаховская — тоже 2000 руб.

Удельный вес дворян в списке с объявленными векселями был еще выше. Из 53 счетов на долю дворян приходилось 26 (49,1%), причем сумма иска составляла 45 152 руб. из 69 423 руб., т. е. 65%, что свидетельствует о выдаче ссуд дворянами-ростовщиками на более крупные суммы, чем ростовщиками прочих сословий и сословных групп. На долю остальных 27 ростовщиков падало 24 271 руб., или 35% всей суммы предъявленных исков¹.

От использования единичных и случайных данных о ростовщичестве дворян перейдем к изучению более обобщенных архивных источников — книг Юстиц-коллегии, в которых регистрировались разнообразные сделки: сдача в наем лавок, выдача денежных ссуд, размеры приданого за выдаваемыми замуж дочерьми и т. д.

Содержание и происхождение книг Московской Крепостной конторы за первую четверть XVIII в. основательно изучены

¹ ЦГАДА, ф. 1940 (Следственная комиссия в Главном кругскомиссарнате), оп. 1, д. 486, лл. 367—371.

Г. Д. Капустинной². Однако аналогичная работа за последующие десятилетия не проделана. Поэтому трудно определить, какая часть книг сохранилась, с какой полнотой регистрировались в них ростовщические сделки. Например, в заемной книге за 1763 г.³ о займе денег дворянами зарегистрировано только 32 сделки, а за 1776 г. и того меньше — всего 7 сделок⁴.

К задачам будущего относится также сплошное, а не выборочное изучение книг. Наконец, надлежит изучить и книги периферийных крепостных контор⁵.

Из просмотренных книг о выдаче взаймы денег нами статистически обработаны данные двух книг за 1732 г. Выбор пал на 1732 г. потому, что данные об учете сделок за этот год сохранились полнее, чем за другие годы.

Перед тем как привести результаты статистической обработки данных книг и анализировать эти данные, сделаем две оговорки. Первая из них относится к определению сословной принадлежности займодавца. В подавляющем большинстве случаев ориентирование в записях не представляет труда. Иван Аврамов Меньшой сын Зубков назван кадашевцем. Он дал взаймы И. И. Выхотцову, жителю Малых Лужников у Крымского двора. Совершенно очевидно, что и кредитор и его должник являлись посадскими людьми Москвы. Не представляет труда определить сословную принадлежность займодавца, если назван его офицерский или гражданский чин: поручик, капитан, полковник и т. д. на военной службе, равно как коллежский советник, ассессор, комиссар и т. д. — на гражданской. Все это свидетельствует о том, что обладатели этих чинов и званий были дворянами. Купцы названы либо по-старому («гостиной сотни Алексей Афанасьев сын Гурьев»), либо указана их принадлежность к какой-либо из трех гильдий. Кредиторами и должниками выступали оброчные крестьяне, представители белого духовенства, разных рангов канцелярские служители и др.

В подавляющем большинстве случаев сословная принадлежность представителей «красивного семени» бесспорна, по могут быть и исключения. Всех канцелярских служителей низкого ранга мы не причисляли к дворянам, хотя возможно, что какой-либо копиист или канцелярист мог принадлежать к дворянскому сословию.

Максим Парфентьевич Севостьянов служил каптенармусом лейб-гвардии Семеновского полка. Как видим, он не имел офи-

² Г. Д. Капустина. Записные книги Московской Крепостной конторы как исторический источник (первая четверть XVIII в.) — «Проблемы источниковедения», вып. IX. М., 1961.

³ ЦГАДА, ф. 282 (Юстиц-коллегия), д. 1013.

⁴ Там же, д. 1027.

⁵ Исследование этих книг уже начато Н. Б. Голиковой в статье «Ростовщичество в России начала XVIII в. и его некоторые особенности» (сб. «Проблемы генезиса капитализма в России». М., 1970).

церского чина, но служба в гвардейском полку дает известные основания отнести Севостьянова к дворянам. На основании косвенных признаков мы отнесли к дворянам солдата Федора Ларионовича Коробина: во-первых, услугами Коробина пользовался бригадир и гвардейский капитан А. К. Петров (ниже мы увидим, что дворяне в подавляющем большинстве случаев пользовались кредитом у дворян же); во-вторых, в 30-х годах XVIII в. в гвардейских полках служили не только выходцы из нетитулованного дворянства, но и отпрыски князей.

Оговаривая возможные погрешности, мы тем не менее должны подчеркнуть, что случаев, когда было затруднительно определить сословную принадлежность кредитора или должника, не так уж много, и эти случаи существенно не влияют на удельный вес сословий и сословных групп в ростовщических операциях.

Другая оговорка более существенна. Дело в том, что далеко не всякая сделка о выдаче денег в кредит, зарегистрированная в книге, являлась ростовщической операцией. Об этом можно судить по формуляру регистрации выдачи займа денег во второй половине XVIII в.

В первой половине XVIII в., а точнее — до организации первых в России банков — при записи кредитной операции в книгу вносились следующие данные: фамилии, звания или должности лиц, дававших деньги в долг и бравших их, называлась также сумма и срок возвращения долга. После 1754 г. эти данные были дополнены сведениями о том, получает ли заимодавец проценты с выданной займа суммы или он отказывается от взимания процентов. Эта деталь формуляра, регистрировавшая бытие денег в форме ростовщического капитала или функционирование их в ранге сокровища, имеет существенное значение. Обычно взимание ростовщического процента или отказ от него отражены стандартными формулами: «без проценту» или «по шести процентов с рубля», а чаще всего: «с указными проценты» или «с вычетом указных процентов». Так как взимание ростовщического процента, превышавшего 6% (это и есть «указный процент») запрещалось, то формуляр записи не совпадал с фактическим размером процента. Подобная запись всего лишь означала, что ростовщический процент был не ниже «указного», но в действительности мог быть в два раза выше и достигать 12%. Однако уплата процентов сверх «указной» нормы производилась по частной договоренности, и поскольку считалась противозаконной, то, естественно, не отмечалась официальными документами.

Выдача денег в долг без процентов, надо полагать, более всего была распространена среди дворян. Беспроцентные ссуды, видимо, выдавались родственникам, быть может, соседям, сослуживцам, приятелям и т. д. Не исключено также, что беспроцентная ссуда являлась формой расплаты за какие-либо услуги.

В книге записи сделок за 1757 г. дворяне выступали займодателями 44 раза, причем 20 сделок (45,5%) было оформлено

без взимания процентов⁶. Например, два брата Хованские, Петр и Юрий Васильевичи, заняли у третьего брата, капитана Николая Васильевича, 13 952 руб. на четыре года без уплаты процентов. Характерно, что Петр Васильевич Хованский в том же 1757 г. взял займы у жены кн. П. И. Горчакова Ольги 2900 руб. с уплатой «указных» процентов. Не платил процентов флота капитан М. Г. Власов капитану Н. Г. Васильчикову. Мотивы филантропии неизвестны.

В книге записи сделок за 1763 г. внесено 32 дворянина-заимодавца. Из них о 10 сделках написано, что они были оформлены без взимания процентов⁷.

Возвращаясь к данным 1732 г., отметим, что в обеих книгах имеются случаи выдачи денег родственникам. Так, шкипер В. Г. Озеров одолжил у каждого из двух братьев по 100 руб. Возможно, что он не платил процентов, но утверждать это у нас нет оснований. Вероятно, не платил процентов и капитан Г. Д. Кафтырев, одолживший у родной сестры Марфы 100 руб.

С другой стороны, у нас нет оснований сопоставлять, видимо, полную регистрацию сделок за 1732 г. с отрывочными сведениями за 1757 и 1763 гг. Быть может, именно в этих книгах за 1757 и 1763 гг. и регистрировалась беспроцентная выдача займы денег.

Приведем данные о сделках, зарегистрированных двумя книгами за 1732 г. (см. таблицу)⁸.

Таблица

Сословие и сословная группа	Количество сделок	% к общему числу сделок	Сумма сделок	% ко всей сумме
Дворяне	239	44,8	74 296	56,8
Канцелярские служители	76	14,2	7 853	6,0
Посадские	69	12,9	9 327	7,1
Купцы	63	11,8	26 905	20,6
Духовенство	22	4,1	1 389	1,1
Крестьяне	7	1,3	570	0,4
Прочие	58	10,9	10 471	8,0
Итого	534	100	130 811	100

Среди заимодавцев, как явствует из таблицы, преобладали дворяне. Дворяне же по сравнению с прочими кредиторами были крупными заимодавцами, уступая первое место по размерам ссуд лишь купцам. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что

⁶ ЦГАДА, ф. 282, д. 1007.

⁷ Там же, д. 1013.

⁸ Там же, д. 708, 979.

численность дворян среди займодавцев равнялась 44,8%, а сумма сделок составляла 57% общей суммы. Иную картину наблюдаем у канцелярских служителей: им принадлежало 14,2% сделок, а в совокупности эти сделки составляли лишь 6% от суммы кредита.

У дворян преобладали сделки на сумму до 100 руб. включительно, но были и довольно крупные. 18 сделок было заключено на сумму от 501 до 1000 руб., что составило 13 679 руб., а 16 сделок на сумму свыше 1000 руб. каждая, что в итоге дало 25 980 руб. Таким образом, 34 сделки (14,2%) превышали половину всей суммы денег, выданной дворянами в кредит.

Среди дворян было немало ростовщиков, совершивших в 1732 г. по две и более сделки: 1 чел. оформил 10 сделок, 1 чел. — 7 сделок, 1 чел. — 6 сделок, по 3 сделки совершили 7 чел., по 2 сделки — 14 чел. В общей сложности в повторных сделках участвовало 24 чел., совершивших 70 сделок. Ростовщическую активность проявлял майор С. М. Шишкин, семь раз выдававший деньги взаймы. Правда, все его сделки не относились к числу крупных — общая их сумма равнялась 694 руб. Как правило, дворяне-ростовщики, оформившие две и больше сделок, располагали незначительным капиталом. Поручик кн. А. С. Сонцов-Засекин трижды выдавал деньги на сумму 700 руб. Поручик морского флота Д. И. Еропкин трем должникам выдал 400 руб.

В книгах отмечена причастность к сделкам двух сподвижников Петра I. Один из них выступил в роли займодавца, другой — должника. Я. В. Брюс совершил шесть ростовщических операций на общую сумму 4242 руб. Брюс несомненно принадлежал к числу богатых ростовщиков. Другой сподвижник Петра — В. Н. Татищев занял у поручика Семеновского полка М. А. Римского-Корсакова 2000 руб.

Кого ссужали деньгами дворяне? Ответ на этот вопрос дает подсчет должников, пользовавшихся услугами дворян-кредиторов. Оказывается, что из 239 случаев услугами дворян-кредиторов воспользовались: 144 дворянина, 33 посадских, 31 канцелярист, 14 купцов, 5 крестьян, 2 представителя духовенства и 10 — прочих. По данным заемной книги за 1757 г. 43 сделки (из зарегистрированных 44) были заключены между дворянами: дворяне выступали и в роли кредиторов и в роли должников⁹.

Из приведенных данных вытекает существенный вывод о преимущественно внутрисословном функционировании ростовщического капитала. Это наблюдение в еще большей степени подтверждается ростовщическими операциями духовенства. Из 22 сделок на долю крестьян падало 2, на долю посадских — 3. Остальные 17 сделок были заключены между представителями духовенства: священники ссужали деньги священникам же, дяконам, пономарям, и наоборот. Исключение из этого правила составляли канцелярские служители.

⁹ ЦГАДА, ф. 282, д. 1007.

Канцелярские служители по числу сделок занимали второе место. Распространенность среди них занятия ростовщичеством легко объяснима: службу в канцеляриях было удобно сочетать с ростовщическими операциями, не исключавшими возможности присутствия на службе. Источником появления денежного богатства у канцелярских служителей являлись акциденции. Доходной была, например, служба в Вотчинной коллегии: два канцеляриста и один подканцелярист этой коллегии в 1732 г. совершили по две ростовщические сделки каждый.

Преимущественно внутрисловное функционирование ростовщического капитала и особенно широкое участие в ростовщических операциях дворянства позволяет сделать вывод о том, что ростовщический капитал, выйдя из рук ростовщика, не находил применения в торговле или в производстве. Поскольку основными кредиторами и должниками являлись дворяне, то главное назначение кредитных операций состояло в том, чтобы использовать их для удовлетворения житейских потребностей.

На какие выводы уполномочивает нас приведенный материал?

Исчерпывающего ответа на многие вопросы он не дает. В трех случаях, приведенных в начале статьи, назначение взятых в кредит денег совершенно очевидно: Мясликов, Баташов и Грунт превращали полученную ссуду в промышленный капитал. Однако в записях Крепостной конторы отсутствуют сведения о том, где и как использовались полученные у ростовщика деньги. Обработка дел только за один год не позволяет проследить повторяемость сделок, совершаемых одним и тем же ростовщиком.

Один бесспорный вывод мы все же можем сформулировать: дворяне принимали самое широкое участие в ростовщичестве. Возможно, что из всех сфер «внеземледельческих» занятий дворян ростовщичество стояло на первом месте, опережая подряды, винокурение, торговлю и промышленное предпринимательство.

Из этого наблюдения вытекает другое: участие дворян в ростовщических операциях подразумевает преимущественно потребительское использование взятых в кредит денег. Во всяком случае, ни среди дворян-кредиторов, ни среди дворян-должников мы не встретили ни одного промышленника. Это свидетельствует о том, что перед нами архаическая форма использования капитала дворянством.

Одновременно к Москве на службу приходят так называемые иностранные выходцы: Воротынские, Бельские, Трубецкие, Мстиславские, Мосальские, Жижемские, Куракины, Голицыны, Хованские и т. д.

За службу они получали земельные владения. Но правительство и великие князья настороженно относились к созданию заново крупной земельной собственности. «Московские государи повели себя так, что долгое время не было знати крупной»³. Иван III роздал 300 тыс. десятин, и вся земля пошла в сравнительно мелкие владения от 10 до 50—70 четей в поле, т. е. самый большой надел немногим превышал 100 десятин во всех трех полях. Иван IV Грозный роздал более 1500 тыс. четей земли, но размеры пожалований колебались в пределах от 100 до 200 четей на одну фамилию⁴.

Размеры наделных земель зависели и от территории. «Лучшие слуги» селились вокруг Москвы и получали большой надел. Правительство периодически пересматривало поместное право, лишая лиц, нерадиво несущих службу, поместий. Так, в 1556 г. в летописном тексте узаконений отмечалось, что иные вельможи и войны «многими землями завладели и службой оскудели» и что не соразмерна их служба с государевым жалованием (поместьями и вотчинами). В силу чего было указано «измерить земли и уравниять поместьями», наделив каждого «кто чего заслуживает, а лишние отобрать»⁵. Таким образом, в XV—XVI вв. делалась ставка на создание широкого слоя средних и даже мелких землевладельцев, однако среди них правительство выделяло преданную и дисциплинированную верхушку.

При наделении землей придерживались известной осторожности, введена была даже система поручительств за политическую благонадежность нового землевладельца. Взнос иногда достигал суммы в несколько тысяч рублей⁶. «При дворе нужны были люди не столь знатные, сколь верные». Примечательно, что с 1505 по 1593 г. в Боярской думе от 35 до 40% состава (из общего числа 130 человек) были представителями новых, «не титулованных» фамилий⁷. В XV в. великий князь за верную службу раздавал земли многим выходцам из-за рубежа. Так среди землевладельцев появились Апраксины, Барыковы, Бахметьевы, Измайловы, Кондыревы и др. Чтобы не связывать свой род с удельной оппозицией, в XVI в. даже был обычай выводить родословие от иностранцев. Покончив с ограничением земельных владений и прав высших слоев боярства, оставив их в провинциях на положении даже

³ ГИМ ОПИ, ф. 216 (Л. М. Савелова), ед. хр. 16, л. 28.

⁴ Е. П. Карнович. Замечательные богатства частных лиц в России. Экономико-историческое исследование. СПб., 1874, стр. 13, 29—30.

⁵ ГИМ ОПИ, ф. 216, ед. хр. 16, л. 11.

⁶ Там же, л. 64.

⁷ Там же, л. 14; Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960.

не всегда крупных вотчинников, московское правительство определило в это же время судьбы служилого класса. Придворная служба служилых людей фактически превратилась в несение военной обязанности. Служилые испомещались на тяглых государственных землях и обязывались служить за то государю. Государство раздает земли служилым людям на поместном праве. Так, в 1570 г. получили поместья в Деделовском уезде 200 казаков. Тогда же получают поместья в Каширском, Пронском и Зарайском уездах служилые люди. В 1585 г. 300 чел. епифанских казаков тоже получили поместья. Государя в этой среде не создавали сколько-нибудь крупного владения, наделы были мелкие и часто не оправдывали тяжести по службе.

Поверстанные поместьями дворяне составляли фактически ядро военных сил Московского государства. Во второй половине XVI в. число испомещенных на земли годных к службе достигало примерно 25 тыс. человек⁸. Размеры наделных земель колебались от 25 до 150 четей в трех полях⁹. Положение мелкопоместных служилых людей было нелегким. Службы по мере удаления границ от центра отрывали их от поместий на годы. Примечательно, что процесс размывания мелкого служилого дворянства не останавливается со временем. К началу XVIII в. число служилых дворян в государстве не превышало 16 тыс. чел. Отчасти оскудение шло за счет образования внутри этой группы дворян крупной служилой верхушки. Показателен факт: 17 фамилиям этой группы (Долгоруковым, Волконским, Щербатовым, Львовым, Плещеевым, Бутурлиным, Волынским, Наумовым, Восойковым и др.) принадлежали поместья с населением от 1 до 2 тыс. дворов. Подавляющее большинство числилось владельцами поместий с населением от 10 до 30 дворов¹⁰. Обремененные службой на государя мелкие служилые люди искали выход в перемене сословной принадлежности. Многие «испомещенные люди» растворялись среди крестьян и холопов Тульской, Курской, Воронежской и других губерний, где проходила их пограничная служба¹¹.

Это были издержки новой поместной системы, которая в XVI—XVII вв. должна была способствовать укреплению самодержавного государства и его военной мощи. Показательна в этом плане география размещения крепостных, отданных в поместное владение. Они помещались в кольце близких к Москве уездов с целью защиты центра государства. Наделяя землей, считались с происхождением, но особенно рекомендовалось иметь в виду тех, «кто у государя в чести и в услужении был». Особо

⁸ Там же, л. 25.

⁹ ЦГАДА, ф. 1261 (Воронцовых), оп. 13, л. 195.

¹⁰ Я. Е. Водарский. Служилое дворянство в России в конце XVII — начале XVIII в. — «Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX в.» М., 1969, стр. 237.

¹¹ ГИМ ОПИ, ф. 216, ед. хр. 137. Массовыми случаями перехода служилых людей в холопы был вызван указ 1642 г., запрещавший дворянам переходить в холопство.

К ВОПРОСУ О ДВОРЯНСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ В ПОЗДНИЙ ФЕОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Распределение и направление развития феодальной собственности определяло не только «непосредственное отношение господства и порабощения»¹, отношение господина и крестьянина, — в разное историческое время оно характеризовало и положение внутри господствующего класса, с историей которого связано многое в понимании феодальной формации. Особенности формации, темпы и конкретный путь ее исторического развития, эволюцию социальной структуры феодального общества трудно представить вне исторических судеб феодальной земельной собственности.

Усилия исследователей-историков в предшествующее время были почти целиком направлены на изучение крестьянского землепользования, землевладения и хозяйства. Исследовалось и феодальное землевладение, но более всего постольку, поскольку оно являлось условием, средой, где протекала жизнь крепостных. В научных изысканиях о владельческих хозяйствах всегда доминировали проблемы, связанные с историей крестьянства, и лишь немного места отводилось описанию жизни феодального поместья. Из множества владений монографически изучено всего более десятка феодальных хозяйств². К тому же хронологические ограничения большинства изысканий не дают возможности представить хозяйство на всем длительном пути его эволюции. История отдельных представителей господствующего класса в исследованиях почти не увязывалась с эволюцией класса дворян в целом. А между тем раскрытие особенностей становления и развития дворянского феодального землевладения, политики правительства в этом вопросе раскрывает характер качественных экономических сдвигов, происходивших в стране, свидетельствует о роли государства в определении направления развития дворянской земельной собственности. В небольшой статье мы ограничимся приведением некоторых материалов о политике правительства, активно влиявшего на процесс формирования и развития дворянской земельной собственности в период позднего феодализма. Источники по теме извлекались из различных архивных фондов. В ЦГАДА, в фондах дворцовых учреждений, были обнаружены акты о конфискации и пожаловании земель. О размерах конфискованных имений и при-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 353.

² Юсуповых, Шереметевых, Голицыных, Демидовых, Луниных, Воронцовых, Куракиных, Пазухиных, царя Алексея Михайловича, Морозовых, Шахматовых, Строгановых и Дворцовое хозяйство.

чинах их конфискации позволили судить документы специальных фондов — Канцелярии конфискации и Поместного приказа. Сведения о пожаловании земель на территории Белоруссии были обнаружены в фонде Госархива. В бумагах, собранных для графа А. Р. Воронцова (фонд Воронцовых) по истории отдельных дворянских родов, содержались данные о размерах дворянских владений различных исторических периодов. Из Отдела письменных источников Государственного Исторического музея, из фонда исследователя русской генеалогии Леонида Михайловича Савелова использовались родословные книги по губерниям, родословные таблицы, списки поместных дворян, поколенные росписи и данные о дворянских службах, размерах земельных пожалований.

Изучение материалов о землевладении дворян показывает, что право перераспределять земли и наличие таковых в распоряжении русских государей на всем протяжении позднего феодализма являлось могучим фактором, оказывающим влияние как на формирование господствующего класса, так и на характер его политики. Возможно определенно сказать, что рождение, развитие, перераспределение и эволюция в целом дворянского землевладения в России были тесно связаны с судьбой политического и экономического строя. Именно с учетом этих обстоятельств в истории светского землевладения в России с момента образования централизованного государства намечается несколько периодов.

В земельной политике в период становления и развития централизованного государства (XV—XVI вв.) различаются два процесса: обезвреживание оппозиции крупных землевладельцев периода уделов (раздел и передача владений) и одновременно расширение опоры для создаваемого централизованного государства (новые раздачи), создание слоя служилых, зависимых от государя людей (помещиков). Заметно устремление к насаждению среднего и мелкого землевладения. Начиная примерно с конца XV в. удельные князья обязаны были нести государственную службу. И позднее именно занимаемое служебное положение обуславливало размер наделов. Судьба княжеских и боярских владений была в руках московского великого князя. С окончанием удельной самостоятельности далеко не вся княжеская и боярская верхушка сохранила владения в прежних размерах. Ликвидация в XVI в. уделов способствовала увеличению резерва земель в распоряжении великого князя. Этот резерв земель пополнялся также за счет ликвидации опальных владений, исчезавших многих княжеских родов (Курлятевы, Нагге, Ноготковы, Торенские, Алабышевы, Аленкины, Барбашины, Дорогобужские, Кубенские, Ногтевы, Золотые, Серебряные, Пелецкие, Бритые, Бычковы, Голенкины, Голубые, Пужбольские, Хохолковы и др.). Одни были уничтожены, другие сосланы, а земли их конфискованы. В результате опричнины были ликвидированы владения князей Ярославских, Белозерских, Ростовских, Стародубских, Суздальских и др.

в истории дворянского землевладения следует выделить XVII в. Это время, когда удельной знати «на виду» уже почти не существует. В целях консолидации классовых сил и господствующей верхушки заново перераспределяются земли и вновь создается крупная земельная собственность. Для средней прослойки дворян продолжала оставаться норма земельного надела за службу, установленная в середине XVI в. (примерно от 50 до 200 четей в поле). Надел этот снижался, если дворянин уже имел земли в вотчинном владении¹².

Но наряду с этим теперь имели место и мизерные и весьма крупные пожалования. Так, с 1616 по 1636 г., за двадцать лет, правительством были розданы земли 2187 семьям, из них 1824 семьи получили средние наделы от 50 до 200 четей в поле, 294 семьи наделялись малыми наделами от 25 до 70 четей в поле, но 69 семей получили имения от 800 до 1000 четей¹³ в поле, или от 1200 десятин до 1500 десятин в трех полях¹⁴. По распоряжению царя Алексея Михайловича земли «из диких полей» в поместье давались в следующем размере: близким ко двору — боярам, думным дворянам, окольныхчим, думным дякам и служителям двора — отводилось от 500 до 1000 четей в поле, стрельцам и всяких чинов начальным людям от 200 до 300 четей, дворянам городovým — 250 четей, дворянам рядовым по 70 четей в поле и подьячим разных приказов по 60 четей в поле на двор¹⁵. В этой градации не трудно усмотреть тенденцию к отличию и поощрению правительством высших чинов и господствующей верхушки. В XVII в. обогащаются все члены царской фамилии и приближенные ко двору. К концу царствования Алексея Михайловича в результате крупных раздач земель выделяется около 3 тыс. помещичьих фамилий¹⁶. Богатства отдельных представителей этой группы исчислялись в десятках тысяч крестьянских дворов. Среди богачей были и представители старых боярских фамилий, «верно служившие правительству». Теперь правительство действовало смело, расставляя силы для проведения нужного политического курса. Этому немало способствовала определенная степень консолидации сил, подготовленная предшествующим временем. В 1682 г. сжигаются старые родословия, уничтожаются местнические книги, «чтобы они никогда не воспомнялись».

В 1678 г. по указанию царя Федора Алексеевича было приступлено к составлению книги родословий, в которую разрешалось внести все служилые роды, разделив их по степеням¹⁷.

¹² ГИМ ОПИ, ф. 216, ед. хр. 1.

¹³ Четь или четверть = $\frac{1}{2}$ десятины.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 1261, оп. 6, д. 3195.

¹⁵ Там же, лл. 62—64.

¹⁶ *Е. П. Карнович*. Указ. соч., стр. 31, 33—37.

¹⁷ ГИМ ОПИ, ф. 216, ед. хр. 16, л. 96. Это мероприятие удалось завершить только при Екатерине II, в результате учреждения в 1785 г. родословных книг в губерниях.

Особенно откровенно земельные богатства использовались для достижения политических целей в XVIII в. Петр I прямо говорил, что следует «жаловать только за заслуги, а не по знатности»¹⁸. Однако знатностью не пренебрегали, только получали ее при дворе. Реформы Петра шире открыли доступ в дворянство¹⁹. Уже с первого десятилетия XVIII в. число дворянских родов быстро растет за счет людей незнатных или новой знати XVII в.²⁰

Политика Петра I в целом не внесла классовой переориентации в земельный вопрос, в ней только более резко определялись принципы: от дворянства, особенно его верхушки, требовалось понимание политики самодержавия и ревностное ей служение. Петр I, как и его предшественники, пополнял состав господствующего класса простолюдинами, но делал это исключительно целенаправленно. Земельные раздачи, производство в дворянское звание преданных двору и его политике людей происходили одновременно с изоляцией и обезземеливанием лиц, возглавлявших прежний приказной аппарат и противившихся административному переустройству, саботировавших государственную службу, оппозиционно настроенных к петровским преобразованиям.

В целях консолидации класса дворян правительство Петра I осуществило важнейшую акцию, уравнив условия наследственного и служебного пользования землей, слив в марте 1714 г. воедино институт поместий и вотчин²¹. К 1730-м годам землевладение различных форм ставилось в зависимость от воли правительства²². С времени Петра за службу при дворе начали получать дворянские звания и поместья представители господствующих классов Молдавии и Валахии. Так среди дворян — владельцев поместий оказались Кантемир Абаза, Бантыш-Каменский, Милорадович, Куликовский и др.

За службу в пехотных и кавалерийских полках при Петре получили поместья 34 иностранных полковника²³ и т. д.

Последующее время, так называемое время дворцовых переворотов, выилось наглядным доказательством использования земельных богатств в целях создания желаемых при дворах ситуаций и проведения политических курсов.

31 декабря 1741 г. имп. Елизавета Петровна возвела в дворянство с наделением землей гвардейскую роту Преображенского полка в составе 364 человек, оказавшую ей поддержку при занятии престола. Так начались родословия князей и графов Воронцо-

¹⁸ Там же, ед. хр. 204.

¹⁹ С. М. Троцкий. К проблеме консолидации дворянства России в XVIII в. — «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», сб. VIII. М., 1974, стр. 128—151.

²⁰ ГИМ ОПИ, ф. 216, ед. хр. 105, 107.

²¹ ПСЗ, т. V, № 2789.

²² ПСЗ, т. VIII, № 5653.

²³ ГИМ ОПИ, ф. 216, ед. хр. 16, лл. 21—28.

вых, Шуваловых, Храповицких, Охметьевых, Картавцевых, Слепцовых и др.²⁴

Огромные земельные запасы, составляющие государственный фонд, на протяжении всего периода позднего феодализма служили государству.

В России представители господствующего класса, справедливо подчеркивал Карнович, целиком зависели от государей. Если в Венгрии, Англии или во Франции отдельные феодалы «были гораздо богаче своих королей», то у нас богатство добывали при дворе²⁵. В условиях, когда государи вплоть до конца XVIII в. не делали различий между своими вотчинными землями и землями государственными, возможности были огромные.

Государству, по данным первых трех ревизий, принадлежало соответственно 19, 39, 40% крестьян от общей массы крестьянского населения России. В абсолютных цифрах это составляло по I ревизии 1049 тыс. душ м. п., по II ревизии — 2552 тыс. и по III — 2914 тыс.²⁶ Количество государственных земель умножилось на протяжении XVIII в. за счет присоединения новых территорий к границам русской империи (Эстляндия, Лифляндия, Литва, Белоруссия, Правобережная Украина и др.).

Немаловажный резерв для новых пожалований угодных лиц составляли земли, отошедшие к государю в результате конфискации, для чего в стране было организовано специальное учреждение — Канцелярия конфискации.

«За проступки земли отписывались на государя», но было незаконным представителю господствующего класса — дворянину «слезно» и «рабски» попросить землю во владение у государя в знак благоволения²⁷. На основании материалов дворцового фонда нам удалось составить примерный список пожалованной земель, имевших место в первой половине XVIII в. По далеко не полным данным за 50 лет более 80 лиц получили земельные владения из рук государей (Прилож. 1), не считая монастырей и лиц царской семьи.

Основная масса земель была роздана в три периода: с 1700 по 1715 г. — 12 662 двора; с 1728 по 1732 г. — 19 955; с 1742 по 1744 г. — 21 297 дворов.

Все личные пожалования за это время составляли 53 914 дворов из общего числа розданных в первой половине XVIII в. 57 000 дворов.

Прежде всего видны пожалования, произведенные Петром I таким лицам, как адмиралы Ф. А. Головин, Ф. М. Апраксин, полковник, а затем генерал М. М. Голицын, фельдмаршал

²⁴ ГИМ ОПИ, ф. 216, ед. хр. 17, л. 29.

²⁵ Е. П. Карнович. Указ. соч., стр. 9.

²⁶ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I. М.—Л., 1946, стр. 45.

²⁷ Е. П. Карнович. Указ. соч., стр. 11.

Б. П. Шереметев, граф Г. И. Головин, генералы Н. И. Репнин и Я. В. Брюс, обер-комиссар У. Сеявин и др. Список раздач петровского времени убеждает нас в том, что политика наделения землей преследовала цель создания опорной группировки возле престола с ориентацией на преданных и приближенных лиц.

Второй период раздач — время Петра II и Анны Иоанновны. И здесь в списках лиц, получивших крупные пожалования, — приближенные и доверенные люди: А. Лопухин, генералы М. Матюшкин, Г. Юсупов, князя Гагарина, поручик П. Салтыков и др.

В третьем периоде раздач явно означено время царствования Елизаветы Петровны. Здесь имели место новые пожалования и возврат доли ранее конфискованных имений Долгоруким, Голицыным, Волинским, Толстым, Корчминым, Апраксиным и др. Заметны пожалования лейб-компанцам и приближенным Ф. Дубенскому, Г. Левенвольду, и др.

Анализ документов показывает, что раздачи населенных имений производились за счет государственного резерва, но более всего за счет перераспределения собственности (у одних имения отписывались, другим жаловались).

Из общего числа 170 986 душ, розданных в первой половине XVIII в., только 23 748 душ были выделены из государственного фонда, остальные поступили из конфискованных имений²⁸. Во второй половине XVIII в. земельные пожалования в политических целях продолжаются. Правительство видит опору в крупном землевладении и в консолидации класса дворян в целом, в то же время оно преднамеренно включает в число дворянских верхов торгово-промышленную верхушку. Екатерина II за период царствования «раздала в имения» более 800 тыс. душ. Здесь на первом плане знать, выступавшая как опорная политическая группировка, — Барятинские, Завадовские, Сиверсы, Елагины, Похвисневы, Голицыны, Еропкины, Хитрово, Прозоровские, Корфы и др. Среди пожалованных — фавориты Орловы, Разумовские, Зоричи, Храповицкие, Румянцев, Потемкин, Панины, Бобринские и др.²⁹

В списках лиц, получивших пожалованные имения в екатерининское время, мы находим людей незнатного происхождения, которым одновременно присваивались и дворянские титулы (Волковы, Евреиновы, Фредерикс-Казмины и др.).

Пожалования с целью приближения ко двору имели место и при последующих императорах: Павле, Александре I и Николае I (хотя жаловать земель в 1807 г. было официально запрещено). Число таких пожалований в первой половине XIX в. было, однако, незначительным.

Надобность в подобных мерах со временем отпадала. Завершение становления абсолютистской монархии сделало определен-

²⁸ ЦГАДА, ф. Дворцовый отдел (далее — ДО), оп. 1, д. 14.

²⁹ ЦГАДА, Госархив, Разряд XII, д. 216, лл. 70—82.

ной и устойчивой политику, в том числе земельную, в сфере отношений государства с господствующим классом.

Консолидация сняла угрозу политической оппозиции крупного дворянства правительству (к тому же правительство пользовалось такой мерой, как конфискация земель, или «отписка на государя»). В первую очередь под постоянной угрозой подвергнуться такой акции находилось поместное землевладение, ибо условием его держания была «исправная служба». Но жизненная практика показывает, что по политическим мотивам разорялись и крупные вотчинные владения. Так, говоря о России времени царя Алексея Михайловича, Котошихин отметил, что уже во второй половине XVII в. «прежние большие роды князей и бояр многие без остатку миновались»³⁰.

За первую половину XVIII в. были ослаблены отпиской или вовсе ликвидированы по далеко не полным данным 128 владений (Прилож. 2). Количество отписанных на государя имений намного превышало число пожалований.

Только у восьми владельцев средней России — у А. В. Кикина (24 тыс. душ), А. Д. Меншикова (28 тыс. душ), у Долгоруких (25 тыс. душ), Шафировых (20 тыс. душ), Лопухиных (34 тыс. душ), Мусина-Пушкина (14 тыс. душ), Д. Голицына (20 тыс. душ) и у Лутовского (10 тыс. душ) — в первой половине XVIII в. было описано 175 тыс. душ. Незначительная доля родовых богатств в последующее после отписки время при новых политических ситуациях была возвращена потомкам пострадавших. Причины конфискации имений были самые различные. Среди главных следует назвать нежелание нести служебные обязанности представителями старой боярско-дворянской и приказно-чиновничьей аристократии. Затем большое значение имела династическая борьба. В результате были ослаблены или ликвидированы имения Годуновых, Шуйских, Лопухиных, Стрешневых, Нарышкиных и др. Борьба с оппозицией (дело царевича Алексея, дело Волынского) имела следствием также ликвидацию владений. Поводом для ликвидации собственности была принадлежность к расколу, злоупотребления по службе, казнокрадство, неисправность по подрядам и т. п. В результате за XVIII в. оскудело около 70 родовых имений (Прилож. 3).

Хотя конфискация имений без суда указом от 11 апреля 1785 г. с изданием Грамоты дворянству была отменена, при Павле I имения неугодных ему лиц все же подвергались конфискации (владения Александра и Семена Воронцовых, Платона Зубова и др.). В XIX в. в отдельных случаях, особенно связанных с политической оппозицией, имения конфисковывались также (у декабристов).

³⁰ Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906, стр. 18, 23, 62—63.

В то же время, с конца XVII и в течение XVIII столетия, из людей «недорословных» по далеко не полным данным получили имения, звания и титулы более 40 фамилий (только по центральной России, не считая Украины и Прибалтики. См. Прилож. 4).

Так называемые «неродословные» новые дворяне были главным образом представителями торгово-промышленных верхов, что являлось объективным отражением сущности социально-экономического развития в условиях крепостного режима.

Непрерывное перераспределение земельной собственности, наблюдаемые на протяжении периода позднего феодализма конфискации и пожалования земель были результатом становления и консолидации господствующего класса. Это во многом способствовало обновлению этого класса, приспособлению его к условиям исторического развития в рамках феодализма³¹.

Вместе с тем, перегруппировка сил внутри господствующего класса удлиняла живучесть феодального класса в целом, консервируя феодально-крепостнический режим, хотя новое дворянство уже не было похоже на владельцев времен удельной поры.

Об эволюции в направлении консолидации классовых сил говорят и такие меры по отношению к крупному землевладению, как слияние поместий и вотчин, а также действие института майоратов. В начале XVIII в. правительством определена была еще одна мера, способствовавшая сохранению и упрочению крупной земельной собственности. 18-марта 1714 г. был издан указ о майоратном наследовании имений. В нем подчеркивалось, что «разделение имений... великий есть вред в государстве нашем как интересам государственным, так и подданным. И самим фамилиям падение»³².

Этот указ, помимо предотвращения дробления имений, имел цель установить и большую зависимость имения от государя, заставить других наследников обращаться к государственной службе. Один владелец крупного имения был более подконтролен. Конфискация могла ликвидировать крупное владение целиком, тогда как при делимости самостоятельность приобретали части имений. Анна Иоанновна 17 марта 1731 г. в угоду дворянству отменила указ Петра о единонаследии³³.

Майораты разрешалось устанавливать только для отдельных имений и по просьбе самих владельцев. Все с той же целью контроля над имениями майораты существовали в Западном крае. Новые попытки противостоять дроблению имений были предприняты затем в XIX в.

³¹ А. А. Преображенский. Структура земельной собственности в России XVII—XVIII вв.— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966». Таллин, 1971.

³² ПСЗ, т. V, № 2789. См. также: Е. П. Карнович. Указ. соч., стр. 38.

³³ ПСЗ, т. VIII, № 5653.

Несмотря на то, что во второй половине XVIII в. правительством будет проведен целый ряд мер, расширяющих и закрепляющих права дворянского привилегированного сословия, правительство оставит за собой фактическое право перераспределять землю — этот могучий фактор его влияния на судьбы господствующего класса³⁴. Но правительству не удастся замкнуть дворянское сословие и удержать крупную земельную собственность исключительно в руках дворянских представителей. Так, уже в первой половине XIX в. к так называемым «неродословным» дворянам (чьи родословия начинаются с конца XVII—XVIII в.) перейдет в центре России 62% поместных земель и только 38% владений будет удерживать старое дворянство³⁵.

Приведенные данные, хотя и далеко не многочисленные, должны обратить внимание исследователей на особенности политики самодержавия в период позднего феодализма — широкое использование земельных богатств в целях собственного укрепления и консолидации класса дворян, активное вмешательство в процесс формирования дворянской земельной собственности.

Не переоценивая самостоятельности самодержавия, особенно в период его становления, следует заметить, что оно умело использовало свои феодальные права во взаимоотношениях с классом, волю которого оно само выполняло.

---

³⁴ В. Якушкин. Очерки по истории русской поземельной политики XVIII и XIX вв. Вып. I. XVIII в. М., 1890.

³⁵ Л. П. Минарик. Происхождение и состав земельных владений крупнейших помещиков России конца XIX — начала XX в.— «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», сб. VI. М., 1965, стр. 357—395.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Список лиц, получивших земельные пожалования в первой половине XVIII в. *

№ п/п	Фамилия	Годы пожалования	Было отписано на государя, год
1	Ф. А. Головин, адмирал	1700	1733
2	Г. И. Головкин, граф	1706, 1710, 1729	У сына в 1745
3	Ф. М. Апраксин, адмирал	1701	1732—1733
4	А. Иванов, дьяк	1703, 1704	
5	Д. Карпов, полковник	1703	
6	М. М. Голицын, кн.	1703, 1708, 1728	
7	К. Патрикеев, окольный	1708	
8	М. Олсуфьев, стряпчий	1708	1733
9	Б. П. Шереметев, фельдмаршал	1703	
10	Н. И. Репнин, кн.	1797	
11	П. А. Толстой, стольник	1707	
12	У. Сиявский, обер-комиссар	1707	
13	Н. М. Зотов, думный дьяк, печатник	1708	
14	Я. В. Брюс, кн.	1708, 1710, 1722	
15	Н. В. Полонский, генерал	1709	
16	Н. Глебовский, майор	1710	
17	А. Борзов, поручик	1710	
18	П. И. Мусин-Пушкин, тайный советник, граф	1710	1740
19	Стельс, англичанин	1710	
20	С. Лопухин	1719	
21	Р. Кочелев, штальмейстер	1720	
22	С. Стрешнева	1721	
23	И. И. Мамонов (Дмитриев), генерал	1723	
24	Голицыны, князя	1725	
25	С. Маврин, камер-юнкер	1725	
26	Д. А. Шепелев, гофмаршал	1725	
27	Шушерин, канцелярист	1725	
28	Г. И. Левенвольд, гофмейстер	1725	
29	И. Полев, камергер	1727	
30	Ф. Наумов, действительный тайный советник	1727	
31	С. Чичерин, капитан	1727	
32	Ф. Каменский, камер-юнкер	1727, 1729	
33	Лопухины	1728	
34	Бем, служитель двора	1728	

Продолжение

№ п/п	Фамилия	Годы пожалования	Было отписано на государя, год
35	А. Лопухин, граф	1728	
36	И. Спешнев, офицер лейб-гвардии	1736	
37	Колокольцев, капитан Преображенского полка	1728	
38	Л. Милославский	1729	
39	М. А. Матюшкин, генерал	1729, 1731	
40	Г. Д. Юсупов, генерал, кн.	1729, 1731	1718
41	В. Я. Левашев, генерал	1729	
42	П. Мошков, интендант	1730	
43	А. М. Гагарин, кн.	1730	
44	Гагарины, князя	1730, 1731	1721
45	И. Постников, капитан лейб-гвардии	1730	
46	Ягужинский, генерал	1730	
47	П. И. Салтыков, лейб-гвардии поручик	1730	
48	К. Чертков	1730	
49	А. И. Ушаков, начальник тайной канцелярии	1730	
50	Нарышкин, генерал	1731	
51	С. А. Салтыков, генерал	1731	
52	С. Семенов, секретарь Коллегии Иностранных дел	1731	
53	В. В. Долгорукий, генерал-фельдмаршал	1742	1731
54	Дети А. П. Волинского	1742	
55	А. Д. Голицын, сенатор	1742	
56	Г. М. Голицын, кн.	1742	
57	С. Апраксин, генерал-фельдмаршал	1742	
58	А. П. Ганнибал, генерал	1742	
59	Жена В. Л. Долгорукого	1742	
60	М. П. Долгорукая с детьми, жена А. Г. Долгорукого	1742	
61	Жена А. Хрущева	1742	
62	А. Еропкин, советник	1742	
63	Жена И. Долгорукого	1742	
64	Ю. Долгорукий, кн.	1742	
65	Жена В. Корчмина	1742	
66	А. Аргамаков, капитан	1742	
67	Вдова Толстого с детьми	1742	
68	Г. Кофтарев, майор	1742	
69	А. Севергин, секретарь	1742	
70	И. Мягков, лейб-гвардии капитан	1742	
71	И. Салтыков, генерал-полицейстер	1742	

Окончание

№ п/п	Фамилия	Годы пожалования	Было отписано на государя
72	М. И. Воронцов, поручик	1743	
73	А. М. Дивьер, генерал	1744	
74	Вдова Е. Небольсина	1744	
75	И. А. Черкасов, барон	1744	
76	Жена капитана А. Гринькова	1744	
77	С. Татищев, капитан флота	1744	
78	Вдова А. Кайсарова с детьми	1744	1736
79	Ф. Я. Дубянский, духовник имп. Елизаветы	1744	
80	А. Миллер, майор	1746	
81	А. П. Бестужев-Рюмин	1749	1742

* ЦГАДА, ф. ДО, оп. 1, д. 1, 7; оп. 52, д. 1538; оп. 10, д. 30578; оп. 6, д. 35985; Е. И. Илдова. Дворцовое хозяйство в России (первая половина XVIII в.). М., 1964.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Список владельцев, имения которых были «отписаны на государя» в первой половине XVIII в.

	Фамилия	Годы отписки	Причины
1	Ф. П. Полуехтов, стольник	1701	За нерадение по службе
2	В. Н. Татаринов, стольник	1702	То же
3	М. Тихомиров, дьяк Поместного приказа	1703	» »
4	Г. В. Бегичев	1704	За неявку к служебной регистрации
5	А. В. Биркин, воевода нарымский, стольник	1704	За то, что «не хотят ему, великому государю, служить и притворствуют»
6	А. А. Домогацкий, стольник	1705	За несостоятельное поручительство
7	И. В. Кожин, стольник комиссии Московского Надворного суда	1705	За нежелание служить государю
8	Н. Г. Колычев, боярин	1705	За расхищение казны Воронежской губ.
9	С. М. Головин	1705	За нерадение и проступки
10	Л. И. Шишков, стольник, дворянин	1705	За неподчинение Приказу Военных дел
11	Л. Е. Мышецкий, кн.	1705	То же
12	Д. Е. Саймонов	1705	» »
13	И. П. Мольяшинов, московский дворянин	1705	За нарушение по службе
14	И. И. Коноплянин, прапорщик	1705	То же

Продолжение

	Фамилия	Годы отписки	Причины
15	И. В. Ерошкин, стольник царицы Прасковьи Федоровны	1706	За нарушение по службе
16	И. М. Квашнин-Самарин, стольник	1706	То же
17	Д. Н. Елизаров, стольник	1706	» »
18	А. М. Вельяминов-Зернов, офицер из рода Сабуровых	1706	За уклонение от государственной службы
19	М. Г. Плещеев, офицер, стольник царицы Прасковьи Федоровны	1706	То же
20	Е. Д. Кутузов, офицер, стряпчий	1706	» »
21	И. П. и Д. П. Обольяниновы, бояре, фискалы Курской провинции	1707	За провинности по службе
22	И. П. Похвиснев, боярин	1707	То же
23	Ф. А. Небольсин, боярин	1707	» »
24	Д. Ф. Панютин, боярин	1707	» »
25	И. А. Ватбольский, боярин, стольник царицы Прасковьи Федоровны	1707	За нежелание служить царю
26	Д. Д. Рагозин, дворянин	1707	То же
27	А. И. Викторов, дворянин	1707	» »
28	И. Г. Бибиков, дворянин	1707	«За то, что по указу в Разряд не приходил»
29	С. Е. Гринев, дворянин	1707	За уклонение от несения царской службы
30	Г. А. Михнев, полковник	1707	За долги и «неверные купчие»
31	М. А. Кологривов, дворянин	1707	За уклонение от службы
32	Г. Б. Засецкий, боярин	1707	За неявку к регистрации по службе
33	Ф. В. Кабанов, стряпчий	1707	За слушание по службе
34	С. И. Крюков	1707	То же
35	С. В. Мольянинов, дворянин	1707	» »
36	В. Р. Воейков, стольник царицы Натальи Кирилловны	1708	» »
37	Б. Ф. Мещерский, воевода, кн.	1708	За неявку в нужный срок в Москву: «сидел у себя в вотчине»
38	Б. Ф. Суворов, стольник	1709	«За слушание»
39	А. С. Жданов, капитан	1709	То же
40	Л. С. Шеншин, стольник	1711	За злоупотребления при межевании Тарусского у.
41	В. С. Наумов, стольник, костромской комендант	1711	За взятки с подьячих
42	Н. П. Ивашкин, прапорщик	1711	За участие в разбоях и ограблениях
43	Н. Г. Ржевский, стольник царицы Прасковьи Федоровны, полоцкий комендант	1714	За злоупотребления властью: «в Ригу пропускал суда для неприятеля»

	Фамилия	Годы отписки	Причины
44	В. А. Апухтин, стольник, сенатор	1715	За злоупотребления по управлению Денежной палатой
45	Г. И. Волконский, стольник, сенатор, кн.	1715	За казнокрадство
46	Ф. Я. Познышев, шатерничий	1715	За растраты по Шатерной палате
47	Ф. П. Цыганов	1715	За «перадивую службу»
48	Б. А. Чаплыгин, наборщик рекрутов	1716	За взятки рекрутских денег
49	Ф. П. Павлов, наборщик рекрутов	1716	
50	К. А. Пестов, наборщик рекрутов	1716	
51	Ф. К. Красный, прапорщик	1716	За злоупотребления по службе
52	Ф. Н. Микулин	1716	То же
53	Ф. П. Дубровский, стольник	1718	За участие в деле царевича Алексея
54	А. Ф. Лопухин, брат царицы Евдокии	1718	То же
55	К. П. Матюшкин, стольник Ивана Алексеевича	1718	» »
56	Василий Алексеевич, сибирский царевич	1718	» »
57	И. П. Лопухин, двоюродный брат царицы Евдокии	1718	» »
58	А. В. Кикин, денщик царя Петра I	1718	» »
59	Д. Н. Елизаров, стольник царицы Прасковьи Федоровны	1718	» »
60	М. В. Еропкин, стольник царицы Прасковьи Федоровны	1718	» »
61	Я. И. Лопухин, внучатый племянник царицы Евдокии Федоровны, комиссар Ревеля	1719	За подложные подряды
62	Т. А. Зеленый, военный	1719	За невыполнение подряда
63	В. У. Огарев, дворянин	1719	То же
64	В. Р. Воейков, стольник царицы Натальи Кирилловны	1719	За «неисправность по службе»
65	А. Я. Михнев, полковник	1720	За «нежелание встать на государственную службу»
66	В. И. Гагарин, вице-президент нижегородского суда, кн.	1721	«За непробывание к делам»
67	М. П. Гагарин, стольник, губернатор Сибири, кн.	1721	За казнокрадство и участие в деле царевича Алексея
68	П. П. Шафиров, барон	1722	За нарушение царских указов
69	Сукин	1722	За маклерство в поставках
70	В. П. Зиновьев, стольник, болховский воевода	1723	За невыполнение служебных указов

Продолжение

	Фамилия	Годы отписки	Причины
71	И. В. Отяев, прокурор, стольник царицы Прасковьи Федоровны	1723	«За неявку на сыск»
72	В. Нестеров, дьяк, блюститель казны	1723	За растрату 300 тыс. казенных денег
73	Г. И. Грибоедов, стольник царицы Евдокии Федоровны, майор	1723	За непоставку пеньки в Фигу
74	Я. Н. Астафьев, прапорщик Петербургского полка	1723	За невъезд к месту работы в Устюжскую провинцию
75	И. Р. Лосев, дьяк	1723	За взятки при межевании города Почепа
76	Ф. С. Хрущев, стряпчий	1723	«За нерадение по службе»
77	Е. И. Хомяков	1723	То же
78	М. С. Беляев, секретарь Монастырского приказа	1723	» »
79	Дьяк А. Г. Ратманов	1723	За злоупотребление при производстве переписи в Сибири
80	Обер-прокурор Г. Г. Скорняков-Писарев	1723	За участие в деле А. Д. Меншикова
81	Касимовичский царевич	1723	
82	Е. Е. Радионов, дворянин	1723	За невыполнение подрядов
83	В. Ф. Стремоухов, стольник, обер-президент Надворного суда	1723	«За нерадивую службу»
84	И. К. Пушкин, И. С. Пупкин, стольники царицы Прасковьи Федоровны	1723	За невыполнение подряда и по обвинению в фальшивомонетных операциях
85	И. Н. Хитрово, стольник царицы Прасковьи Федоровны	1723	За невыполнение подрядов
86	Д. Хитрово, царедворец	1723	«За ненадежность царской службе»
87	И. С. Сазонов, вице-президент Надворного суда	1723	То же
88	В. П. Зиновьев, стольник, воевода Елецкой провинции	1723	За неисправность по службе
89	С. Е. Пашков, стольник, комиссар	1724	За фальшивые подряды и казнокрадство
90	И. С. Клементьев, канцелярист	1724	За утайку пошлинных денег
91	С. О. Пожогин, майор	1724	За служебную неисправность
92	Т. Г. Большев, боярин	1725	За нежелание нести казенную службу и неявку к месту службы
93	В. И. Дуров, боярин	1725	То же
94	П. М. Кузнев, боярин	1725	» »
95	Е. Л. Мясоедов, дворянин	1725	» »
96	И. В. Кожин, стольник, обер-комиссар Надворного суда, углицкий воевода	1727	За политическую оппозицию
97	А. Д. Меншиков	1728	За обогащение и казнокрадство

Окончание

	Фамилия	Годы отписки	Причины
98	Царица Евдокия Федоровна Лопухина (первая жена Петра I)	1734	За обогащение и казнокрадство
99	И. Л. Блюментрост, придворный архитектор	1734	То же
100	В. Л. Долгорукий, сенатор	1734	» »
101	А. Г. Долгорукий, гофмейстер	1732	» »
102	Ф. М. Апраксин, генерал-адмирал	1732	» »
103	Фирек, домен-советник	1732	» »
104	М. Олсуфьев, стряпчий	1732	» »
105	В. Корчмин, генерал-майор	1733	» »
106	Ф. А. Головин, адмирал	1733	» »
107	И. Карташев, шацкий воевода	1733	» »
108	А. Г. Долгорукий, гофмейстер	1735	» »
109	А. Кайсаров, канцелярист	1736	» »
110	А. Писарев, канцелярист	1736	» »
111	Сибилев, канцелярист	1736	» »
112	Феофан, новгородский архиепископ	1736	» »
113	И. Лутовский, полковник	1740	» »
114	П. И. Мусин-Пушкин, граф	1740	» »
115	Гагемейстер, советник	1741	» »
116	Жена Бестужева-Рюмина	1742	» »
117	С. Бурдюков, стольник	1742	» »
118	Б. Страхов, прапорщик	1743	» »
119	Ялговня, царский лекарь	1743	» »
120	У. Шипкин, полковник	1744	» »
121	М. Г. Головкин, граф	1745	» »
122	С. Быковский, стряпчий	1748	» »
123	С. Семенов, секретарь	1748	За нежелание нести царскую службу
124	Козловский, стряпчий	1751	То же
125	Ф. Лебедев, секретарь	1753	» »
126	А. Кормчин, капитан	1753	» »
127	Д. Молчанов, комиссар Мануфактур-коллегии	1754	» »
128	К. Д. Кантемир, кн.	1755	» »

* ЦГАДА, ф. ДО, оп. 303, л. 51925, 51926; оп. 3, д. 33252; оп. 10, д. 306806, 32956.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Список крупной титулованной знати, оскудевшей в конце XVII—XVIII в.*

1. Воротыньские — княжеский род прекратился в 1679 г.
2. Трубецкие — в середине XVIII в. имения перешли к Твердишевым, Мясниковым, Головкиным, Румянцевым.
3. Черкасские — имения конфискованы.
4. Хованские — в 1682 г. имения конфискованы за принадлежность к расколу.
5. Морозовы — то же.
6. Одоевские — разорились к 1758 г.
7. Пронские — к середине XVIII в. род пресекается.
8. Шейнины — имения конфискованы.
9. Салтыковы — истощились на роскоши.
10. Репнины — имения конфискованы.
11. Прозоровские — имения конфискованы за принадлежность к расколу.
12. Буйносовы — то же.
13. Хилковы — то же.
14. Урусовы — род пресекается в конце XVII в.
15. Бутурлины — имения конфискованы.
16. Ромодановские — род пресекается в 1730 г.; имения перешли в казну и частично к Головиным.
17. Пожарские — имения конфискованы.
18. Лобановы-Ростовские — то же.
19. Стрешневы — род пресекается в 1802 г.; часть имений перешла к Глебовым.
20. Милославские — истощились в результате династической борьбы; в 1791 г. род пресекается.
21. Сукины — имения конфискованы за взятки.
22. Измайловы — род пресекается к середине XVIII в.
23. Плещеевы — имения конфискованы.
24. Львовы — то же.
25. Пушкины — то же.
26. Еропкины — то же.
27. Апраксины — имения конфискованы; разорились к середине XVIII в.
28. Волынские — имения конфискованы.
29. Толстые — то же.
30. Лопухины — имения конфискованы в результате династической борьбы.
31. Колычевы — имения конфискованы в 1722 г.
32. Олсуфьевы — имения конфискованы.
33. Вяземские — род пресекается в середине XVIII в.
34. Белосельские — то же.
35. Ласкировы — обедняли в конце XVII в.

33. Мышецкие — имения конфискованы за деятельное участие в расколе 1682 г.
37. Меншиковы — имения конфискованы и возвращены частично.
38. Кикины — имения конфискованы.
39. Вадбольские — род пресекался в конце XVIII в.
40. Лыковы — то же.
41. Пронские — то же.
42. Матвеевы — прямой род в 1734 г. пресекался; имения перешли к Шепелевым, Румянцевым.
43. Ордин-Нащекины — в 1680 г. род пресекался.
44. Головкины — имения конфискованы в результате политической борьбы при дворе.
45. Гагарины — то же.
46. Своеземцевы — самый богатый род в XV—XVI вв.; пресекался в конце XVII в.
47. Годуновы — в результате династической борьбы род пресекался в 1669 г.
48. Шуйские — то же.
49. Сицкие — то же.
50. Мстиславские — имения конфискованы.
51. Долобовы — то же.
52. Бестужев-Рюмин — имения конфискованы.
53. Шафировы — то же.
54. Кольцовы-Мосальские — то же.
55. Долгорукие — то же.
56. Лестокп — то же.
57. Девиер — то же.
58. Нарышкины — род пресекался в результате династической борьбы.
59. Головины — имения конфискованы.
60. Прозоровские — род пресекался в 1809 г.; имения частично перешли к Голицыным.
61. Гагарины — род оскудел в результате конфискации имений; в 1704 г. остатки имений отданы денщику Петра I Папкову.
62. Мусины-Пушкины — имения конфискованы; в 1820 г. род пресекался; оставшиеся имения перешли к Пассекам и Кантемирам.
63. Чернышевы — имения конфискованы за участие в политических оппозициях.
64. Остерманы — то же.
65. Долгоруковы — имения конфискованы, вернулись лишь частично.

* ГИМ ОПИ, ф. 216, ед. хр. 115—117, 162—169.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Список «людей неродословных»,
получивших дворянские звания и титулы в конце XVII—XVIII в. *

1. Демидовы — заводчики, в прошлом мастеровые люди.
2. Баташевы — заводчики, в прошлом мастеровые люди, откупщики.
3. Устиновы — откупщики.
4. Рюмины — то же.
5. Гончаровы — фабриканты, калужские мещане.
6. Туликовы — фабриканты, торговые крестьяне.
7. Соловьевы — архангельские купцы.
8. Роговиковы — то же.
9. Строгановы — торговые «именитые люди».
10. Абмелек-
Лазаревы — купцы.
11. Пашков — коных имп. Петра I.
12. Мясниковы — заводчики.
13. Яковлевы — откупщики.
14. Орловы-
Денисовы — то же.
15. Майзей — то же.
16. Поповы — то же.
17. Базилевские — то же.
18. Зотовы — служилые люди.
19. Каменские — откупщики.
20. Лучинины — тульские купцы.
21. Мальцевы — мастеровые Тульских оружейных заводов.
22. Нечаевы — то же.
23. Зубовы — служилые люди.
24. Рибопьеры — служащие личной канцелярии Г. Потемкина.
25. Бобринские — то же.
26. Рукавишниковы — купцы.
27. Лукины — подрядчики-откупщики.
28. Шемякины — то же.
29. Кадалинцевы — то же.
30. Хлюстины — то же.
31. Походяшины — то же.
32. Логиновы — то же.
33. Фредерикс — банкир имп. Екатерины II.
34. Курочкины — купцы.
35. Твердышевы — купцы-заводчики.
36. Скавронские — ямщики, обслуживающие дорогу Петербург — Рига.
37. Дубянские — духовные служители при имп. Елизавете.
38. Волковы — придворные служилые люди.
39. Евреиновы — придворные купцы.
40. Варенцовы — купцы.

* ГИМ, ОПИ, ф. 216, ед. хр. 115—117, 137, 162, 168, 204; Л. П. Минарик, Указ. соч., стр. 1—32.

Список не содержит данных по Украине и Прибалтике, где число заново титулованных было также значительным.

В. Н. Шумилов

ДЕЛО ЗЕМСКОГО СОБОРА 1639 Г.

Публикуемое дело Земского собора 1639 г. принадлежит к важнейшим источникам по истории земских соборов Русского государства и русско-крымских отношений в 30-х годах XVII в. Соборная сессия проходила в Москве в «столовой избе» царского дворца в период между 7 и 26 июля 1639 г. На соборе присутствовали представители высшего духовенства, думных чинов, столичных и городских дворян, гостей и торговых людей гостинной и суконной сотен. Главный вопрос, обсуждавшийся на соборе, касался насилий в Крыму над московскими послами И. Фустовым и И. Ломакиным и ответных действиях русского правительства*.

Издаваемое дело Земского собора 1639 г. состоит из двух частей — соборного делопроизводства (лл. 1—31) и дела Посольского приказа о переговорах бояр кн. А. В. Хилкова с товарищами 30 июля 1639 г. с крымским послом Белекшей-агой и гонцами Осан-аталыком и Осман Чилибеем по вопросу, обсуждавшемуся на Земском соборе (лл. 32—90).

Мнений думных чинов столичных и городских дворян в соборном деле не сохранилось. Все документы соборного делопроизводства за исключением приговора Боярской думы от 7 июля 1639 г. о созыве Земского собора публикуются впервые. Не публикуется также хранящееся отдельно мнение высшего духовенства, поданное на Земском соборе, уже ранее опубликованное В. И. Ломанским.

1639 г. июля между 7 и 26.— *Дело Земского собора по поводу насилий в Крыму над московскими посланниками И. Фустовым и И. Ломакиным.*

№ 1

1639 г. июля 7.— Приговор Боярской думы о созыве Земского собора.

И 147-го июля в 7 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу бояре сего крымского дела слушали и поговорили, чтоб те все крымского царя

* См. об этом: А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.—Л., 1948, стр. 272—276.

и калгины и нурадиновы¹ неправды, выписав по статьям, и объявити, учиня собор, патриарху и митрополитом, и архиепископом, и черным властем, и всего Московского государства всяких чинов людем, чтоб всяким людем было ведомо, какие неправды в Кърыме и какое мученье и правежи государевым посланником и всяким государевым людем делают, да что на соборе поговорят, и то все записать.

А после того велеть быти крымским послом и гонцом, прежним и новым, у бояр, у ково государь укажет, и выговорить им те все неправды || с великим шумом, какое злое мученье и грабеж и позор в Кърыме государевым посланником и всем государевым людем чинитца мимо договору и царевы и калгины и нурадиновы шерти², чего николи так не бывало. Да царь ж и калга и нурадын в своих грамотах пишут к царскому величеству не по пригожу, велят делать по своему повеленью, и казну присылать многую мимо своей шерти. А великий государь наш, его царское величество, х крымскому царю и х калге и к нурадыну посылает свои царские поминки, а к их ближним людем свое царское жалованье перед прежним с прибавкою для царевы братцкие дружбы и любви по своему царскому изволенью, а не по || крымского царя и калгину и нурадынову повеленью, а с повеленьем к великому государю, к его царскому величеству, все великие окрестные государи ни о каких делах не пишут. И царь крымской и калга и нурадын, забыв свою правду, на чом шертовали, ныне в Кърыме чинят над государевыми посланники всякой позор и мученье, да и в своих грамотах объявили правежи и утеснение, и гонцы их Асан-аталык³ с товарищи в Посольском приказе про то мученье сказывали.

И только б царское величество ведал то, что царь и калга и нурадын писали в своих грамотах многне непристойные слова и о мученье государевых людей, и гонцом было ево, Асану-аталыку с товарищи, непригоже царских очей видеть. И довелися || они, послы и гонцы, сами таково ж мученья и позору, что над государевыми людьми в Кърыме делают, потому что в цареве шертной грамоте написано то имянно, — которое дурно учинитца государевым людем в Кърыме, и над царевыми людьми на Москве то ж учинить. И по ся места им за такие злые неправды и мученья никаково дурна не учинено.

А ныне к царскому величеству приходили всего Московского государства всяких чинов люди, слыша такие злые неправды, что делают над государевыми людьми в Кърыме, позор и всякое мученье и грабеж, и били челом великому государю нашему, его царскому величеству, чтоб великий государь за такие злые неправды в Кърым с казною посланников своих не посылал и над вами б, || послы и гонцы, велел учинить по цареве шерти то ж, что в Кърыме над государевыми людьми чинят.

А хотя будет царское величество по своему государскому милосердому обычаю ныне изволит казну послать для того, чтоб царь и калга и нурадын вперед в своей неправде перед ним, государем, исправились и на своей шерти крепко стояли, и та казна отдати по росписи на розмене царевым людем, хто прислан будет для розмены, а в Крым с казною посланников за такие злые неправды и мученья никакими мерами послати нельзе. О том послом и гонцом говорити накрепко и отказывати впрямь. Да что против того послы и гонцы учнут говорити, и о том доложить государя. || А выговоря то все крымским л. 6
послом и гонцом, поговорили бояре подержать их на дворех запертых и никуды не спущать, и корму убавить половина, а до указу в Крым казны не отпускать. Да что от крымских послов и гонцов объявитца, и про то известить государю. И по сему делу, что поговорили бояре, докладывавано государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии*.

№ 2

1639 г. июля 7.— Указ царя Михаила Федоровича и докладная выписка о созыве Земского собора с описанием насилий над русскими посланниками в Крыму.

И государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа л. 7
Русии указал о крымском деле учинити собор. А на соборе указал государь быти патриарху, и митрополитом, и архиепископом, и черным властем, и бояром, и окольнічим, и думным людем, и стольником, и стряпчим, и дворяном московским, и дьяком, и дворяном из городов, и гостем, и торговым и всяких чинов людем. И указал им государь объявити всекрымского Багатыр Гирея⁴ царя и калгины и нурадыновы неправды, что они делают многое зло в Крыме государевым посланником и всем государевым людем мимо своей правды и шерти, и те б их неправды ведомы были его государевым всяким людем Московского государства. || л. 8

А на соборе объявити вслух всяких чинов людем:

По государеву цареву и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии указу в прошлых годах посыланы в Крым к прежним крымским царем и х калгам и к нурадыном с поминки, а к ближним их людем з государевым жалованьем, в посланникех дворяне и подьячие, а с ними посыланы государевы люди переводчики, и толмачи, и кречетники, и ястребники, и арбачен, а велено от государя поминки царем и калгам и нурадыном, || а их ближним людем государево жалованье л. 9
давати по росписям, кому что написано, для крестьянского покою, чтоб на государевы украины войною не ходили; и в

* Приговор Боярской думы от 7 июля 1639 г. о созыве Земского собора по крымскому вопросу впервые опубликован А. А. Новосельским в статье «Земский собор 1639 г.» («Исторические записки», т. 24, стр. 24—25).

Крыме государевым посланником и всяким государевым людем чинилось многое насильство и грабеж, и о том насильстве и о грабеже в Крым от государя к прежним царем и к калгам и к нурадыном и к их ближним людем писано, а на Москве послом их и гонцом в Посольском приказе выговаривано с великим шумом, и они того всего запирались. А те прежние крымские цари миновались. ||

- л. 10 А в нынешнем в 147-м году по государеву указу посланы в Крым посланники Иван Фустов да подьячей Иван Ломакин, а с ними посланы от государя к царю и к калге и к нурадыну и к царяцам их поминки, а к ближним их людем государеву жалованье во всем по-прежнему, как посылаемо наперед сего || к прежним крымским царем. Да сверх прежнево к ним же послано по новому договору вновь в прибавку на 20 человек, да и в запрос для их обновленья послано ж для того, что они, царь и калга и нурадын, правду государю дали, на куране⁵ шерть учинили перед посланники перед Дорофеем Остафьевым да перед Олферьем Кузовлевым⁶, что им быти з государем в дружбе и в любви навеки, и на государевы украинны войною самим не ходити и воинских людеи не посылати, хотя и турской царь велит им итти — и им не ходити, и убытков || государевым украинам не чинити. А поминки государевы себе, а ближним своим людем государеву жалованье имати во всем по прежней Джанбек Гиреев⁷ цареве росписи и по нынешнему договору, что прибавлено на 20 человек, а лишнево сверх росписи ничево не спрашивати. И государевым посланником за то бесчестья и тесноты и насильства никакого не чинити. А будет что зделаетца в Крыме над государевыми посланники какое дурно, и на Москве над их крымскими || послы и гонцы то ж учинити. Да и грамоту шертную, на чом шертовали, за золотою печатью, государевы посланники привезли ко государю к Москве.
- л. 12
- л. 13

- И в нынешнем ж в 147-м году писали ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии ис Крыму посланники Иван Фустов да подьячей Иван Ломакин, что царь к себе их на посольство имал и поминки принял, а речи у них, что им от царского величества наказано говорити все || не выслушал. А после того их, посланников, и государевых людеи, калга Ислам Гирей царевич взял к себе и велел их запереть на пустом дворе в студеную полату, и просил у них сверх росписи лишних дачь на 16 человек. И они им сказали, что с ними лишнего не послано, дать нечего. И за то, выняв ис полаты, велел подьячего Ивана Ломакина бить обухи и платье на нем все ободрали, и в одной рубашке босово и без порток, и крест сняв, полачи выволокли на площадь и привязали к пушке против калгиных полат и окошек и держали на морозе с половиною дни. И отвезав приволокли в ту ж студеную полату
- л. 15 и розвезали || к стене, а ночью у ног по жилам вертели кле-

пом⁸, завязав руки назад и ноги подвязав на кобылке деревянной, а уши согнув положили у луков под петли, и мучили ево в той полате на морозе, и голодом морили двои сутки, и ноги и руки пригнобил. А после того повесили ремнем у руки за большой перст. И как он обмер, и они ево спустя и отлив водою, и повесили за правую руку и за ноги и держали многое время.

А после того взяли и посланника Ивана Фустова и отвели к тем же пушкам, против калгиных полат и окошек, и отвели в особную студеную ж полату, и обнажа, в одной рубашке и босово, связана мучили, посадя на кобылку деревянную. И привели к нему Ивана Ломакина и мучили их в одной полате. А на стану рухлядь их калгины люди пограбили. А говорили им, что по них к Москве не посылали — приехали с платежем сами, и они б платили, что им надобно.

И они, посланники, не истерпя такова их мученья, || на л. 16
тех ево лишних 16 человек дачи платили, заняв деньги, покупали шубы дорогою ценою. А вымуча на них те дачи и позоря, велел их взять к себе на посольство в неволю. И они на посольство шли пеши, от того мученья больны, и речи им перед калгою говорить не дали.

А как их калга отпустил, и по них прислал нурадын Сафат Гирей царевич, и взяв их к себе отослал на пустой двор, и сидели две недели, и велел их посадить на кобылку железную горячую, и на правеже их, посланников, и государевых людей били в лежач. А правили на них сверж росписи на лишних на 16 ж человек.

И посланники не перетерпя мученья, так же деньги займовали из великих ростов и рухлядь покупали дорогою ценою, и те дачи платили. ||

И после того послал по них Богатырь Гирей царь и взяли л. 17
их, посланников, и государевых людей, и привели пеших и поставили у царева двора на площади против царевы полаты и крыльца, где сидят ево ближние люди. А в те поры у царя были послы Буданские земли, и приходил к ним Джантемир князь⁹ и говорил з большими грезами, чтоб они царю и ближним людям дачи дали по ево цареве росписи, и они им отказали, что дать нечево, лишнего с ними не послано. И за то их отвели и заперли во дворе и правили на них большим правежем, и мучили их, посланников, и переводчика, и толмачей всех, и кречетников всякими муками, || и перековали всех, и за руки и за ноги вешали, и били палками на смерть. л. 1
А говорили, чтоб перевели на себя недоплатную рухлядь, и прислали б с Москвы з гонцом их 1900 золотых¹⁰. И послал царь к посланником на стан, и поймал всех государевых людей, и велел роздать за приставов, и велел всех распро-
дать турчаном и жидом за море на катарги¹¹, а сам де со всеми людьми пойдет войною на государевы украинны.

И посланники, не перетерпя мученья, и чтоб государевых людей за море не дать продать, от своих голов и за государевых людей не в оклад, сверх || того, что на них вымучили калга и нурадын, 1900 золотых дать посулили и кабалы на себя им в том дали.

Да царь ж велел взять у посланников сверх ж росписи грабжем матери своей соболи и шубы бельи. Да царевы ж и калгины и нурадыновы ближние люди у коробей сами веревки обрезали и имали себе ис коробей рухледь, что им надобно. ||
20 Да царь же сверх росписи на посланниках велел доправить на ближних своих людей на 8 человек дачи, что пограбили калга и нурадын.

А з гонцы своими, с Осаном с товарищи, и сами царь и калга и нурадын в грамотах своих ко государю писали, будто недослано к нему, к царю, казны на 1900 золотых, и он, Богатырь Гирей царь, за то велел посланников засадить, и посланники де дали царю письмо, что им те золотые поставити в
21 Крыму. А на калгиных и на нурадыновых людей || дачи на посланниках велел доправить. Да и гонцы крымские про тое тесноту и про правей не запираютца.

Да царь ж писал ко государю, чтоб к брату их Крым Гирею царевичю, и к детем его, и к царевичевым детем, и к сестрам ево, большим царевнам, и матери, ево царице, и кумчачеем его, и всяким людем присылати б дачи их против их росписи сполна ежелет, без убавки, и шубы б были широки и долги. Да царь ж писал ко государю, чтоб государь для его прошенья велел приписать в роспись ближних ево старинных людей 5 человек агов, и дачи б к ним присылати в начале
22 шубы соболи ежелет, з большою казною вместе. || А калга писал ко государю, чтоб сверх тех 16-ти человек приписать в роспись вновь и прислати б дачи агам ево 6-ти человеком. А нурадын ко государю писал, чтоб сыну ево дачю вновь прислати сполна без убавки, которой ныне родился. А только де против их росписи хоти одна статья не исполнитца, и шерть их будет нарушена. Да и ближние их люди пишут о прибавках.

А ныне крымские новые гонцы, Асан-аталык с товарищи, сказывают, что привезли они с собою кабал на государевых посланников и на всяких государевых людей, которые были в
23 Крыме, на 7000 рублей, и те кабалы у них не взяты || до государева указа. А сколько у крымских послов и у прежних гонцов, у Асан Чилибея с товарищи, кабал есть, и того не ведомо.

И о тех крымского царя и калгиных и нурадыновых злых неправдах и о позоре и о мученье, что делают в Крыме государевым людем, и о казне о посылке, и о многом запросе, и о кабальном платеже на соборе говорити — как о том вперед быти. Да что на соборе поговорят, и то записать по статьям.

1639 г. июля 19.— Запись о заседании Земского собора в «столовой избе» царского дворца.

И июля в 19 день у государя были на соборе в столовой л. 24
избе святейший Иоасаф патриарх Московский и всеа Руси, да митрополит крутицкой Серапион, да архиепископ тверской Еуфимей и черные власти, и бояре, и окольные, и думные люди, и стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и дьяки, и дворяне, и дети боярские из городов, и гости, и торговые и всяких чинов люди.

И выслушав крымского царя и калгины и нурадыновы неправды, говорил патриарх, что за такие злые неправды над крымскими послы и гонцы велит государь учинить, и в том его государская воля. А они духовного чину, о том им говорить непригож, а о посылке в Крым, помысля, объявят государю после. ||

А бояре и окольные и думные люди говорили, что они л. 25
против крымского царя за такие злые неправды стоять готовы. А стольники и стряпчие и дворяне московские говорили, что они, слыша такие крымского царя и калгины и нурадиновы злые неправды, ради стоять не щадя голов своих. А дворяне и дети боярские из городов говорили, что они ради за то все помереть. А гости и торговые люди говорили, чтоб за такие злые неправды бусурманом неверным казны не давать, а давать бы казна государевым ратным служивым людям, которым против тех бусурманов стоять.

Да те ж крымские злые неправды и мученье сказывал на соборе Григорий Зловидов¹², потому || что он сам в Крыме был л. 26
и такие злые насильства и позор терпел. Да били челом государю всяких чинов люди, чтоб государь пожаловал, дал им срока о том великом деле помыслить и дати б им на те статьи письмо, о чем говорить и мыслить. И государь пожаловал, велел им сказать, чтоб они помысля на свои речи принесли письмо за своими руками.

№ 4

1639 г. июля 26.— Запись о мнении («письме») высшего духовенства, поданном на Земском соборе.

И июля в 26 день святейший Иоасаф патриарх Московский и всеа Руси прислал свою и всего Освященного собора о том крымском деле мысль на письме, и государю чтено. И то письмо у государя*.

* «Письмо» московского патриарха Иоасафа I и Освященного собора, поданное на Земском соборе, хранится в ЦГАДА, ф. Госархив, разряд XXVII, д. 44, л. 1—5. Оpubл. В. И. Ламанским в «Записках отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества» (М., т. II, 1861, стр. 372—374).

1639 г. между июля 19 и 26.— Мнение («письмо») гостей и торговых людей гостиной сотни, поданное на Земском соборе.

л. 26 А гости и гостиные и суконные сотни торговые люди подали государю о том крымском деле письмо за своими руками таково. ||

л. 27 Лета 7147-го году июля в 19 день государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии нам, холопом своим, гостишкам и гостиной сотни торговым людишкам, на соборе по своей государской милости велел своему государеву думному дяку Федору Лихачеву сказать и объявить перед собою, государем, крымскова царя неправды к себе, государю, на чем он тебе, великому государю, шертовал, и в том он тебе, государю, во всем солгал, так же и послов твоих, государевых, во всем не по один год перед послами иных государств бил и мучил всякими разлшнными муками, и твое государево жалованье казну не по царскому достоянию пограбил, и впредь ему твое государево жалованье довать ли или отказать.

И гостишка и гостиной сотни торговые людишка сказали: мы, холопи твои, за тебя, самодержавного государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, все готовы л. 28 за твое государское здорovie || помереть, нежели слышать такие ево оканные похвалы на твое государево Росийское государство. И видя ево многие неправды к тебе, великому государю, за что ему давать твое государево жалованье, что он в шерти своей ни в чем не стоит, в том твоя государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воля.

А мы, холопи твои, просим у тебя, государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, чтоб тебе, государю, пожаловать ратных людей по своему государеву рассмотренью построить, чтоб никто в ызбылых не был, а то, государь, дошло до всех православных христианских голов. А что ты, государь, укажешь для своей государевы службы на крымских людей и положить на всю Землю на всяких чинов людей, чтоб никто в твоём государстве всяких чинов люди в ызбылых не был, и о том тебе, праведному государю, как бог известит. А мы, холопи твои, гостишка и гостиной сотни торговые людишка, ради тебе, государю, что ты, государь, укажешь на всю Землю по силе своей давать. То наши и речи.

На оборотах лл. 27—28 рукоприкладства: К сем речем Иевка Юрьев руку приложил *; к сем речем Гришка Никитников р. п.; к сем речем Надейка Светишников р. п.; к сем речем Анофрейка Васильев р. п.; к сем речем Аникейко Чистого р. п.; к сем речам Рудольфик Булгаков р. п.; к сем речам Васька Шорин р. п.; к сем речам Михалко Ярофеев р. п.;

* Далее — р. п.

к сей скаске Богдашко Цветной р. п.; к сем речам Ивашко Денисьев р. п.; к сем речам Богдашко р. п. Бал...*; к сем речам Степанко Марков р. п.; к сем речам Исачко Ревякин р. п.; к сем речам Васька Федотов р. п.; к сем речам Богдашко Щепоткин р. п.; к сем речам Данило Панкратьев р. п.; к сем речем Пронька Клюкин р. п.; к сем речем Митька Иванов р. п.; к сем речем Петрунька Федосеев р. п.; к сем речам Михалко Филатов р. п.; к сем речам Якимко Патокин р. п.; к сем речам Ивашко Горбов р. п.; к сем речам Васька Безсонов р. п.; к сем речам Иванко Харламов р. п.; к сем речем Гришка Кобылкин р. п.; к сем речам Александрик Баев р. п.; к сем речем Измаилко Дубенской р. п.; к сем речем Гришка Булгаков р. п.; к сем речам Гурько Туренин р. п.; к сем речам Федька Елисеев р. п.; к сем речем Фетька Шитиков р. п.

№ 6

1639 г. между июля 19 и 26— Мнение («письмо») торговых людей суконной сотни, поданное на Земском собрании.

Лета 7147-го июля в 19 день государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии нам, холопом своим, суконные сотни торговых людишкам на собрании по своей государской милости велел своему государеву думному дьяку Федору Лихачеву сказать и объявить перед собою, государем, крымсково царя и калгины и нурадыновы многие неправды к себе, государю, на чем оне тебе, великому государю, шертовали, и в том оне тебе, государю, во всем солгали, так же и послов твоих государевых во всем не по один год перед послами иных государств били и мучили всякими розлишными муками, и твое государево жалованье казну не по царскому достоянью пограбили, и впредь им твое государево жалованье давать ли или отказать. ||

И суконные сотни торговые людишка сказали: мы, холопи твои, за дом пречистые богородицы и московских чудотворцов Петра и Алексия и Ионы и за тебя, самодержавного государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, все готовы за твое государское здравие помереть, нежели слышати такие ево окоянные похвалы на твое государство Российское царство. И видя его многие неправды к тебе, великому государю, за што им давать твое государево жалованье, что оне в шерти своей ни в чем не стоят. || А за мученья твоих государевых людей и крымским послом и гонцом и о многом запросе и по вымученным кобалам — и в том твоя,

* Фамилия пропущена; в конце фразы три буквы: «Бал», — возможно, начало фамилии.

государева царева и великого князя Михайла Федоровича всеа Руси, воля.

А мы, холопи твои, соконные * сотни торговые людишка, ныне грехом своим оскудели, от великих пожаров, и от хлебные дороговли, и от твоих государевых великих служб, и от двоих зборных поворотных денег, и от городского земляного дела многие, государь, людишка розбрелись, а иные многие померли. А тебе, праведному государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Руси, ради, что ты, государь, укажешь на всю Землю, как тебе, милосердому государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Руси, бог известит. То, государь, наши и речи.

На оборотах лл. 29—31 рукоприкладства: К сем речам Федюк Меженинов р. п.; к сем речем Данилка Чюваев и р. п.; к сем речем Сенка Глаткой и р. п.; к сем речем Ивашка Шевелев и р. п.; к сем речам Игнатей Понкратьев р. п.; к сем речам Исачко Нечаев р. п.; к сем речем Якушко Лабозной р. п.; к сем речам Фетька Белозерцов р. п.; к сем речам Бориска Шиловцов р. п.; к сем речам Петрушка Тимофеев р. п.; к сем речам Аничка Минин р. п.; к сим речем Еуфим Елизарьев р. п.; к сем речем Михайло Иванов р. п.; к сем речам Кирило Гладкой р. п.

На лл. 29—31 отметка: Подали гости и гостинные и суконные сотен.

ЦГАДА, ф. 123 (Крымские дела), 1639 г., № 12, лл. 1—31. Подлинники **.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Калга и нурадын — царевичи Гирей, сопровители крымского хана. Калга замещал хана в его отсутствие. Нурадын — младший царевич, предводительствовал крымскими войсками.
- ² Шерть — клятва.
- ³ Осан-аталык — гонец крымского калги Ислам Гирей в Москве в 1639 г.; аталык — воспитатель сыновей крымского хана.
- ⁴ Бегадыр Гирей — крымский хан в 1637—1644 гг.
- ⁵ Куран, т. е. Коран.
- ⁶ Дорофей Астафьев и Алферей Кузовлев — русские посланники в Крым с ноября 1636 г. по сентябрь 1638 г.
- ⁷ Джанибек Гирей — крымский хан в 1618—1623, 1628—1635 гг.
- ⁸ Клеп — палка, гвоздь.
- ⁹ Джантемир — князь Джантемир Сулешев, видный крымский феодал.
- ¹⁰ 1900 золотых составляли в то время 1520 руб. московскими деньгами.
- ¹¹ Каторги — военные турецкие суда, на которых гребцами обычно были русские пленники.
- ¹² Григорий Зловидов — русский посланник в Крым в 1635—1636 гг.

* Так в тексте.

** Записи переговоров бояр кн. А. В. Хилкова с товарищами 30 июля 1639 г. в Казенной палате с крымским послом Белекшей-агой и гонцами Осан-аталыком и Осман Чилибеем о насилиях над русскими посланниками в Крыму и об ответных репрессиях русского правительства не публикуются (там же, 1639 г., № 12, лл. 32—90).

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ДВОРЯНСКИЕ ЧЕЛОБИТНЫЕ
О СЫСКЕ БЕГЛЫХ КРЕСТЬЯН И ХОЛОПОВ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

В личном архиве покойного историка А. А. Новосельского (1891—1967) сохранилось 13 коллективных челобитных дворян о сыске беглых крестьян и холопов, поданных правительству во второй половине XVII в., которые представляют большой интерес для изучения внутренней политики Русского государства в то время. Большинство этих документов было введено в научный оборот Новосельским¹; позже вновь они подверглись серьезному изучению в монографии А. Г. Манькова². Некоторые из этих челобитных были выявлены и описаны лично Новосельским в 1919—1920 гг., когда он работал научным сотрудником Древлехранилища (ныне — ЦГАДА).

Новосельский придавал большое значение изучению настроений и взглядов основной массы дворян, ибо без этого нельзя раскрыть всю сложность и противоречивость внутренней политики феодального государства в крестьянском вопросе. Он до конца своих дней занимался изучением этой темы. Об этом, в частности, свидетельствует такой факт, что в его архиве сохранилась интересная, но, к сожалению, незаконченная статья «Коллективные дворянские челобитные как проявление классовой борьбы дворянства с крестьянством во второй половине XVII в.».

Известно также, что Новосельский намеревался опубликовать текст дворянских челобитных и готовил их к печати. В его архиве имеется краткая черновая запись, содержащая перечень 20 челобитных, охватывающих время с 1658 по 1694 г. Судя по почерку, она относится к последним годам жизни Новосельского. В архиве имеется лишь 13 челобитных, остальные отсутствуют. Возможно, Новосельский отобрал для печати те дворянские челобитные, которые ставили более общие вопросы борьбы с побегами крестьян и, как правило, были подписаны служилыми людьми разных чинов и различных городов. В пользу этого предположения говорит тот факт, что в статье Новосельского анализируются именно эти челобитные, а челобитные помещиков отдельных уездов, очень близкие по содержанию, лишь кратко упоминаются³.

¹ А. А. Новосельский. Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII в.— «Труды Института истории РАН ИОН», вып. I. М., 1926, стр. 327—354.

² А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.—Л., 1962 (особенно гл. I, § 1).

³ А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 328—329.

Из 13 документов 11 челобитных публикуются впервые, челобитные 1658 и 1660 гг. впервые были изданы с незначительными сокращениями и без рукоприкладств дворян В. Н. Сторожевым⁴.

Нами сохранена датировка челобитных, сделанная самим Новосельским. Заголовки к документам составлены заново, ибо в большинстве случаев он не успел их составить и отредактировать. Все документы сверены по оригиналам. В тех случаях, когда в машинописных копиях челобитных отсутствовали рукоприкладства дворян, они были нами заново скопированы, ибо Новосельский придавал большое значение их публикации, так как они дают материал для изучения слоев и группировок внутри господствующего класса феодалов.

При подготовке документов к печати для экономии места сокращены царский титул (...[т.]) и слова «руку приложил» (р. п.). Взятые в квадратные скобки слова или слоги восстановлены по смыслу. В отдельных случаях сохранена неустойчивость орфографии. Сверка документов и подготовка их к печати выполнены С. М. Троицким.

С. М. Троицкий

№ 1

1657 г.— Челобитная дворян и детей боярских Галича и других городов царю Алексею Михайловичу о посылке дворян для сыска беглых людей, крестьян и бобылей.

1 Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу... [т.] бьют челом холопи твои галичаня дворяне и дети боярские и галитцкие помещики, и розных городов дворяне ж и дети боярские.

В прошлом, государь, во 162 году изволил ты, великий государь, итти на неприятеля своего польского и литовского короля за свое царское величество, а за ево великие неправды и крестное преступление, а нас, холопей своих, указал || ты, государь, послать в розные полки с своими государевы бояры и воеводы. И мы, холопи твои, будучи на твоей государеве службе, тебе, великому государю, служили, всякую нужу и голод терпели, и за Пречистые дом и за твое царское величество кровь свою проливали, и в полону многие живот свой мучили, всякое мученье и пытки терпели. И мы, холопи твои, за твое царское величество радуяся, то все принимали и терпели.

А без нас, холопей твоих, люди наши и крестьяне домишка наши разграбили, животы и пожитки наши побрали и сами от нас, холопей твоих, || розбежались и, побегав, дома свои пожгли.

А которые, государь, крестьянишка наши последние остали-

⁴ См. «Библиографические записки», 1892, № 1, стр. 8—15.

ся и не хотели с ними птти, и те наши беглые крестьяне, собрався со многими людьми, и их животы и статки все насильством побрали, хотя за нами пусто учинить все*.

И которые, государь, у нас поместьишка наши и вотчинишка от того их побегу и разоренья и от пожегу запустели, и с тех, государь, пустых дворов мы, холопи твои, с последними своими разореными крестьянишки всякие твои государевы доходы окупаем, должася великими долгами.

Да те же, государь, наши разорители, приходя из бегов || в наши поместьишка и вотчинишка, у нас, холопей твоих, и последних людишек и крестьянишек наших подговаривают и из поля лошади, приходя, крадут и всяким разореньем разоряют. л. 4

А мы, холопи твои, коли излучимся в разореных своих домишках, а не на твоей государеве службе и, уведав их побег, и за ни[ми] сами в погоню ездим и людишек своих посылаем, и те наши беглые люди и крестьяне нас, холопей твоих, и людишек наших и крестьянишек до смерти побивают, стреляют из луков и ис пицалей.

А где мы, холопи твои, беглых своих людей и крестьян на дороге и догоним, или в городех, или в чьем поместье и вотчине, и те наши люди и крестьяне || с нами бьютца до смерти, а в городех, и в селах, и в деревнях на тех наших разорителей нам, холопом твоим, воеводы и приказные люди споможения не чинят и их не имают. л. 5

И те, государь, наши разорители, узнав нашу конечную гибель, что ника[ки]ми мерами с ними мы, холопи твои, управитца не можем, и они, государь, приходя из бегов, нас, холопей твоих, всяким разореньем разоряют.

И ныне мы, холопи твои, от тех своих разорителей многие бродим по миру, скитаемся меж своею братьею Христовым || имянем. л. 6

Умилосердися, государь праведной, над нами, холопи своими, возри в наше такое великое разоренье, учини свое царское к нам бедным рассмотрение, вели, государь, в свои государевы городы, и в дворцовые села, и в черные волости, и в патриарши, и митрополичьи, и бояр, и окольныхчих, и думных людей, и дьяков, и в монастырские вотчины послать в городы во все дворян; и вели, государь, про тех наших беглых людей и крестьян сыскивать накрепко, которые люди и крестьяне в чьих поместьях и вотчинах сверх писцовых и переписных книг объявитца, и отцы их за кем не написаны, вели, государь, про них сыскивать и их спрашивать, чье оне и откуда пришли, и по тому сыску вели, || государь, нам их отдавать по-прежнему во крестьянство, а людей в холопство. л. 7

* В подлиннике приписка карандашом: в век.

А хто узнает своего крестьянина беглова или человека, вели, государь, тех людей и крестьян и про иных беглых людей и крестьян розпращивать и пытать.

А хто, государь, чьего беглова человека или крестьянина принял, вели, государь, чинить тем людям свой государев указ по Уложению, а приказчиком их и старостам и крестьяном вели чинить наказанье, чтобы, государь, у тебя, великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича... [т.] никому ничьих беглых людей и крестьян принимать и за собою держать не повадно было.

А для сыску вели, государь, тем дворяном, которые будут для сыску посланы, в городех || воеводам и приказным людям л. 8 давать стрельцов и соцких и пятидесятчих и с ними посылать в || прибаву монастырских слуг.

л. 9 Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович... [т.], пожалуй холопей своих бедных и до конца разоренных, вели, государь, нам по сему нашему челобитью свой государев милостивой указ учинить, чтоб нам, холопом твоим, от тех своих разорителей в конец не погнунуть и твоей царской службы не отбыть; а как мы, холопи твои, будем на твоей государеве службе, чтоб те наши разорители и досталь домишков наших в конец не разорили, а жен и детей наших до смерти не побили.

л. 1 об Царь, государь, смилуйся, пожалуй. *

На обороте челобитной рукоприкладства: К сей челобитной Мурзка Шипов р. п.; к сей челобитной Сенька Горчаков р. п.; к сей челобитной Андреянко Черевин р. п.; к сей челобитной Микифорко Перелешин р. п.; к сей челобитной Ивашко Барте-нев р. п.; к сей челобитной Федька Волков р. п. и вместо Прокла Писемского р. п.; к сей челобитной Богданко Готовцов р. п.; к сей челобитной Андрияшка Шипов р. п.; Алешка Свинин бьет челом и р. п.; к сей челобитной Ивашко Сытин челом л. 2 об бьет и р. п.; к сей челобитной Ивашко [Шипков] * р. п.; || к сей челобитной Христофорко Шанской р. п.; к сей челобитной Грязнитка Черевин р. п.; к сей челобитной Гришка Сытин р. п.; к сей челобитной Гришка Фатьянов р. п.; к сей челобитной Фетька Рылиев р. п.; к сей челобитной смолянин Сенька Румянцов р. п.; к сей челобитной Ивашко Коробкин р. п.; к сей челобитной Сенька Румянцов р. п. вместо жокаитина Ивана Маслова по ево веленью р. п.; к сей челобитной в Ываново место Свинина Микитина сына Григорей Фатьянов р. п.; к сей челобитной бежеченин Васька Окулов и вместо бежеченина Кирилка Корякина по ево вел[ень]ю р. п.; к сей челобитной Ларька Корин р. п. и [в]место Ивана Дроб[ы]щова и место Онтоня Корина.; к сей челобитной Ивашко Свинь-

* Чтение предположительно.

ин р. п.; к сей челобитной Фетька Бартенев р. п.; к сей челобитной Маркушка Олферьев р. п. в Петрово место Бердникова; к сей челобитной Андреяшко Черевин вы-Ильино место Червина р. п.; к сей челобитной Алайко Варахеев || и вместо л.3 об. Григорья Апушкина р. п.; Велинбашко Охлябинин р. п.; к сей челобитной Артуша и в Бланово место Писемского р. п.; к сей челобитной Сенька Свиныин р. п.; к сей челобитной Макарко Сытин в Микитино место Цягорова по ево велению р. п.; к сей челобитной Демка Трунов и во место Максима Богданова сына Сипягина р. п.; к сей челобитной Логинко Сытин р. п.; к сей челобитной Сенька Невельской р. п.; к сей челобитной Сенька Румянцов вместо жожаитина Ивана Юрлова по ево велению р. п.; к сей челобитной Ондрюшка Корин р. п.; к сей челобитной Ивашко Васятин и вместо Олексея Травина р. п.; к сей челобитной Сенька Свиныин по повелению Кирила Макарьева сына Нелидова в ево место р. п.; Велинбашко Охлябинин вместо Ми[ки]фора Офонасьева сына Кадникова р. п.; к сей челобитной Климко Брюхов р. п.; к сей челобитной Мишка Шипов р. п. и вместо Давыда Скрябина р. п.; || к сей челобитной л.4 об. Фетька Бартенев в Бланово место Бартенева р. п.; смолянин Алешка Копяжин вместо братьев своих Якова да Василья и место ростовца Ивана Кушеникова р. п.; к сей челобитной Петрунко Березников вместо Смирнова Охлебинина р. п.; к сей челобитной Мишка Шипов вместо Дивея Верховскова р. п.; к сей челобитной Дементьянко Сытин р. п.; к сей челобитной Селиверско Понурин р. п.; к сей челобитной Сенька Сипягин и вместо Ивана Сипягина р. п.; к сей челобитной Сенька Казаков р. п. и в Перфильево место Доманскова р. п.; к сей челобитной Матюшка Сипягин р. п.; к сей челобитной Серешка Сипягин р. п.; к сей челобитной Микитка Бороноволок р. п.; к сей челобитной Ортюшка Сытин р. п.; к сей челобитной Осташка Карсаков р. п.; к сей челобитной Нифонко Бороноволок р. п.; к сей челобитной Макарко Сытин в Прошкино || место Сытина л.5 об. по ево велению р. п.; к сей челобитной Васька Белехов р. п.; к сей челобитной Ивашко Дробышев р. п.; к сей челобитной Дементьянко Сытин в Микифорово место Волосоминона по ево велению р. п.; к сей челобитной Андрюшка Шипов вместо Микифора Гарасимова сына Лазарева по ево велению р. п.; к сей челобитной Фомка Нелидов р. п.; к сей челобитной Ивашко Бартенев р. п.; к сей челобитной Ивашко Рылеев р. п.; к сей челобитной Васька Рылеев р. п.; к сей челобитной Фетька Посидкин р. п.; к сей челобитной Андрюшка Шипов и вместо Прокофья || Пушина р. п.; к сей челобитной Феоктистко Бороноволок р. п.; к сей челобитной Фетька Френев вместо отца своего Федора и вместо Семена да Онтоня Тихоновых детей да вместо Ивана Степанова сына да вместо Ивана Григорьева сына Френевых р. п.; к сей челобитной Офонька Фр[е]нев р. п. и вместо брата своего Ротримона р. п.; к сей чело-

битной Бориско Дробышев вместо Обраца * Дробышева р. п.; к сей челобитной Ивашко Перфирьев и вместо Васьки Кермина сына, что он грамоте не умеет, и р. п.; к сей челобитной Сенька Румянцов вместо Макарья Второва сына Булулбаева по велению р. п.; к сей челобитной Алистаршка места туленина отца своево Акима Бегичева р. п.; к сей челобитной Алистаршка места олексенца Ортемья Колюбакина по ево велению л. 7 об. р. п.; || к сей челобитной олексенец Матюшка Богучаров р. п. и места салавленина Луки Месоедова р. п.; к сей челобитной соловленин Сенька Андриянов сын Фелимонов и вместо брата своево роднова Савелья по ево ве[ле]нию р. п.

ЦГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), Московский стол, столб. 310/4, лл. 1—9. Подлинник.

№ 2

Около 1658 г. декабря 21. — Челобитная дворян и детей боярских разных городов царю Алексею Михайловичу о посылке сыщиков для сыска беглых людей, крестьян и бобылей.

л. 1 Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу... [т.] бьют челом холопи твои, розных городов дворяня и дети боярские.

В прошлых, государь, летех, во дни царства отца твоего государева, великого государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси, ему, великому государю, от нас о беглых наших людех и крестьянех было многое челобитье, а и тебе, великому государю, о тех же наших беглых людех и крестьянех было повсягодное же челобитье; а в городех твоим государевым бояром, и воеводам, и приказным людем о том же нашем разоренье многая от нас всегда доука; а промеж собою у нас, на Москве и в городех, беспрестанная тяжба и брань, и в том нашем разоренье, и в тяжбе, и в сыскех людей своих и крестьян, и в московской проести и волоките чинилися и ныне чинятся нам многия различныя убытки, а домом нашим всегда от тово великое разоренье.

И ты, государь, изволил по нашему челобитью о тех наших беглых людех и крестьянех послать в города сыщиков, а в-ыных, государь, городех сыщиков и не было, а в которых, л. 2 государь, городех сыщики сыскивали, помня бога, || и твое государево крестное целование, и нам, холопом твоим, за твоею государевою службою, ездить было в те города к сыщиком и тебе, великому государю, на Москве бить челом и у сыщиков времени нашего не было. А в которое время и в домишках своих были, и в то время всегда опасались и готовились на твою государеву службу, а тебе, великому государю, не били челом. А ныне, государь, нам, холопом твоим, о тех своих беглых людех и крестьянех бить челом тебе, великому государю,

* Так в тексте.

на Москве и у сыщиков времени нашего нету же, а посылать, государь, неково.

И, надеяся на то, от нас люди и крестьяня при нас и без нас из домишков и с твоей государевы службы и достальныя бегают. А которыя, государь, до сего времени выбежали, и те, надеяся на то, к нам назад не идут, а живут в твоих государевых городех, на посадах в тягле и у посадцких людей в наймех. А иные беглыя наши люди и крестьяня, збежав от нас, поженились у посатцких людей на вдовах, и на девках, и на их работницах, а они, посацкие люди, поляя свои дома, ведая, за беглых замуж отдавали, и нам, холопом твоим, в тех наших людех и крестьянех отказывают и их нам не отдают. А иные живут в твоих государевых дворцовых селех, и в волостях, и в Заонеских погостех, и на Ваге, и за патриархом, и за властьюми, и за монастыри, и за бояры, и за окольниковыми, и за думными людьми, и за стольники, и за стряпчими, и за дворяны московскими, и за жильцы, и за дьяки, и за нашу братьею, розных городов за дворяны, и за детьми боярскими.

А те люди, за кем ныне живут беглые наши люди и крестьяня, за тем же не отдают, ведая то, что всегда мы, холопи твои, ныне на твоей государеве службе и сыскивать тех своих беглых || людей и крестьян и бить [челом тебе, великому го-л. 3 сударю, об них и о своем] * разоренье стало неколи.

А из-за которыя, государь, кр[естьяня и бо] * были вышли до переписных книг, а в писцовых книгах за помещики и за вотчинники написаны, и те люди тех наших крестьян и бобылей и готово не отдают потому, что в твоём государеве указе и в Соборном Уложении за тех крестьян и бобылей за владенье ничево не указано, и им теми нашими крестьяны и бобыли и впредь мочно владеть безстрашно и безо всякне боязни, потому что им от тебя, государя, ни едина заповедь, ни вина не лежит. И тех, государь, нам своих крестьян некоторыми делы без суда и без московские большие волокиты сыскивать нельзя, и до днесь мы, холопи твои, от тех своих крестьян разоряемся. А дворовых, государь, наших беглых людей тож никто без суда нам и без большие московские волокиты не отдают, потому что за владенье за них от тебя, государя, ни единыя заповедь, ни вины не положено же.

И те все наши беглые люди и крестьяня, которые вышли из-за нас до переписных книг и после переписных [книг], и из-за тех людей, за кем они живут, к нам, холопом твоим, приходят, и домишка наши всяким своим воровством разоряют до конца, и достальных наших людшек и крестьянишек подговаривают и сильно вывозят. А которыя наши достальныя лю-

* Ныне текст утрачен.

дишка и крестьянишка в таком деле с ними не будут едино-
мысленны, и они их тоже раззоряют и побивают, и домишка
наши и их пожигают и крадут. А ныне к нам, холопом твоим,
приехали людишка, а к иным пишут к нам на твою государе-
реву службу, что не хотя люди с нами, холопи твоими, служить
твоей государевы службы, а крестьяня наши, не хотя от твоей
государевы службы ни мало лишняя тяготы при прежних летех
понести, а иные похотели воровать, красть, разбивать, и без
трудов пить и есть сладко, и одеватися обуватися чужими жи-
вотами, и от многих от нас, разоря домишка наши, нынешнюю
зимою и весною побежали, и многия те наши беглецы старья и
нынешния объявились на твоей государеве службе в полках в
п. 4 датошных || людех от тех людей, за кем они живут, вместо их
людей и крестьян, а иные пришли из наймов.

И ныне нам, холопом твоим, при прежних летех от людей и
от крестьян своих стало лютое раззоренье.

Милосердый государь царь и великий князь Алексей Ми-
хайлович... [т.], пожалуй нас, холопей своих, за службу, и за
кровь родителей наших, и за нашу службишко, и за терпенье,
не дай нам, и женишкам нашим, и детишкам, и достальным
нашим людишкам, и крестьянишкам, которые живут за нами,
холопи твоими, и своими прямыми трудами питаются и твои
государевы доходы и наши оброченка платят, и всем нашим
домишкам до конца разоритца. Вели, государь, послать и во
все свои государевы города, и в села, и в волости, и в Заоне-
ские погосты, и на Вагу сыщиков с своим государевым креп-
ким указом и за крестным целованьем; и вели, государь, сы-
щиком тех наших беглых людей и крестьян без нашево сыску,
и челобитья, и волокиты сыскивать и отдавать потому, что
ныне мы, холопи твои, безпрестанно и зимою и летом на твоей
п. 5 государеве || службе в дальних странах, чтоб в том нашем ра-
зоренье и в сыскех наших беглых людей и крестьян тебе, ве-
ликому государю, от нас доуки и челобитья на Москве, и у
сыщиков, и в городе не было, и в московской нашей волоките
и в проестии и в сыску от сыщиков и в дальних проездах и в
различных наших везде убытках твоей государеве службе ни-
когда от нас порухи и умедления не чинилось, а без нас бы,
холопей твоих, в которое время мы на твоей государеве служ-
бе, татьба и разбой и иное б всякое воровство от тех бегле-
цов до конца не умножилось.

А вели, государь, сыщиком сыскивать окольными и поваль-
ными обыски, против татиных и разбойных сысков, а сверх
п. 6 обысков вели, государь, имать у всяких || чинов людей, у по-
мещиков и вотчинников, скаски, по гевангильской заповеди.

А хто в обыскех и в скасках своих солжет, вели, государь,
тем людем за ложь чинить против татиных и разбойных статей
заповедь с наказанием или пеню, как ты, великий государь,
укажешь; а заповедь вели брать на себя, государя, чтоб непо-

вадно было всяким чином людем беглых и чюжих крестьян к себе приимать и у себя их таить и держать.

А тем, государь, людем, за кем живут беглые крестьяня и бобыли, х которым после писцов и до переписных книг пришли, вели, государь, на них указать исцом против тех же статей, из-за кого вышли крестьяня после переписных книг владенье с Уложенья; а кто с сего времени таких чюжих крестьян и бобылей не отдаст и у себя их станет держать, вели, государь, им тое ж свою государеву заповедь с наказанием учинить и пеню брать безо всякие пощады в свою государеву казну.

А кто дворовых людей у себя ныне держит чюжих и впредь станет держать и к себе приимать, вели, государь, на них тож указать владенье или пеню, как ты, великий государь, укажешь, чтоб все те люди, за кем живут чюжие люди и крестьяня, страшны были твоею, великого государя, указу и безо || всякого б лукавства и волокиты тех чюжих людей и л. 7 крестьян отдавали.

А буде, государь, окольные люди страха ради сильных в обысках станут лгать, а помещики и вотчинники в скасках своих тож, не блюдяся бога, и бездельныя ради своея корысти правды не станут сказывать, вели, государь, влаstem коемуждо в свою область по приходским церквам священником разослать памяти с их святительским духовным запрещением и з заповедью, чтоб священники про припых людей сказали свои скаски сыщником в правду и по священству, потому что всякому священнику в своем приходе все ведомо. А будет которые священники устроены или сами пришли х которым церквам жить после писцовых и переписных книг, и тем, государь, мочно ведать подлинно про припых людей, потому что им дети духовные, да и от старых своих прихожан и детей духовных и утаитца, государь, пришлому человеку от священников отнюдь некоторыми делы нельзя. А которые священники, не блюдяся бога и властей своих, а стыдяся и блюдяся лица сильных, или ково жалея, и по дружбе, станут лгать, и тем попом за ложь вели, государь, сверх святительской духовной их заповеди свою государеву заповедь и пеню учинить, чтоб всем священником страха ради божия и твоей, великого государя, заповеди лгать в скасках своих нельзя.

А за кем по сыску и по скаскам объявятся припые люди и крестьяня сверх писцовых и переписных книг, вели, || государь, сыщником тех наших беглых людей и крестьян посылать на тех подводах, за кем они ныне живут, в те города, из-за ково они к ним пришли, и вели, государь, тамо их и з женами, и з детьми, и з животы отдавать перед воеводы з запискою и с отписями; а что животов скажут сверх тово, чево не привезено будет к отдаче, и те, государь, животы их вели записать. л. 8

А отдавать вели, государь, пашенного ради времени зимою,

а сыщиком с воеводами и воеводам с сыщиками вели, государь, о том о всем ссылатца отписками.

А которые государь, люди и крестьяня беглые наймовалися в даточные в твою государеву службу, а иные помещики и вотчинники прислали беглых вместо своих крестьян в даточных же, а в обысках и в скасках про то скажут, и на тех людех вели, государь, даточных взять, вместо тех даточных, прямых их людей и крестьян.

А которые, государь, объявился ныне и впредь объявятца чюжие люди и крестьяня в полках или хто за ково в холопстве и во крестьянстве изымается, и о тех людех ис полков вели, государь, писать к себе, государю, к Москве, а вместо их вели, государь, прислать тем людем своих прямых людей и крестьян. А тем беглецом вели, государь, свой государев указ учинить по рассмотренью, чтоб господь бог наш || тобою, великим государем, и милостивным твоим к нам праведным прирзеньем и рассмотрением исполнил в нас всякую правду и избавил нас от толикия великие и неистершимыя напасти и лютова и многолетнова разоренья и межусобнаго нашего греха и брани, и чтоб, государь, и в предние лета твой государев крепостной устав в сем деле вовеки был неподвижен, и никому б не повадно было божия даяния, а вашего государскаго давнаго и вечнаго жалованья, силою и величеством, богатством и граблением, и всяким лукавством и пронырством чюжаго имения восхищати и неправедными прибытки богатеть, и чтоб в твоей государеве державе вси люди божии и твои государевы кождо от великих и четырех чинов, освященныи, и служивыи, и торговыи, и земледельцкой, в своем уставе и в твоём царском повелении твердо и непоколебимо стояли, и ни един бы ни от единого ничим же обидим был, и книждо людие по заповеди божии от своих прямых трудов питались, а воины б всех чинов, великих и малых, в которое время в домех своих будут, довольни были божним же дарованием и твоим царским жалованьем, своими прямыми ж оброки, а не чюжими имении и прибытки. И буди ты, великий государь, за всех нас обидимых праведный отмститель, тебе дан от бога суд и исправление и меч отомщения и милость разсуждения.

Царь государь, смилуйся, пожалуй.

- л. 206. *На обороте челобитной рукоприкладства:* К сей челобитной Федька Сукуленов р. п.; к сей челобитной Богдашко Румянцев бьет челом и р. п.; Ивашка Юрьев р. п.; Сенька Румянцов р. п.
- л. 306. Ивашка Мусин-Пушкин р. п.; Мишка Сказкин р. п.; || ... * приложил; ...*Уваров руку приложил; к сей челобитной Федька Уваров р. п.; Андрюшка Гурьев р. п.; Тимошка Деденев р. п.; Силька Ключков р. п.; Федька Уваров вместо Осипа Жукова р. п.;

* Начало строки утрачено.

к сей челобитной Ганька Бердяев р. п.; Ганька Ендогуров р. п.; Силька Ключков вместо Микиты Золотилова р. п.; Стенька Ендогуров р. п.; Фенька Вараксин р. п.; к сей челобитной Андрюшка Верещагин р. п.; Фетька Абухов бьет челом и вместо Якова Манастырева по ево велению р. п.; к сей челобитной Фетька Патрекнев бьет челом и р. п. и вместо Ивана Азаренсково; Гаврилка Бердяев бьет челом и р. п.; к сей челобитной Тимошка Битяговской вместо отца своего Матвея Битяговсково р. п.; к сей челобитной Сенька Битяговской р. п.; Ивашко Патрекеев и вместо брата своего Михайла Патрекеева по ево велению р. п.; Ивашка Веземской бьет челом и р. п.; Оська Панов бьет челом и р. п.; Левка Башмаков бьет челом и р. п.; Алешка Жидовинов р. п.; Фетька Харламов р. п.; Фетька Тиханов р. п.; Матюшка Ахматов р. п.; || Микитка Макшеев р. п.; Якушко Контя-л. 4 об. жин р. п.; Алешка Коптяжин р. п.; Ивашко Коптяжин р. п.; Филишко Довотчиков р. п.; Матюшка Едигеев р. п.; Мирошко Суколенов р. п.; Ивашка Макшеев р. п.

На л. 10 помета: Сее челобитную и из сей челобитной выписку отдал в Розряде окольных Иван Офонасьевич Гавренев декабря в 21 день, а велел держать по указу великово государя.

ЦГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), Московский стол, стлб. 310/2, лл. 1—10. Подлинник.

№ 3

1676 г. июня 30.—Челобитная дворян разных городов царю Федору Алексеевичу о выдаче беглых людей, крестьян и бобылей с семьями их владельцам без урочных лет.

Царю государю и великому князю Федору Алексеевичу... л. 53 [т.] бьют челом холопи твои, стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы, дворяне городовые и дети боярские.

В прошлых, государь, в розных годах и за вашим государским указом после сыщиков и в нынешнем, государь, во 184-м году, из твоего, великого государя, жалованья из розных городов, из помесных наших и вотчинных сел и деревень от нас, холопей твоих, бежали многия люди и крестьяня наши и бобыли, разоря нас, холопей твоих, поймав с собою лошади наши, ногайския кони и мерены, и животы наши, и служивыя рухляди. А бегаючи от нас, холопей твоих, те наши беглыя люди и крестьяне и бобыли живут в твоих, великого государя, в малороссийских и украинских городех по Белгородской и Саранской черте, и в понизовых и хлебопашенных городех, и во дворцовых волостях за тобою, великим государем, в розных службах и в тяглых, и в монастырских, и во властелинских вотчинах, и за помещики, и вотчинники розных чинов в тех украинских и понизовых городех. И в прошлом, государь, во 181-м году били челом блаженныя памяти отцу твоему государеву, государю царю и великому князю Алексею Михайловичу

чу... [т.] галицкие помещики и вотчинники в разореньи беглых своих людей и крестьян и бобылей. И по тому, государь, челобитью ис Козанского двorca посланы грамоты с подкреплением в Козань к боярину и воеводе ко князю Алексею Андреевичу Голицыну с товарищи и в иные города к воеводам об отдачи беглых наших людей и крестьян и бобылей, где хто объявитца; и велено тех наших беглых людей и крестьян и бобылей роспрашивать и по роспросу высылати к старым помещикам, откуды те люди и те крестьяне и бобыли збежали, с надаточными крестьяны и с пожылыми денгами. || И те наши беглыя люди и крестьяне и бобыли, ведая ваш государский к нам, холопом твоим, милостивой указ, из тех понизовных и украинских городов бегут на Уфу, и в сибирския города, и на Хонер. И из бегов те наши беглыя люди и крестьяне и бобыли, приходя, нас, холопей твоих, розоряют, лошади крадут и домишка наши и деревенники жгут, и по дорогом розбивают, и многих нашу братью до смерти побивают, и мучительская поругателство чинят, и достальных наших людей и крестьян и бобылей к себе подговаривают. А в городех воеводы и приказные люди, забыв ваш государской страшной указ, для своей корысти тех наших беглых людей и крестьян и бобылей принимают, а не сыскивают и к нам, холопом твоим, тех наших беглецов не высылают. И в прошлом, государь, во 183-м году, как разбирали думной дворянин Семен Иванович Заборовской да думной дьяк Семен Титов с товарищи в украинских городех и по Белгородской черте служивых людей, и тех, государь, наших многих беглых людей и крестьян и бобылей в те свои разборные книги написали в розные службы и в тягла за тобою, великим государем, которые наши беглыя люди и крестьяне и бобыли бежали от нас, холопей твоих, не в давних летех. И по тем, государь, разборным книгам боярин и воевода князь Григорей Григорьевич Ромодановской с товарищи и по городам воеводы без твоево, великого государя, указу тех наших беглых людей и крестьян и бобылей не отдают, а из Розряду нам, холопом твоим, об отдаче наших беглых людей и крестьян и бобылей твоих, великого государя, грамот не дают. И на то, государь, смотря, что наших беглых людей и крестьян и бобылей из бегов по разборным книгам не отдают, и остальные наши люди и крестьяне и бобыли от нас, холопей твоих, бегут. И оттого, государь, нам, холопом твоим, чинитца разоренье большое, и от разоренья, государь, тех наших беглых людей и крестьян и бобылей || деревенники наши многия запустели. А твои, великого государя, службы служим и всякие твои, великого государя, подати платим с пустых деревень и с крестьянских и з бобыльских с пустых дворов. И от того разоренья беглых своих людей и крестьян и бобылей мы, холопи твои, оскудали и обезлошадили и обезхлебели и твои, великого государя, службы многия отбыли. И многим нам, холопом твоим, служить тебе, великому государю, не

с ким и не на чем. Да те ж, государь, наши беглые люди и крестьяне и бобыли, бегаючи от нас, холопей твоих, выдали замуж сестер своих, и дочерей, и племянниц, и внучат, девок, и вдов за твоих, великого государя, служивых и тяглых людей, и от тех, государь, зятев их и племянников и иных сродников их чинитца нам, холопом твоим, великое разоренья: на дороги выезжают, и до смерти многих побивают, и мучительская ж поругательства чинят, и тех наших беглых людей и крестьян и бобылей у нас, холопей твоих, отбивают.

Милосердый государь царь и великий князь Федор Алексеевич... [т.], пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, послать во все свои, великого государя, украинные города по Белгородской и по Саранской черте, и в понизовыя и в хлебопашенныя города, и в дворцовыя волости для тех наших беглых людей, и крестьян и бобылей з женами и з детьми и со внучаты и с животы отдавать нам, холопом твоим, по-прежнему в холопство и во крестьянство без урочных лет, чтобы нам, холопом твоим, от разоренья тех своих беглых людей и крестьян и бобылей вконец не погннуть и твоей, великого государя, службы не отбыть.

Царь государь, смилуйся, пожалуй. ||

На обороте челобитной рукоприкладства:

л. 53
об.

К сей челобитной Левка Касаткин-Ростовской р. п.; Стенько Волконской р. п.; к сей челобитной Якушка Михнев и вместо Ивана Еремеева сына Михнева по ево веленью р. п.; Андришка Заболоцкой р. п.; к сей челобитной Андришка Сухотин р. п.; Ивашка Сомов р. п.; к сей челобитной Яшка Лепунов р. п.; Микитка Сунбулов р. п.; к сей челобитной Федка Сухотин и вместо Денисья Иванова сына Сухотина по ево веленью р. п.; Яганка Волконской р. п.; Стенька Наумов р. п.; || Иваника Бегичев р. п.; к сей челобитной Ивашка вместо Осипа Львова по ево веленью р. п.; к сей челобитной Сенька Чебышев р. п.; к сей челобитной Перфилка Арсеньев р. п.; Мишка Греков р. п.; Евсейко Сомов р. п.; Тимошка Греков р. п.; к сей челобитной Ивашка Кропотов р. п.; к сей челобитной Андришка Лепунов и места Федота Таптыкова по ево веленью р. п.; Бориска Лихарев р. п.; к сей челобитной Нестерко Ивашкин и вместо Кирилла Данилава р. п.; к сей челобитной Ивашка Хвоцинской р. п.; к сей челобитной Федка Черевин р. п. и вместо Ивана Рихторова же; к сей челобитной Ивашка Игнатьев руку приложил; Игнашка Таптыков вместо Степана Иванова сына Кондырева по ево веленью руку приложил; к сей челобитной Мирюшка Киреев р. п.; Ивашка Михнев и вместо Степана Меншова Кондырева по ево веленью р. п.; Гришка Лепунов р. п.; к сей челобитной Ивашка Фомин вместо Ивана Макшеева по ево веленью р. п.; к сей челобитной Ивашка Ходырев р. п.; к сей челобитной Ивашка Игнатеев вместо Ивана Похвиснева по ево веленью р. п.; Ивашка Наумов р. п.; Иваника Семенов сын Кон-

л. 54
об.

л. 55
об.

дырев и вместо дяди ево Ивана Кондырева по ево веленью р. п.; к сей челобитной Гришка Фомин р. п.; к сей челобитной Васька Байкулов р. п.; к сей челобитной Васька Челюстин р. п.; к сей челобитной Гришка Бибииков вместо Федора Бегичева по ево веленью р. п.; к сей челобитной Самошка Чебышев р. п.; к сей челобитной Петрушка Кошелев р. п.; к сей челобитной Титка Лодыженский вместо Ивана Фомина по ево веленью р. п.; к сей челобитной Митька Секирин и вместо брата своива Максима по ево веленью р. п.; к сей челобитной Гришка комынин р. п.; к сей челобитной Савка Мотякин р. п.; к сей челобитной Молофейко Албычев р. п.; Петрушка Кошелев вместо братьев своих Микиты да Андрея Кошелевых по их веленью р. п.; к сей челобитной Федоска Хвоцинской р. п.; Савка Карпов р. п.; к сей челобитной Ромашка Селиванов р. п.; к сей челобитной Ивашка Лихарев р. п.; Сенько Хотяинцов р. п.; л. 56 об. к сей челобитной Емелька Горяинов р. п.; || к сей челобитной Микишка Солнцев и вместо дяди своево Федора Солнцева по ево веленью р. п.; к сей челобитной Родька Павлов и вместо Федора Хвоцинскова по его велению р. п.; Ивашко Павлов р. п.; Гаврилка Муромцов р. п.; Васька Дьяков и вместо брата своево Евдокима Дьякова р. п.; к сей челобитной Ивашка Змейкин вместо тулеи Федора да Семена Михневых по их веленью р. п.; Богдашка Греков и вместо Петра Грекова по ево веленью р. п.; Ивашка Муромцов р. п.; Ефтюшка Лермантов р. п.; Андрюшка Водов р. п.; Никитка Котенин р. п.; Петрушка Готовцов р. п.; Федотка Бегичев р. п.; Ивашка Юхнов вместо Микифора Писарева р. п.

На л. 53 об. пометы:

184-го июня 30 день. Государь пожаловал, велел выписать, с которово году ис тех городов отдавать велено из бегов и взнести выписку боярам тотчас, чтоб впредь отнюдь в том челобиться не было.

Учинить по сему великово государя указу.

ПГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), Приказный стол, стлб. 1021, лл. 53—56 об. Подлинник.

№ 4

1677 г. апреля 7.— Челобитная дворян разных городов царю Федору Алексеевичу о посылке сыщиков для поимки беглых людей и крестьян.

л. 1 Царю государю и великому князю Федору Алексеевичу... [т.] бьют челом холопи твои, розных городов дворяня, и дети боярские, и розных чинов помещики и вотчинники.

Служим тебе, великому государю, мы, холопи твои, на твоих государевых дальних службах, а без нас, холопей твоих, в вотчинах наших и в поместьях люди наши и крестьяня, разоря домишка наши без остатку и пограбя животы наши всякие, бегают от нас в понизовые украинные города — в Казань и

в казанские пригороды и по черте. А бегая, живут в городах на посадах и в твоих государевых дворцовых волостях, и в вотчинах и в поместьях за всяких чинов людьми, и на погостях и за попами за церковным причетом, и за татары, и за мордвою в розных городах по черте. И те беглые люди наши и крестьяня, приходя из бегов, домишка наши разоряют и жгут. И мы, холопи твои, от тех беглых людей своих и крестьян стали разорены без остатку, и поместья наши и вотчинки стали пусты, служить тебе, || великому государю, стало не с чево, от их разоренья^{л. 2} оскудали и обедняли.

А при отце твоём государеве, блаженные памяти при великом государе царе и великом князе Алексее Михайловиче... [т.] по нашему, холопей ваших, челобитью для тех наших разорителей, для беглых наших людей и крестьян, посланы были с Москвы парочно сыщики дворяня, и тех наших людей и крестьян, сыскивая, нам отдавали. И за кем те наши люди и крестьяня, бегая, жили, правили зажилые деньги и отдавали нам, холопам твоим. И от того указу люди наши и крестьяня, опасаясь и блюдаясь твоего великого государя указу и нак[а]-занья, от нас бегали помалу. А ныне, государь, в тех городех и по черте сыщиков нет, и люди наши и крестьяня бежат от нас безо всякого страха и опасения, и от их побегу стали мы, холопи твои, до конца разорены и оскудали и твоей || государевы службы и поготову служить стало не с чего, и нечем и не с кем. А в городах, государь, воеводы, и в твоих государевых дворцовых волостях приказные люди, и земские старосты, и в стрелецких и в казачьих слободах в городах головы и сотники тех наших беглых людей и крестьян укрывают для своих корыстей и берут с них посулы великие и поминки, потому что на воевод и на приказных людей и на голов и боярских вотчин и на всяких чинов людей ваших государских страхов и заповеди не положено, зажилых денег и наддатошных крестьян править на них не указано.

Милосердый государь царь и великий князь Федор Алексеевич... [т.], пожалуй нас, холопей своих, возри, государь, в наши в конечные от людей и от крестьян наших разоренья для своих государевых служб, вели, государь, по-прежнему послать в понизовые города и по черте с Москвы сыщиков нарочно, и тех наших разорителей людей и крестьян || нам от-л. 3
давать, и указ чинить против прежних своих государских указов; а в городех на воевод и дворцовых волостей на приказных людей, и на земских старост, в городах на голов стрелецких, и всяких чинов вотчин и поместей на прикащиков их и на старост вели, государь, свои государские страхи и заповедь положить, чтоб нам, холопам твоим, от тех беглых своих людей и крестьян и в достаток вконец не погнучь и разореным не быть, и твоей государевы службы не отбыть, и было бы чем нам, холопам твоим, впредь с чево твоя государева служба служить.

Царь государь, смилуйся.

На обороте челобитной рукоприкладства:

- л. 1
об. К сей челобитной Петрушка Кайсаров р. п.; к сей челобитной Сенька Кобыльской р. п.; к сей челобитной Глебоко Нефедьев р. п.; к сей челобитной Ивашко Алалыкин р. п.; к сей челобитной Пронька Чихачев р. п.; к сей челобитной Афонька Мятлев р. п.; сей челобитной Ивашка Казимеров р. п.; || к сей челобитной Васька Шехонской р. п.; к сей челобитной Ивашко Порошин р. п.; к сей челобитной Афонька Полозов и вместо Ивана Симанова р. п.; к сей челобитной Васька Чулков р. п.; к сей челобитной Демка Зайцов р. п.; к сей челобитной Прошка Полозов р. п.; к сей челобитной Сенька Одинцов р. п.; к сей челобитной Данилка Мякишев р. п.; к сей челобитной Оська Борцов р. п.; к сей челобитной Ивашка Танеев р. п.; к сей челобитной Бориско Пушкин р. п.; к сей челобитной Федька Долгово-Сабуров р. п.; Ивашко Шехонской р. п.; к сей челобитной Ивашко Шафров р. п.; к сей челобитной Алешка Теприцкой р. п.; к сей челобитной Володька Шилов р. п.; к сей челобитной Васька Алексеев р. п.; Гаранька Никитин р. п.; к сей челобитной Ивашко Бартенев р. п.; к сей челобитной Алешка Жадовской р. п.; к сей челобитной Ивашко Порошин р. п.; Фетька Жадовский р. п.; Янка Стремиллов р. п.; к сей челобитной Стенька Фан-Тергин р. п.; к сей челобитной Костька Каблуков р. п.; к сей челобитной Федька Жабин р. п.; || к сей челобитной Левка Лазарев р. п.; к сей челобитной Андрюшка Трегубов вместо Долгово-Сабурова по его велению р. п.; к сей челобитной Мирошко Рогановского р. п.; к сей челобитной Андрюшка Меншиков вместо брата своево Михайла по ево велению р. п.; к сей челобитной Ромашко Каблуков р. п.; Минька Шилов р. п.; к сей челобитной Оська Евской р. п.; к сей челобитной Оська Евской вместо Микифара Шапилова по ево велению р. п.; к сей челобитной Васька Брюхов р. п.; к сей челобитной Фетька Козлов р. п.; к сей челобитной Ивашко Каблуков р. п.; к сей челобитной Ивашко Секирин р. п.; к сей челобитной Петрунька Секирин р. п.; к сей челобитной Сенька Болдырев р. п.; к сей челобитной Алешка Голенкин р. п.; к сей челобитной Ганька Долгово-Сабуров р. п.; к сей челобитной Федька Костеев р. п.; к сей челобитной Мурзка Березников р. п.; к сей челобитной Федька Костеев вместо Дмитрея Романова сына Красенского по ево велению р. п.; к сей челобитной Микитка Ладыженской и вместо дяди своего Сергея Ладыжинского р. п.; к сей челобитной Офонька Редриков р. п.; к сей челобитной Фетька Колобов р. п.; к сей челобитной Богдашко Протопопов р. п.; к сей челобитной Васька Голенкин р. п.; к сей челобитной Ивашко Плохово р. п.; к сей челобитной Андрюшка Хметевской и вместо дяди своево Григорья Хметевского р. п.; Богдашка Коренев р. п.; к сей челобитной Мишка Секирин р. п.; к сей челобитной Алешка Казимеров р. п.; к сей челобитной Оська Федчищев

р. п.; к сей челобитной Ромашко Корзлин р. п.; к сей челобитной Мишка Скульской р. п.; к сей челобитной вместо Матфея Жадовскова Алешка Жадовской р. п.; к сей челобитной Ивашко Полозов р. п.; к сей челобитной Фетька Жирово-Засекин р. п.; Стенька Жадовской р. п.; к сей челобитной Ивашка Скобельцын р. п.

На л. 1 об. помета: 185 года апреля в 7 день государь пожаловал, велел по их челобитью послать сыщиков ис Помесного приказу и указ о том учинить боярину князю Ивану Борисовичу Репнину с товарищи ис тех, которым быть в письме и в переписицах.

ЦГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ), Столбцы вотчинной записки, № 18911/81, лл. 1—4. Подлинник.

№ 5

1677 г. мая. — Челобитная дворян разных городов царю Федору Алексеевичу о выдаче грамоты о проведении сыска беглых людей и крестьян.

Царю государю и великому князю Федору Алексеевичу... л. III
[т.] бьют челом холопи твои, розных городов дворяня, и дети боярские, и розных чинов помещики и вотчинники.

В нынешнем, государь, в 185 году, били мы челом, холопи твои, тебе, великому государю, о беглых своих людях и крестьянях, что разоря они нас, холопей твоих, живут в бегах в розных городех, на посадах, и в твоих дворцовых волостях, и в поместьях и в вотчинах за всяких чинов людьми. И воеводы в городех и в твоих государевых дворцовых селах приказные люди без твоего, великого государя, указу без сыщиков и без грамот тех наших беглых людей и крестьян не сыскивают, и в уезды розных чинов в поместья и вотчины не посылают, и к суду их не ставят, и нам людей наших и крестьян беглых не отдают, и зажилых денег и надаточных крестьян не указывают. И по твоему, великого государя, указу, и по нашему, холопей твоих, челобитью на заручной нашей челобитной подписано: пожаловал ты, великий государь, нас, холопей своих, велел об том указ учинить в Помесном приказе боярину князю Ивану Борисовичу Репнину с товарищи, велено ему послать в понизовые городы, и по черте, и в Казань, и в казанские пригороды сыщиков ис писцов и ис переписчиков. И писцом, государь, и переписчиком твоего государева указного сроку, как им быть в письме и в переписицах, не написано и отпуску им нет. А у нас, государь, смотря на тех наших прежних беглых людей и крестьян, и последние наши людишка и крестьянишка бредут розно. А нам сказана, холопом твоим, твоя великого государя служба. И нам, холопом твоим, итти в твою, великого государя, службу от разоренья и от побегу людей наших и крестьян стало не с кем и не с чем и не на чем.

Милосердый государь царь и великий князь Федор Алексеевич... [т.], пожалуй нас, холопей своих, для тех наших разорителей, для беглых людей и крестьян, послать по своему, великого государя, указу и по подписной нашей заручной челобитной сыщиков или к воеводам в города и в свои государские дворцовые волости к приказным людям послать свои государевы грамоты, чтоб они тех беглых людей и крестьян наших по нашему челобитью сыскивали и по крепостям нам отдавали, и в уезды бы воеводы по нашему, холопей твоих, челобитью в поместья и вотчины всяких чинов людей для беглых наших людей и крестьян посылали и по крепостям нам отдавали ж, и беглых людей и крестьян наших не держали, и впредь бы нигде не принимали, чтоб нам, холопом твоим, от разоренья и от побегу людей наших и крестьян вконец не погинуть и твоей, великово государя, службы не отбыть.

Царь государь смилуйся, пожалуй.

На л. 10 об. пометы:

185-го года мая в 2 день государь пожаловал, велел свои государевы грамоты послать к писцом и указ о том учинить боярину князю Ивану Борисовичу Решнину с товарищи, а о пизовых городах сослатца с Казанским приказом памятьми.

185-го года мая в 4 день. Взять к прежнему челобитью и учинить по сему великово государя указу.

ЦГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ), Столбцы вотчинной записки, № 18911/81, л. 10. Подлинник.

№ 6

1681 г.— Изветная челобитная дворян новосильского уезда царю Федору Алексеевичу об увеличении побегов людей и крестьян в «украинные города» и усилении вооруженных нападений на помещиков.

л. 2 Царю государю и великому князю Федору Алексеевичу... [т.] бьют челом холопи твои, новасильские помещики, и вотчинники, и новасильцы дворяншки и детишка боярские.

В нынешнем, государь, во 189-м году в розных месяцах и числах из Новасильского уезду, из сел из деревень люди и крестьяне, умысля воровски, бегут из Новасильского уезду в украинные города, собрався человек по сту и больши, а двory, государь, в тех селех жгут, и нас, холопей твоих, крадут и розбивают, и всякия розаренья чинят, и идут явно в день и ночью, собрався большими обозы с ружьем, и с луки, и с пицали, и з бердыши, и с копьем, и убивства чинят, и фалятся нас, холопей твоих, и женишак наших и детишак побить до смерти, и домишка наши вконец розарить и огнем выжечь, и бунтами к нам, холопом твоим, из украинных городов приезжают. И от такова их, государь, воровства и бунтовских заводов мы, холопи

твои, вконец разорились. А достальных людишак наших и крестьянишак они, воры и бунтовщики, прельщают, будто по твоему великому государю указу дан им выход в украинные города. А мы, холопи твои, помня страх божей и твое, великого государя, крестное целованье, про таких их воровские заводы тебе, великому государю, извещаем.

Милосердый государь царь и великий князь Федор Алексеевич... [т.], пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, о том к себе, великому государю, к Москве из Новасили отписать и сие нашу изветную челобитную под отпискою послать, чтоб нам, холопом твоим, от их воровских и бунтовских заводов вконец не погинуть и впредь твоей государевой службы не отбыть.

Царь государь, смилуйся.

На обороте челобитной рукоприкладства:

К сей челобитной стряпчей Мишка Стремоухов р. п.; к сей челобитной жплец Филатка Сухатин р. п.; к сей челобитной Ивашко Чиркин р. п. и вместо Зота да Иева Чиркиных по их велению р. п.; к сей челобитной новасилец Гришка Чиркин и вместо новасильца Ивана Полуехтова сына Глотова по его велению р. п.; к сей челобитной Ивашка Фролов р. п. и вместо Сидора Фаустова по его велению р. п.; к сей челобитной Кандрашка Фролов и вместо Павла Павлова по его велению р. п.; к сей челобитной Якушка Одинцов вместо Обрама Житкова да Свиридко Олексева по их велению р. п.; к сей челобитной Ивашка Рогачев и вместо Фрола Рогачева да Ивана Афонасьева да Петра Токмакова по их велению р. п.; || к сей челобитной Максимко Фаустов и вместо Овтамона Гарасимова по его велению и р. п.; к сей челобитной Ивашка Головин р. п.; к сей челобитной новасилец Ромашка Свечников вместо Васильева человека Ивановича Сукина, приказного своего человека Теряпки Дрябина по его велению р. п.; к сей челобитной новасилец Стенька Жданов вместо новасильца Ивана да Лариона Глотовых, Александра Житкого, Калины Акулышина, Савы да Федора Тишевских, Савы да Ивана да Антона Сапроновых по их велению р. п.; к сей челобитной Аврамка Фоустов и вместо Мамона да Анисима Савиных по их велению р. п.; к сей челобитной новасилец Ивашака Баранов вместо новасильца Василья Леонтьева по его велению р. п.

ЦГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), Белгородский стол, столб. 983, лл. 2—3 об. Подлинник.

1682 г. октября 23.— Челобитная служилых людей московских чинов царям Ивану Алексеичу и Петру Алексеичу об издаши указа о сыске беглых людей и крестьян в городах Белгородской черты и запрещении воеводам записывать беглых в служилые люди по прибору.

л. 29

Царем государем и великим князем Иоанну Алексеичу, Петру Алексеичу... [т.] бьют челом холопи ваши московских чинов, стольники, стряпчия, дворяне московския и жильцы.

В прошлых, государи, розных годех и в нынешнем во 191 году в розных месяцах и числах из сел наших из деревень многие наши крестьяне от нас, холопей ваших, збежали з женами и з детьми и со всеми животы, разоря и пограбя домишки наши вконец, в ваши, великих государей, украинныя города по черте и за черту — в Шацкой, в Ламов, на Пензу, в Танбов, в Казлов, на Воронеж, в Костенской, на Урыв, в Коротояк, в Острогужской, на Усерд, в Верхососенья, на Корочю, на Обоянь, в Хотмыской, в Старой и в Новой Осколы и в ыные украинныя города. Живут в тех городех там наши многия беглыя крестьяне домами в ройтарах и в копейщиках и в детех боярских, поймав себе многия поместья, проложя себе иные имена и прозвица. И по тем украинным городам воеводы для своих корыстей тех наших крестьян беглых и людей, взяв с них, во всякие службы пишут. А из тех украинных городов беглые наши крестьяне во[ро]вские свои замыслы всякие на нас умышляют и чинят, и к нам в села наши и в деревни воровством приезжают и приходят, села и деревни жгут и разоряют и крадут, а иных крестьян наших подговаривают и сводят и наслу, приехав многолюдством, крестьян наших сводят. И от того их воровства села и деревнишки ваши многия разорились и запустили. И которые крестьянишка наши у нас, холопей ваших, остались, и те от ваших, великих государей, подотей всяких по грамотам воеводы правожом разорили и изтощены.

л. 30

А как в прошлых розных || годех по указу блаженные памети отца вашего, великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича... [т.] были посланы сыщики в города для беглых наших людей и крестьян, и беглых наших крестьян во многих городех стольник Алексей Павлов сын Еропкин сыскивал и отдавал из тех городов, наказанья чиня иные сыщики. И те наши беглые крестьяне от того наказанья не унелись, збежали от нас, холопей ваших, не по одно время — по двжды и по тржды в Танбов и в Козлов и в ыные те украинныя города. И мы, холопи ваши, проведав тех своих беглых крестьян, сами ездим и людишек посылаем, воеводам

по тем города бьем челом. И воеводы для своих корыстей с подьячими крестьян наших беглых укрывают всячески по селам и деревням и нам, холопом вашим, беглых наших крестьян || не отдают для своих корыстей.

л. 31

Милосердые государи цари и великие князи Иоан Алексеевич, Петр Алексеевич... [т.], пожалуйте нас, холопей своих, велите, государи, в те во все города послать свои великих государей грамоты к воеводам, чтобы они беглых наших людишек и крестьянишек и впредь не принимали, и в стрельцы, и в казаки, и в дети боярские и во всякие службы не писали, чтоб по тем украинным городам от тех наших беглых крестьян воровских замыслов не было и разоренья нам, холопом вашим. А для сыску беглых наших людишек и крестьянишек в те города велите, государи, послать сыщиков, и тем нашим беглым крестьяном за побех и за воровство им велите, государи, свой великих государей милостивой указ учинить, чтобы, великие государи, укажетя, чтоб нам, холопом вашим, и впредь от них разореным не быть и ваших, великих государей, служб не отбыть.

Цари государи, смилуйтеся

На обороте челобитной рукоприкладства: Волоцька Хрущев р. п.; Волоцька Карандеев р. п.; Федька Ренов р. п.; Степка Данилов р. п.; Алешка Мамаев р. п.; Васька Данилов и вместо Афонася Данилова р. п.; Филько Мардвинков и вместо Кирила Данилова по ево веленью р. п.; Ивашка Ренов вместо Ивана Фатьянова сына Хомякова по ево веленью р. п.; Гаврилко Муромцов р. п. Ивашко Кисленской р. п.; к сей челобитной Артюшка Данилов р. п.; Ивашка Ренов р. п.; || к сей челобитной Максимка Хрущов р. п.; Васька Кисленской р. п.; Левка Касаткин-Ростовской р. п.; Ивашка Муромцов р. п.; Якушка Муромцов р. п.; Молофейко Албычев р. п.; к сей челобитной Митька Ренов р. п.; к сей челобитной Мишка Ренов р. п.; к сей челобитной Куземка Хитрово р. п.; к сей челобитной Першка Жилин р. п.; Ивашко Уваров р. п.; к сей челобитной Федосейко Хвоцинской р. п.; Фомка Хрущов р. п.; к сей челобитной Федька Фомин, вместо брата своего Левонтья Фомина по ево веленью р. п.; || Васька Маслов р. п.; Федька Биркин р. п.; Тимошка Тургенев р. п.; Гришка Бабичев р. п. вместо Афонася Волкова по ево веленью] р. п.; Андрюшка Демьянов р. п.; Понкрашка Цвиленев р. п.; Ивашка Хирин р. п.; Трофим Казначеев р. п.; Ивашка Хирин вместо Ивана Давыдова сына Гагина по ево веленью р. п.; Ивашка Крюков р. п.; Исайка Якутин р. п.; Мокарка Хирин и вместо Карпа Козлова по ево веленью р. п.; Петрушка Кондауров р. п.; Мишка Шамшев р. п.; Мишка Сазонов р. п.; Мишка Трубников р. п.; Сенька Никифоров сын Коробьин р. п.; Мишка Молчанов р. п.; Аниска Трубников р. п.; || Андрюшка Киреевской р. п.; Максимка Цызырев р. п.; Васька Офросимов р. п.; Митрошка Данилов

л. 29
об.

л. 30
об.

л. 31
об.

л. 32
об.

р. п.; Самошка Рахманов р. п.; Еремка Пашков р. п.; Ивашка Гурьев и вместо Луки Гурьева по ево велению р. п.; Аврамко Нальянов р. п.; Митька Ростовцов р. п.; к сей Петрушка Плохово р. п.; Демидка Маслов р. п.; к сей челобитной Алешка Игнатьев р. п.; Якушка Подгорецкой р. п.

На л. 29 об. помета: 191 года октября в 23 день государи пожаловали, велели о том выписать и доложить себе, государем, боярину князю Ивану Борисовичу Троекурову с товарищи.

ЦГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ), Столбцы вотчинной записки, № 18911/81, лл. 29—32 об. Подлинник.

№ 8

1682 г. ноября 18.— Челобитная служилых людей московских и городовых чинов царям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу об издании указа о проведении сыска беглых людей и крестьян и отсрочке в уплате государственных налогов с оставшихся крестьян до возвращения беглых.

н. 33 Царем государем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу... [т.] бьют челом холопи ваши, стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы, и городовые дворяне, и дети боярские разных городов.

По указу брата вашего великих государей, блаженные памяти великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича... [т.] были мы, холопи ваши, на службе в Чигиринских походах и в Киеве, и с крестьянишек наших в то время иманы полтинные деньги. А крестьянишка наша, подымаючи нас, холопей ваших, на те дальние службы и плата ваши, великих государей, всякие подати, от нас, холопей ваших, многие разбежались до переписных книг и после переписных книг, видя себе великие нужи, в ваши государевы малороссийские города, и в Севск, и в Комарицкие волости, на Орел, и в Кромы, и в Рылеск, и в Сюджу, и в Белгород, и в Куреск, и в Рылеск, и на Куртояк, и в Землянеск, и в Острогояжской, и во все белегородские пригоротки по той черте и за черту, и в Полатов, и на Елец, и на Воронеж, и в Донков, и на Лебедянь, и в Ряской, и в Танбов, и в Казлов и все козловские пригоротки, и в понизовые города, в Казань и в Нижний, и в Сибирск, и в Саратов, и в Саранеск, и в Орзамаск, и на Алатырь, и на Пензу, и в Ламов, и в Керенск, и во т. 34 все || казанские пригоротки, в ваши государевы села и в деревни, и за помещиков и за вотчинников таможных украинных городов. И приходя из бегов, те наши крестьяне и люди достальных свою братью подговаривают, и домишка наши жгут и градут, и всякое разоренья чинят. А воеводы в тех украинных городех людям нашим и крестьянам беглым велят жить для

своей корысти. А мы, холопи ваши, от тех беглых крестьян многие разорились без остатку, потому что за иными за нами, холопи вашими, были малыя крестьяня — дворишков по шти и по десяти и меньши, и у многих разбежались все без остатка. А за кем, холопи вашими остались малые крестьянишка, и те стоят на правеже в ваших великих государей во всяких платежах. А в списках служивых по нашим скаскам крестьяне за нами написаны сполна, а после тех ска || зак многие из за нас разбежались. А нам, холопом вашим, за вашими п. 35
службами и за разореньем от тех беглых крестьян для проведения в дальние города ехать невмочь. А которые мы, холопи ваши, с вашими великих государей грамоты по тех беглых крестьян в украинные города к воеводам ездим, и воеводы и подьячие тех украинских городов нас, холопей ваших, волочат и убытчат и тех беглых наших крестьян укрывают для своей бездельной корысти. А беглые люди наши и крестьяня, собрався в тех украинских городех на дорогех нас, холопей ваших, грабят и людишак наших до смерти побивают, чтоб мы, холопи ваши, убоясь, и впреть за ними не ездили.

А в прошлых, государи, годех при отце вашем, блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича... [т.], || посыланы были сыщики о тех беглых наших крестьянишек во все понизовые и украинные города. И в то время те сыщики беглых наших людей и крестьян сыскивали, и отдачи чинили, и пожилые деньги правили, и наддаточные крестьяне имали на тех помещиков и вотчинников, за кем наши беглые люди и крестьяне жили. И по указу брата вашего великого государя посланы указные статьи во все города о беглых крестьянех, а про наддаточные крестьяне в том указе статья отставлена. А воеводы в городех и украинских городов помещики и вотчинники, проведав про тое статью, что наддаточных крестьян имать не велено, и тех наших беглых крестьян и людей принимают и держат за собою бесстрашно. п. 36

Милосердые государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич... || [т.], пожалуйте нас, холопей своих разореных, велите, государи, свой милостивый указ учинить и послать сыщиков во все украинные и понизовые города, и замосковные, и в малороссийские города; и за кем те наши беглые люди и крестьяне объявятся, выслать их за поруками к Москве с теми нашими беглыми людьми и крестьяны, потому что нам, холопом вашим, за своим разореньем за теми беглыми людьми и крестьяны ездить в дальние города невмочь. А в ваших, великих государей, платежах во всяких з беглых наших крестьян на остаточных наших крестьянишках править не велите, покамест те беглые наши крестьянишка сыщутца, чтоб нам, холопом вашим, вашей великих государей службы не отбыть, а крестьянишкам нашим и достальным на правеже не помереть. п. 37

Цари гсудари, смилуйтеся.

На обороте челобитной рукоприкладства.

л. 33
об.
л. 34
об.

л. 35
об.

л. 36
об.

К сей челобитной Васька Вольтинской р. п.; Якушка Шиш-
ков вместо Семена Шишкова р. п.; || Левка Касаткин-Ростов-
ской р. п.; к сей челобитной Афонька Остафьев р. п.; к сей
челобитной Алешка Игнатьев р. п.; Карпушка Сухотин р. п.;
Васька Голыгин р. п.; Сенька Стальпин р. п.; к сей челобит-
ной Микитка Булатов р. п.; к сей челобитной Гришка Спнявин
р. п.; к сей челобитной Левка Сомов р. п.; к сей челобитной
Андрюшка Сомов р. п.; к сей челобитной Лаврушка Сомов р. п.
и вместе Феодора Скуратова по ево велению р. п.; Якушка Сазо-
нов и вместо князя Луки Дулова по ево велению р. п.; к сей чело-
битной Лучка Трескин и вместе Клима Кондырева по ево ве-
ленью р. п.; Сенька Трескин р. п.; Никитка Наумов р. п.;
Якушка Муромцов р. п.; Петрушка Запольской р. п.; Якушка
Шишков р. п.; Савка Шишков р. п.; Ларька Шишков р. п.;
Ивашка Муромцов р. п.; Ивашка Талстой р. п.; Микишка
Хрущов и вместо Елизарья Архарова р. п.; Максимка Цызырев
р. п.; Васька Фролов-Багреев р. п.; Артюшка Опанин р. п.;
к сей челобитной Федюка Воронов р. п.; || к сей челобитной Иг-
нашка Кобяков вместо Федора Иевлева сына Кобякова по ево
велению р. п.; к сей челобитной Ивашка Кобяков р. п.; к сей
челобитной Волотька Вердеревской р. п.; Яков Петров-Солового
р. п.; Ивашко Трубников и вместо Ивана Беклемишева по ево
велению р. п.; Федька Спешнев р. п.; Ивашака Карнеев р. п.;
Анисимка Трубников р. п.; Ларка Перекусихин и вместо Мамо-
на Стерлегова р. п.; Бориско Карначеев и вместо Дмитрея Рах-
манинова по ево велению р. п.; к сей челобитной Мишка Совин
р. п.; Матюшка Спешнев р. п.; Якушка Щетинин р. п.; к сей
челобитной Тараска Сапкин р. п.; Тимошка Андреев и вместо
Авксентья Писарева по его челобитью р. п.; Андрюшка Мура-
тов р. п.; Ивашка Петров сын Братцов р. п.; Ивашка Левашо-
в р. п.; Стенька Свечин р. п.; Ивашка Левашов
вместо Степана Левашова, Дружины Левашова по их ве-
ленью р. п.; к сей челобитной Ефремка Ступишин р. п.; к сей
челобитной Исайка Якутин р. п.; к сей челобитной Мишка
Сазонов р. п.; Матюшка Каблуков р. п.; Ивашко Каблуков
р. п.; Ивашко Каблуков р. п.; Сенька Казимеров и вместо отца
своего Алексея Григорьевича р. п.; Гришка Бартенев р. п.;
Васька Лехчанов р. п.; Ивашка Левашов р. п.; Бориско Бар-
тев р. п.; к сей челобитной Гришка Запольской р. п.; Борис-
ко Леонов р. п.; Прошка Сазонов р. п.; || Сава Жемчужников
р. п.; Костька Каблуков р. п.; Васька Воеводин р. п.; Данилко
Губин р. п.; Ивашко Левашов вместо Праковия Иездинова да
Якова Мелюкова по их велению р. п.; Аврамка Пестов и
вместо Лаврентья Крюкова по ево велению р. п.; Аврамка
Пестов вместо Семена Степанова сына Шишкова по ево велению
р. п.; Ивашка Вольтинской вместо Степана Акжеева р. п.; Ни-

китка Юшков р. п.; Ларка Хомутов р. п.; Никитка Юшков вместо Наума Воейкова и вместо Михайла Сафонова р. п.; Митька Ростовцов р. п.; Ивашка Коновпицын р. п.; Сенька Хоненев р. п.; Никитка Хоненев р. п.; Сенька Хоненев вместо Олександра Хоненева р. п.; Петрушка Гарин р. п.; Ивашка Ошанин р. п.; Ивашка Спешнев р. п.; Ивашка Калантаев Велишевской р. п.; Гришка Владыкин р. п.; к сей челобитной Гришка Сологубов и вместо Ивана Дементьева сына Захарова по ево велению р. п.; Якушка Сазонов и вместо Михайла Левашова по ево велению р. п.; Ивашка Казначеев вместо князь Андрея княж Васильева сына Гагарина р. п.; Петушка Коробин р. п.; Панька Баклановской р. п.; Васька Леонов р. п.; Мишка Жуков и вместо Андрея Незнамова по ево велению р. п.; к сей челобитной Гришка Мячин и вместо || Андрея Петрова сына Долгово-Сабурова р. п.; к сей челобитной Левка и вместо брата свово Никиты р. п.; Якушка Дятков р. п.; Сенька Левашов р. п.; Перфилька Жилин р. п.; Гришка Максимов вместо Афонася Шехманова по ево велению р. п.; к сей челобитной Митька Казначеев р. п.; Андрюшка Трубников р. п.; Любимка Муратов р. п.; Ивашка Трубников р. п.; Афонька Глазатого р. п.; Исачко Кортавцов р. п.; к сей челобитной Афонька Запольской вместо Гаврилы Мельгунова по ево велению р. п.; Трошка Казначеев вместо Тимофея Чевкина по ево велению р. п.; к сей челобитной Андрюшка Суздольцов р. п.; к сей челобитной Петрушка Шелешпальской р. п.; к сей челобитной Потапка Лихарев р. п.; Гришка Мясоедов р. п.; к сей челобитной Ивашка Шиловской р. п.; Прошка Иевлев р. п.; к сей челобитной Васька Унковской р. п.; к сей челобитной Стенька Иванов сын Посевев р. п.; к сей челобитной Ульянко Венюков р. п.; Ивашка Ренов р. п.; к сей челобитной Ивашка Ступишин р. п.; Молофейко Албычев р. п.; к сей челобитной Алешка Чаплыгин р. п.; Ермолко Чаплыгин р. п.; к сей челобитной Мишка Иванов || и вместо брата своего Федора Иванова и р. п.; к сей челобитной Ивашка Ушаков р. п.; Панька Хотяинцов р. п.; Антошко Хотяинцов р. п.; к сей челобитной Андрюшка Шиловской и вместо отца своего Федора Ивановича р. п.; Ивашка Шиловской и вместо Пофома Волынского по ево велению р. п.; Мишка Гагин и вместо Семена Измайлова по ево велению р. п.; к сей челобитной Андрюшка Чевкин р. п.; к сей челобитной Тимошка Языков р. п.; Клишко Беклемишев и вместо Тимофея Колтовскова по ево велению р. п.; Гришко Борноволоков р. п.; Ермолко Чаплыгин вместо Макея Тверитинова р. п.; Сенька Болдырев р. п.; Федька Карцов р. п.; Костька Карцов р. п.; Якушка Филимонов р. п.; Михейка Лапатин р. п.; Лучка Дулов и вместо князь Богдана Дулова по ево велению р. п.; Васька Шипков р. п.; Федька Глебов р. п.; к сей челобитной Сенька Мокриной и вместо

л. 37
об.

л. 38
об.

Ивана Камынина р. п...*; Шелепальской и вместо брата своево князь Петра и вместо Алексея Украинцова по их велению и [вместо] себя р. п.; Андришка Сумароков р. п.; || Ивашко Сумороков р. п.; Захарко Готовцов р. п.; Данилко Алалыкин р. п.; Ивашко Сумороков р. п.; Ивашко Зыбин р. п.; к сей челобитной Ивашко Павлов р. п.; Васька Ефимьев р. п.; к сей челобитной Афонька Чебышев р. п.; к сей челобитной Ивашка Суколенов р. п.; Ивашка Скрипницын р. п.; Петрушка Полозов и вместо Павла Панова р. п.; Никитка Котянин р. п.; к сей челобитной Алешка Островской р. п.; стряпчей Федька Ближевской р. п.; Ивашка Павлов сын Кафтырев р. п.; к сей челобитной Федька Марков р. п.; Родька Протасов р. п.; к сей челобитной Сенька Жураковской р. п.; к сей челобитной Левка Бестужев и вместо князь Андрея княж Иванова сына Приимкова-Ростовского р. п.; Ивашко Киселев р. п.; к сей челобитной Глебка Полозов р. п.; к сей челобитной Данилко Марьин р. п. и вместо Михаила Щербачева по ево велению р. п.; к сей челобитной Петрушка Лутошин вместо отца своего Назарья Федоровича по ево велению р. п.; к сей челобитной Максимко Воронцов вместо отца своего Елизарья Микитича Воронцова по ево велению р. п.; || Васька Челосткин р. п.; к сей челобитной Самошка Алисов р. п.; к сей челобитной Мишка Байтереков р. п.; Разрядного приказа подьячий Мишка Ноздрачев р. п. и вместо Василья Одоевцова по ево велению р. п.; Якушка Чернышов р. п.; Васька Судимонтов р. п.; Левка Жемчужнико р. п.; Панька Жемчужников р. п.; к сей челобитной Мишка Павлов... **; Мишка Сомов р. п.; Афонька Чеботарев р. п.; к сей челобитной Алешка Казимеров р. п.; к сей челобитной Кирюшка Казимеров р. п.; Сенька Кондырев р. п.; к сей челобитной Емелька Шиловской р. п.; Афонька Тевяшов р. п.; к сей челобитной Ивашка Ланской р. п.; к сей челобитной Ивашка Ланской вместо Степана Курова по ево велению р. п.; || к сей челобитной Ивашка Хлопов р. п.; к сей челобитной Ивашка Хитрово р. п.; к сей челобитной Андришка Байдигов р. п.; к сей челобитной Петрушка Иванов сын Бунаков р. п.; к сей челобитной Стенька Олексеев р. п.; к сей челобитной Васька Матов р. п.; к сей челобитной Ивашка Колемин р. п.; к сей челобитной Тимошка Иванов сын Вельяминов р. п.; к сей челобитной Елизарка Киреев р. п.; Васька Смагин р. п.; к сей челобитной Сенька Нестеров р. п.; к сей челобитной Игнашка Нестеров р. п.; к сей челобитной Ивашка Черемносос р. п.; к сей челобитной вместо Ивана Семенова сына Кортошова Игнашка Нестеров по ево велению р. п.; к сей челобитной Тимошка Хлопов р. п.; к сей челобитной Афонька Чебышев вместо Давыда Лыкова да Ивана Камынина р. п.; к сей челобитной Стенька Ер-

* Три слова не разобраны.

** Одно слово не разобрано.

гольской р. п.; к сей челобитной Петрушка Навасильцов р. п.; к сей челобитной Лучка Ергольской р. п.; к сей челобитной Андриюшка Бурков р. п.; || к сей челобитной Микитка Лысцов р. п.; к сей челобитной Кондрашко Шепелев р. п.; к сей челобитной Афонька Ушаков р. п.; к сей челобитной Игнашка Нестеров вместо Семена Павлова сына Галофеева по ево велению р. п.; Матюшка Макшеев р. п.; к сей челобитной Федька Социн и вместо Ипатья Терехова по его велению р. п.; к сей челобитной Васька Совин р. п.; к сей челобитной Ивашка Воропаев р. п.; Гришка Кудрин р. п.; Васька Хомяков р. п.; Ивашка Молвянинов р. п.; Назарко Ростопчин р. п.; Гришка Лысцов р. п.; Стенька Вельяминов и вместо Ивана Игнатъева р. п.; к сей челобитной Стенька Вельяминов вместо Лукьяна Житова по ево велению р. п.; к сей челобитной Васька Калачев р. п.; Сенька Новокрещенов и вместо брата своего Лазаря и вместо Ивана Симопова по их велению р. п.; к сей челобитной Ермолка Чаплыгин вместо Тимофея Мельгунова по ево велению р. п.; || к сей челобитной Андриюшка Танеев р. п.; к сей челобитной Макарко Литвинов р. п.; к сей челобитной Петрушка Масалов р. п.; к сей челобитной Дениска Жуков р. п.; Мишка Мосолов р. п.; к сей челобитной Андриюшка Жуков р. п.; к сей челобитной Афонька Любавской р. п.; к сей челобитной Мишка Исупов р. п.; к сей челобитной Федька Трескин р. п.; к сей челобитной Сенька Исупов р. п.; к сей челобитной Левка Кабяков р. п.; к сей челобитной Стенька Бобрищев-Пушкин р. п.; к сей челобитной Стенька Львов р. п.; к сей челобитной Ивашко Ушаков р. п.; к сей челобитной Мишка Андреев сын Офросимов р. п.; к сей челобитной Митька Лунин р. п.; к сей челобитной Андриюшка Бурцов вместо Ивана Игнатъева сына Украинцова р. п.; к сей челобитной Панька Воейков р. п.; к сей челобитной Ивашка Воейков р. п.

На л. 33 об. пометы:

191-го году ноября в 18 день государи пожаловали, велели в тех городех беглых их холопей и крестьян сыскивать и суды с ними по крепостям давать, а с суда отдавать им по крепостям, ис которых городов без урочных лет, а из украинских городов и с черты, которые из-за них бежали после 161 году, — писцом, которые в те города посланы будут ис Помесного приказу; и указ о том учинить боярину князю Ивану Борисовичу Троекурову с товарищи.

Декабря в 1 день выписать.

1682 г. декабря 1. — Челобитная служилых людей московских и городовых чинов царям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу о том, чтобы сыск беглых людей и крестьян поручить не писцам и воеводам, а специально посланным дворянам.

4. 44 Царем государем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу... [т.] бьют челом холопи ваши, стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы, и городовые дворяне и дети боярские розных городов.

Били челом мы, холопи ваши, вам, великим государем, что людишка и крестьянишка наши розбежались из-за нас, холопей ваших, в украинные, и в понизовые, и в малороссийские города. А мы, холопи ваши, от тех беглых людей и крестьян разорились без остатка. И женишка наши и детишка волочатся меж двор, из-за многих из-за нас, холопей ваших, разбежались все без остатка. И видя мы, холопи ваши, от тех беглых людей своих и крестьян великое к себе разорение, били челом вам, великим государем, чтоб вы, великие государи, указали послать во все свое государство сыщиков. И по той нашей заручной челобитной указали вы, великие государи, тех наших беглых людей и крестьян сыскивать писцом, которые отпущены будут из Помесного приказа. И писцом, государи, такие великие дела земляные и сыскивать беглых наших людей и крестьян некоторыми делы невозможно им будет, потому что земляных дел у них будет множество. А нам, холопом вашим, будет только волокита и убытки великие. И мы, холопи ваши, и до остатка все разоримся покамест писцы поедут, а у нас, холопей ваших, и последние людишка наши и крестьянишка розбегутца.

Милосердые государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич... [т], пожалуйте нас, холопей своих, велите, государи, послать сыщиков во все свое государство мимо писцов и воевод из [от]ставных дворян или кого вы, великие государи, укажите, потому что писцом таких великих дел невозможно исполнить, чтоб нам, холопам вашим, ваших великих государей службы не отбыть, а женишкам нашим и детишкам голодною смертью не помереть, а людишкам нашим и крестьянишкам и последним не розбресса. А о надаточных крестьянах и о пожилых деньгах свой, великих государей, велите указ учинить, чтоб и впредь беглых наших и крестьян и людей примать неповадно.

Цари государи, смилуйтеся, пожалуйте.

На л. 44 об. помета: 191 года декабря в 1 день государи пожаловали, велели во все города послать для сыску тех крестьян сыщиков, а писцом того крестьянского сыску ведать

не велели. Указ о том учинить боярину князю Ивану Борисовичу Троекурову с товарищи.

ЦГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ), Столбцы вотчинной записки, № 18911/81, л. 44. Подлинник.

№ 10

1682 г. декабря 19.— Челобитная служилых людей московских и городовых чинов царям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу об увеличении наказания за прием беглых людей и крестьян, а также о приеме крестьян на работу по покормежным памятям и поручным записям от помещиков.

Царем государем и великим князем Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу... [т.] бьют челом, холопы ваши, стольники, п. 41 и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы, и всяких розных чинов помещики и вотчинники.

В прошлых, государи, годех бежали и ныне бегают из-за нас, холопей ваших, дворовые люди и крестьяне з женами и з детьми, и по вашему государскому указу за прием тех беглых людей и крестьян указано брать по четыре двора крестьянских и отдавать исцом, чье те беглые люди и крестьяне. А которые покиня жен своих и детей и холостыя дворовые люди и крестьяне, бегаючи, живут в розных городех у всяких чинов людей и в городех у подьячих, у приставов, у протопопов, и попов, и у дьяконов, и у причетников церковных, и у стрельцов, и у казаков, и ямщиков, и у посадских людей, и в ваших, великих государей, дворцовых сел, и черных волостей у крестьян, и у патриарших, и у владычных, и монастырских служек, и в вотчинах их у крестьян же и бобылей, и у помещиков, и у вотчинников, и у людей их и у крестьян, будто из найму, в работе многия годы без кормежных памятей и без порушных записей и в городех без записки. И как мы, холопы ваши, тех своих беглых людей и крестьян в бегах ловим и в приказы к приказным людям приводим, и в городех воеводы и всякие приказные люди о приеме тех наших беглых людей и крестьян холостых и которые покиня жен своих и детей бегали, нам, холопом вашим, указу никакого не чинят и в вину им, приемщиком, || того не ставят, потому что те беглые люди и п. 42 крестьяне живут у них без жен и без детей. А приемщики в роспросех сказывают, будто у них те беглецы живут из найму в работе, и тем от приему против вашего, великих государей, указу отбывают. А мы, холопы ваши, оттого разоряемся и многие вашей государевой службы отбыли и [от] такова великого разоренья великими долгами одолжали.

А в прошлом, государи, во 189-м году по указу блаженные памяти брата вашего, великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича... [т.] и по боярскому приговору о приеме беглых наших людей и крестьян указ был польгочен —

велено было указ учинить по Уложению. И слыша тот ваш государев указ, и остальные людишка и крестьянишка наши, покинув жен и детей, а и з женами и з детьми побежали и живут в бегах неопасно, надеясь на то, что отбывают от приему против вашего государева указа, пожилых денег и наддаточных крестьян и отвозных подвод те их приемщики тем сказывают, будто у них они живут из найму в работе по указу. А ваш де государской указ велено в работе держать по записям и без записей повольно. Да те ж наши, холопей ваших, беглецы, приходя из бегов воровски тихим обычаем, чинят татьбы и разбой многия, а достальных людишек и крестьянишек наших з женами и з детьми, и своих жен и детей, и холостых же ребят, подговоря, с собою вывозят. А те их приемщики в приказы || с полишным их не приводят и от того их воровства не унимают для того, чтоб они за ними жили и иных бы к ним жить приводили.

Милосердые государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич... [т.], пожалуйте нас, холопей своих, для нашего разоренья о приеме тех беглых наших людей и крестьян, которые бежали из-за нас, покиня жен своих и детей, одними головами и холостыя, и живут у каво в работе, велите, государи, о тех беглецах нам, холопом своим, свой, великих государей, милостивый указ учинить против тех, которые беглецы жили за кем з женами и з детьми во крестьянех и в деловых людех, чтоб тем приемщиком впредь было неповадно таких беглецов у себя держать и от пожилых лет и наддаточных крестьян в приеме отбывать, потому что многие они, приемщики, сказывают, что те наши беглецы живут у них будто из найму в ярыжных и стада пасут летам, а не за ними во крестьянех, и тем от приему против вашего, великих государей, указу отбывают. А мы, холопи ваши, от того и досталь разоряемся, потому что, слыша то, почали бегать, покиня жен и детей одними головами, а их принимают всяких чинов люди бестрашно. И велите, государи, всяких чинов людям принимать в роботу с кормежными нашими памятьми, проведая подлинно, или с порушными записями, и те порушные записи и кормежные памети и тех наемных работников в городех записывать в приказах, чтоб нам, холопом вашим, впредь от побегу людей и крестьян своих не разоритца и вашей государской службы не отбыть и великими долгами не одолжать.

Цари государи, смилуйтеся.

п. 41
об. На обороте челобитной рукоприкладства: Андрюшка Бахметьев р. п.; к сей челобитной Алешка Панов р. п.; к сей челобитной Тимошка Дубенской р. п.; к сей челобитной Петрушка Нечаев р. п.; бьет челом Митька Дубенской и р. п.; к сей челобитной Бориска Дубенской р. п.; Стенька Бахметьев бьет челом и р. п.; || к сей челобитной Васька Зиновьев р. п. К сей челобитной вместо князь Ивана княж Девлет Кильдеев

да князь Данила Облесимова, князь Никиты Мамлеева по их велению Казанского приказа подьячей Ивашка Матвеев р. п.; к сей челобитной Афонька Чулков р. п.; бьет челом Федька Муторин и р. п.; к сей челобитной Алешка Мальцов р. п.; к сей челобитной Фетька Онаньин р. п.; к сей челобитной Ивашка Панов р. п.; бьет челом Мишка Панов и р. п.; бьет челом Ганька Исупов и р. п.; бьет челом Левка Исупов и р. п.; Федька Пазухин р. п.; бьет челом Никитка Языков и р. п.; бьет челом Ониська Мертвого и р. п.; бьет челом Сенька Чирков и р. п.; бьет челом Якушка Варыпаев и р. п.; бьет челом Митька Чирков и р. п.; бьет челом Афонька Варыпаев и р. п.; бьет челом Мишка Дубенской и р. п.; бьет челом Якушка Левашов и р. п.; бьет челом Стенька Хоненев и р. п.; бьет челом Мишка Болховской и р. п.; бьет челом Якушка Львов и р. п.; бьет челом Митька Бахметьев и р. п.; бьет челом Матюшка Макшеев и р. п.; бьет челом Афонька Тоузаков и р. п.; || бьет челом Васька Чертков и р. п.; бьет челом Якушко Чертков и р. п.; бьет челом Левка Бутурлин [и] р. п.; к сей челобитной Богдашко Болховской р. п.; к сей челобитной Микитка Полтев р. п.; бьет челом Лучка Нечаев и вместо дяди своево Андрея Нечаева по его велению р. п.; к сей челобитной Фетька Ананьин вместо дяди своего Ивана Ананьина по его велению р. п.; к сей челобитной Сенька Пазухин р. п.; и вместо Данила Неклюдова по его велению р. п.; к сей челобитной Сенька Любятинской р. п.; к сей челобитной Бориска Свищов р. п.; к сей челобитной Митька Воронцов р. п.; к сей челобитной Ивашка Вышеславцов р. п.; к сей челобитной Артемошка Свищов р. п.; к сей челобитной Фетька Бартенев р. п.; Тимошка Языков р. п.; бьет челом Гришка Дурасов и р. п.; Афонька Бредихин бьет челом и р. п.

л. 43
об.

На л. 41 об. помета: 191 года декабря в 19 день государи пожаловали, велели выписать и доложить себе, государем, боярину князю Ивану Борисовичу Троекурову.

ЦГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ), Столбцы вотчинной записки, № 18911/81, лл. 41—43 об. Подлинник.

№ 11

1684 г. марта 19.— Челобитная дворян и детей боярских разных городов царям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу об издании указа о сыске беглых людей и крестьян и о запрещении принимать крестьян на работу без отпусковых и прохожих памяти помещиков.

Царем государем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу... [т.] бьют челом холопи ваши, всех городов дворяня и дети боярские. л. 175

В прошлых годах по указу отца вашего государева, блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича... [т.] посылаемы во все города были стольники

и дворяне московские для сыску и отдачи беглых наших людей и крестьян. И из бегов людиска наши и крестьянишка нам отдаваны и зажилены денги и наддаточныя крестьяня, за кем они в бегах жили, на тех правлены. А ныне, государи, людиска наши и крестьянишка, домишка наши разоря и животишка пограбя, бегают в ваши, великих государей, в замосковные, и в понизовые, и в украинные города и в волости, и в черные и в дворцовые слободы, и в селы, и в деревни, и за бояр, и за окольничих, и за думных людей, и всяких чинов за помещиков и за вотчинников, и на Яик, и на Хопер в городки, и в заонежские погосты, и на насады, и на ладьи, и на каюки, и на струги. И в бегах живут в ваших, великих государей, городех на посадах, и в уездах, и в волостях, и в черных, и во дворцовых и в ямских слободах, и в селех, и в деревнях в тягле, и в захребетниках, и в служилых, и на Уфе, и на Москве у всяких чинов людей в наймах, и в извозе, и на будных заводах, и на Яике, и на Хопре по городкам, и в заонежских, и в патриарших, и во властелинских, и в монастырских, и в боярских, и окольничих и думных людей, и всяких чинов в вотчинах, и в поместьях, и на насадах, и на ладьях, и на каюках, и на стругах. А ваши, великих государей, воеводи, и приказные люди, и старосты земские, и целовальники в городех и в волостях, и в черных, и в дворцовых, и в ямских слободах, и в селех, и в деревнях, и на будных заводах, и на Уфе, и на Яике, и на Хопре по городкам, и в заонежских погостех, и в патриарших, и во властелинских, и в монастырских вотчинах, и всяких чинов вотчинники и помещики, || и их прикащики, и старосты беглых наших людей и крестьян примают и животишками нашими карыстаютца. А на насады, и на ладьи, и на каюки, и на струги и на Москве торговые и всяких чинов люди в работу и в извоз наймуют и держат у себя многие годы без отпускных и без прохожих памятей. А мы, холопы ваши, от побегу людей своих и крестьян разорены вконец и ваши, великих государей, всякие подати за тех своих беглых крестьян платим сами с пуста.

н. 176

Милосердые государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич... [т.], пожалуйте нас, холопей своих, бедных и до конца разоренных, от побегу людей наших и крестьян, велите, государи, в замосковные, и в понизовые до Астарахани, и в украинные города, на Уфу, и на будные заводы, и в волости, и в черные, и в дворцовые, и в ямские слободы, и в села, и в деревни и в патриаршие, и во властелинские, и в монастырские, и бояр, и окольничих, и думных людей, и всяких чинов в поместьи и в вотчины, и на Яик, и на Хопер в городки, и в заонежские погосты послать для сыску и отдачи беглых наших людей и крестьян, кому вы, великие государи, укажете. И в городех, и в своих, великих государей, волостях, и в черных, и в дворцовых и в ямских

слободах, в селех и в деревнях, на Уфе и на будных заводах воеводам, и приказным людям, и старостам, и целовальникам, и посадским людям, и крестьяном, и вотчинником, и помещиком, и старостам, и крестьяном, которые принимают беглых наших людей и крестьян, и которые всяких чинов торговые люди на Москве наймут в работу, и в ызвоз, и на насады, и на лодьи, и на каюки и на струги без отпускных и без проходных памятей, в приеме и в зажилых деньгах свой, великих государей, милостивой указ учинить, как вам, милосердным великим государем, об нас, || бедных, бог известит, чтоб нам, холопом вашим, от побегу людей наших и крестьян, и от их разоренья, и грабленья домишков и животишков наших, и от ваших, великих государей, податей вконец не разориться и впредь вашей великих государей службы на отбыть.

Цари государи, смилуйтесь, пожалуйте.

На л. 175 об. помета: 192-го марта в 19 день государи пожаловали, велели о том выписать и доложить себе, государем, боярину князю Ивану Борисовичу Троекурову с товарищи.

ЦГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ), Столбцы вотчинной записки, № 18911/81, лл. 175—177. Подлинник.

№ 12

1691 г. марта 19.— Челобитная служилых людей московских и городовых чинов царям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу о посылке сыщиков для поимки беглых людей, крестьян и бобылей и усилении борьбы с крестьянскими побегами.

Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу... [т.] бьют челом холопи ваши, стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы, и городовые дворяне, и дети боярские, и рейтары, и копейщики, и всяких чинов служилые люди.

В прошлых, государи, годех и в нынешнем во 199-м году бежали от нас, холопей ваших, разоря домишка наши без остатку, дворовые наши людишка, не хотя они с нами вашей, великих государей, службы и всякой полковой нужды терпеть. А крестьянишка и бобылишка наши бежали от нас, холопей ваших, не хотя на нас, холопей ваших, работать и оброков наших платить. И мы, холопи ваши, били челом вам, великим государем, о том своем конечном разоренье об сыщиках по заручным своим челобитным в прошлых годех и в прошлом во 198-м году. А что, государи, нам, холопом вашим, от тех наших беглых людишак и крестьянишак и бобыляшак разоренья и где они в бегах живут, и то наше разоренье написано в заручных наших челобитных, которые по вашему, великих государей, милостивому указу подписаны и велено по тем нашим челобитным в Помесном приказе указ учинить боярину Петру Васильевичу Шереметеву. И по тем, государи, челобит-

ным и по се число нам, холопом вашим, о сыщиках вашего, великих государей, указу не учинено и сыщики не посланы. А мы, холопи ваши, за тем своим разореньем и за челобитьем живем на Москве, и многие скитаемся меж двор многое время, и в деревнишки свои, у коих есть, бресть с Москвы не смеем, бояся от тех своих беглых людишак и крестьянишак и бобылишак смертного убойства и пожегов и всякого разоренья. У многих, государи, у нас, холопей ваших, домишка и деревенишки сожгли и вконец вечно многих нас, холопей ваших, разорили без остатку. И от тех же, государи, наших беглецов нам, холопом вашим, чинится великое разоренье и всякое дурно, разбой, и татьбы, и пожеги, и кражи, и смертные убивства, и последних наших людишак и крестьянишек и бобылишек, приходя из бегов, подговаривают и выкрадывают. И собрався великим собраньем, ко многим нашей братье в дома приезжают и женишак наших, и детишак побивают до смерти, и домишка наши грабят и разоряют без остатку, и насильством своим жен своих, и детей, и братей, и племянников увозят. И поместья и вотчины наши от того их разоренья многие запустели без остатку. И в нынешних, государи, числах, как сказана нам, холопом вашим, ваша, великих государей, служба, у многих у нас, холопей ваших, людишка наши, и крестьянишка, и бобылишка, пократчи наши служивые лошади, и подъемные мерены, и деньги, и платье, и служилую рухлядь, и разоря нас, холопей ваших, до конца, побежали. А что, государи, || какова нам, холопом вашим, от тех наших беглецов всякова разоренья, и где они в бегах живут и укрываются, и хто их держит, забыв ваш, великих государей, указ, и то у нас, холопей ваших, написано во многих наших прежних заручных челобитных. Да мы ж, холопи ваши, многие с тех с пустых своих беглых крестьянских дворов платили ваши, великих государей, подати сами собою по переписным книгам сполна, стрелецкой хлеб, и ямские, и полоняничные, и рублеве, и полтинные деньги. И от того разоренья и достальныя крестьянишка и бобылишка наши бредут разно.

Милосердые великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич... [т.], пожалуйте нас, холопей своих, до конца разореных, для своего государского многолетнего здоровья и за многие службы и за кровопролитие кровей прародителей и родителей наших (которые прародители и родители наши из давных лет служили вам, великим государем, и будучи на ваших, великих государей, на многих службах, за святые божия церкви, и за ваше государское крестное целованье, и за вашу государскую богохрапимую высокодержавную честь крови свои безо всякого сомнения пролили, и множествонное число, будучи на разных боях, побиты и от ран померли, а иные от неистерпивых ран, не дожив веку своего, померли, и от таких же кровопролитых тяжелых ран и ныне многие

наполы мертвы, и многие, будучи в розных городех в осадах, ото всякие нужды и тесноты померли и побиты, а иные, будучи в розных государствах в полону, в Польше, и в Немцах, и в Крыму, ото всяких полонных нужд безвременно померли ж) велите, государи, по милосердному и праведному своему государскому рассмотрению на нас, холопей своих, призреть и послать с Москвы ис Помесного приказа и ис Казанского дворца и из иных приказов во все свои государские города, где которые города и села и волости в коих приказах судом и расправою ведомы, сыщиков за своим государским крепким указом, и тех наших беглых людишек и крестьянишек и бобылишек в побегах их своим же, великих государей, крепким указом за нами, холопи вашими, по крепостям нашим укрепить, чтоб нам, холопом вашим, впредь от них никакова разоренья не было, и никто бы ни от кого избужен и разорен напрасно не был, и никто бы насильством чужими людьми и крестьяны и бобыли не владели и за собою б их не держали. || А за побег л. 167
людишкам нашим и крестьянишкам и бобылишкам велите, государи, чинить указ, что вы, великие государи, укажете, чтоб они, людишка наши и крестьянишка и бобылишка, впредь во всех людех за то свое воровство и за побег знатны были и чтоб им впредь неповадно было так воровать, и бегать, и нас, холопей ваших, до конца разорять, и смертное убивство чинить, и достальных наших людишак и крестьянишак и бобылишак, приходя из бегов, подговаривать и увозить.

А у кого, государи, те наши беглые людишка и крестьянишка и бобылишка из бегов взяты будут и кому отданы будут по крепостям, и на тех на всяких чинов людех, и на властях, и на монастырех, и на всяких церковных причетниках, и на посадских людях, и на дворцовых крестьянех, велите, государи, им, сыщикам, править пожилые деньги безволоakitно. И на посадских же людех и на дворцовых крестьян велите, государи, положить свою государскую заповедь, какую вы, великие государи, укажете, чтобы они впредь тех наших беглых людишек и крестьянишак и бобылишак не примали и у себя б не держали. А сыщиком велите, государи, имать скаски у всяких чинов людей о беглых наших людишках и о крестьянишках и о бобылишках с великими заповедьми и с подкреплением, и те скаски привозить к Москве в те приказы, кто откуда послан будет. И по тем скаскам и по розыскам те наши беглые людишка и крестьянишка и бобылишка впредь где сысканы будут, велите, государи, им, сыщиком, по тех людех в отвозе имать поручные записи и отвозить тех наших беглых людишак и крестьянишак и бобылишак в помеся наши и вотчины на старые их жеребьи. И в отвозе у нас и у прикащиках наших имать отписи и привозить те отписи к ним, сыщиком, чтобы тот ваш, великих государей, указ всяких чинов людям был страшен и крепок и чтоб, на то смотря, никто б после того вашего, великих государей, заповедного ука-

зу тех беглых наших людишак и крестьянишак и бобылишак не примали и у себя б их не держали. И чтобы нам, холопом вашим, впредь от тех воров, от беглецов, и от такова их всякого воровства з домишками своими до конца не разоритца и ваши великих государей, службы не отбыть.

Великие государи, смилуйтесь.

Рукоприкладства:

- л. 168 Стенька Веснин р. п.; Мишка Шушерин р. п.; Тимошка Лихачев р. п.; Ивашка Ефимьев р. п.; Юшка Кишкин р. п.; Сенька Аксаков р. п.; Филька Перфильев р. п.; Алешка Золотилов р. п.; Калинка Благово р. п.; Ивашка Жихарев р. п.; Антошка Губин р. п.; Андриюшка Безобразов р. п.; Сенька Протасов р. п.; Мартын Стрекалов р. п.; Афонька Загрязской р. п. и вместе Микиты Волкова р. п. по его велепью; Савка Мэтякин р. п.; Афонька Полозов р. п.; Якушка Тимирязев р. п.; Данилко Постельников р. п.; Митька Орлов р. п.; Васька Беклемишев р. п.; Митька Беклемишев р. п.; Ивашко Суворов р. п.; Кирюшко Милюков р. п.; к сей челобитной Максимко Вотолин р. п.; Ивашка Любавской р. п.; Пронька Строков р. п.; Дмитрией Казначеев р. п.; Митька Баклановской р. п.; Никифорко Ревин р. п.; Иевко Поярков р. п.; Якушко Милюков р. п.; Васька Толстой и вместо брата своего Моисея Толстова р. п.;
- л. 169 Микитка Секиотов р. п.; Гришка Маслов р. п.; || Андриюшка Маслов р. п.; Сенька Иванов сын Толстой р. п. и вместо Ивана Костентинова сына Языкова по ево велепью Сенька Толстой р. п.; Тимошка Саксеев р. п.; Сенька Чирков р. п.; Фетька Кисловский р. п.; Афонька Малыгин р. п.; Максимко Вотолин р. п.; Алешка Бибиков р. п.; Фетька Хвоценовской р. п.; Мишка Павлов р. п.; Митька Ренов р. п.; Куземка Ренов р. п.; Якушка Муромцов р. п.; Васька Бабанин и вместо Кондратъя Хотяинцова р. п.; Микишка Путятин р. п.; Васька Хвоцинской р. п.; Ивашко Фуников р. п.; Фетька Оникеев р. п.; Офонька Оникеев р. п.; Петрушка Мостинин р. п.; Васька Панов р. п.; Фетька Юрлов р. п.; Алешка Хотяинцов р. п.; Мишка Манту-
- л. 170 ров и вместо Ивана Боробанова || по его велепью р. п.; Мартыно Рекалов р. п.; Фомка Павлов р. п.; Васька Киреев и вместо Игнатъя Киреева р. п.; Фетька Козлов р. п.; Ивашка Арцыбашев р. п.; Фетька Плохово и вместо брата своево Петра р. п.; Васька Хомяков р. п.; Васька Дубенской р. п.; Петрушка Ярышкин р. п.; вместо Андриюшки Хвоценского Петрушка Елагин р. п.; к сей челобитной Родька Болакирев и вместо Федора Бундава р. п.; к сей челобитной Тимошка Горин р. п.; Ивашка Тимирязев р. п.; Ивашка Бачманов и вместо отца своего Данила Григорьевича р. п.; || Петрушка Игнатъев р. п.; Гришка Волков р. п.; Алешка Вадбальской р. п.; Ивашка Болховской р. п.; к сей челобитной Ивашка Бестужев р. п.; к сей челобитной Игнашко Травин р. п.; || Гришка Плуталов р. п.;
- л. 165 об.
- л. 166 об.

Игнашка Свиньин р. п.; Ивашко Сахаров р. п.; Якушко Жеребцов р. п.; Сенька Вяземской р. п.; Родька Скрябин р. п.; Федька Вараксин р. п.; Сенька Кропотов р. п.; Тимошка Шилов и вместо князь Ивана Шехонского р. п.; Минька Шилов р. п.; Ларька Толбугин р. п.; Иевко Коковинской р. п.; Якушка Михнев р. п.; Сенька Барятинской р. п.; Васька Вельяминов р. п.; Алешка Кросков р. п.; Петрушка Леванцев р. п.; Ивашко Трубников вместо Гаврила Борисова сына Квашина по его велестью р. п.; Ивашка Ходырев р. п.; Матюшка Копоновицын р. п.; Петрушка Юрлов р. п.; Ивашко Цвилленев р. п.; Андриюшка Кочкарев р. п.; Ромашка Вельяминов р. п.; Петрушка Ларионов р. п.; Гришка Ларионов р. п.; Фетька Глебов р. п.; Васька Глебов р. п.; Афонька Цвилленев р. п.; Ивашко Жидовинов р. п.; Федька Вараксин р. п.; Ивашко Цвилленев вместо Павла Глебова по его велестью р. п.; к сей челобитной Ивашко Кафтырев р. п.; || Тимошка Саксеев р. п.; Петрушка Шетнев р. п.; Ивашка Леонтьев сын Кафтырев р. п.; Алешка Поливов р. п.; Кирюшка Маслов р. п.; Петрушка Митьков р. п.; Илюшка Братников р. п.; Никитка Языков р. п.; Куземка Яворов р. п.; Алешка Дубенской р. п.; Мишка Борцов р. п.; Ивашко Цвилленев вместо Григорья Малютина по его велестью р. п.; Ивашко Колычев р. п.; Андриюшко Ухтомской р. п.; Антипка Вельяшев р. п.; Ивашко Каблуков р. п.; Васька Ефимеев р. п.; Пашка Чихачев р. п.; Петрушка Арсеньев р. п.; Степка Неелов р. п.; Бориско Неелов р. п.; Сенька Бердяев р. п.; Максимка Братцев и вместо отца своего Елизарья Никитича р. п.; Оська Федчицев р. п.; Данило Пасынков и вместо отца своего Якова Федоровича р. п.; Ивашка Дернов р. п.; вместо Андрея Казимерова по его велестью Ганька Грибанов р. п.; бьет челом Ганька Исупов и р. п.; Стенька Кузьмин р. п.; Стенька Гоголдаев р. п.; || и вместо Якова Темкина по его велестью р. п.; Афонька Ахматов р. п.; Филимонко Орлов р. п.; Антонко Ратков р. п.; Васька Кишкин р. п.; Петрушка Весов р. п.; Микишка Вестов р. п.; Фетька Языков р. п.; Ивашко Архаров р. п.; Илюшка Вараксин р. п.; Фетька Костомаров р. п.; Ивашка Коломнин вместо Ивана Федорова сына Вараксина по его велестью р. п.; Петрушка Меженинов р. п.; Матюшка Чемесов р. п.; Ивашко Большой Григорьев сын Ушаков и вместо Федора Артемьева сына Спешнева по его велестью р. п.; Захарка Левшин р. п.; Евтюшка Суворов р. п.; Тимошка Суворов р. п.; Петрушка Мусин-Пушкин р. п.; Степка Неелов вместо Василья Монастырева по его велестью р. п.; Лукашка Башмаков р. п.; Вологька Межаков р. п.; Ивашко Ермаков р. п.; Гараська Баклановской р. п.; Андриюшка Баклановской р. п.; Левка Толбугин р. п.; Ивашко Скобеев р. п.; Елисейка Котов р. п.; Провька Воейков р. п.; Федька Репьев бьет челом и р. п.; Никитка Кудрявцев р. п.; Мишка Писемской бьет челом и р. п.; Алешка Чернышев и вместо брата своего Григорья р. п.; || Васька Зу-

л. 167
об.

л. 168
об.

л. 169
об.

батово р. п.; Стенька Французянинов и вместо князя Андрея Мустофина р. п.; Ганьча Француженинова р. п.; Андриюшка Наумов р. п.; Давыдка Зыбин р. п.; Мишка Чемесов р. п.; Микитка Болховской р. п.; Митька Молоствов р. п.; Ивашко Молоствов р. п.; Левка Лодыженской р. п.; Прошка Алексеев р. п.; Стенька Крюков р. п.; Оська Челюстин и вместо Афонасья Левшина по его веленью р. п.; Федька Карцов р. п.; Васька Чириков р. п.; Кирюшка Пургосов р. п.; Фетька Арсеньев р. п.; Еремка Сонин р. п.; Степан Петров сын да... * р. п.; Гурка Мяснов вместо дяди своево Семена Мяснова по ево веленью р. п.; Федулька Губин и вместо деда своего Матфея р. п.; Матюшка Дьяков р. п.; || вместо Ивана Хметевскова по ево веленью Ганька Грибанов р. п.; Мирошко Дьяков р. п.; Васька Строев р. п.; к сей челобитной Митька Зыков р. п.; бьет челом Андриюшка Нормадкой; Ивашка Лихарев р. п.; Силка Лихарев р. п.; Мишка Гурьев р. п.; Ивашка Колобов р. п.; Лаврушка Оболдуев р. п.; Гришка Шишелов р. п.; Мишка Грибанов и вместо Ивана Болотникова по ево веленью р. п.; Кирюшка Болотов р. п.; Якушка Чернышов р. п.

На л. 165 об. пометы:

199-го марта в 26 день великие государи пожаловали, велели о том указ учинить боярину Тихону Никитичу Стрешневу с товарищи.

Марта в 31 день великие государи указали послать сыщиков во все городы ис тех приказов, которые городы где ведомы; и о том Розряду послать память в Казанской приказ, в приказ Большого дворца в Новгородской приказ; а кому сыщиком быть, и к тому подать в доклад ис стольников и из дворян.

ЦГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), Белгородский стол, столб. 1368, лл. 165—170. Подлинник.

№ 13

1694 г. апреля 15.— Челобитная служилых людей московских и городовых чинов царям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу о посылке в Землянский уезд для поимки беглых людей и крестьян специального сыщика и подьячего.

Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу... [т.] бьют челом холопи ваши, стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы, и всяких чинов люди, тульские и солонские, одоевские, дедиловские и иных городов помещики и вотчинники.

В прошлом, государи, 201-м году по вашему, великих государей, указу был в Землянске сыщик стольник Иван Перфильев

* Не разобрано одно слово.

сын Арсеньев да Розрядного приказу подьячей Илья Ларионов для сыску беглых людей наших и крестьян. А мы, холопи ваши, в то время были на той вашей, великих государей, службе в Беле-городе, и были мы, холопи ваши, на той вашей, великих государей, службе многое время. А без нас, холопей ваших, для сыску и челобитья тех наших беглых людей и крестьян ехать было некому. А в Землянску, государи, и в Землянском уезде меж русских людей и черкас живут наши, холопей ваших, многие беглые люди и крестьяня, переменя имена себе. А без челобитья было от нас, холопей ваших, вам, великим государем, тех беглых людей и крестьян сыскать и отдавать было немочно. И он, Иван, из Землянска, учиня книги, приехал к Москве. || И в прошлом же, государи, 201 году июля л. 64 в 6 день по вашему, великих государей, указу и по помете на челобитной думного дьяка Перфилья Федоровича Оловенникова и по заручному челобитью розных городов помещиков велено ему, Ивану Арсеньеву, и с ним подьячим быть в Землянску попрежнему у того дела. И по тому вашему, великих государей, указу он, Иван, и подьячий для сыску беглых людей и крестьян с Москвы в Землянск и по се число не посланы, И ныне его, Ивана, на Москве нет, живет в деревне своей.

Милосердые великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич... [т.], пожалуйте нас, холопей своих, велите, государи, для сыску беглых людей наших и крестьян с Москвы послать в Землянск сыщика и подьячего по наказу мимо ево, Ивана Арсеньева, ково вы, великие государи, укажете, чтоб нам, холопом вашим, от тех беглых людей и крестьян вконец не разоритца и вашей, великих государей, службы не отбыть.

Великие государи, смилуйтесь.

На обороте челобитной рукоприкладства: К сей челобитной л. 63
Митька Хруцов р. п.; Гришка Мясоедов р. п.; Митька Писарев р. п.; Ивашко Хомяков р. п.; Лучка Карцов р. п.; Емелька Крюков р. п.; Ивашка Хруцов р. п.; Ивашка Пятово р. п.; к сей челобитной Мишка Батурин р. п.; Митька Воронов р. п.; Ивашка Титов р. п.; Васька Федоров р. п.; Андришка Мясоедов р. п.; Ивашка Коптев р. п.; Максимка Хруцов р. п.; Гаврилка Сазонов р. п.; Прошка Костамаров и вместо Дмитрея Костамарова по ево велению р. п.; Акимко Чернопяттов р. п.; Гришка Мясо- л. 64
во р. п.; Васька Киреев р. п.; к сей челобитной Самошка Чебы- об.
шев р. п.; || Андришка Карцов р. п.; к сей челобитной Ивашка Сонин р. п.; Аврамка Хрипунов р. п.; к сей челобитной Фетька Месоедов р. п.; к сей челобитной Акимка Чернопяттов вместо Орхипа Колпакова по ево велению р. п.; Лучка Созонов р. п.; Стенька Киреев р. п.; Гришка Львов р. п.; Андришка Котцов вместо Артем[ки] Жердева по ево велению р. п.; Фетька Дурной и вместо Ивана Дурново по ево велению р. п.; Ивашка Дурново р. п.; Васька Бегичев р. п.; Гришка Кобелев р. п.; Стенька

Скорнеков-Писарев р. п.; к сей челобитной Фефилка Пургосов р. п.; Устинка Пургосов р. п.

На л. 63 об. помета: 202-го апреля в 15 день. Подписать имена и выписать.

ЦГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), Приказный стол, стлб. 2550, лл. 63—64 об. Подлинник.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1676 г. позднее июня 30.— Выписка, составленная в Разрядном приказе по челобитью служилых людей московских чинов о сыске беглых людей.

л. 57 А в Разряде в указах блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича... [т.] и в боярских приговорах написано:

В 161 году марта в 5 день блаженные памяти великий государь указал и бояре приговорили: по челобитью всяких чинов служилых людей, которых крестьяня их и бобыли, бегая из-за них, поселились по черте и в украинских городех до Уложения, и тех с черты и из украинских городов не отдавать потому, чтоб черты не впустошить, а давать им за тех крестьян и бобылей деньгами— за семьяннистого человека по 20, а за одинокого по 10 рублей; а которые из-за них бежали после Уложения, и те по крепостям отдавать, а впредь не принимать. Помета о том на государеве указе думного дьяка Лариона Лопухина. ||

л. 59 Во 164 году марта в 20 день блаженные памяти великий государь указал и бояре приговорили: беглых людей и крестьян из украинских городов и с черты отдавать служилым людям, из-за кого бежали со 161 году, тем, за кем написаны в писцовых и в переписных книгах. Помета о том думного дьяка Алмаза Иванова. ||

л. 60 А в нынешнем во 184 году декабря в 23 день блаженные памяти к великому государю писал боярин и воевода князь Григорей Григорьевич Ромодановской: по государевым грамотам из Розряду помещиком и вотчинником на беглых их крестьян, которые живут Белгородского полку в городех, велено давать суды, которые объявлятца в службе и в тягле после 161 году; а во 183 году Белгородского полку в городех разбирали и в службу писали думные люди, и после из разбору многие помещики и вотчинники бьют челом на всяких людей их разбору в холопстве, и во крестьянстве и на тех людей, которые во 183 году по разбору написаны в службу, помещиком по крепостям суды давать ли, о том бы ему указ учинить || . И декабря в 29 день по указу блаженные памяти великого государя и по боярскому приговору послана его государева грамота к нему ж, боярину и воеводе: велено писать к великому государю и прислать роспись, хто имена о таких людех челобитчики, которые во 183 году по разбору написаны

в полковую и в городовую службу, и много ль их будет семей, и в которых городех, и на государеве службе в полках те люди, на которых челобитчики, ранены ль, и в полону были ль, и где кто ранен или в полону был. А без государева указа их помещиком и вотчинником в холопство и во крестьянство не отдавать, для того что те ратные люди научены копейному и рейтарскому и драгунскому и салдацкому строем и к пынешней службе и к походу надобны. Государев указ о том за пометою думного дьяка Семена Титова. ||

т. 62 И генваря в 27 день блаженные памяти к великому государю писал боярин и воевода князь Григорей Григорьевич и прислал в Розряд роспись за дьячьею приписью, хто имяны помещики о таких людех, которые во 183 году по розбору написаны в полковую и в городовую службу, челобитчики и на кого имяны.

ЦГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), Приказный стол, столб. 1021, лл. 57—62. Подлинник.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук».
- АЗР — «Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией».
- АИ — «Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией».
- АСВР и АСЭИ — «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в».
- «Временник ОИДР» — «Временник имп. Московского общества истории и древностей российских».
- ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина.
- ГИМ ОПИ — Государственный исторический музей. Отдел письменных источников.
- ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
- ДДГ — «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.». Подг. к печати Л. В. Черепнин. М.— Л., 1950.
- ИРГО — «Известия Русского Географического Общества».
- ЛЗАК — «Летопись занятий Археографической комиссии».
- ЛОИИ — Ленинградское Отделение Института истории СССР АН СССР.
- НПК — «Новгородские писцовые книги».
- ПРП — «Памятники русского права».
- П и Б — «Письма и бумаги Петра Великого».
- ПСЗ — «Полное собрание законов Российской империи».
- ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей, изданное Археографической комиссией».
- РАНИИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
- РИБ — «Русская историческая библиотека, выдаваемая Археографической комиссией».
- Сб.РИО — «Сборник Русского исторического общества».
- «Труды МГИАИ» — «Труды Московского государственного историко-архивного института».
- СГГД — «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел».
- «Чтения ОИДР — «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете».

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	1
<i>Н. И. Павленко.</i> О научном наследии А. А. Новосельского	3
<i>Академик Л. В. Черепнин.</i> Памяти А. А. Новосельского	17
<i>А. А. Зимин.</i> Служилые князья в Русском государстве конца XV — первой трети XVI в.	28
<i>Ю. Г. Алексеев, А. И. Копанев.</i> Развитие поместной системы в XVI в.	57
<i>Я. Е. Водарский.</i> Правящая группа светских феодалов в России в XVII в.	70
<i>Л. Л. Муравьева.</i> Промысловая деревня центральной России в условиях крепостничества (вторая половина XVII в.)	108
<i>Л. Г. Дубинская.</i> Поместное и вотчинное землевладение Мещерского края во второй половине XVII в.	120
<i>Ю. А. Тихонов.</i> Подмосковные имения русской аристократии во второй половине XVII — начале XVIII в.	135
<i>А. Г. Маньков.</i> Крепостное право и дворянство в проекте Уложения 1720—1725 гг.	159
<i>Е. П. Подъяпольская.</i> К вопросу о формировании дворянской интеллигенции в первой четверти XVIII в. (по записным книжкам и «мемориям» Петра I)	181
<i>И. А. Булыгин.</i> Особая категория феодально зависимых крестьян в первой половине XVIII в. (из истории секуляризации церковных владений)	190
<i>Е. И. Заозерская.</i> Помещик Жуков и его хозяйство	213
<i>С. М. Троицкий.</i> Обсуждение вопроса о крестьянской торговле в Комиссии о коммерции в середине 60-х годов XVIII в.	227
<i>М. Д. Курмачева.</i> Проблемы образования в Уложенной комиссии 1767 г.	240
<i>Н. И. Павленко.</i> О ростовщичестве дворян в XVIII в. (к постановке вопроса)	265
<i>Е. И. Индова.</i> К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период	272
Публикации	
<i>В. Н. Шумилов.</i> Дело Земского собора 1639 г.	293
<i>А. А. Новосельский.</i> Коллективные дворянские челобитные о сыске беглых крестьян и холопов во второй половине XVII в.	303
Список сокращений	344

«Дворянство и крепостной строй
России XVI—XVIII вв.».

Сборник статей

Утверждено к печати
Институтом истории СССР АН СССР

Редактор *Н. Ф. Демидова*

Редакторы издательства
Г. Д. Капустина, М. М. Медведев

Художник *Г. К. Самигулин*

Художественный редактор *В. А. Чернецов*
Технический редактор *Ф. М. Хенох*
Корректоры *М. В. Борткова, Л. И. Карасева*

Сдано в набор 13/X 1974 г.

Подписано к печати 5/III 1975 г.

Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2.

Усл. печ. л. 21,75. Уч.-изд. л. 24,7.

Тираж 3750. Т-04244. Тип. зак. 1251. Цена 1 р. 69 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Издательство «Наука»
Готовится к печати книга

Корецкий В. И.
ФОРМИРОВАНИЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА И ПЕРВАЯ
КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

20 л. 1 р. 50 к.

Монография посвящена одной из важных тем в истории России периода феодализма — формированию крепостного права. Помимо законодательных, актовых и делопроизводственных материалов для изучения впервые привлечены неизвестные летописные свидетельства. Закрепостительное законодательство анализируется в тесной связи с классовой и внутриклассовой борьбой, ведшейся между мелкими и крупными феодалами различных районов страны. В монографии выявлены колебания в закрепостительном законодательстве, показаны трудности, с которыми приходилось сталкиваться господствующему классу при проведении его в жизнь, определены особенности процесса закрепощения на юге России. Особое внимание уделено вопросу о влиянии первой крестьянской войны на ход закрепощения. Работа рассчитана на специалистов и всех интересующихся историей феодализма.

*

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

117464 МОСКВА, В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга-почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197110 ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга-почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».